

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

*В библиотеку ИИ-та археологии
Республики Казахстан от автора.
Финберг 14/ХІІ 2007*

Е.А. АРМАРЧУК

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
X-XIII ВЕКОВ

МОСКВА
2006

УДК 902/903
ББК 63.4
А83

Рецензенты:
д.и.н. С.А. Плетнева,
к.и.н. Л.М. Носкова

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Армарчук Е. А. Конское снаряжение из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. – М.: ИА РАН, 2006. – ... с.: ил.
ISBN 5-94375-048-7

В основе книги лежит систематизация и хронология металлических элементов конского снаряжения из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков – удила и стремян, ременной гарнитуры и уздечных наборов. Благодаря комплексному подходу к их изучению, она содержит данные о структуре и составе использованных металлов и сплавов, анализ технологии изготовления предметов и состояния кузнечества. Книга включает результаты исследования орнаментации и декора сбруйных украшений, многие из которых являются прекрасными образцами ювелирного дела и художественного ремесла. В ней рассмотрены вопросы об этно-культурных контактах населения Северо-Восточного Причерноморья в X–XIII веках и его интеграции в культуру народов Северного Кавказа и в евразийский степной мир. Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 5-94375-048-7

© Институт археологии РАН, 2006 г.
© Е.А. Армарчук, 2006 г.
© В.И. Завьялов, 2006 г.
© Л.В. Конькова, 2006 г.
© Г.Г. Король, 2006 г.
© О.В. Федоров, 2006 г.
© ООО «ТАУС»

ВВЕДЕНИЕ

Краткий историографический обзор

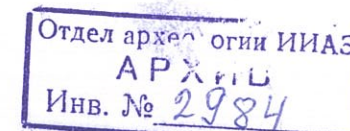
Предметы конского снаряжения являются частыми находками при раскопках разнообразных памятников (поселений, городищ, могильников) и неизбежно попадают в поле зрения археологов. В современной научной литературе термины «конское снаряжение» и «упряжь» иногда не разделяют, хотя первый термин подразумевает снаряжение верхового коня, а второй – совокупность принадлежностей для запряжки тяговых, рабочих животных [Ожегов, 1987, с. 727]. В книге пойдет речь о снаряжении верхового коня.

Иногда предметы конского снаряжения становятся целенаправленными объектами исследования, но в подавляющем большинстве рассматриваются в научных работах наряду с другими категориями вещей из культурных слоев или погребений. Приводить в качестве историографического обзора огромный перечень публикаций главным образом, второго рода не входит в мою задачу. Целесообразно коротко остановиться на тех отечественных исследованиях, которые являются своего рода вехами в истории изучения средневекового конского снаряжения.

Среди таких работ монографии единичны. Первая систематика и обобщение предметов конского снаряжения содержатся в книге Г.А. Федорова-Давыдова «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов», охватившей восточноевропейские кочевнические материалы X–XIV вв. [1966]. По сию пору подавляющее большинство исследователей при характеристике конского снаряжения не только из погребений кочевников X–XIV вв., но и с поселений восточноевропейского региона пользуется разработанной им классификацией стремян, удила, других сбруйных элементов и украшений, а также предложенными датировками их. Такая своего рода зависимость (или замкнутый круг атрибуций) мешают новым, более узким, определениям, уточнениям или исправлениям в хронологии и систематике предметов конского снаряжения, к которым привел бы анализ новых находок, накопившихся с момента появления этой книги. В итоге созданная Г.А. Федоровым-Давыдовым хронологическая классификация конской сбруи кочевников пока не получает дальнейшего развития.

Исследования С.А. Плетневой по археологии кочевников южнорусских степей IX–XIII вв. как предшествовали книге Федорова-Давыдова, так и в какой-то мере продолжили ее, но основаны на гораздо меньших, локальных массивах источников без акцента на вопросах классификации вещей, в т.ч. конского снаряжения [Плетнева, 1958; 1973]. В дальнейшем соответствующая тематика затрагивалась С.А. Плетневой в связи с изучением эпохи Хазарского каганата и его культуры – салтово-маяцкой в разных модификациях, а также могильников Саркела-Белой Вежи [Плетнева, 1967, с. 166–168; 1989, с. 81–90; 1990, с. 48–52].

Единственной фундаментальной монографией о конском снаряжении в восточноевропейском регионе в древнерусское время является труд А.Н. Кирпичникова 1973 г., позднее в сжатом виде изложенный в томе «Древняя Русь. Город, замок, село» из се-

рии «Археология СССР» [Кирпичников, 1973; Кирпичников, Медведев, 1985, с. 317–320]. Он содержит самостоятельную классификацию стремян, шпор и удила и описание декоративных оголовий, сбруйных пряжек, седел и плетей древнерусского времени, а также наблюдения над эволюцией конского убора в Древней Руси и большой библиографический аппарат. Этот труд, поданный как свод древнерусских источников, помимо них включил большой блок находок из кочевнических курганов Поросья (одновременно полнее опубликованный С.А. Плетневой), других южных районов бывшей Киевской губернии и из курганов у Саркела-Белой Вежи, – следовательно, его нельзя считать сугубо древнерусским сводом. Забегая вперед, скажу, что в первую очередь кочевнический курганный материал этого свода дал неоднократные параллели предметам конского снаряжения из Северо-Восточного Причерноморья.

Ряд последующих исследований, по большинству статей, посвящен восточноевропейским стремянам и удилам раннесредневекового времени VI–X вв. [Амброз, 1973; Айбабин, 1974; Крыганов, 1989; Ахмедов, 1995; 1996; 2002], сбруйным находкам из болгарских и древнерусских городов и могильников [Хузин, 1985; Данилов, 1991; Недошивина, 1991], с Черниговщины и территории расселения древних литовцев и пруссов [Веремейчик, 2003; Куликаускене, 1953; Antanavičius, 1976; Кулаков, 1990], а также общему вопросу – проблеме происхождения и распространения седла со стремянами в евразийском регионе [Кызласов, 1973; Вайнштейн, Крюков, 1984].

Монографическим, но тоже региональным по охвату материала изданием является барнаульский тематический сборник 1998 г. «Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье». В его статьях, основанных на средневековых коллекциях, в определенной степени продолжены и развиты классификационно-хронологические разработки А.А. Гавриловой [1965], Л.Р. Кызласова [1969], Д.Г. Савинова [1977] и И.Л. Кызласова [1983], касающиеся алтайских, енисейско-минусинских и обско-иртышских находок конского снаряжения, рассматриваемых в рамках археологических культур (чаатас, сrostкинской, аскизской) или одного памятника (Кудыргэ). «Южно-сибирскую» линию исследований дополняют добротный анализ и классификация конского снаряжения из курганов тюркоязычных кочевников IX–XI вв. северо-западных алтайских предгорий в книге В.А. Могильникова [2002].

Другое направление в исследованиях средневековой сбруи представляет собой изучение ремennых сбруйных украшений X–XII вв., бытовавших в восточноевропейской кочевнической среде и древнерусской материальной культуре. Оно осуществляется как при помощи традиционного сравнительно-типологического метода, создания классификации этих украшений и художественно-стилистического анализа [Федоров-Давыдов, 1966; Гаврилина, 1987; 1991; 1993], так и с параллельным использованием методов естественных наук для определения состава металлов и сплавов [Мурашева, 2000]. Статьи Р.С. Орлова о южнорусском и северопричерноморском центрах художественной металлообработки X–начала XII в. с привлечением сбруйных украшений также подкреплены данными спектральных анализов вещей и хотя не оперируют находками из Северо-Восточного Причерноморья, однако, дают ценный материал для сравнения разных ремесленных школ металлообработки и выявления историко-культурных контактов населения припонтийского мира [Орлов, 1983; 1984].

К настоящему времени накоплен обширный вещевой материал, в том числе предметы конского снаряжения, из средневековых археологических памятников Северо-Западного Кавказа (куда географически входит Северо-Восточное Причерноморье) и примыкающего к нему юга степной зоны. Непосредственно северокавказские находки сбруи из Центрального Предкавказья и Северной Осетии, относящиеся преимущественно к аланской культуре раннего и развитого средневековья, рассмотрены в работах В.А. Кузнецова [1961, 1962, 1963], В.Б. Ковалевской [1981], С.Н. Савенко [1983, 1986], В.Н. Каминского [1989, 1990] и Р.С. Сосранова [1986]. Исследования Н.Г. Ловпаче [1985], В.А. Тарабановым [1989; 1992], А.В. Пьянковым [1993, 2000] и Л.М. Носковой [1999] погребального инвентаря, и в том числе находок сбруи, из грунтовых могильников с кремациями VIII–X и XI–XII вв. касаются районов Центрального и Западного Закубанья, ближайшего к Черноморью. На этом фоне заметно отставание в изучении и публикации археологических комплексов средневековых кочевнических погребений XII–XIV вв. в степном Прикубанье, хотя работы Ю.Н. Зеленского и другие постепенно заполняют эту лауну [1998а; 1998б].

На средневековых материалах из Северо-Восточного Причерноморья, включающих конское снаряжение VIII–IX вв., основаны публикации В.В. Саханева о Борисовском могильнике [1914] и А.В. Дмитриева о могильнике Дюрсо [1979; 2003]. Первичная систематизация древностей XII–XIV вв. на примере Цемдолинского могильника со всадническими погребениями предложена в статье А.А. Малышева и Е.А. Армарчук [Армарчук, Малышев, 1997]. За последние тридцать с небольшим лет благодаря раскопкам могильников X–XIV вв. значительно вырос археологический «банк данных» по Северо-Восточному Причерноморью. Обзор истории археологических исследований этого региона и общая характеристика древностей раннего и развитого средневековья содержатся в недавно вышедшем томе «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья» серии «Археология» [Крым, 2003, с.186–226]. Дальнейшими актуальными задачами археологии Северо-Восточного Причерноморья периода средневековья являются создание хронологической классификации различных категорий находок и их комплексное исследование с применением не только традиционных, но и современных естественнонаучных методов, а также изучение материальной культуры этого региона и связанных с ним вопросов исторического и этнокультурного характера.

Методы исследования

Предлагаемая работа, выполненная в Институте археологии РАН в рамках научного проекта 2002–2004 гг., поддержанного грантом РФФИ № 02-06-80091, представляет собой первый шаг на этом пути. Она основана на материалах могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв., хранящихся в центральных и региональных отечественных музеях: Государственном историческом музее, Государственном музее Востока, Государственном Эрмитаже, Анапском археологическом музее-заповеднике, Новороссийском государственном историческом музее-заповеднике, Геленджикском и Туапсинском историко-краеведческих музеях. Комплексное исследование охватило основной массив предметов снаряжения всадника и верхового коня – изделия из черного и цветных металлов и сплавов, относящиеся к разным отраслям

металлургии, нередко характеризующиеся самобытным декором. Специфика объектов диктовала выбор оптимальных способов их изучения, т.е. кроме традиционного в археологии сравнительно-типологического метода использование искусствоведческого анализа и методов естественных и технических наук – археометаллографии, технико-технологического и химического анализов. Таким образом, исследование проводилось по четырем направлениям:

1 – археометаллографическое изучение железных удил и стремян с привлечением ряда находок других категорий и общая оценка продукции местного кузнечного дела (приложение 1 В.И. Завьялова);

2 – технико-технологическое исследование сбруйных изделий из цветных металлов и сплавов, анализ их состава (спектральный химический анализ выполнен А.Н. Егорьковым в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН) и уровня ювелирного ремесла (приложение 2 Л.В. Коньковой);

3 – разработка типологии орнамента и декора украшений сбруи на основе художественно-стилистического их анализа (приложение 3 Г.Г. Король);

4 – типология и хронологическая классификация металлических предметов конского снаряжения, характеристика средневекового конского убора в Северо-Восточном Причерноморье в эпоху существования всаднической дружинной культуры, выполненные автором.

Исследовательский коллектив искренне благодарит сотрудников всех названных музеев за доброжелательное внимание и большую помощь в кропотливой работе с коллекциями, а сотрудников группы средневековой археологии евразийских степей ИА РАН – за ценные советы и мнения, высказанные на предварительных докладах авторов об этапах работы. Мы выражаем признательность художникам Т.Е. Вуколовой, А.Н. Лехницкой и О.В. Федорову, без деятельного участия которых не состоялось бы иллюстративное оформление этой книги, а также В.В. Борисенко и Н.В. Борисенко за цифровую фотосъемку. Считаю своим долгом отметить, что трудоемкий вклад в сохранение и изучение редких образцов декорированных стремян из Северо-Восточного Причерноморья внесли реставраторы А.В. Григорьев и А.П. Тюпаев (ИА РАН). Отдельную благодарность мы адресуем археологам А.В. Дмитриеву, А.А. Малышеву и А.М. Новичихину, предоставившим материалы своих раскопок для изучения и опубликования, а также всем участникам этих раскопок.

ГЛАВА 1

Характеристика источников, вопросы хронологии

Источники

Предметы конского снаряжения из курганных и грунтовых могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. представлены разнообразными функциональными и декоративными изделиями: сбруйными пряжками, удилами и стремянами из железа; бляшками, решмами, уздечными застёжками, пряжками и бубенчиками из цветных металлов и сплавов; костяными цурками, привесками из раковин и редкими остатками седел.

В абсолютном большинстве они находились в погребениях верховых лошадей, сопровождавших воинские захоронения. Последние разделяются по обряду на разнообразные подкурганные и грунтовые кремации и ингумации X–XIII вв. [Армарчук, Дмитриев, 2003, с.215–222]. Преобладающая часть материала найдена в курганах XI–XIII вв. с кремационными урновыми захоронениями, которые демонстрируют курганные могильники Борисовский, Васильевка-4, на отроге г. Сапун и в поселках Цемдолина, Кабардинка и Криница (рис.1). Погребения воинов-всадников в сопровождении боевых коней, т.н. «дружинные», составляют до трети всех исследованных кремаций в районе от Анапы до Геленджика. Это свидетельствует об определенной социальной роли всаднической группировки среди местного населения, а распространение здесь кремаций в XI–XIII вв. – о заметном вкладе в формирование здешней культуры со стороны носителей этого обряда, этническую принадлежность которых пока еще трудно определить однозначно.

В кургане у пос. Васильевка стремяна с удилами лежали возле ямки с кремационным прахом без конского сопровождения, что является редким здесь вариантом погребального обряда в XI–XIII вв. В основном, сбрую не сжигали на погребальном костре вместе с остальным инвентарем, но иногда встречаются отступления от этого правила и на предметах упряжи отчетливо читаются следы воздействия огня.

Другая, намного меньшая группа сбруйных предметов относится к ингумационным воинским погребениям с конем, обнаруженным в курганах в урочище Макитра, у Раевского городища и Ногай-кале; в Сапунском могильнике и на распаханном участке Цемдолинского могильника. Правда, почти все эти курганы биритуальны и кроме ингумаций содержат кремации, так что определение принадлежности конского захоронения конкретному человеческому погребению усложняется. Нечеткая стратиграфия насыпей в большинстве таких случаев практически не позволяет проследить последовательность или относительную хронологию захоронений.

Небольшая часть материала происходит из погребений коней и переотложенных слоев распаханых биритуальных могильников Андреевская щель, Южноозеревский и Потомственный, исследованных раскопками. Возможно, погребения X–XII вв. в первых двух памятниках тоже были подкурганными, но насыпи не сохранились из-

за распахки. По этой же причине не всегда удается определить, были ли конские захоронения в этих потревоженных некрополях самостоятельными или сопровождали человеческие погребения, а также по какому обряду были совершены последние. Например, урны с прахом в первую очередь разрушаются при плантажной вспашке или грабеже, т.к. помещались всегда выше конского захоронения в насыпь, на подсыпку или древний горизонт возле ямы с конем. Независимо от принадлежности к погребениям разных типов (курганные или грунтовые, кремационные или ингумационные, кенотафы или сопровождения), находки X–XI вв. из Андреевской щели и Южной Озереевки важны тем, что в хронологических рамках работы представляют собой ранний и пока еще мало известный пласт материальной культуры региона. Наконец, некоторые вещи дали случайно разрушенные погребения или местонахождения и подъемные сборы на памятниках, в том числе на грунтовом могильнике у поселка Ленинский путь.

Исследование основано, главным образом, на материалах раскопок, когда точно известны обстоятельства, место и контекст находок. К сожалению, некоторые погребальные комплексы или их серии, хранящиеся в музеях, по техническим причинам оказались временно недоступными (из раскопок А.В. Дмитриева в Шесхарисе в 1971, 1973 гг. и в Абрау-Дюрсо и на ул. Днестровской в Новороссийске в 1978 г., из раскопок М.Л. Стрельченко в Грушовой балке в 1963 г.). Другие материалы, например, из раскопок А.П. Кононенко в 1994 г. могильника «Цемдолина, 8-ая щель», относящегося к VIII–IX (X?) вв., ждут обстоятельного опубликования автором раскопок. В старых коллекциях раскопок конца XIX в. В.И. Сизова и Н.И. Веселовского в Северо-Восточном Причерноморье сохранились вещи, но не всегда восстанавливаются сами комплексы. В этих случаях мы пользовались информацией из публикаций и научных отчетов об этих раскопках.

Необходимо учитывать, что статистические показатели, приведенные в данной работе, не являются исчерпывающими, так как, во-первых, при работе в музеях отдельные случайные комплексы или разрозненные предметы могли ускользнуть из нашего поля зрения. Во-вторых, исследованный массив является своего рода выборкой, если помнить о неполной раскопанности всех названных выше памятников. Несмотря на это, приведенная в работе статистика в определенной мере отражает реальное распределение типов вещей и выявляет их количественную иерархию, особенно по отношению к материалам XI–XIII вв. Ниже дается краткая характеристика памятников, из которых происходят предметы конского снаряжения.

Могильники

Андреевская щель: средневековый биритуальный могильник в полукилометре к востоку от с. Су-Псех в одноименном урочище Анапского р-на. Исследовался А.М. Новичихиным в 1987–88 и 1991–92 гг. разведками и небольшим раскопками. Единичные предметы VIII–IX вв. из пашни, материал из шести вскрытых погребений (4-х ингумационных и 2-х кремационных) и переотложенные находки X–XII вв. относятся к грунтовому могильнику, а распаханные насыпи и поздние вещи из пашни – к курганной группе XIII–XIV вв. [Новичихин, 1993; 1998]. Сбруйные предметы найде-

ны в кремационном погребении в сопровождении коня) и в слое распахки. Материал частично опубликован [Крым, 2003, с. 215–216; Армарчук, Новичихин, 2004].

В урочище Макитра: средневековый обширный биритуальный курганный могильник в одноименном урочище к югу от Анапы. На участке, прилегающем к дороге на Варваровку, Н.И. Веселовский в 1894 г. раскопал шесть курганов [ОАК, 1896 г., с. 12–13, 82–85]. В курганах № 2, 4 и 5 было обнаружено три конских погребения со сбруей, сопровождавших воинские ингумационные погребения в плитняковых могилах. Материал не опубликован. В 1895 г. им же вскрыто пять курганов на этом некрополе, из которых № 2 и 5 содержали останки лошадей, сопровождавших ингумационные погребения [ОАК, 1897 г., с. 27, 135–137].

У Раевского городища: средневековый биритуальный курганный могильник из семи насыпей к западу от названного городища в Новороссийском р-не. В 1985 г. А.В. Дмитриев раскопал один курган с шестью погребениями, из которых № 2 (ингумационное в деревянном гробу) сопровождалось конским захоронением с уздечкой и стремянами [Дмитриев, 1985а, с. 56–61]. Материал не опубликован.

У Ногай-кале: средневековый курганный могильник из шести насыпей на берегу р. Маскаги к западу от указанной крепости, отождествляемой ныне с Раевским городищем. В 1886 г. В.И. Сизов раскопал три кургана, в одном из которых (№ 2) два погребения в деревянных колодах сопровождалось конскими захоронениями [Сизов, 1889, с. 98–100, 149]. Материал частично опубликован.

Возможно, оба последних могильника являются одним памятником. Приступая к раскопкам, А.В. Дмитриев отметил перерывность курганов, испорченных, как он полагал, военными окопами. Это могли быть следы раскопок В.И. Сизова.

У поселка Ленинский путь: раннесредневековый кремационный грунтовый могильник в 1 км к юго-востоку от поселка Ленинский путь в Новороссийском р-не. По последним данным, относится к двум периодам – второй половине V–VII в. и второй половине VIII–IX в. Как памятник хазарского времени включен А.И. Саловым в археологическую карту Анапского р-на [Салов, 1979, с. 100]. В 1987 г. обследован А.В. Дмитриевым, который обнаружил в километре к северо-востоку от этого же поселка другой могильник – курганную группу предположительно XIII–XIV вв. [Дмитриев, 1987, с. 19–20]. Не раскапывался; активно грабится. Материалы подъемных сборов разных лет, в т.ч. предметы снаряжения коня, хранятся в Анапском археологическом, Краснодарском историко-археологическом и Новороссийском историческом музеях-заповедниках. Вещи из краснодарской коллекции частично опубликованы [Пьянков, 2001; Крым, 2003, табл. 73].

Южноозереевский: многослойный некрополь на бывшем винограднике у северо-восточной окраины поселка Южная Озереевка в Новороссийском р-не. Могильник относится к трем периодам. Первый представлен погребениями I в. до н.э. – IV в. н.э., раскопанными А.В. Шишловым в 1995 г.; второй – подъемными находками из разрушенных кремаций середины VIII – середины IX в. в слое пахоты, собранными тогда же и в 1999 г. [Шишлов, 1996, с. 102, 118; Дмитриев, 1999а]. Третий период представлен находками X–XII вв. из пахотного слоя и исследованных урновых кремаций и трех конских погребений, раскопки А.В. Дмитриева 1999 г. [Дмитриев, 1999а].

Средневековые материалы включают сбруйные предметы. Ранние материалы частично опубликованы [Крым, 2003, табл.72].

Васильевка-4: средневековый курганный могильник из четырех маленьких групп на южном отроге Жень-горы к северо-востоку от села Васильевка. Группа № 4 из трех насыпей с кремационными погребениями раскопана А.В. Дмитриевым в 1999 г. В кургане № 1 находились стремяна и удила без сопровождающего кремацию конского погребения [Дмитриев, 1999б]. Материалы не опубликованы.

Цемдолинский, распаханый участок: могильник находится на западной окраине поселка Цемдолина к северу от Новороссийска и ранее являлся обширным курганным некрополем. Рекогносцировочно исследовался Н.А. Онайко и А.В. Дмитриевым в 1960-х и 1970-х гг., в 1995 г. раскапывался под руководством А.А. Малышева. Содержит погребения скифского и средневекового времени XII–XIV вв. Из 43-х биритуальных средневековых погребений 12 содержали предметы сбруи. В эту группу входят 4 ингумационных и 4 кремационных погребения с конем и 4 конских погребения, которые вряд ли были самостоятельны и, скорее всего, сопровождали воинские погребения, не сохранившиеся из-за распахки. Материал частично опубликован [Армарчук, Малышев, 1997].

Цемдолинский, курганы: 14 насыпей представляли собой уцелевшую в лесополосе часть того же средневекового могильника, которая примыкала к исследованному участку на пашне. Раскопаны в 1998 г. под руководством А.В. Дмитриева [Дмитриев, 1998]. Шесть курганов содержали конские погребения с инвентарем, сопровождавшие урновые кремации. Материал частично опубликован [Крым, 2003, табл.98–102].

Сапунский: средневековый биритуальный курганный могильник к западу от Новороссийска на отроге г. Сапун. Насчитывает более 350 насыпей. В 1985–86 гг. раскапывался А.В. Дмитриевым, вскрывшим 25 курганов [Дмитриев, 1985б; 1986]. Предметы конского снаряжения обнаружены в девяти курганах с конскими захоронениями, которые в двух курганах (№ 14 и 25) сопровождали ингумации, а в остальных семи – кремации. Часть материала опубликована [Крым, 2003, табл. 98–102; Армарчук и др., 2004].

Чайка: средневековый курганный могильник на территории базы отдыха «Чайка» в с. Криница Геленджикского р-на. В 1996 г. А.В. Дмитриев раскопал семь курганов. В двух находились погребения снаряженных коней, сопровождающих кремации [Дмитриев, 1997]. Материал не опубликован.

Потомственный: средневековый биритуальный могильник на пахотных землях бывшего совхозного отделения «Потомственный» у с. Пшада южнее Геленджика. Курганные насыпи распаханы. В 1987 г. исследован М.Г. Минеевым и А.Б. Григорьевым. Выявлено 10 погребений – 1 ингумационное, 9 кремационных. Четыре из них содержали предметы конского снаряжения, в одном кремационном (погр. № 8) сохранилось захоронение коня. Материал не опубликован.

Борисовский: обширный многослойный средневековый могильник на территории санатория «Голубая бухта» на берегу одноименной бухты к северу от Геленджика. В 1911–13 гг. раскапывался В.В. Саханевым [ОАК за 1912 г.; ОАК за 1913–1915 годы]. Представлен четырьмя хронологическими горизонтами: грунтовыми ингумациями и кремациями VI–VII вв., кремациями VIII–IX вв., биритуальными курганами

XII–XIV вв. и курганами с ингумациями второй половины XIV – начала XV в. Сбруйные предметы находились в кремациях середины VIII – середины IX в. (в данную работу не включены) и в кургане № 2 при коне, сопровождавшем кремацию XII–XIII вв. Материалы публиковались [Саханев, 1914; Крым, 2003, с.194–198, табл.73, 78; Армарчук, 2004].

Кабардинка: средневековый биритуальный курганный могильник (более 200 насыпей) на территории санатория «Жемчужина моря» в пос. Кабардинка к югу от Новороссийска. В 1990 г. под руководством Л.М. Носковой раскопан 51 курган, один из которых (№ 2) содержал погребение снаряженного коня, сопровождающее урновую кремацию [Носкова, 1991; 1992]. Материал не опубликован, за исключением общего описания.

Местонахождения и случайные находки

Архип-Осиповка: два комплекса предметов упряжи найдены в двух погребениях, разрушенных при строительстве санатория в названном поселке. Третья случайная находка удила происходит из разрушенного погребения на территории поселка без указанного точного адреса. Возможно, все эти вещи относятся к одному могильнику и именно они упомянуты Д.Е. Щегловым при описании урновых погребений с конями в заметке о раскопках Геленджикского краеведческого музея в 1955–56 гг. [Археологические работы, 1957, с.282]. Материал не опубликован.

Пляхо: случайные находки, в т.ч. XII–XIII вв., обнаружены в 1999 г. в ауле Пляхо Туапсинского р-на при строительстве домов на месте бывшего фундучного сада. Материал не опубликован.

Геленджик: комплекс из пары стремян и удила найден в разрушенном погребении по ул. Некрасова, д. 3в, обнаруженном при строительстве. Материал не опубликован.

Дивноморское: случайная находка 1964 г. одного стремени в Фальшивом Геленджике (Дивноморское). Не опубликована.

Грекомайский: комплекс оружия со сбруей, случайно найденный в 2003 г. в разрытой яме в окрестностях станицы Натухаевской у бывшего хутора Грекомайский, к северу от Новороссийска. Некоторые вещи с красной окалиной от пребывания в огне. Материал не опубликован.

Вопросы хронологии

Ограничивающие данную тему рамки X–XIII вв. выбраны не случайно. На начало этого периода приходятся заметные события в истории восточноевропейского региона, повлекшие за собой всесторонние изменения. Это гибель одних государств и возникновение или рост других, формирование дружинной культуры раннефеодальных государственных объединений, волнообразные миграции с востока тюркоязычных кочевнических группировок, образование новой системы торговых путей с крупными речными артериями и развитие ремесел, монотеистические тенденции в области религиозных верований и сдвиги в мировоззренческих представлениях. Все это в

определенной мере отразилось на материальной культуре, которая в разных областях региона имела свою окраску.

Яркие слагаемые археологической культуры Северо-Восточного Причерноморья этого периода оставлены носителями кремационного погребального обряда. Именно их курганы дают основную массу находок XII–XIII вв. – предметы вооружения и снаряжения коня и всадника, бытовые вещи, украшения, посуду. До сих пор остается неясным, когда в здешние места проник курганный погребальный обряд. А.В. Дмитриев склонен относить его появление к первой половине XIII в. в результате этнических передвижек из-за вторжения монголов. Работа с материалом из курганов привела, во-первых, к его датировке более широким промежутком, то есть XII–XIV вв. Во-вторых, к дифференцированному подходу к кремациям и ингумациям, которые, постепенно видоизменяясь, сосуществовали лишь до определенного момента, – кремационный погребальный обряд примерно в середине – второй половине XIII в. уступил место ингумационному [Армарчук, Малышев, 1997, с.109; Армарчук, Дмитриев, 2003, с.216–224].

В целом, подкурганные кремационные погребения рядом признаков связаны с грунтовыми кремационными погребениями VIII–IX вв., но обе группы разделяет период X–XI вв., на который пришлось упомянутые перемены. Он археологически известен нам гораздо хуже, начиная с малого числа открытых памятников этого периода в Северо-Восточном Причерноморье и кончая отсутствием хронологической классификации здешних вещей поздней стадии хазарской эпохи и второй половины X–XI в. В основном, «промежуточные» материалы X–XI вв. дали могильники Андреевская щель и Южноозереевский (например, рис.47: 8–13). Они отчасти заполнили этот разрыв и потому включены в исследование, которое первоначально ограничивалось рамками XII–XIII вв.

Материальная культура Северо-Восточного Причерноморья имеет много параллелей с домонгольской культурой Западного Закубанья, известной, в частности, благодаря раскопкам биритуальных и кремационных могильников XI–XII вв. – Циплиевского-1, Черноклен, Абинского-4, Ленинахабльского и других. Этот факт (наряду с аналогиями из прочих регионов) позволил датировать причерноморские подкурганные кремации в основном XII – началом XIII в. К сожалению, из-за отсутствия подробных публикаций, дающих представление о вещах, мы не привлекли материалы раскопок 1941 г. Убинского могильника и раскопок 1970-х гг. поздней группы погребений конца X – начала XIII в. Казазово-1, а также средневековых курганов в горных долинах Западного Кавказа, исследование которых началось в последнее время, хотя все они, несомненно, входят в единый культурно-хронологический круг памятников X–XIII вв. Северо-Западного Кавказа [Стрельченко, 1960; Тарабанов, 1983; Дружинина и др., 2004; 2005].

Возможно, обилие конских погребений в курганах Северо-Восточного Причерноморья и малое их количество в Закубанье показывает разную хронологическую позицию могильников обеих областей, то есть чуть более раннюю в Закубанье. Об этом свидетельствуют и небольшие различия в вещах. В свою очередь, названным закубанским могильникам несколько предшествуют могильники Колосовка-1 и Кужорский X–XI вв. в Адыгее. Такой представляется относительная хронология всех этих

памятников; абсолютная хронология, несомненно, будет уточняться по мере исследования их материалов. Многие закубанские и причерноморские могильники компактны во времени, судя по единству погребального обряда и однородности инвентаря внутри них, но ограничить их датировку более узкими рамками пока не удастся. Трудно по вещам отделить XII век от XIII-го, и на эту проблему исследователи уже обращали внимание, например, относительно поволжского региона [Архипов, 1986, с. 65].

Необходимо обратить внимание еще на один аспект, который играет важную роль в датировании предметов и, особенно, украшений конской сбруи из причерноморских могильников X–XIII вв. Многие из них имеют прямые аналогии в материалах из катакомб и погребений коней Змейского могильника в Северной Осетии. Несмотря на стремительный рост этих материалов с момента возобновления раскопок могильника в 1981 г., после почти 30-летнего перерыва, они практически не публикуются и доступны только для ознакомления по полевым отчетам. К сожалению, пока остается неразработанной как типология материалов, так и относительная и абсолютная хронология погребальных комплексов Змейского могильника, который по-прежнему широко датируется X–XII вв. Наиболее узкая дата, первая половина – середина XII в., была предложена В.А. Кузнецовым только для катакомбы № 14 [Кузнецов, 1962, с. 36]. По его наблюдениям, основная масса раскопанных в 1957–1958 гг. катакомб (до № 55 включительно) укладывается в рамки XI–XII вв. и лишь отдельные комплексы (без уточнения, какие именно) могут относиться к началу XIII в. В качестве доводов такой датировки он использовал следующие наблюдения: отсутствие в погребениях серебряных монет, ввоз которых в Восточную Европу прекратился в начале XI в., и исчезновение бронзовых перстней и браслетов, ранее бывших массовыми в аланских погребениях [Кузнецов, 1959, с. 109; 1962, с. 26–27]. Эти доводы принял С.Н. Савенко, определяя возраст богатых катакомб № 1, 8 и 41 могильника Кольцо-Гора, родственных по инвентарю змейским катакомбам № 3, 14 и 15. Он сужает его до (второй половины) конца XI – первой половины XII в. В качестве дополнительных обоснований С.Н. Савенко выдвигает отсутствие связи этих комплексов, во-первых, с катакомбами первой половины XI в. – верхнего горизонта могильника Мартан-Чу, а, во-вторых, с поздним слоем городского могильника Саркела-Белой Вежи, относящимся к тому же времени [Савенко, 1986, с. 79–80]. Таким образом, при датировке причерноморского материала в определенной мере «реперными» можно признавать упомянутые выше три змейские и три кольцогорские катакомбы.

ГЛАВА 2

Изделия из черного металла

В данную группу изделий входят стремена, удила и сбруйные пряжки из железа. К ней органически примыкают такие категории изделий, как седла и застежки, сделанные из других материалов, поэтому мы включили их в данную главу.

Стремена

Классификация стремян строится на выделении, в первую очередь, *отделов* по способу оформления верха стремени с отверстием для ремня путлища. В этом она повторяет систематизацию кочевнических стремян Г.А. Федорова-Давыдова, но расходится с ней в дальнейшем. В нашей классификации насчитывается четыре отдела: **I** – с петлей, отделенной шейкой от корпуса стремени, **II** – с петлей, образованной перехватом дужки вверху, **III** – с петлей без шейки, образованной прямоугольным выступом дужки над отверстием, **IV** – без петли, с щелевидным отверстием, пробитым в верху дужки. В рамках первого отдела, исходя из имеющихся вариантов, вводится также деление на подотделы по виду петли: **A** – с пластинчатой и **B** – с рамчатой петлей.

Внутри всех отделов стремяна делятся на *типы* по морфологическим признакам, т.е. контуру дужки, подножки и петли, когда она есть (обозначаются арабскими цифрами), и на *подтипы* в зависимости от сечения дужки (обозначаются прописными буквами). Название типу дается исходя из общего контура изделия. Здесь я следую за А.Н. Кирпичниковым, считая удобным использовать помимо буквенно-цифровых обозначений типа его словесное название. В случаях морфологического совпадения полагаю целесообразным употреблять названия типов, которые ввел А.Н. Кирпичников при систематизации древнерусских стремян, поскольку эти термины распространены в литературе; в тексте они приводятся в кавычках. Его систематизация создана без использования иерархичной структуры признаков и построена на описательном перечислении типов, в отличие от классификаций Г.А. Федорова-Давыдова и предлагаемой ниже.

Относительно новой и детально разработанной является типология стремян сродкинской культуры VII-XII вв. региона Верхнего Приобья, созданная С.В. Неверовым [Неверов, 1998]. В ней использованы восемь разнородных признаков стремян, которые служат восьмью уровнями классификации. С формальной стороны, эта классификация исчерпывающая и оптимальная, так как учитывает все морфологические и другие типобразующие признаки и позволяет включать в нее любые новые находки. С другой стороны, при таком детальном описании или «расчленении» предмета на составные уходят его целостность и общий облик, необходимые для восприятия предмета читателем. В сущности, в предлагаемой ниже классификации и характеристике причерноморских стремян отражены те же признаки, кроме формы продольного сече-

ния подножки, но в качестве типобразующих выступают основные четыре, перечисленные вначале.

Исследованные стремена (112 экз.) представлены 44 парами и 24 одинарными находками, изготовленными из железа. Парные комплекты происходят из 39 погребений и 5 местонахождений, а одинарные стремена – из 10 погребений и 14 местонахождений.

Отдел I – с петлей, отделенной шейкой от корпуса стремени.

Подотдел A – с пластинчатой петлей.

Тип 1 – удлинено-арочные стремена с общим контуром в виде высокой узкой арки. Имеют вытянутую петлю для путлища, раскованную в прямоугольную пластину, которая отделена от дужки широкой шейкой-перехватом (3 экз., № 15–17 каталога, рис.2: 3–5). Подножка прямая или слегка вогнутая, узкая и прямоугольная в плане, под прямым углом поднимается к дужке. Она снабжена снаружи тремя четко выраженными продольными ребрами жесткости, – центральным и двумя боковыми. Нередко на подножке имеются круглые и треугольные просечные отверстия. Дужки 4-гранные, ромбические или квадратные в сечении. Характерной чертой этих стремян является параллельность дужек до самой подножки. Как правило, это большие массивные стремена, хотя наблюдается разброс в размерах при неизменной конструкции и небольшие отклонения от стандартной формы, что хорошо демонстрирует один из трех привлеченных образцов (рис.2: 3). Все они являются случайными находками с территории могильника у поселка Ленинский путь. В средневековых курганах Северо-Восточного Причерноморья такие стремена отсутствуют, но они характерны для здешних грунтовых кремаций VIII–IX вв. [Крым, 2003, табл.73–9, 10; 91–1, 7]. Аналогии в изобилии представлены в синхронных памятниках салтово-маяцкой культуры и ее круга, раннеболгарских волжских могильниках VIII – первой половины IX в., могильниках Южного Приуралья, северокавказских аланских катакомбах и закубанских кремациях и ингумациях хазарской эпохи [Степи Евразии, 1981, рис.36–17, 52–32, 55–68, 62–128, 139]. В нашу классификацию включены с целью показать начальный этап в развитии местных стремян данного отдела.

Тип 2 – стремена аналогичного аточного контура с менее массивной петлей скругленной формы (2 экз.). Один экземпляр происходит из слоя распахки могильника в Южной Озереевке и представлен типологически определимыми фрагментами (№ 26, рис.2: 2), другой – случайная находка из окрестностей хутора Грекомаиский (№ 104, рис.2: 1). Это стремяе орнаментировано гравировкой и просечкой и заслуживает особого внимания. Оно имеет прямую узкую подножку, овальный абрис дужки вверху и пластинчатую петлю для путлища, отделенную от дужки шейкой-перехватом (рис.3). Дужка и широкая шейка петли 4-гранные, ромбические в сечении, с четко выраженными ребрами. Сама петля овальной формы, линзовидная в сечении. Ее лицевая плоскость под отверстием для путлища и по бокам от него украшена гравировкой с растительным сюжетом. Рисунок вписан в треугольное пространство, образованное отверстием и ребрами шейки и повернутое вершиной вниз. Изображение состоит из трех бутонов-цветков, вырастающих из одной точки, что можно

воспринимать как *три побега одного корня* (рис.4: 1). Центром композиции является *полураскрытый бутон без стебля с тремя остроконечными лепестками*. Боковые лепестки удлинённые и раскинутые, их нижний абрис совмещён с ребрами шейки. Середина цветка выделена двумя дугами с радиальной штриховкой между ними и так же показано основание всей композиции. Боковые побеги, по одному справа и слева, как бы вырастают над крайними лепестками главного цветка и охватывают его с двух сторон. Их поднимающиеся вверх стебли завершаются *бутонами-трилистниками* иного вида: средний лепесток остроконечный, а боковые округлые, сидящие на стебле ниже среднего. Основание цветка аналогично показано параллельными дугами со штриховкой.

Декор подножки основан на другом принципе – ритмичном повторе разных элементов и украшает саму ее плоскость и грани внешнего края. Подножка ажурная, прямоугольная в плане, под прямым углом поднимающаяся к дужке и в месте соединения с ней имеющая треугольную форму. Высота подножки составляет 3,5 см. Она сохранилась на половину своей ширины, так как один ее край отломан. Каркас подножки был образован тремя продольными тяжами или ребрами жесткости, центральным и двумя по краям. Между ними изначально располагалось десять одинаковых фигур *3-лепестковых цветочных пальметт*, обращенных головками наружу, в противоположные стороны, а стеблями крепящихся к центральному ребру (рис.4: 2). Шесть фигур были даны в целом виде и дополнены гравировкой: две плавные линии подчеркивают нижний горизонтальный абрис боковых округлых лепестков, а основание цветка в месте соединения этих линий выделено двумя дугами с радиальной штриховкой между ними. Четыре крайние фигуры у торцов сделаны в виде полупальметт, так как сливаются со сплошным массивом подножки в местах ее изгибов. Гравировка украшает также крайнее уцелевшее ребро подножки: косая штриховка покрывает его снизу, а цепочка *S-видных завитков* тянется по лицевой грани (рис.4: 2, 3). Вероятно, гравировка была и на других ребрах, – тогда декор подножки имел бы завершённый вид. К сожалению, центральное ребро попорчено коррозией.

Вся гравировка на стремени выполнена одинарными линиями уверенной рукой, а фигурный узор на подножке сделан в технике просечки. Сравнение с торевишкой и металлопластикой VIII–X вв. Юго-Восточной Европы и других областей показывает, что перед нами изображения бутонов и цветов лотоса [Маршак, 1971; Фонакова, 1986; Макарова, Плетнева, 2002]. Иконографические параллели, которым посвящена отдельная статья, позволяют включить грекомайскую находку в круг изделий своеобразного «салтовского» стиля (металлических предметов поясной гарнитуры, конской сбруи и торевишки салтово-маяцкой культуры лесостепного варианта) и датировать IX – началом X в. [Армарчук, 2005]. По мнению исследователей, трехчастная композиция лотовидных элементов венчает эволюцию салтовского растительного орнамента и несет ту же идею прорастания цветка из семени, что и первичный мотив роста из «плода»-бутона лотоса. В дальнейшем в изобразительном мире других культур эта идея воплощается в древо или трилистник-крин [Макарова, Плетнева, 2002, с.112].

К ярким и показательным изделиям «с лотосами» из Предкавказья и Причерноморья относятся начельники парадных конских уборов из Балты, погребения № 25 Молдавановского могильника и погребения № 28 верхнего горизонта могильника

Дюрсо; ременная гарнитура и элементы парадного оружия из захоронений того же горизонта Дюрсо; зеркала с территории Таманского п-ова [Уварова, 1900. Табл. LXVI-9; Тарабанов, 1992. Рис. II-7; Дмитриев, 2003. Табл. 88-45, 61, 83, 90-45, 91-26, 27; Крым, 2003. Табл. 64-1, 69-1]. Вероятно, плотный бутон лотоса символизируют и крупные листовидные сбруйные бляхи с заостренным мысиком, которые сопровождают названные начельники (и другие, отображающие уже раскрытый его цветок) в «аланском» конском уборе VIII–IX вв.

На Северном Кавказе стремени такого типа происходят из разрушенных позднеаланских катакомб Рим-горы X–XII вв., кремационного погребения 133 рубежа IX–X вв. Псекупского-1 могильника в Закубанье и сборов в устье Псекупса там же [Рунич, 1970, рис.7-27; Ловпаче, 1983, табл. XXVIII-4; Носкова, 2002, рис. 4-3]. В Подонье и лесостепном ареале салтово-маяцкой культуры их дают оба слоя Саркела конца IX–XI в., комплекс VIII в. у с. Тополи на Харьковщине, Правобережное Цимлянское городище, катакомбы 45 и 135 Дмитриевского могильника и другие памятники [Сорокин, 1959, рис. 34-1, с. 191–192; Кухаренко, 1951, рис. 32-3; Ляпушкин, 1958, рис. 15; Плетнева, 1989, рис.44]. С.А. Плетнева выделила такие образцы в третью разновидность II отдела стремян этой культуры и датировала концом VIII – началом X века [Плетнева, 1967, с. 167, рис. 46-8].

Г.А. Федоров-Давыдов отнес стремени, подобные первому и второму типам, к типу Б-II, приведя им аналогии VIII–XI вв. с широкой территории вплоть до Сибири [Федоров-Давыдов, 1966, с. 14, рис.1]. Южноуральские курганы с такими стремениами Н.А. Мажитов датирует рубежом X–XI вв. и даже XII веком, что, возможно, ошибочно [Мажитов, 1977, т. I-357, с. 34–35; 1981, рис. 74-2, с. 157–158].

В классификации А.Н. Кирпичникова идентичные стремени выделены в «арочные» VI типа, по его наблюдениям, преобладавшие в VII–IX вв. на широкой евразийской территории и к XI в. вышедшие из употребления [Кирпичников, 1973, с.49]. Появление подобных стремян с пластинчатой петлей («выделеннопластинчатых», по С.В. Неверову) в южносибирском регионе относят к IV–V вв., а максимальное распространение в разных вариациях – к VI–X вв. Однако, например, в Верхнем Приобье этого времени нет прямых соответствий «арочным» стремениам с пластинчатой петлей, ибо тамошние экземпляры отличаются от восточноевропейских овальной подножкой, иным ее сечением и другими деталями [Неверов, 1998, с. 147, рис. 7-2, 8-2].

Замечу, что уже в X в. бытование «арочных» стремян в Восточной Европе резко сокращается: их почти нет в печеного-огузских погребениях на территории Юго-Восточной Европы, в древнекиевских материалах и русских дружинных погребениях X – начала XI в. – Эти памятники, в основном, представлены стремениами других типов, а в домонгольском Биляре «арочные» стремени совсем единичны [Гарустович, Иванов, 2001, с. 83–84, рис. 18; Хузин, 1985, табл. LXVII-2].

По-видимому, бытование типа IA-1 в причерноморском регионе следует ограничить VIII–IX вв., а типа IA-2 – концом IX – X в., учитывая приведенные аналогии и хронологические наблюдения.

Тип 3 – грушевидные стремени с небольшой петлей округлой формы и плавной выгнутой подножкой, которая не образует прямой угол при переходе в дужку (2 экз.). От типов 1 и 2 отличаются небольшим расширением к подножке. Оба экземпляра

найжены в слое распахки могильников, – одно в Южной Озереевке (№ 27, рис.5: 4), другое в Андреевской щели (№ 3, рис.5: 5). У первого дужка слегка уплощена, а подножка узкая и прямоугольная в плане, чуть выпуклая в поперечном сечении. Несколько деформированная подножка второго стремени снаружи усилена ребром по продольной оси, а его дужка прямоугольная в сечении. Оба имеют типологические параллели из огузо-печенежских погребений на европейской территории и древне-венгерских погребений X в. в Венгрии [Гарустович, Иванов, 2001, рис. 18-12; The Ancient Hungarians, 1996, p. 172-fig. 3, 317-fig.6, 391-fig.1]. Аналогичные стремяна встречены также в хазарском слое Саркела, раннеболгарском I Болшетарханском могильнике середины VIII – середины IX в., в погребении IX в. на 116 км у Самарской луки и в одном из Мрясимовских южноуральских курганов, неожиданно поздно датированном Н.А. Мажитовым XII в. [Сорокин, 1959, рис. 7-10, с. 148-150; Казаков, 1992, с. 79, рис. 12-6, 24-12; Мажитов, 1981, с. 157-158, рис. 73-21]. Этому типу близка также пара стремян из кургана 40 X – начала XI в. Саркельского могильника и подъемное стремя с площади Псекупского могильника в Закубанье [Плетнева, 1990, рис. 22-8, 9; Носкова, 2002, рис. 4-4].

Г.А. Федоров-Давыдов такие стремяна включает в тип Б-I с аналогиями VIII-XI вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с.11, 14, рис.1]. А.Н. Кирпичников называет их «ововидными» типа I, отмечая распространение в Восточной Европе только в IX-XI вв. с преобладанием в дружинных погребениях X в. [Кирпичников, 1973, с.47]. В здешнем регионе они встречены в погребениях IX в. могильника Дюрсо и собраны на могильнике у поселка Ленинский путь, где входят в группу вещей, относящихся к периоду VIII-IX вв. [Крым, 2003, табл. 91-3; Дмитриев, 1987, рис. 177]. Однако, учитывая идентичные находки в огузо-печенежских погребениях X-XI вв., Саркеле, южнорусских дружинных курганах и в Венгрии, тип IA-3 в Причерноморье можно датировать не ранее IX в., а, в основном, X веком.

В целом, у стремян этого подотдела от первого к третьему типу прослеживаются следующие изменения, – они становятся менее массивными, их пластинчатая петля уменьшается и приобретает округлую форму, подножка из прямой превращается в немного скругленную выгнутую, а форма из арочной переходит в грушевидную.

Подотдел Б – с рамчатой петлей

Тип 1 – яйцевидные, расширяющиеся к подножке стремяна с небольшой, горизонтально расположенной подпрямоугольной петлей на узкой шейке. Дужки узкие и граненые, ромбического сечения, плавно изгибаются при переходе в подножку (2 экз., № 1, 2). Подножка средней ширины, прямоугольная в плане и чуть выпуклая в поперечном сечении, снаружи со сглаженным валиком по продольной оси. Степень ее выгнутости неясна из-за деформации стремян (рис. 5: 3). Оба экземпляра происходят из слоя распахки могильника Андреевская щель и, возможно, составляли пару.

В Северо-Восточном Причерноморье подобное стремя с рамчатой петлей правильной прямоугольной формы найдено в урновом погребении с конем в пос. Абрау-Дюрсо, которое, возможно, было подкурганым и датировано А.В. Дмитриевым X в. [Дмитриев, 1978, рис.116]. Кроме того, стремяна типа I Б-1 по абрису дужки и петли сопоставимы со стремянем из кургана 1 X – первой половины XI в. саркельского могильника, хотя у того

шейка петли шире [Плетнева, 1990, рис. 15-7]. Другие аналогии происходят из южноуральских курганов IX – начала X в.: кург.1 Ямаши-Тауского, кург. 6 Хусаиновского и кург.1 II Бекешевского могильников [Мажитов, 1981, рис. 13-12, 22-12; Пшеничник, 1984, с. 62 и сл.]. В своде древнерусских стремян А.Н. Кирпичникова и классификации кочевнического материала Г.А. Федорова-Давыдова такие стремяна отсутствуют.

Пока это единственный тип данного подотдела, как бы завершающий линию развития стремян с петлей на шейке. Судя по аналогиям, в Причерноморье его можно датировать X веком, ибо в кремациях IX в. (в частности, в Дюрсо и Борисово) они до сих пор не встречены.

Отдел II – с петлей, образованной перехватом дужки сверху, «8-видные»

Тип 1 – стремя с близким к арочному контуром дужки и овальной, вытянутой горизонтально, как бы приплюснутой сверху петлей, образованной перехватом дужки сверху; изготовлено из дрота круглого сечения (1 экз., № 18). Подножка прямая рамчатая, а не сплошная пластинчатая, подпрямоугольной формы со скругленными углами. Она надета на концы дужки, которые петлеобразно охватывают снизу ее торцы, загибаясь наружу (рис. 5: 2). Найдено на могильнике у поселка Ленинский путь. В литературе за стремянами такой формы закрепилось название «8-видные».

В Северо-Восточном Причерноморье 8-видные дровые стремяна, но со сплошной подножкой, происходят из кремаций IX в. могильника Дюрсо, где они, по замечанию А.В. Дмитриева, редки [Крым, 2003, табл. 91-6, с. 204]. Восьмерковидные («петельчатые», по сибирской терминологии) стремяна с приплюснутой сверху петлей бытовали в VII-IX вв. у тюрков Саяно-Алтая, а в IX-X вв. в Южной Сибири у носителей сросткинской и тухтатской культур и кимаков Восточного Прииртышья и северо-западных предгорий Алтая [Могильников, 1981а, с. 40, рис. 19-72; 2002, с. 94-95; Кызласов Л., 1981, рис. 33-15; Неверов, 1998, с. 143]. На европейской территории они встречены в салтово-маяцких древностях второй половины VIII – начала IX в. и синхронных им северокавказских катакомбах (например, Камунты и Садона), в раннеболгарском I Болшетарханском могильнике конца VIII – первой половины IX в., где петля у них более высокая, а также в курганах Приуралья VIII и IX – начала X в. [Плетнева, 1981, рис. 36-9; Уварова, 1900, табл. СХХI-9; Казаков, 1992, с. 49, рис. 12-5; Степи Евразии, 1981, рис. 15-15, 16, 55-64, 67].

А.Н. Кирпичников «8-видные» стремяна выделил в IV тип своей классификации и датировал IX-X вв. Он заметил, что, в целом, они нехарактерны для русских древностей и к началу XI в. вышли из употребления на восточноевропейской территории. На Руси, в Приуралье и в огузо-печенежских древностях поздние образцы таких изделий имеют слегка вытянутую, овальную форму и иногда снабжены прямой подножкой, что сближает с ними стремя из Ленинского пути [Кирпичников, 1973, с. 48, табл. XIV-9, 10; Степи Евразии, рис. 90-14; Гарустович, Иванов, 2001, рис. 18-20]. Правда, оно отличается от них рамчатой подножкой, несвойственной 8-видным стремянам евразийских степей.

С учетом всего сказанного тип II-1 я датировую IX-X вв.; для более точного определения требуется разработка хронологии древностей кубано-черноморской группы кремаций.

Тип 2 – с чуть вытянутой горизонтально и раскованной, уплощенной в профиль петель (2 экз., № 105, 106). Контур этих стремян округлый, изготовлены они из толстого дрота круглого сечения (рис. 5: 1). Подножка узкая и прямоугольная в плане, сильно выгнутая наружу и усиленная утолщением-валиком по продольной оси. Оба экземпляра составляют пару и происходят из разрушенного погребения на ул. Некрасова в Геленджике.

В здешнем регионе серию аналогий этому типу дает могильник у поселка Ленинский путь. Правда, 8-видные стремяна отсюда датируют то VIII–IX вв., то не позднее VII в. [Пьянков, 2001, рис. 1-9, с. 144; Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 188, табл. 73-17]. На европейской территории подобные стремяна найдены в погребально-поминальном комплексе Вознесенка первой половины VIII в. и в курганах IX–X вв. Каранаевского и Лагерева могильников на Южном Урале [Амброз, 1981, рис. 4а-39; Мажитов, 1981, рис. 60-19, 37-11]. Стремяна из Геленджика благодаря приведенным аналогам можно отнести к VIII–IX вв., но с учетом архаичной формы предпочтительнее датировать VIII веком.

В Северо-Восточном Причерноморье в VIII–IX вв. 8-видные стремяна II отдела по распространенности намного уступают стремянам I отдела с разнотипными пластинчатыми петлями, хотя в других районах Евразии вместе с ними признаны лидирующими формами стремян в это время. Существуют мнения об их генезисе от веревочных или ременных ножных упоров и возникновении в Южной Сибири и на Алтае в VI–VII вв. [Кызласов, 1983, с. 31; Неверов, 1998, с. 143–144]. Привлеченные С.В. Неверовым математические расчеты распределения нагрузки внутри разных типов стремян сrostкинской культуры показали, что выделеннопластинчатые стремяна были рассчитаны на большие нагрузки, чем 8-видные петельчатые [Неверов, 1998, с. 147]. Визуальным доказательством этого являются усиленные подножки первых (как и у восточноевропейских стремян с пластинчатыми петлями – Е.А.), что дополнительно обосновывает принадлежность таких изделий тяжеловооруженным всадникам. В отличие от них облегченные 8-видные петельчатые стремяна исследователи относят к снаряжению легковооруженных конных лучников [Неверов, 1998, с. 148–149].

Отдел III – с петель без шейки, образованной прямоугольным выступом дужки над отверстием.

Тип 1 – стремяна с общим контуром в виде приземистой широкой арки, предельно расширенные у подножки (8 экз., № 28–29, 80–83, 100–101). Петля образована невысоким прямоугольным выступом дужки, вытянутым горизонтально. Отверстие для путлища широкое, щелевидное. Дужка узкая, четырехгранная. При переходе в подножку образует небольшие выступы-шишечки, т.н. «кулачки», выполнявшие функцию шипов шпор, по предположению А.Н. Кирпичникова. Чуть выгнутая подножка широкая и овальная в плане, снаружи по продольной оси усилена утолщением-валиком (рис. 6: 3–6). Найдены в парном комплекте в погребениях могильников: на отроге г. Сапун, у Васильевки, в Кринице, Шесхарисе. Разрозненные находки происходят из курганного могильника у поселка Ленинский путь и окрестностей аула Пляхо (разрушенный комплекс).

Тип 2 – стремяна того же контура с прямой подножкой и без «кулачков» (2 экз., № 6, 10). Дужка узкая, четырехгранная. Подножка широкая, заостренно-овальная в плане, по продольной оси усилена утолщением-валиком (рис. 6: 1, 2). Максимальная ширина первого экземпляра, найденного в слое распахки могильника Андреевская щель, приходится на середину высоты стремени, что дополнительно отличает его от стремян предыдущего типа. Второй экземпляр происходит из раскопок Н.И. Веселовского на г. Макитре под Анапой в 1895 г. (другое стремя в паре с ним сохранилось фрагментарно и его тип не определяется). Его пропорции такие же, как у стремян предыдущего типа.

Оба типа стремян по виду петли относятся к отделу В классификации Г.А. Федорова-Давыдова, представленному находками XII–XIV вв., хотя и не имеют характерного для этого отдела выступа под отверстием для путлища. Стремя типа III-2 из Андреевской щели близко типу В-III, датированному второй половиной XIII–XIV в. Другой экземпляр этого типа сопоставим с типом В-II, датированным XII – началом XIII в. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 12, 15]. Однако, полные соответствия с типами этой классификации не наблюдаются. Стремяна отдела В, но в отличие от причерноморских с расплюснутыми дужками, найдены на Лаишевском и II Семеновском болгарских селищах XI–первой половины XIII в. [Руденко, 2000а, рис. 14-1, 4, 16]. Кроме того, в Волжской Болгарии и в XIII в. использовались стремяна, аналогичные причерноморскому типу III-1 [Степи Евразии, рис. 78-66]. Интересно, что в Нижнем Поволжье в могилах кочевников монгольского периода из стремян с петлями в виде прямоугольного выступа зафиксированы пока только изделия типа В-III, которые для Северо-Восточного Причерноморья не характерны [Шнайндштейн, 1987, рис. 2-1].

Исследования В.А. Кригера показали, что тип стремян В-I классификации Г.А. Федорова-Давыдова появляется в курганах междуречья Волги и Эмбы в конце XI в. и доминирует в XII – начале XIII в. [Кригер, 1993, с. 139]. Поздние формы стремян этого отдела из южноуральских курганов второй половины XIII – XIV в. характеризуются сильно выгнутой широкой подножкой прямоугольной формы и этим отличаются от причерноморских [Иванов, 1984, с. 93, рис. 8-7, 12].

В древнерусском материале стремяна с низкой прямоугольной петлей, но редкими «кулачками», отнесены к типу VIIa, фиксирующемуся в XII – первой половине XIII в. и наиболее популярному в южных землях [Кирпичников, 1973, с. 51]. Они являются преобладающим типом стремян в кочевнических курганах Поросья, датированных XII – началом XIII в. [Плетнева, 1973, табл. 8-10, 13-9]. По мнению А.Н. Кирпичникова, эти стремяна были востребованы тяжеловооруженными профессиональными воинами-всадниками, а их находки в европейских степях являются трофеями с Руси или подражательными ремесленными изделиями. Раскопки в Прикубанье и Восточном Закубанье отчасти подтверждают первую часть этого тезиса, оставляя недоказанной вторую: в приписываемых половцам здешних воинских курганных погребениях, укладывающихся в широкие рамки XII–XIV вв., встречаются аналогичные стремяна с круглыми в сечении дужками [Зеленский, 1998а, рис. 1-4; Блохин и др., 2003, рис. 4-30, 8-1; Кочкаров, 2004, рис. 3-1]. Из них самым ярким является погребение ратника в доспехах в кургане 1 у станции Дмитриевской, датировку которого У.Ю. Кочкаров сужает до рубежа XII–XIII вв. [Кочкаров, 2004, с. 106, рис. 3-1].

На Саяно-Алтае арочные стремена с прямоугольной горизонтальной петлей использовались как в XIII–XIV вв., так и ранее. К удревнению их нижней даты ведет, во-первых, комплекс с такими стременами из Хушот-Худжиртэ в соседней Монголии, отнесенный Л.А. Евтюховой к IX в., а В.А. Могильниковым к XI–XII вв. [Евтюхова, 1957, с. 217, 224; Могильников, 1981б, с. 197, рис. 73-7; 1981в, с. 192]. Во-вторых, промежуточное положение аналогичных стремян из позднекочевнических погребений у Суханихи, которое они занимают между ранними сроткинскими и поздними часо-венногорскими находками [Гаврилова, 1964, с. 168–169]. В-третьих, исследования С.В. Неверова, согласно которым такие стремена (по его классификации, «невыведеннопластинчатые» 24 типа) появились в Южной и Западной Сибири и Восточном Казахстане не ранее X в. и распространились здесь в XI–XIII вв. в домонгольских культурах. С.В. Неверов опровергает их датировку Д.Г. Савиновым VIII–X вв. и относит к XII в., считая переходной формой от ранних к поздним беспластинчатым стременам монгольского времени [Неверов, 1998, с. 149–150, рис. 8-3]. Мнения об эволюции этих стремян в южносибирском регионе расходятся: их возводят к стременам с пластинчатой петлей или к поздним формам 8-видных петельчатых, либо их появление обуславливают развитием тех и других, предлагая два параллельных пути генезиса – южносибирский и восточноевропейский [Неверов, 1998, с. 149–150].

Итак, в курганах Северо-Восточного Причерноморья в рамках данного отдела безусловно преобладают стремена типа III-1. С учетом перечисленных близких изделий из памятников других территорий и новых материалов датировем их, в основном, XII – первой половиной XIII в. Возможно, такие стремена бытовали в регионе дольше, до конца XIII в. Эту же хронологическую позицию занимает стремя типа III-2 из раскопок Н.И. Веселовского. Стремя типа III-2 из Андреевской щели широко датируется XIII–XIV вв.

Отдел IV – без петли, с щелевидным отверстием, пробитым вверху дужки

Этот отдел является самым представительным по численности и отличается от предыдущих наибольшим разнообразием типов.

Тип 1 – «кольчатые», с круглым общим контуром, круглой в сечении прутовидной дужкой и сильно выпнутой, удлинено-овальной в плане подножкой средней ширины с незначительным утолщением-валиком посередине (3 экз.). Отверстие для путлища узкое. Два экземпляра составляют пару, найденную в цемдолинском кургане 3. Эти стремена чуть различаются верхом над отверстием для путлища. У одного (№ 53) он слегка раскован, и по этому признаку и общей форме, т.е. только по двум параметрам, данное стремя сопоставимо с типом Е-III классификации Федорова-Давыдова, датированным XII–XIV вв. (рис. 7: 2). Другое стремя (№ 54, рис. 7: 3) без уплощенного верха аналогично типу 3-III той же классификации [Федоров-Давыдов, 1966, с. 13, 14, 16]. Третье стремя (№ 21) найдено в конском погребении 1 могильника Южная Озереевка и идентично экземпляру № 53 (рис. 7: 1). Отмечу, что парное ему стремя из этого погребения относится к типу IV-4, о котором пойдет речь ниже (№ 20).

В классификации А.Н. Кирпичникова «кольчатые» стремена представляют тип V, умеренно и разрозненно распространенный на территории Восточной Европы

в X–XIII вв. [Кирпичников, 1973, с. 48–49]. Круглые стремена с узкой подножкой и плоской дужкой изредка присутствуют в кочевнических комплексах, например, в кагарлыкском кургане 335 первой половины XII в. и погребении XI в. на таманском поселении Приазовский 1 [Плетнева, 1973, с. 18, табл. 3-7; Атавин, 2001, с. 163, рис. 3-1]. Однотипную с ними единичную случайную находку представляет собой кольчатое стремя из домонгольского Биляра [Хузин, 1985, табл. LXVII-4]. В отличие от них круглое стремя с территории золотоордынского Укека имеет подножку иного сечения и декоративные перехваты на концах дужек [Недашковский, 2000, рис. 15-2].

Другие находки кольчатых стремян в причерноморских курганах мне пока не известны. В северокавказском регионе они изредка встречаются в ингумационных и кремационных грунтовых погребениях закубанских могильников XI–XII вв. Циплиевский 1 и Ленинахабльский, но их нет в погребениях XII–XIV вв. этого региона, относимых к половецким [Пьянков, 2000, р. 4-14; Носкова, 1999, р. 7-18, 11-20]. Исходя из этих фактов, считаю возможным датировать наши находки XI–XII вв.

Вероятно, поздней разновидностью этого типа являются круглые парные стремена из цемдолинского погребения 16 с уплощенными дужками и округлым выступом-прогибом под отверстием для путлища (№ 36–37). Их подножка заостренно-овальная в плане, занимает четверть высоты стремени. Идентичные стремена найдены в курганах 2 и 7 могильника на ул. Днестровской в Новороссийске, который автор раскопок отнес к XIII–XV вв. [Дмитриев, 1978, рис. 37]. Все они соответствуют типу Е-III по Г.А. Федорову-Давыдову, датированному по аналогиям XII–XIII вв., а корреляционным методом – второй половиной XIII–XIV в. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 16, 116]. Упомянутое цемдолинское погребение первоначально было датировано концом XII – XIII в., позднее я отнесла его ко второй половине XIII – началу XIV в. [Армарчук, Малышев, 1997, рис. 7, с. 109; Армарчук, 2001, с. 39]. В итоге, приняв первый вариант датировки, круглые стремена с уплощенными дужками в Причерноморье можно отнести к концу XII–XIII в. (с возможными хронологическими уточнениями в дальнейшем при увеличении количества материалов).

Тип 2 – кольцевидные, общий контур которых приближается к кольцу, но менее правильный, чем у предыдущего типа. (Сделаю уточнения относительно терминов: А.Н. Кирпичников параллельно употребляет названия «кольцевидные» и «кольчатые» при описании одного типа стремян, а также называет «кольцевидными» два разных типа – V и IX [Кирпичников, 1973, с. 48, 52]. Я пользуюсь термином «кольцевидные» только по отношению к данному типу).

Эти стремена имеют характерный для данного типа «килевидный», заостренный абрис дужки вверху, над отверстием для путлища. Отверстие узкое. Подножка сильно выпнута и достигает почти половины высоты стремени, а ее ширина варьируется от узкой до средней. Как правило, она не имеет усиливающего наружного валика, либо он слабо выражен. По виду дужек данный тип распадается на два подтипа.

Подтип а – с пластинчатыми раскованными дужками (6 экз.). Три стремена обнаружены в цемдолинских курганах (№ 56, 60–61, рис. 7: 4, 5), четвертое стремя найдено в погр. 31 на распаханном участке Цемдолинского могильника (№ 46), которое было отнесено к группе захоронений конца XII – XIII в. [Армарчук, Малышев, 1997, р. 11-1]. Два других, составляющих пару, являются случайной находкой с территории

могильника у поселка Ленинский путь и орнаментированы (№ 19а–19б). Дужки этой пары стремян с лицевой стороны декорированы посредством двух технологических приемов: плакировки и чеканки (рис. 8: 1, 2). На них от путлищного отверстия вплоть до подножки наложены (плакированы) тонкие пластины цветного металла золотистого цвета, на которые далее чеканкой нанесен геометрический узор. Он представляет собой непрерывную череду смыкающихся треугольников, обращенных основанием к внутреннему краю дужки, а вершиной – к внешнему ее краю, вдоль которого тянется линия точек. Фон гладкий, узор выполнен чеканом с круглым бойком диаметром 1 мм, орнаментированные зоны подчеркнуты по периметру глубокой гравированной линией (рис. 9; 13: 4).

Образцами декора с использованием плакировки и мотива мелких чеканных треугольников, т.н. «волчьего зуба», являются разные предметы, в том числе стремяна, из конских погребений XI–XII вв. в Литве и кремаций рубежа XI–XII вв. могильников Ирзекапинис и Черепаново в Восточной Пруссии [Литовское народное искусство, 1966, с. XXII; Смирнова, 2004, с. 12, рис. 45–2]. Для литовских изделий чеканные треугольники – весьма характерный вид орнаментации в XI–XII вв. Именно к ним относятся яйцевидное стремя с плоскими дужками без плакировки из конского погребения XI в. в Граужае с подобным, но зеркально повернутым декором, где треугольники расположены у внешнего края дужек и обращены вершинами внутрь [Литовское народное искусство, 1966, илл. 158]. Другой сопоставимый по композиции и элементам узора образец – грушевидное стремя с серебряной инкрустацией из погр. 41 последней четверти X в. могильника Hízófold в Венгрии, которое украшено треугольниками вдоль внутреннего края дужек и каймой вдоль внешнего [The Ancient Hungarians, 1996, p. 259 – fig. 6].

В общем, для стремян из Северо-Восточного Причерноморья эта форма не характерна, если учесть количество найденных экземпляров. Кольцевидные стремяна с килевидным верхом и плоскими дужками изредка встречаются в Закубанье в могильниках XI–XII вв. (Абинский 4) и в отдельных погребениях XII–XIII вв. (Ахтырский лиман I) [Пьянков, 1993, р. 10–29; Армарчук, Сорокина, 2001, рис. 3–15, 16]. Спорадически они встречаются в противоположных районах Причерноморья, например, в Северо-Восточной Болгарии, где появляются с XI в. [Йотов, 2004, с. 157–158, табл. LXXVI–798, LXXVII–807]. В древнем Новгороде одно из двух таких стремян найдено в слое конца XII – начала XIII в. [Медведев, 1959, с. 185–186].

Другие морфологические аналогии обнаружены в Приуралье и Поволжье: из мрясимовских курганов, датированных Н.А. Мажитовым XII–XIII вв., из погребения 23 группы захоронений X–XI вв. Каранаевского могильника в Башкирии и погребения 1 X–XI вв. курган 26 Калиновского могильника [Мажитов, 1981, с. 158, рис. 73–4; Сунгатов, 2004, с. 32, рис. 51–7; Шилов, 1959, с. 512, рис. 67–2]. По сути, к ранним формам этого типологического ряда надо отнести *округло-арочные* (термин авторов – Е.А.) стремяна с широкими дужками, образующими плечики-уступы при переходе дужек в подножку, обнаруженные в огузо-печенежских погребениях XI в. [Гарустович, Иванов, 2001, с. 84–85, рис. 18–6, 8, 10].

Подтип б – с прутовидной дужкой круглого сечения и подножкой средней ширины (4 экз.). Составляют две пары, из которых одна находилась в погребении коня 3

могильника Южноозереевский (№ 24–25), а другая – случайная находка у хутора Грекомайский (№ 102–103). В отличие от первой пары у грекомайских стремян есть дополнительный морфологический признак: по два перехвата на концах дужек в виде небольших поперечных валиков. Стремяна этого подтипа декорированы «таушировкой» (по западноевропейской терминологии), или инкрустацией, т.е. посредством украшения основного металла другим, более драгоценным и мягким (рис. 10; 11: 1, 2). В данном случае, перед нами один из ее приемов – врезная таушировка [Мишуков, 1954, с. 118, 120]. На первой паре она хорошо сохранилась, а на стремянах второй пары остались лишь ее следы – насеченные канавки (рис. 13: 1). У южноозереевских стремян декор покрывает только лицевую и боковую стороны дужек и его нет на их тыльной стороне (рис. 11: 1, 2; 12). Он начинается у путлищного отверстия, а заканчивается в нижней части дужек и выполнен следующим образом. Сначала в железе поперек дужек прорезаны неглубокие частые канавки с интервалом в полмиллиметра и шириной чуть более миллиметра, куда затем вбиты равные тонкие отрезки-полосочки желтого цветного металла, т.н. «ленточная филигрань» (рис. 13: 2, 3) [Мишуков, 1954, с. 126]. Места перехода дужки в подножку украшены не узкой, а широкой семимиллиметровой пластинкой такого же металла. Эмиссионно-спектральный анализ показал, что инкрустация выполнена латунью (см. прил. 2, табл. 2, анализы № 118–121).

У грекомайских стремян такая же частая поперечная насечка располагалась на обеих сторонах дужек, лицевой и тыльной (рис. 10). Кроме того, разреженная насечка с промежутком в три миллиметра между полосками украшала и лицевой край подножки. Сама инкрустация красноватым металлом не сохранилась, лишь несколько фрагментов вставных полосочек проблескивают сверху возле путлищного отверстия. Эти стремяна до реставрации были покрыты красной окалиной, что говорит об их пребывании в огне. Возможно, тонкие вставки цветного металла могли выгореть или расплавиться и вытечь из-за длительного нагрева.

А.Н. Кирпичников назвал такой способ декора «витковой инкрустацией», считая его более простым, чем украшения (чеканкой, инкрустацией и накладными пластинами цветного металла с легким рельефом узора – Е.А.) на стремянах этой же формы, но с пластинчатыми дужками [Кирпичников, 1973, с. 53]. Однако, это название неприменимо в нашем случае, а технологическая простота данного декора только кажущаяся. Во-первых, цветной металл на причерноморские стремяна наложен не витками, а отдельными отрезками. Во-вторых, врезная таушировка, или инкрустация («насечка», как ее называют в русском ремесле) является одной из очень трудоемких процедур в златокузнечестве и ювелирном деле [Мишуков, 1954, с. 120; Федотов, 1990, с. 162]. Непосредственные технологические параллели декору причерноморских изделий имеются в венгерском материале X в., где тем же способом бронзовой и медной инкрустацией украшены лицевые и боковые стороны дужек и внешние края подножек стремян. Правда, венгерским стремянам присуща иная, грушевидная форма и пластинчатая петля [The Ancient Hungarians, 1996, p. 241–fig. 3, 391–fig. 1].

Для стремян подтипа б прямые аналогии по форме и декору обнаруживаются, в первую очередь, в трех погребениях Ленинахабльского урнового могильника второй половины XI в. в соседнем Закубанье [Носкова, 1999, с. 203, рис. 5–16, 13–11]. Далее, в

прусских и литовских погребениях начала XI в. и конце XI – начала XII в. могильников Ирзекапинис, Черепаново и Граужай [Кулаков, 1990, с. 36; Смирнова, 2004, рис. 46-7, с. 13; Куликаускене, 1953, рис. 7-а, с. 222]. Несколько фрагментов таких же по типу и декору стремян с насечкой найдены в древнерусских городах: в верхнем горизонте культурного слоя посада Новогрудка, датирующемся началом XII – первой половиной XIII в., и в слое конца XI в. Суздаля [Гуревич, 1981, с. 107, 141, рис. 81-6; Данилов, 1991, рис. 9-3; Седова, 1997, с. 87, 101, рис. 28-5]. В обоих памятниках они встречаются наряду с другими инкрустированными предметами всаднического снаряжения, которые в Суздале трактуются как скандинавский импорт.

Отмечу еще находки аналогичных по типу стремян с насечкой на болгарских памятниках: Болгарском городище (музейный № БГИАЗ 178/30) и домонгольском поселении Семеновский остров [Руденко, 2000а, с. 52, рис. 14-12]. В итоге, можно полагать, что орнаментированные причерноморские стремяна типа IV-26 приходятся главным образом на XI – начало XII в.

Неорнаментированные стремяна, аналогичные по форме подтипу б, найдены на Северном Кавказе в змейской катакомбе 36 XI–XII вв. и половецком погребении 1 кургана 4 у станицы Дмитриевской, датировка которого спорна: В.Г. Блохин с соавторами относят его к XII–XIV вв., а У.Ю. Кочкаров – к концу XII – началу XIII в. [Кузнецов, 1963, с. 15–16, т. II-3; Блохин и др., 2003, рис. 5-7; Кочкаров, 2004, рис. 5-3]. Они обнаружены также в мрясимовских и других курганах XII – первой половины XIII в. на Южном Урале и в конском погребении 1 мордовского могильника Пятницы VII в Поволжье [Степи Евразии, 1981, рис. 90-26; Иванов, Кригер, 1988, рис. 16-5, 6; Мартыанов, 2001, табл. 108, 109]. Комплекс упряжи из Пятниц VII примечателен тем, что включает насыщенный разными бляшками уздечный и сбруйный убор того типа, который был распространен в огузо-печенежской среде в X–XI вв. и, самое позднее, до начала XII в. Наконец, такие стремяна встречаются в упряжи XI–XII вв. усть-ишимской культуры и в алтайских материалах XII в. [Могильников, 1987, с. 198, табл. LXXXI-29; Ефремов, 1998, рис. 2-6, с. 168]. Две случайные находки однотипных округлых стремян на территории золотоордынского Укека в Поволжье еще не дают оснований поднимать верхнюю границу предложенной ранее даты домонгольского бытования этих стремян [Недашковский, 2000, с. 76, рис. 15-1].

В целом, стремяна типов 2а и 2б приближаются к отделу Г классификации Г.А. Федорова-Давыдова, не имея полного сходства с его типами, появляющимися не ранее XII в. Такую же форму стремян А.Н. Кирпичников датирует XII – первой половиной XIII в., выделяя в тип IXа и отмечая, что их дужки нередко орнаментировались. По его наблюдениям, они имели хождение только в Северном Причерноморье, Поросье, киевских и черниговских землях [Кирпичников, 1973, с. 53, табл. XVII, XV-11, 12; Плетнева, 1973, табл. 4-5, 46-11; Коваленко, Ситий, 2004, рис. 5-21]. Напи и другие новые упомянутые находки идентичных стремян, во-первых, несколько расширяют этот ареал, а, во-вторых, подтверждают популярность орнаментации в этом типе. В-третьих, как западнопричерноморские, так и восточнопричерноморские образцы удревняют утвердившуюся ранее датировку Г.А. Федорова-Давыдова и А.Н. Кирпичникова, т.к. относятся к XI – началу XII в. на основании прибалтийских, закубанских и других приведенных аналогов формы и декора. Возможно, в неорна-

ментированных вариантах они бытовали до конца XII – начала XIII в., если иметь в виду их южноуральские и алтайско-сибирские параллели.

Из совокупности памятников степной зоны (к югу от Руси, в Предкавказье и на Южном Урале), где отыскиались стремяна, одинаковые с причерноморскими типами 2а и 2б, некоторые курганные могильники и одиночные курганы приписываются половцам-кипчакам. На этом основании можно было бы предположить, что данная форма сложилась в кипчакской среде. Вместе с тем, ее явные прототипы или ранние образцы, на мой взгляд, пока отсутствуют в кочевнических, кимако-кипчакских древностях IX – начала XI в. Верхнего Прииртышья и Юго-Западного Алтая [ср.: Могильников, 2002, рис. 211, 218; Трифонов, 1987]. Возможно, их надо искать западнее этих мест в урало-казахстанских степях и в чуть более поздних материалах, где могло происходить формирование этого типа.

Тип 3 – подтреугольно-округлые (33 экз.). Общий контур этих стремян укладывается в равнобедренный треугольник, но они имеют плавные очертания, скругленную вершину и умеренно выгнутую подножку (рис. 15, 16). Отверстие для путлища средней ширины. Подножка линзовидная или заостренно-овальная в плане, от средней до узкой ширины; как правило, по продольной оси снабжена валиком, усиливающим ее прочность. Главным образом, на подножку приходится треть общей высоты стремени, редко четверть. Большинство образцов имеют округлый выступ-прогиб дужки под отверстием для путлища; другой характерный признак этого типа – расплюснутая, пластинчатая дужка шириной в полтора сантиметра и более. У одного экземпляра из цемдолинского кургана 2 (№ 52) верхушка килевидная, выступ под отверстием отсутствует.

Единственное стремя этого типа (из погребения 18 на распаханном участке Цемдолинского могильника, № 39) декорировано самым простым способом, то есть поперечными зарубками по внешнему ребру одной дужки (рис. 11: 3). Такими же зарубками украшены дужки литовских стремян XI–XII вв. из Граужая и Девенишкаса [Литовское народное искусство, 1966, илл. 157, 227].

Стремяна типа IV-3 найдены в сапунских, цемдолинских и кабардинском курганах, в Кринице и на р. Жанэ, а также в распаханых могильниках Андреевская щель, Цемдолинский, Потомственный, Бжид 1, на Кадошском мысу и в случайно выявленных комплексах. В средневековых курганах Северо-Восточного Причерноморья они являются наиболее распространенными. На Северо-Западном Кавказе единичные экземпляры таких стремян обнаружены в закубанских могильниках Абинский 4, Циплиевский 1 и Ленинахабльский [Пьянков, 1993, рис. 7-1, 5; 2000, рис. 4-3; Носкова, 1999, рис. 7-8, 14-12]. Правда, нужно учесть и намного меньший процент погребений боевых коней и погребений с упряжью в этих памятниках. Показательно, что в первых двух могильниках эти стремяна сопровождались удилами с пластинчатыми и «крылатыми» псалиями, которые в Восточной Европе употреблялись не позднее XII в. [Кирпичников, 1973, с. 16]. В Центральном Предкавказье идентичные стремяна стабильно присутствуют в конских погребениях XI–XII вв. Змейского катакомбного могильника: например 154, 170, 184, 231, 355 [Фидаров, 1994, рис. 17-18; 2002, рис. 21-3; Шестопалова, 1995, рис. 32].

Стремяна описываемого типа изредка обнаруживаются и в других регионах, но, кажется, нигде не дают такой представительной серии, как в Причерноморье и на

Северном Кавказе. Например, они присутствуют в мрясимовских курганах XII–XIII вв. и каранаевских курганах X–XII вв. в Приуралье, в кургане 6 XII – начала XIII в. южноуральского могильника Лебедевка VIII, а в варианте с круглыми в сечении дужками – в кургане 2 XI–XII вв. могильника Змеиный дол в Зауралье и синхронных курганах Калиновского могильника в Нижнем Поволжье [Степи Евразии, 1981, рис. 90-18, 24; Мажитов, 1981, с. 158, рис. 75-2; Сунгатов, 2002, рис. 43; Иванов, Кригер, 1988, рис. 7-29; Боталов, Костюков, 1993, с. 42-43; Шилов, 1959, рис. 66-2, 67-2].

Аналогичные стремена с плоскими дужками встречаются в Южной Сибири – в аскизской культуре XI–XII вв. и на территории сроткинской культуры в Верхнем Приобье и на Алтае, где датируются в рамках XII–XIV вв. [Кызласов И., 1981, рис. 74-4; Неверов, 1998, с. 150, рис. 9-2]. С.В. Неверов выделяет их в «беспластинчатые» 26 типа, склоняется к датировке XII в. и прослеживает синхронное распространение в Восточном Казахстане и Томском Приобье [Неверов, 1998, с. 150]. По А.А. Гавриловой, они характерны для часовенногорских и алтайских могил «часовенногорского типа», относящихся к XIII–XIV вв., но замечу, что их подножки резко отличаются от подножий причерноморских стремян вдвое большей шириной [Гаврилова, 1965, табл. XXX-5, рис. 13-2].

Из стремян в кочевнических погребениях XII – начала XIII в. в Киевском Поросе и Подонье причерноморскому типу IV-3 родственны неорнаментированное стремя из Бабичей и «овальное» стремя из кургана у Новоивановки [Швецов, 1974, рис. 1-1; Плетнева, 1973, табл. 46-11]. Наконец, в материалах болгарских домонгольских селищ среди многих других типов есть подтреугольно-округлые стремена с плоскими дужками [Казаков, 1991, рис. 37-5, 6, с. 107–108; Руденко, 2000а, рис. 14-2, 11]. Е.П. Казаков называет их кольцевидными, следуя терминологии А.Н. Кирпичникова, но, судя по рисунку, они подтреугольные.

Две пары причерноморских стремян, из конского погребения 2 в Южной Озереевке (№ 22–23) и погребения 5 в Андреевской щели (№ 7–8), несколько отличаются от остальных изделий этого типа. Их форма почти яйцевидная с резким сужением кверху, а пропорции более вытянутые, чем у остальных стремян типа IV-3, но на этом сходство пар заканчивается. У озереевских стремян широкие и плоские дужки, подножка со слабым валиком посреди (рис. 14: 2, 3); дужки другой пары прутьевидные, а подножка имеет два ребра-валика (рис. 14: 1). Параллели стременам из погребения 5 в Андреевской щели позволяют провести находки из северокавказских могильников X–XI вв. Колосовка 1 и Кольцо-Гора и Черноклен XII в. [Дитлер, 1961, табл. XII-7, с. 154; Савенко, 1986, рис. 2-10; Пьянков, 1987, рис. 307-1;]. На этом фоне с учетом других вещей из погребения данные стремена датируются концом XI – первой половиной XII в. [Крым, 2003, табл. 95]. Южноозереевские стремена совпадают с типом II древнерусских стремян [Кирпичников, 1973, с. 47–48, табл. XIV-8]. К указанным А.Н. Кирпичниковым для этого типа датирующим аналогиям X–XI вв. добавлю идентичные находки из древневенгерского погребения 6 первой половины X в. в Пшемысле [The Ancient Hungarians, 1996, p. 439–440-fig. 5-4]. Следовательно, яйцевидные стремена с плоскими дужками из Южной Озереевки можно тоже отнести к X–XI вв.

Таким образом, расплюснутые дужки как самостоятельный признак не являются хронологическим индикатором, ибо в сочетании с яйцевидной и овальной формами стремян они фиксируются уже в X веке, например, в материалах саркельских кур-

ганов и венгерских погребений [Плетнева, 1990, рис. 15-6, 16, 19-14, 23; The Ancient Hungarians, 1996, p. 130-fig. 1, 161-fig. 1]. Тем не менее, широкие плоские дужки становятся характерными для изделий последующих веков, что хорошо прослежено на древнерусском и южноуральском материалах.

Оказалось затруднительным сопоставление основного массива причерноморских стремян типа IV-3 с типами классификаций Г.А. Федорова-Давыдова и А.Н. Кирпичникова из-за отсутствия там прямых параллелей. По общему абрису, но не описанию, они близки типам «антагонистам» VII и IX систематики А.Н. Кирпичникова [Кирпичников, 1973, т. XV-3, 11, с. 50, 52, рис. 29]. С типом VII «смягченной угловатости» их роднит почти одинаковая верхняя часть, а с типом IX объединяет профиль и выгнутая подножка. Оба типа А.Н. Кирпичников датирует XII–XIII вв., а бытование девятого сужает до 1150–1250 гг. Что касается классификации Г.А. Федорова-Давыдова, то причерноморские подтреугольно-округлые стремена соотносимы с типами Г-IV, Г-V и Д-II по описанию, но без полного им соответствия, если опираться на схематичный рисунок [Федоров-Давыдов, 1966, с. 12–13, рис. 1]. Эти типы датируются автором классификации по-разному, как XII–XIII вв., так и второй половиной XIII–XIV вв. [там же, с. 15–16, 116].

Редкие находки подтреугольно-округлых стремян с плоскими дужками в упоминавшихся закубанских могильниках, на мой взгляд, хронологически тяготеющих больше к XI в., чем к XII, и более частые в змейских комплексах XI–XII вв. позволяют предположить, что такие стремена распространяются на Северном Кавказе в XII в. или с XII века. В X–XI вв. здесь преобладали стремена другой формы с дужкой округлого сечения и иными типологическими признаками [Ковалевская, 1981, с. 226, рис. 94-65]. В Северо-Восточном Причерноморье подтреугольно-округлые стремена типа IV-3 можно датировать XII – первой половиной XIII в. на основании всего изложенного. Важно наблюдение Г.А. Федорова-Давыдова, что стремена отделов Г и Д не встречаются ранее XII в., которое совпадает с высказанными выше соображениями относительно датировки этого типа. Отмеченные разновидности типа IV-3 – яйцевидные стремена X–XI вв. из Андреевской щели и Южной Озереевки – предшествуют основному массиву причерноморских стремян данного типа.

Тип 4 – арочные, с прутьевидной 4-гранной дужкой, широким отверстием для путлища и выгнутой подножкой (16 экз.). У этих стремян общий контур в виде приземистой дуговидной арки, дужка плавно, без выступов изогнута вверх, над отверстием для путлища и почти прямая, горизонтальная под ним (рис. 17). Форма и перечисленные признаки являются их отличиями от стремян предыдущего типа. Подножка слегка выгнутая, средней ширины и, большей частью, удлиненно-овальная в плане. Имеет продольное утолщение посреди и занимает от четверти до трети общей высоты стремени.

Отдельные экземпляры несколько отступают от типовых стандартов: у стремени из погребения 1 могильника Потомственный (№ 88) это прямоугольной формы подножка без ребра (рис. 17: 3). Другое стремя из погребения 10 оттуда же (№ 91) имеет заметно выступающие «кулачки» на сочленении дужки с подножкой (рис. 17: 1). Третий экземпляр из кургана 4 могильника Ленинский путь (№ 19) по общему абрису ближе к кольчатому типу стремян, но оформление и ширина отверстия у него, характерные для описываемого типа (рис. 17: 4).

Вообще, подобные эпизодические расхождения в деталях фиксируются также внутри других типов. Они не являются принципиальными различиями и, возможно, обусловлены использованными в процессе изготовления технологическими приемами и техническими навыками или отражают переходную стадию в развитии форм стремян. В силу этого некоторые изделия занимают промежуточную позицию среди типов 3, 4 и 5 данного отдела.

Стремена типа IV-4 найдены почти во всех исследованных курганных могильниках Северо-Восточного Причерноморья, правда, менее представительными сериями, чем подтреугольно-округлые стремяна предыдущего типа. Прямых типологических соответствий в классификации Г.А. Федорова-Давыдова эти стремяна не имеют, но общим контуром близки отделу E XII–XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 13–14]. Фактически, они одинаковы с типом VII «смягченной угловатости» классификации А.Н. Кирпичникова. По его мнению, эти стремяна пришли на Русь из степных южных районов и распространились в XII–XIII вв. [Кирпичников, 1973, с. 50, табл. XV-3-6]. Однако в X–XI вв. их образцы или прототипы в этих районах и причерноморских степях практически отсутствуют, ибо из исследованных Г.Н. Гарустовичем и В.А. Ивановым огузо-печенежских погребений только одно содержало подобное стремя (курган 2 могильника Шевченко I в Херсонской области) [Гарустович, Иванов, 2001, рис. 4-13, с. 197].

Круг аналогий причерноморским приземистым арочным стремянам типа IV-4 широк во времени и пространстве. Их находят, во-первых, в кочевнических курганах Прикубанья, относимых к половецким памятникам XII–XIV вв. [Зеленский, Каминская, 1993, рис. 2-3; Блохин и др., 2003, рис. 5-8, 8-2, 3; Кочкаров, 2004, рис. 5-2]. Во-вторых, в южнорусских (Зеленки) и причерноморских (Чокурчинский и Сарайлы-Кият в степном Крыму) курганах XI – начала XIII в. [Плетнева, 1973, табл. 6-9, 10-10, 11; Крым, 2003, табл. 50-6, 7, 51-3]. В-третьих, в нижневолжских курганах домонгольского времени [Шилов, 1959, рис. 67-1]. В кочевническом могильнике X–XI вв. у Саркела-Белой Вежи единственное и самое позднее курганное погребение 19/56 XII в. содержало подобное стремя, а стремяна из других комплексов относятся к иным, более ранним типам, о чем упоминалось выше [Плетнева, 1990, рис. 10-7, с. 50–51].

Стремена с дуговидными дужками попадают на селищах XII–XIII вв. Волжской Болгарии, хотя они не встречены в домонгольском Биляре; они есть в сибирских древностях XII–XIII вв. и позднекочевнических курганах в Башкирии, где датируются XIII–XIV вв. [Руденко, 2000а, рис. 14-6, 9, с. 52; Степи Евразии, 1981, с. 197, рис. 72-64, 90-20]. В Восточной Европе они продолжают использоваться и в монгольское время, например у кочевников, в Нижнем Поволжье и на Южном Урале, а также в городском обиходе [Шнайдинштейн, 1987, рис. 2-6; Иванов, Кригер, 1988, рис. 8-1; Недашковский, 2000, рис. 15-4]. Иногда такие стремяна имеют более узкую датировку рубежом XIII–XIV вв., как в кургане 6 могильника Ковалевка IV на Южном Буге и кургане 7 могильника Олень-Колодезь в Воронежской области или погребении второй четверти XIII в. в станице Новоберезанской на Кубани [Горелик, Ковпаненко, 2001, рис. 1-9, с. 160; Ефимов, 2000, с. 180, рис. 7-21; Зеленский, Каминская, 1993, с. 83–85]. Однако в монгольское время для них характерна широкая подножка.

В итоге, причерноморские стремяна типа IV-4 можно уверенно отнести к XII–XIII вв. Достоверное бытование их в данном регионе в XIV в. пока не зафиксировано.

Предметы упряжи и захоронения коней отсутствуют здесь в курганах этого времени, которые возведены над погребениями в каменных ящиках, датирующихся золотоордынскими монетами.

Тип 5 – арочные, с прутовидной 4-гранной дужкой, широким отверстием для путлища (от 30 до 42 мм) и прямой подножкой заостренно-овальной формы с усиливающим ребром-валиком (23 экз.). Как исключение, у стремени № 96 из погребения 2 в Архип-Осиповке подножка имеет два ребра. Ширина подножек имеет три градации: преобладающая – от 4 до 5 см, промежуточная – около 6 см и редкая – свыше 7 см. У подавляющего большинства стремян этого типа в местах перехода дужки в подножку имеются небольшие выступы-«кулачки». Таким образом, прямая подножка, широкая прорезь для путлища и «кулачки» являются отличительными признаками данного типа в сравнении с предыдущим (рис. 19). Стременам этого типа присущ характерный профиль в виде перевернутой буквы «Г».

К разновидностям этого типа я отношу, во-первых, пару стремян из аула Пляхо под Туапсе (№ 98–99), подножка которых не имеет ребра и слегка выгнута наружу, а дужки по мере приближения к верху заметно уплощаются (рис. 19: 3). Во-вторых, пару стремян из кургана 1 у Раевского городища (№ 11, 12), которые менее приземистые по отношению к остальным стремянам типа IV-5, но, главное, отличаются 76-миллиметровой подножкой, самой широкой в нашей выборке (рис. 18). Возможно, раевские стремяна являются в ней и самыми поздними, если судить по специфической ширине подножки, часто встречаемой у стремян золотоордынской эпохи во второй половине XIII – XIV вв. Правда, как правило, края подножек у экземпляров рубежа XIII–XIV вв. [Ефимов, 2000, рис. 9-1, с. 180; Захаров, Яворская, 2003, рис. 2-4, с. 237; Руденко, 1999, рис. 3-1-2] и XIV – начала XV в. сильно загнуты вниз, иногда под прямым углом напоподобие канта, что хорошо видно на единственной белореченской паре стремян [Левашова, 1953, с. 181].

Причерноморские стремяна типа IV-5 можно было бы включить в отдел E классификации Г.А. Федорова-Давыдова, но выступ-прогиб под отверстием, как один из ведущих признаков указанного отдела, наблюдается у них крайне редко. Кроме того, они наиболее сопоставимы с типом E-IV по описанию, но иллюстрация в работе абсолютно исключает это сходство [Федоров-Давыдов, 1966, с. 13, рис. 1]. Аналогии типам отдела E Г.А. Федорова-Давыдов обнаружил главным образом в золотоордынских материалах Поволжья, Прикамья и в Сибири, а исследование «методом сопряженности типов» привело его к датировке их второй половиной XIII–XIV в. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 16, 116].

Похожая картина наблюдается при сравнении причерноморских стремян данного типа со стремянами классификации А.Н. Кирпичникова, так как и здесь нет полных аналогов. В самых общих чертах они соотносятся только с типами VII и VIIa, распространенными на Руси в XII–XIII вв. Однако, от типа VIIa они отличаются верхом (отсутствием петли), а с типом VII сближаются лишь наличием прямого подножья, к тому же, последний тип редко снабжен «кулачками» [Кирпичников, 1973, с. 50–51, табл. XV-6, 9]. А.Н. Кирпичников отнес стремяна типов VII и VIIa, обеспечивающие прочную опору для ног, к снаряжению тяжеловооруженных воинов, наиболее популярному в южнорусских землях и граничащих с ними степях. Относительно районов

распространения причерноморские находки подкрепляют это мнение. Прямые и территориально ближайшие аналогии им отыскиваются в половецких погребениях XII-XIV вв. в степном Прикубанье и Восточном Закубанье, в т.ч. погребениях тяжелооруженных всадников [Зеленский, 1998а, рис. 1-2]. Согласно исследованиям Ю.В. Зеленского, эти погребения разделяются на три последовательные хронологические группы в указанных рамках, но к какой принадлежат комплексы находок с такими стременами, автор не поясняет [Зеленский, 1998б, с. 59]. Вместе с тем, приходится констатировать отсутствие прямых и массовых аналогий типу IV-5 за пределами Северо-Западного Кавказа.

Причерноморские стремена типа IV-5, используя данные А.Н. Кирпичникова, можно было бы отнести к XII-XIII вв. Хронологические выводы Г.А. Федорова-Давыдова позволяют сузить эту датировку только до XIII в., потому что бытование их в данном регионе в XIV в. пока не зафиксировано, как и в предыдущем случае. Отсутствие аналогов этому типу в новых археологических материалах, которые помогли бы уточнить возраст, заставляет пока принять такую дату. Не исключено, что некоторые стремена типа IV-5 в Северо-Восточном Причерноморье встречались и на рубеже XIII-XIV вв., о чем свидетельствует их разновидность из кургана у Раевского городища.

Подведу итоги. В целом, стремена Северо-Восточного Причерноморья в своем развитии демонстрируют такую же основную морфологическую тенденцию, какая прослежена на стременах многих других областей вплоть до Сибири [Степи Евразии, 1981, сс. 197, 214-215, 222]. Это постепенный переход от стремей VIII в. с выделенными петлями и узкими подножками, т.е. высоких прямоподножных с пластинчатой петлей (тип IA-1) и 8-видных (тип II-2), к приземистым арочным стременам XIII-XIV вв. без петли с широкой прямой или чуть прогнутой подножкой (типы IV-4, 5). Промежуточными формами в этом процессе в Причерноморье можно считать сначала, в X-XI вв., грушевидные и яйцевидные с петлей (типы IA-3 и IB-1), затем в XI - начале XII в. яйцевидные без петли (разновидности типа IV-3), а в XII - первой половине XIII в. подтреугольно-округлые стремена с плоскими дужками (тип IV-3) и арочные без кулачков (тип IV-4), все с выгнутыми подножками. На определенном этапе, но пока не ясно, когда конкретно, вместе с двумя последними формами начинают использоваться арочные стремена с прямой подножкой, кулачками и горизонтальным прямоугольным выступом-петлей или без него (типы III-1, 2 и IV-5). Их сосуществование в причерноморском регионе не позволяет считать стремена с выступом типа III-1 («невыведеннопластинчатые», по сибирской терминологии) переходными к подтреугольно-округлым стременам типа IV-3 («беспластинчатым», соответственно), как это предполагается для Южной Сибири, где беспластинчатые доминируют в XIII-XIV вв. Более того, по моим наблюдениям, в монгольское время в восточноевропейских степях преобладают стремена не с плоскими, а с пружинистыми дужками. Арочные формы без петли типа IV-5 завершают типологию причерноморских стремей, если учесть отсутствие массовых материалов последующего периода XIV-XV вв.

Как бы отдельную линию представляют собой другие изделия - единичные кольчатые и более частые кольцевидные с заостренным верхом XI - начала XII в. (типы IV-1, 2) и, наконец, тоже редкие кольцевидные с плоскими дужками и выступом-прогибом под отверстием для путлища конца XII-XIII в. Пока нельзя понять, от ка-

ких ранних форм они происходят, можно ли их возводить к 8-видным стременам VII-VIII вв. с сильно выгнутым узким подножьем типа II-2.

Надо сказать, что процесс сменяемости типов средневековых причерноморских стремей намечен пунктирно и предварительно. Во-первых, объем обработанного археологического материала пока недостаточен для построения эволюционных рядов и определения генезиса местных форм, к тому же его надо получить равнозначными раскопками памятников раннего и развитого средневековья. Во-вторых, данное исследование не ставило такую цель, ограничившись в основном рамками X-XIII вв.

Наибольшим разнообразием типов характеризуется отдел IV, хронологически ограниченный XI-XIII вв. Два типа стремей этого отдела, статистически лидирующие в нашей выборке, и один тип предыдущего отдела отличаются неким своеобразием (табл. I). Я имею в виду подтреугольно-округлые стремена типа IV-3 и арочные с прямой подножкой и кулачками типов IV-5 и III-1. Помимо специфических типобразующих деталей они имеют немногочисленные и не всегда прямые аналогии, круг которых ограничен Северным Кавказом и восточноевропейскими степными и пограничными с ними районами. Благодаря этому названные три типа можно считать изделиями, показательными для Северо-Восточного Причерноморья в XII-XIII вв. На третьем месте по численности находятся арочные стремена с чуть выгнутым подножьем типа IV-4. В отличие от «показательных» типов, они представляются наиболее универсальными и простыми по конструкции и изготовлению, а большой круг

Таблица I. Количественное распределение типов стремей по археологическим памятникам

Памятник (местонахождение)	IA-1	IA-2	IA-3	IB-1	II-1	II-2	III-1	III-2	IV-1	IV-2	IV-3	IV-4	IV-5	Тип не- ясен	Всего
Андреевская щель			1	2				1			4	1			9
В урочище Макитра								1						1	2
У Раевского городища													2		2
У Ногай-кале												1	1		2
У поселка Ленинский путь	3				1					2		1			7
Южноозеревский		1	1						1	2	2	1			8
Васильевка-4							2								2
Цемдолинский на пашне									2	1	8	3	7	1	22
Цемдолинский курганный									2	3	5		2		12
Сапунский							2				7	6	3		18
Чайка							2				4				6
Потомственный											2	2			4
Борисовский курганный													2		2
Кабардинка											2				1
Архип-Осиповка												1	3		4
Пляхо							2						2		4
Грекомайский		1								2					3
Геленджик						2									2
Дивноморское													1		1
Всего	3	2	2	2	1	2	8	2	5	10	34	16	23	2	112

аналогий доказывает их распространенность на обширной территории евразийских степей.

Необходимо учесть, что данные в крайнем правом столбце таблицы I (и ниже аналогичной таблицы V по удилам) отражают степень раскопанности могильников; следовательно, показатели представленности типов в каждом археологическом памятнике относительны и в определенной мере зависят от его изученности.

Таблица II показывает четкое расслоение стремян на два блока: ранний – VIII–X вв. и поздний – XI–XIII вв. В первый блок входят стремяна с пластинчатой и рамчатой петлями и 8-видные стремяна, а второй блок включает стремяна без петли и с низким прямоугольным выступом-петлей. (Первый блок не исчерпывается описанными типами, но для полного представления о его составе нужно отдельно работать с материалами грунтовых могильников VIII–IX (X) вв., что не было нашей задачей). Это типолого-хронологическое расслоение в Причерноморье, вероятно, тоже отражает радикальные перемены в конском снаряжении, которые наблюдаются на территории

Таблица II. Хронологическое распределение типов стремян

Типы Века	A-1	IA-2	IA-3	IB-1	II-1	II-2	III-1	III-2	IV-1	IV-2	IV-3	IV-4	IV-5
VIII	+					+							
IX	+	Конец века	+		+								
X		+	+	+	+								
XI									+	+			
XII							+	+	+	+	+	+	
XIII							Перв. пол.	+			Перв. пол.	+	+
XIV								+					

Древней Руси, но веком позже, на рубеже XI–XII вв. Там они заключаются в «почти полном отрицании ранее существовавших типов (стремьян – Е.А.) и внедрении нововведений», зависящих от изменения боевой тактики, деления кавалерии на тяжелую и легкую и соответствующего приспособления снаряжения, седловки и др. [Кирпичников, 1973, с. 55]. По мнению А.Н. Кирпичникова, на Руси эти новшества были обусловлены главным образом внутренним развитием. На фоне данных явлений обращает на себя внимание один внешний фактор, который, думается, сыграл определенную роль в этом процессе и на Руси, и в Причерноморье, – появление кипчаков на восточноевропейской политической и географической арене. Кстати, о двукратных переменах в IV–V вв. и в X–XI вв. в военной тактике, вооружении и конском снаряжении у алан Северного Кавказа под воздействием именно политических событий и нашествий с Востока писал В.Н. Каминский [Каминский, 1989, с. 160–161]. Наиболее вероятной причиной этих явлений в Северо-Восточном Причерноморье, как и на всем Северо-Западном Кавказе и в Центральном Предкавказье в X в., была гибель Хазарского каганата и увядание его культуры (в археологическом проявлении – салтово-маяцкой разных вариантов), в том числе на территориях, подверженных ее влиянию. В XI в. инновационную струю принесло с собой кипчацкое (кимако-

кипчацкое? – Е.А.) проникновение в эти области, заметное по письменным источникам и археологическим материалам [Минаева, 1964, с. 167–169; Савенко, 1986, с. 81; 1988, с. 148–150; Гадло, 1994, с. 138–149; Армарчук, 2001].

Тот факт, что в подавляющем большинстве стремяна найдены в погребениях воинов-всадников, позволяет относить их к предметам воинской экипировки. Возможно, эти же стремяна использовались в других, бытовых целях, но у нас нет данных об этом. Они в большей степени накапливаются благодаря раскопкам поселений и городищ, а не дружинных курганов, хотя замечено, что нет четких критериев определения конкретного назначения стремян, найденных в поселенческих слоях. Судя по сочетанию предметов конского снаряжения, оружия и доспехов в погребениях могильников Дюрсо и Борисово (погр. 134), в раннем блоке причерноморских стремян боевыми подножьями являлись типы IA-1 и IA-2, принадлежавшие воинам-профессионалам, в т.ч. тяжеловооруженным [о вооружении Дюрсо см.: Дмитриев, 2003, с. 204]. Облегченные в сравнении с ними 8-видные стремяна типов II-1 и II-2 по аналогиям с южносибирскими материалами условно можно отнести к снаряжению конных лучников, но пока их слишком мало для более определенных атрибуций.

В позднем блоке стремяна типов III-1 и III-2 и все типы отдела IV, кроме декорированных, являются боевыми. Анализ сопряженности типов стремян, видов оружия и защитных доспехов в курганных погребениях причерноморских могильников XII–XIII вв. (главным образом, Сапунского и Цемдолинского) не выявил определенных связей между ними. – В конских погребениях, сопровождающих кремационные погребения воинов с кольчугами или кольчужными шапками (единично – со шлемами), встречаются в равной степени стремяна типов IV-3, 4 и 5 и один раз типа IV-1, а в сопровождающих ингумации – стремяна типов III-1, IV-4 и IV-5. Другие виды доспехов – панцирные или чешуйчатые, т.е. тяжелая броня – отсутствуют. Оружие представлено в них стандартным набором из сабли и лука со стрелами, а копий почти нет.

Таким образом, имеющийся материал не позволяет приурочить какой-то один тип или несколько типов стремян из этого блока к снаряжению именно тяжеловооруженного всадника. Археологический материал вообще не показывает наличие тяжелой кавалерии в местном войске. Как бы то ни было, преобладание в курганных погребениях Северо-Восточного Причерноморья XII–XIII вв. округлых стремян отдела IV и стремян с прямой подножкой этого же отдела вместе с вооружением в виде сабли, лука со стрелами и кольчуги, несомненно, свидетельствует о наличии здесь подвижной и относительно легкой конницы. Такая воинская организация была адекватной обстоятельствам того времени, приспособленной к бою со степняками-кочевниками. Более того, «всадническая» культура здешнего региона сама имеет заметную степную окраску.

Трудно сказать, являлись боевыми или парадными декорированные экземпляры типов IV-2а и IV-2б. Подобные изделия (украшенные стремяна, шпоры, удила, пса-лии) принято относить к кругу вещей, маркирующих социальную верхушку, лиц высокого ранга внутри воинского сословия или профессионалов-дружинников [Кирпичников, 1973, с. 46, 53, 7, прим. 6]. Накопившиеся новые древнерусские и кочевнические материалы из разных регионов свидетельствуют в пользу этого мнения [Седова, 1997, с. 101; Кубышев, Орлов, 1982, с. 238–246; Беляев, Молодчикова, 1978,

с. 91–92; Неверов, 1998, с. 149]. Причерноморские декорированные стремена пока малочисленны и малоинформативны в этом отношении: в трех случаях из четырех они являются случайными находками, а в четвертом находились в потревоженном распашкой погребении, полный состав которого не известен, хотя и включал саблю. Тем не менее, на мой взгляд, они являются вещественными признаками дружинного быта в здешней среде, равно как и аналогичные находки в близком Закубанье и других местах.

Седла

Изучение седел не было включено в тему исследования, так как оно ограничивалось анализом металлических сбруйных предметов. Однако для полноты картины мы сочли нужным кратко описать находки, которые относятся или были отнесены авторами раскопок к этой категории изделий. Остатки седел обнаружены в нескольких погребениях причерноморских могильников. К сожалению, их деревянная основа не сохраняется, и поэтому конструкция неясна, иногда спорным кажется предварительное причисление найденных предметов к седельным принадлежностям. Безусловно, исключением являются детали нарядного седла в погребении 5 могильника Андреевская щель, от которого уцелели передняя и задняя деревянные луки, обитые кожей и украшенные мелкими накладными бляшками из сплавов на основе меди [Крым, 2003, табл. 95–30–35]. Седло входило в комплекс парадной упряжи, образцы которой встречаются в памятниках Северного Кавказа в позднеаланское время, но в данной работе оно не рассматривается. Скажу лишь, что понять и воссоздать его устройство помогают находки седел VIII–XII вв. из северокавказских аланских могильников Галиат, Даргавс, Змейский, Кольцо-Гора и других памятников.

Перечислим остальные случаи находок деталей седел. Вероятно, именно с остатками седла, а не колчана мы сталкиваемся в погребении лошади в кургане 1 у Раевского городища (рис. 57: 2). Вдоль ее спины располагалось пятно древесного тлена, в котором не хаотично, а в определенном порядке лежали железные гвозди и костяные изделия – тонкие и широкие пластинки-обкладки, мелкие клиновидные гвоздики и две точеные орнаментированные «пуговицы»-застежки [Дмитриев, 1985а, с. 56–60]. Судя по топографии этого скопления, лошадь не была оседлана, седло было положено рядом с ней ближе к крупу. Оружие в данном погребении отсутствовало.

В погребении лошади 1 кургана 4 могильника Сапун автор раскопок к остаткам седла отнес две металлические узкие и длинные пластинки, крестообразно лежащие одна на другой на боку лошади ниже лопатки [Дмитриев, 1985б, с. 7]. Рядом, под грудью, располагалось оружие кремированного воина-всадника, а вплотную к крупу у крестца зафиксированы остатки древесного тлена и две бронзовые круглые бляшки (рис. 55: 2). На мой взгляд, тлен с бляшками условно мог принадлежать седлу, а металлические пластинки, скорее всего, являются остатками предметов вооружения, например, щита. В кургане 19 этого же могильника А.В. Дмитриев как седельные атрибутирует железные гвозди-заклепки с фигурными ромбовидными шляпками [Крым, 2003, табл. 98–7]. Похожие заклепки с четырехугольной шляпкой от седел приведены В.А. Могильниковым [Могильников, 2002, с. 96, рис. 32–7, 8].

В 1894 г. Н.И. Веселовский обнаружил остатки седел при раскопках причерноморских курганов с ингумациями. Он упоминает о железных седельных гвоздях в погребении лошади в кургане 4 могильника у дороги на Варваровку в ур. Макитра под Анапой, а в кургане 5 там же им были найдены тонкие плоские орнаментированные костяные пластинки-накладки обеих седельных луков [ОАК, 1896, с. 84–85, рис. 134–136; Крым, 2003, табл. 97–47–49]. Работавший с ним Ю.А. Кулаковский при раскопках кургана на юртовой земле станицы Раевской встретил фрагменты седла (по его трактовке) в виде кожаной обивки и металлического украшения луки [ОАК, 1896, с. 97].

Итак, имеется семь находок фрагментов седел. Кроме экземпляра из Андреевской щели, безусловно, нарядным было седло из кургана 5 в ур. Макитра. В гравированной орнаментации его накладок, имевших разную конфигурацию (подтреугольную, дуговидную и др.), использованы следующие элементы: одинарные прямые и кривые линии, циркульные кружки и круги с точками или кружками внутри, штриховка «елочкой» (рис. 20: 6–11). Круги вдоль внешних краев накладок образуют непрерывную «циркульную плетенку», полностью аналогичную плетенке накладок новгородского седла начала XIII в. из Троицкого VII раскопа [Хорошев, 2004, рис. 3]. Такой рисунок был распространен в средневековом косторезном ремесле; территорияльно близкие аналогии ему дают колчаные накладки из курганного могильника X–XI вв. и слоя XI в. Саркела [Флерова, 2001, с. 50–51, рис. 14]. Кроме того, мотив плетенки использовался в декоре аланских седел, например, его вариации передают ажурная металлическая обивка седла из Андреевской щели и резьба на деревянной луке седла из комплекса 184 (погребения коня) в Змейском могильнике [Крым, 2003, табл. 95–34; Фидаров, 1994, с. 37, рис. 19].

В кочевническом погребении половецкого времени в Подлужном на Северном Кавказе находились костяные седельные обкладки, по форме, элементам и композиции декора почти идентичные обкладкам из кургана 5 в Макитре [Минаева, 1964, рис. 3; Федоров-Давыдов, 1966, рис. 2–2]. Считается, что костяные, в том числе орнаментированные, накладки на предметы вооружения всадника и снаряжения коня являются кочевнической инновацией в Восточную Европу, которая прослеживается с раннего средневековья [Флерова, 2001, с. 51, 54–56]. Хотя специально остатки седла из кургана 5 в Макитре не изучались, исследователи относят его к явлению кочевнической материальной культуры, а сам курган считают половецким [Минаева, 1964, с. 175; Федоров-Давыдов, 1966, с. 21; Кирпичников, 1973, с. 38].

В итоге, достоверные находки седел и их фрагментов показывают, что в Северо-Восточном Причерноморье в XI – начале XIII в. в конской упряжи использовались седла, украшенные в разных традициях, то есть «аланской» с декором бронзовыми и латунными бляшками и накладными фигурными металлическими пластинами (погребение 5 в Андреевской щели) и «кочевнической» с использованием костяных или роговых обкладок с гравированным циркульным орнаментом (курган 5 в ур. Макитра). Судя по другим местным находкам, декор седел не исчерпывается этими яркими полярными вариантами и мог быть иным, в том числе гораздо более скромным, или вообще отсутствовать.

Сбруйные пряжки

Железные сбруйные пряжки обнаруживаются, обычно, по одному экземпляру почти в каждом конском погребении, всего их насчитывается в исследованных комплексах 43 экземпляра. В кургане 4 и погребении 14 Цемдолинского могильника пряжек оказалось соответственно пять и шесть штук, но оба объекта отличаются парным захоронением коней одновременно. Пряжки, в зависимости от их места в погребении и габаритов, можно разделить по функции: например, крупные подпружные размерами 72 × 70, 53 × 63, 65 × 70, 45 × 50, 48 × 50 мм; средние путлищные – 37 × 38, 32 × 33, 38 × 47, 30 × 33 мм и небольшие уздечные размерами 24, 22 × 26, 28 × 30 мм (размеры даны по внешним краям рамок). Полный комплект пряжек всех видов довольно редок, иногда они вообще отсутствуют – видимо, фиксация ремней осуществлялась при помощи колец и/или узлов. В тех кремационных погребениях, где оружие размещали возле брюха коня, не всегда удается четко дифференцировать небольшие сбруйные и портупейные пряжки. В других случаях в погребении при коне находилась всего одна пряжка средних размеров, которая, видимо, играла роль подпружной, а не путлищной. Определить назначение пряжек для разных частей сбруи иногда помогают также просветы их рамок и ширина прорезей в дужках стремян. В Цемдолинском могильнике наблюдалось расположение пряжки у задних ног коней, например, в кургане 3 и в конских погребениях распаханной части некрополя. Это наводит на мысль, что при погребении ноги коней были не только согнуты, но и стянуты ремнем [Армарчук, Малышев, 1997, с. 105].

Все пряжки, кроме одной, относятся к типу рамчатых, у которых ремень охватывал непосредственно часть рамки, т.е. без специального приспособления для соединения ремня с пряжкой (рис. 21). Они имеют длинные, изогнутые хоботком граненые язычки квадратного или прямоугольного сечения. По форме делятся на прямоугольные (3 экз.), круглые (6 экз.), овальные (2 экз.) и полуовальные (30 экз.).

Прямоугольные пряжки снабжены уплощенной рамкой и сглаженными углами (рис. 21: 5, 9). Пряжка из кургана у Ногай-кале размерами 72 × 70 мм самая крупная в выборке; пряжка из погребения 5 конце XI – первой половины XII в. в Андреевской щели имеет габариты 27 × 32 мм. Третий экземпляр этой формы из кургана 3 в Кабардинке сохранился во фрагментах. **Круглые** пряжки имеют диаметр от 24 до 48 мм и рамку с круглым (рис. 21: 6) или плоско-выпуклым сечением. Во втором случае пряжка плоская с тыльной стороны, расплюснутая под язычком, и только под крепежной его петлей граненая (рис. 21: 1, 3). Так же сделаны овальные и полуовальные пряжки, которые максимально раскованы спереди под острием язычка. **Овальные** пряжки обнаружены в цемдолинских курганах и имеют размеры 44 × 35 и 28 × 32 мм (рис. 21: 4). **Полуовальные** пряжки преобладают (рис. 21: 2, 7, 8, 10, 11). Размеры образцов, к примеру, из цемдолинских курганов, составляют 44 × 45, 26 × 28, 31 × 27 и 40 × 51 мм. Иногда их форма приближается к сегментовидной типа IIА-II, по Г.А. Федорову-Давыдову [Федоров-Давыдов, 1966, рис. 7]. Крупная пряжка (65 × 70 мм) из цемдолинского погребения 5 отличается от остальных рамчатым приемником для ремня и бабочковидной формой.

Подобные причерноморским железные пряжки круглых, полуовальных (сегментовидных) и смягченно прямоугольных форм типичны для конского снаряже-

ния XI–XIII вв. Восточной Европы и узко датирующими не являются [Федоров-Давыдов, 1966, с. 46; Кирпичников, 1973, с. 77]. Полуовальные и круглые сбруйные пряжки встречаются в кочевнических погребениях и древнерусских памятниках, на городищах и селищах Волжской Болгарии XI – первой половины XIII в. [Культура Билляра, 1985, т. LXVI-11; Казаков, 1991, р. 36-9, 10; Руденко, 2000, р. 13–15, 16, 37, 43, 46]. Болгарские полуовальные или сегментовидные пряжки тоже имеют уплощенное сечение скругленной передней части рамки, как и причерноморские. Таким же образом изготовлены пряжки XI–XII вв. из Приуралья и Тувы [Мажитов, 1981, с. 158]. В Северо-Восточном Причерноморье самыми распространенными были полуовальные сбруйные пряжки, мелкие экземпляры которых идентичны найденным на памятниках Подонья IX–X вв. [Ляпушкин, 1958, р. 15; Сорокин, 1959, р. 7–11, 12]. Это показывает, что нет строгой зависимости формы пряжки от ее назначения.

Прямоугольная пряжка из Андреевской щели аналогична сбруйным пряжкам из Змейского могильника (конские погребения 113, 120) [Ростунов, 1983, рис. 215, 236]. Таких пряжек практически нет в характерных для Северо-Восточного Причерноморья кремационных погребениях с лошадьми XII–XIII вв., так что их можно принять за хронологический индикатор XI – начала XII вв.

Костяные цурки

К этой категории изделий относят небольшие костяные пластины брусковидной формы с прямоугольной прорезью в центре и, как правило, подтреугольной спинкой, которые использовались в упряжи как застёжки или фиксаторы. В курганах Северо-Восточного Причерноморья возле лошадей обнаружено восемь экземпляров цурок: две в погребении 5 в Андреевской Щели, три в цемдолинском кургане 3 и по одной в кургане 2 Борисовского могильника, кургане 15 могильника Сапун и цемдолинском погребении 16.

В погребении 5 в Андреевской Щели они прямоугольной формы со сглаженными углами и гранями (рис. 20: 1, 2), в других комплексах с горбатой спинкой. У трех дуговидных цурок из цемдолинского кургана 3 прямо срезанные концы и широкие отверстия; они найдены лежащими между стремянами на левых ребрах коня ближе к позвоночнику (рис. 20: 3–5). Их количество в комплексе наводит на мысль, что перед нами остатки положенных в погребение пут для стреноживания коня, какие известны по этнографическим данным. В.А. Могильников на алтайско-тувинских материалах VIII–XI вв. подробно разбирает варианты более широкого использования цурок, т.е. для застегивания уздечных и прочих сбруйных ремней и седельных тороков при подвешивании к седлу сумок, колчанов и одежды [Могильников, 2002, с. 97]. В данном случае, судя по местоположению, они тоже могли относиться к седлу и застегивать седельные тороки, но остатков седла в этом погребении нет.

Цурки, встречаемые в конских погребениях по одному экземпляру, использовались как простые сбруйные застёжки, что подтверждает ситуация в цемдолинском погребении 16 и кургане 2 Борисовского могильника, где цурка лежала у шеи лошади [Саханев, 1914, рис. 51-1; Армарчук, Малышев, 1997, с. 104, рис. 6]. Однотипные застёжки обнаружены в слое Саркела конца X в. и кочевнических древностях евра-

зийских степей IX–XIII вв. [Флерова, 2001, с. 67, р. 17–9; Федоров-Давыдов, 1966, с. 21; Иванов, 1984, р. 12–8].

Удила

Классификация этих изделий, как и стремян, иерархична и строится, прежде всего, на выделении *отделов* по числу основных элементов – грызел, или звеньев удил. В ней присутствуют 2 отдела: А – односоставные, т.н. «удила без перегиба», и Б – двусоставные. Отделы распадаются на *подотделы* по числу колец или петель на внешних концах грызел: I – однокольчатые, II – двухкольчатые. Подотделы делятся на *типы* по оформлению этих концов – 1, 2 и т.д. Наконец, внутри типов выделяются *подтипы* по наличию и форме псалиев – а, б и далее. На последнем уровне учитывается также способ соединения грызел (крюковой или кольчатый в исследуемом материале).

Предлагаемая классификация создана на основе тех же признаков удил, которые использовали в этих целях Г.А. Федоров-Давыдов и А.Н. Кирпичников (количество звеньев, устройство и форма их окончаний, наличие или отсутствие псалиев и их форма) [Федоров-Давыдов, 1966, с. 16; Кирпичников, 1973, с. 11]. К сожалению, псалии не всегда сохраняются, и особенно это относится к более ранним периодам, когда они чаще изготавливались из уязвимых органических материалов и дерева. Археологам в итоге приходится чаще иметь дело с металлическими частями удил и классифицировать именно их. Вследствие этого псалии в нашей систематике учитываются как вспомогательный признак, в отличие от ведущей его роли в классификации Г.А. Федорова-Давыдова. Типология удил А.Н. Кирпичникова выстроена принципиально иначе и, как в случае со стремянами, представляет перечисление типов, «начиная с древнейших форм» [Кирпичников, 1973, с. 13]. Однако далеко не самая поздняя форма – односоставные удила – занимает в ней последнее место. Такой признак, как способ соединения грызел, не принимался в расчет в классификациях Г.А. Федорова-Давыдова и А.Н. Кирпичникова, но учитывается в детально разработанной И.Л. Кызласовым и С.В. Неверовым систематике южносибирских удил. В ней удила и псалии классифицируются порознь по шестиуровневой системе соответственно шести признакам, что обусловлено местными археологическими материалами, а именно, многовариантностью псалиев [Кызласов, 1983, с. 11; Ефремов, 1998, с. 159].

Исследованные удила включают 52 находки, из которых 48 – целые экземпляры, т.н. «пары», а 4 представляют собой по одному звену от составных удил. Все они изготовлены из железа и, большей частью, хорошей сохранности, но подвижные кольца иногда сделаны из бронзы, как и стержневидные псалии. Удила найдены в 43 погребальных комплексах 14 могильников, в остальных девяти случаях они являются случайными находками из разрушенных погребений и распаханых слоев могильников.

Отдел А – односоставные.

Подотдел I – однокольчатые

Тип 1 – со слабо изогнутым дуговидным грызлом, на концах которого по одному кольцу (2 экз.). Кольца находятся в одной плоскости, образованы крутым загибом рас-

плющенных концов грызла, но не совсем замкнуты и, в сущности, являются крюками. Грызло подквадратно-округлое в сечении. Южноозереевские удила длиной 120 мм (№ 10), грекомайские около 130 мм (№ 47).

Подтип а – со вставными подвижными кольцами-трэнзелями, по одному на концах. К этому виду относится единственный экземпляр из погребения коня 1 в Южной Озереевке с кольцами диаметром 43–45 и 45–47 мм круглого сечения (рис. 22: 1).

У грекомайских удил псалии не сохранились (рис. 22: 2). Помимо того, они были покрыты темно-красной окалиной, как и стремяна с насечкой типа IV-26 (№ 102, 103) из одного с ними случайного «комплекса», что свидетельствует об их пребывании в огне, вероятно, при обряде кремации. Кроме этих предметов «комплекс» включает в себя стремя типа IA-2 с декором (№ 104) и кольчатые удила с большими подвижными кольцами (№ 48, рис. 27: 3). Определение первоначальной сочетаемости предметов и их принадлежности одному или разным погребениям, к сожалению, невозможно, но сами вещи выразительны и неординарны.

Это так называемые «удила без перегиба», встречаемые от Сибири до Западной Европы и, в частности, в восточноевропейских кочевнических погребениях, относимых к печенежским [Плетнева, 1958, с. 156, 162; Федоров-Давыдов, 1966, с. 18, 20, 115; Могильников, 1987, с. 224, табл. CI-14; Гарустович, Иванов, 2001, рис. 18-32, 33, 39]. Г.А. Федоров-Давыдов выделил их в тип В-I, датировав по аналогиям не позднее XI в., а корреляционным методом – XII веком. Им учтены также односоставные удила со стержневыми «крылатыми» псалиями, которые теоретически могли быть и у грекомайского экземпляра. При обнаружении таких удил в Причерноморье местный типологический ряд можно будет продолжить. В своде А.Н. Кирпичникова односоставные удила отнесены к VI типу и, в основном, к X–XI вв. с указанием, что на Руси они почти не использовались в отличие от граничащего с ней Киевского Поросья и Подонья [Кирпичников, 1973, с. 17–18]. Последнее демонстрируют курганы Черных Клобуков XII – начала XIII в. и курганы X – первой четверти XI в. у Саркела-Белой Вежи [Плетнева, 1973, табл. 3, 8, 18; 1990, с. 48–49].

Односоставные удила попадают на селищах и городищах X–XII вв. Волжской Болгарии [Хузин, 1985, табл. LXIII-3, с. 193–195; Казаков, 1991, с. 105; Руденко, 2000а, рис. 14-18, с. 53]. Они присутствуют в инвентаре приуральских курганов XII в. [Мажитов, 1981, рис. 74-5; 75-9, с. 157–158]. Правда, судя по сочетаемости их в мряси-мовских комплексах со стремянами ранних типов, датировка этих комплексов XII веком, а не X–XI вв., кажется завышенной. В.А. Кригер пришел к выводу, что распространение односоставных удил в курганах Заволжья и Приуралья ограничено рамками конца IX – середины XI в. [Гарустович, Иванов, 2001, с. 85]. Наконец, удила без перегиба обнаружены в кочевническом погребении XI в. на Таманском п-ове и в погребении 26 кремационного могильника Абинский 4 XI – начала XIII в. Закубанье, где они крайне редки [Атавин, 2001, с. 162–163, рис. 3-2; Пьянков, 1993, рис. 9-38].

В итоге, опираясь прежде всего на ближайшие аналогии из Тамани и Закубанья и датировку кольчатых и кольцевидных стремян, сопровождающих эти удила в наших комплексах, а затем учитывая остальные аналогии, я отношу причерноморские удила типа AI-1а к XI–XII вв., но с предпочтительным ограничением верхнего предела началом XII в. Об использовании их в здешнем регионе в X в. пока нет данных.

Отдел Б – двусоставные.

Подотдел I – однокольчатые

Все удила этого подотдела состоят из двух прямых грызель-звеньев с одинарными приемными кольцами на внешних концах (47 экз.). Кольца обоих концов одного грызла расположены в одной плоскости, кольца другого грызла всегда взаимно перпендикулярны. Это относится также к рассыпавшимся и сломанным экземплярам и к тем, от которых сохранилось по одному звену (№ 1, 2, 12, 19, 21, 25 и 48). По способу соединения звеньев удила подразделяются на соединенно-кольчатые и соединенно-крюковые: в первом случае внутренние концы грызель оформлены в виде кольца, а во втором они загнуты в крюк. По оформлению внешних приемных концов грызель они представлены следующими типами.

Тип 1 – с каплевидными кольцами-петлями (2 экз., № 1, 2). От обоих удил уцелело по одному грызлу с наполовину обломанными петлями, форма которых угадывается, несмотря на фрагментарность (рис. 22: 3, 4). Найдены в слое распахки могильника Андреевская щель. Различаются размерами петель, предназначенных для разных псалиев, которые не сохранились.

Подтип а – с небольшой петлей, в которую вставлялся, видимо, металлический стержневидный или кольчатый псалий, а, возможно, и поводное кольцо (№ 1). Грызла округлого сечения длиной 73 мм, однако, первоначально было около 9 см длиной. Внутренний конец в виде замкнутой петли, что позволяет отнести это удило к соединенно-кольчатым (рис. 22: 3). Судя по продольному шву на грызеле, способ изготовления данного экземпляра отчасти схож с тем, который применялся для удил из алтайских курганов IX–XI вв. В.А. Могильников реконструирует его следующим образом: узкий железный прут обертывали вокруг стержня-сердечника диаметром, равным диаметру внешнего кольца, затем, отступя на длину звена, оборачивали вокруг другого стержня, равного по диаметру внутреннему кольцу, потом соединяли концы, складывали параллельно прямые части прута и проковывали их для получения самого грызла [Могильников, 2002, с. 86].

Удила с аналогичными приемными петлями, укомплектованные S-видными псалиями и поводными кольцами, найдены в дмитриевской катакомбе 17 [Плетнева, 1989, рис. 38]. Идентичные удила с небольшими каплевидными кольцами-петлями найдены в погребении 202 Танкеевского могильника, в погребении 2 лагереvского кургана IX–X вв. на Южном Урале и в курганах алтайских предгорий, где датируются серединой IX – серединой X в. [Казаков, 1992, рис. 57-2, с. 152; Мажитов, 1981, рис. 42-21; Могильников, 2002, с. 83–84, рис. 116-7]. На этом фоне причерноморские удила типа Б1-1а укладываются в рамки IX–X вв.

Подтип б – с крупным кольцом-петлей, рассчитанным на толстые (костяные или роговые) псалии (№ 2). Грызла граненые, квадратного сечения, с крюком на внутреннем конце (рис. 22: 4). Относится к соединенно-крюковым удилам.

Удила с аналогичными звеньями находят в раннеболгарских могильниках, например, Большетиганском второй половины VIII – первой половины IX в. и Танкеевском второй половины IX – X в., и в Биляре, но почти не встречаются в болгарских селищах X–XIII в. [Казаков, 1991, с. 103, рис. 36-23; 1992, рис. 19-43, 57-5, с. 154; Хузин,

1985, табл. LXIV-2; Руденко, 2000а, с. 53–54]. В связи с билярской находкой выдвинуто предположение, что удилами с крупными приемными кольцами могли пользоваться и без костяных псалиев: к приемным кольцам крепились поводья, а вставленные в них подвижные кольца соединялись с ремнями уздечки [Хузин, 1985, с. 199]. Именно так употреблялись удила из упоминавшегося выше танкеевского погребения 202.

Другие соответствия дают южноуральский Лагереvский курганный могильник IX–X вв., Релкинский могильник в Томском Приобье (материалы которого не выходят за пределы VIII в.), южносибирская культура чаатас и курганы алтайских предгорий, где подобные удила датируются второй половиной VIII – серединой IX в. [Мажитов, 1981, рис. 38-24; 41-13; Могильников, 1987, с. 224, табл. ХСVI-23; 2002, с. 83, рис. 208-18; Степи Евразии, рис. 28-46]. Они довольно архаичны и, как полагают, восходят, по меньшей мере, к кудыргинским образцам древнетюркского времени [Степи Евразии, 1981, рис. 19-14]. В свою очередь, прототипами последних в Южной Сибири считаются древние бронзовые однокольчатые «скифские» удила, сменившиеся железными в конце I тыс. до н.э., а также железные однокольчатые, принадлежавшие культуре забайкальских хунну [Савинов, 1998, с. 137, рис. 1-8, 2-10].

В Северо-Восточном Причерноморье соответствующие данному подтипу удила (без псалиев) обнаружены в могильниках Дюрсо и у поселка Ленинский путь [Дмитриев, 1979, рис. 2; Пьянков, 2001, рис. 1-5]. Другой аналог найден в конском погребении-комплексе 195 Змейского могильника X–XII вв., где вместе с удилами находились железные П-образные скобы, которые, наиболее вероятно, относились к несохранившимся псалиям из кости или рога [Фидаров, 1994, с. 159–161, рис. 66-4]. Эта находка косвенно подтверждает наши предположения относительно вида псалиев, с которыми могли сочетаться удила типа Б1-1б.

В итоге, причерноморские удила типа Б1-1б с крупными каплевидными кольцами по аналогиям можно широко датировать в пределах второй половины VIII–X в. Однако, такой тип удил не отражен в классификациях А.Н. Кирпичникова и Г.А. Федорова-Давыдова, построенных на восточноевропейских материалах X и последующих веков, что служит доводом в пользу снижения верхнего предела его датировки до IX в.

Тип 2 – с круглыми маленькими кольцами (45 экз.). Стержни грызель граненые, квадратные в сечении и гораздо реже гладкие и круглые в разрезе (рис. 23: 2). Сами грызла неравной длины. Кольца на обоих их концах образованы путем крутого загиба в крюк концов прута, из которого делались грызла. Как правило, внешние кольца замкнуты, т.е. конец прута подведен вплотную к стержню, а внутренние кольца представляют собой слегка разомкнутый крюк. Таким образом, почти все эти удила относятся к соединенно-крюковым. По форме псалиев удила типа Б1-2 делятся на подтипы.

Подтип а – со стержневидными прямыми псалиями (2 экз.). Удила этого подтипа найдены в сопровождающих погребениях коней в кургане 14 Цемдолинского могильника (№ 26) и в погребении 33 на распаханном участке того же могильника (№ 19). Псалии имеют гладкий стержень длиной 88 мм с концевыми утолщениями-шишечками с глубоким косым рифлением и боковой прямоугольный щиток с двумя разными отверстиями – меньшее для петли грызла, большее для уздечного ремня с переходным кольцом или без него (рис. 22: 5, 6). Они изготовлены из оловянно-

свинцовой бронзы методом литья и характеризуются небольшими размерами, тщательной выделкой и изяществом формы (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 34). Обе пары псалиев одинаковы и, видимо, отлиты в одной форме. Псалии вставлены в приемные петли грызел вместе с поводными кольцами, по одному на каждом конце удила. У удила из цемдолинского погребения 33 поводные кольца тоже бронзовые.

Во-первых, однотипные псалии найдены в памятниках салтово-маяцкой культуры: в хазарском слое Саркела второй половины IX – X в. [Сорокин, 1959, р. 7–4]. Сопоставимые псалии со щитком, но без шишечек обнаружены в катакомбе 30 Маяцкого могильника середины VIII – середины IX в., катакомбах 45, 82 и 135 Дмитриевского могильника конца VIII – начала X в. и на Правобережном Цимлянском городище [Флеров, 1984, с. 160–161, рис. 15–8; Плетнева, 1989, рис. 38; Ляпушкин, 1958, рис. 15]. Во-вторых, в памятниках Волжской Болгарии (погребение 735 Танкеевского могильника и ранний слой Биляра) и памятниках поволжских и прикамских финнов (Крюково-Кужновский могильник IX–XI вв., Варнинский могильник VII–VIII вв.) [Казаков, 1992, рис. 57–8; Хузин, 1985, с. 195, табл. LXIII–2; Финно-угры, 1987, табл. XLIII–15, LIX–12]. В-третьих, в могильниках Южного Урала – Стерлитамакском могильнике и хусаиновских и бекешевских курганах IX–X вв. [Мажитов, 1981, рис. 26–11, 31–17, 50–11]. В-четвертых, стержневидные псалии со щитком с двумя отверстиями встречены в кургане X в. в Юго-Восточном Приладжье и слое IX в. Старой Ладоги, в древнерусских материалах X в. из поселений (Вышгород) и дружинных курганов (Шестовицы) [Кирпичников, 1973, табл. I–1, III–2, V–1, рис. 5–3]. По наблюдениям А.Н. Кирпичникова, шишковидные увенчания характерны для псалиев второй половины X–XI в., как, например, у псалия из шестовицкого кургана, самого близкого цемдолинским в его сводке [Кирпичников, 1973, с. 14–15, рис. 5–4]. Добавлю, что аналогичные цемдолинским рифленые шишечки имеет обломок псалия X–XI вв. с древнерусского поселения Лесковое на Черниговщине [Веремейчик, 2003, рис. 2–7]. Важно, что во всех перечисленных случаях подобные цемдолинским восточноевропейские псалии IX–X вв. сочленяются с *двуколычатыми* удилами, вставляясь во внутреннее приемное кольцо грызел таких удила.

Для курганных материалов XII–XIII вв. из Северо-Восточного Причерноморья стержневидные псалии со щитком не характерны и, на мой взгляд, явно пережиточны. Однако их ранние формы во множестве есть как в местных и закубанских предшествующих кремациях (могильники у поселка Ленинский путь, Борисово, Дюрсо, Молдовановский и др.), так и в северокавказских (Балта, Даргавс) и донских катакомбах VIII–IX вв. и раннеболгарских могильниках IX–X вв. в Поволжье (Танкеевский и Больше-Тарханский), где они тоже всегда соединяются с *двуколычатыми* грызлами [Дмитриев, 1987, рис. 183; Крым, табл. 73–5а, 91–11, 30; Пьянков, 2001, рис. 1–13; Пьянков, Тарабанов, 2004, рис. 2–10; Степи Евразии, 1981, рис. 36–35; Уварова, 1900, с. 132–133; Габуев, 2005, с. 56; Казаков, 1992, рис. 12–2, с. 154]. Именно такие ранние удила включает классификация Г.А. Федорова-Давыдова как тип Б–I, датированный по аналогиям VIII–X вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 18–19, 104].

Разновидности стержневидных псалиев, в том числе из бронзы и в виде т.н. «крылатых», гораздо чаще, чем на черноморском побережье, встречаются в катакомбах 15 и др. и конских погребениях 50, 156, 170 и др. XI–XII вв. Змейского могильни-

ка, а изредка – в закубанских кремациях XI–XII вв. [Кузнецов, 1961, т. XI–6; 1962, с. 37; Фидаров, 1982, табл. LXX; Шестопалова, 1995, рис. 40, 87; Пьянков, 1993, рис. 7–12; 2000, рис. 4–29]. Таким образом, современные находки тоже указывают на Северный Кавказ как область их устойчивого распространения в это время. Редкий на Руси вариант удила с металлическими прямыми псалиями (с петлей вместо щитка), аналогично причерноморским продетыми вместе с поводным кольцом в одну петлю грызла, А.Н. Кирпичников выделяет в подтип Iб, он датирует его X–XI вв., привлекая параллели из Подонья и Северного Кавказа.

В итоге, причерноморские удила типа БI–2а по ближайшим, северокавказским, аналогиям предпочтительнее датировать концом X – XI в. На XI век указывает и сочетание стержневых псалиев со щитком с *одноколычатыми* удилами, сменившими *двуколычатыми*. Именно данное сочетание маркирует поздний период существования этих псалиев. Возможно, такие псалии бытовали в Северо-Восточном Причерноморье несколько шире, т.е. на протяжении всего X века, а в комплекте с одноколычатыми удилами и стремянами типа IV–3 доживали до XII в., что мы видим по цемдолинским погребениям.

Ранее С.А. Плетнева связала удила с металлическими стержневыми псалиями, в основном, с аланским вариантом салтово-маяцкой культуры [Плетнева, 1967, с. 167]. Хотя приведенные аналогии из новых материалов свидетельствуют о более широком их использовании в IX–X вв., постоянное и долгое присутствие удила со стержневыми псалиями на Северном Кавказе вплоть до XII в. подтверждает их связь с аланами, а не опровергает ее.

Относительно генезиса европейских средневековых прямопсальных удила есть мнение, что они ведут происхождение с востока от гуннов (хунну) и в Европе появляются в эпоху переселения народов [см.: Кирпичников, 1973, с. 14]. У забайкальских хунну преобладали удила с прямыми, сначала роговыми, а позже и железными псалиями, хотя иногда использовались изогнутые S-видные [Савинов, 1998, с. 137, рис. 2–11, 13]. В дальнейшем они были восприняты другими народами. В частности, в восточнопричерноморском регионе в конском снаряжении удила со стержневидными псалиями являются новшеством раннегуннского времени конца IV – начала V в., но чуть позже становятся уже упрочившейся формой [Крым, 2003, с. 190, табл. 74–10]. К этому же времени относятся неординарные уздечки с прямопсальными удилами с Северного Кавказа: так, IV–V веками датируется комплекс из могильника 2 у Лермонтовской скалы и V веком богатая узда из кургана 2 североосетинского могильника Брут [Рунич, 1976, рис. 4–4, с. 265–266; Габуев, 2005, с. 37].

Подтип б – с колычатыми псалиями из дрота круглого сечения, не превышающего 5 мм (42 экз.). Именно эти, т.н. «колычатые» удила являются безусловно преобладающими в исследованной выборке. Они имеют подвижные, как правило, железные трензельные кольца, продетые по одному в приемные кольца грызел и выполняющие одновременно функции псалиев и поводных колец. У семи удила из трех могильников и одного местонахождения они изготовлены из бронзы (№ 21, 22, 25, 29, 39, 40, 44).

У пяти удила этого подтипа концы грызел оформлены иначе: они представляют собой не крюки, а глухие кольца, у которых совсем не видны соединительные швы (№ 7, 11, 12, 40, 48). Видимо, это достигалось сваркой; показательными в этом отно-

шении являются удила с круглыми, правильной формы кольцами звеньев из конских погребений 2 и 3 в Южной Озереевке (№ 11, 12). Следовательно, такие удила принадлежат к соединенно-кольчатым (рис. 27).

Поскольку кольчатые псалии варьируются в размерах, удила этого подтипа в зависимости от их диаметра имеют четыре градации: 1 – с маленькими, 2 и 3 – со средними и 4 – с большими кольцами.

Первая градация – диаметр колец от 26 до 29 мм (3 экз., рис. 23: 1). Длина грызел первых удил в этой градации составляет 79 и 80 мм (№ 27), вторых – 90 и 94 мм (№ 22), у третьих звенья рассыпались еще при расчистке погребения (№ 21).

Вторая градация – диаметр колец от 30 до 43 мм (26 экз., рис. 24). У большинства удил с такими кольцами длина меньших грызел варьируется от 70 до 76 мм, а в пяти случаях достигает 82–85 мм. Размеры больших грызел колеблются от 73 до 96 мм. Среди них преобладают длиной в 80–91 мм, у остальных она составляет от 73 до 78 мм. В данном массиве особняком стоят двое удил с короткими звеньями длиной 64 и 68 (№ 23), 55 и 66 мм (№ 24) и одни удила с длинными звеньями размером 88 и 98 мм (№ 34). Однако у половины удил этого массива грызла можно считать равными, так как их разница не превышает 3 мм.

Третья градация – диаметр колец от 46 до 57 мм (7 экз.). У четырех удил этой градации грызла тоже почти равны, ибо их длина отличается двумя-тремя миллиметрами, в целом изменяясь между «парами» от 80 до 93 мм. Пятые удила имеют равные 88-миллиметровые звенья, а двое других – неравные. В целом, грызла удил этой градации характеризуются небольшим разбросом размеров (рис. 23: 3; 25: 2, 3). Одни удила (№ 7 – из раскопок В.И. Сизова у Ногай-кале), вероятно, имели кольца разного диаметра – 48 и 88 мм, которые в музейной коллекции вещей находились отдельно от грызел. В отличие от других в этой градации они относятся к соединенно-кольчатым удилам и снабжены трубковидными внешними петлями (рис. 26: 1, 2).

Четвертая градация – диаметр колец от 60 до 70 мм и более (6 экз.). У четырех удил грызла не равны, их разница в «парах» составляет от 5 до 14 мм (рис. 26: 4). Меньшие звенья укладываются в параметры 71–80 мм, большие – 76–87 мм. От двух других удил сохранилось по одному звену длиной 85 и 89 мм, причем первое имеет подвижное кольцо самого большого диаметра – 85 мм (№ 48, рис. 27: 3). Трое из удил данной градации относятся к соединенно-кольчатым (№ 11, 12, 48, рис. 27: 2-4), а четвертые отличаются трубковидными внешними петлями (№ 35, рис. 26: 3).

Итак, налицо преобладание удил с подвижными кольцами диаметром от 3 до 4,5 см. Сравнение габаритов звеньев удил всех четырех градаций показывает, что они практически не отличаются друг от друга. Это определенно говорит об отсутствии зависимости длины звеньев от диаметров вставных колец в нашем материале. Какие изделия обращают на себя внимание по метрическим показателям? В первой градации это удила с маленькими кольцами и длинными грызлами из конского погребения 1 цемдолинского кургана 4 (№ 22). Во второй – двое удил со средними кольцами, но короткими грызлами из конского погребения 2 того же кургана (№ 23) и из цемдолинского кургана 6 (№ 24), а также одни удила с длинными грызлами из сапунского кургана 22 (№ 34). В третьей градации выпадают из общего ряда соединенно-кольчатые удила с разными подвижными кольцами из кургана у Ногай-кале (№ 7). Я

думаю, что все они демонстрируют не закономерные типологические, а эпизодические отклонения, вызванные, вероятно, специфическими и конкретными функциональными требованиями.

Удила с маленькими и средними кольцами соответствуют типам Г-I и Г-II классификации Г.А. Федорова-Давыдова, по многочисленным аналогиям широко датированым им IX–XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 18, 20]. Бесконечные новые аналогии подтверждают массовое распространение этих типов удил в разные периоды на обширной территории. Универсальность и популярность кольчатых удил отметил А.Н. Кирпичников; в его систематике это тип IV, появляющийся на Руси в IX–X вв. и доминирующий в XII–XIII вв. По его данным, с X века у них фиксируется разновеликость подвижных колец, диктуемая необходимостью управлять разнохарактерными лошадьми, а в XII–XIII вв. – неравнозначность грызел. Однако, деление кольчатых удил на группы по диаметру колец (малый – 35–45, средний – 45–50 и большой – 60–70 мм) он применил только к удилам XII–XIII вв. [Кирпичников, 1973, с. 16–17, рис. 4-IV].

Территориально ближайшие аналогии причерноморским удилам со средними и большими кольцами есть в погребальном инвентаре Ленинахабльского могильника второй половины XI в., где двумя сериями присутствуют удила с кольцами диаметром 35 и 52 мм и 73, 75 и 85 мм [Носкова, 1999, с. 203–204, рис. 5, 7, 8, 11–13]. Удила со средними кольцами встречаются как в кочевнических половецких курганах Прикубанья и Закубанья и закубанских кремациях XI–XII вв. (Черноклен), так и в комплексах XI–XII вв. аланских могильников Кольцо-Гора и Змейский в Центральном Предкавказье [Зеленский, 1998а, рис. 1–5, с. 33; Блохин и др., 2003, рис. 5–12, 8–7; Кочкаров, 2004, рис. 5–5; Савенко, 1983, рис. 1; Шестопалова, 1995, рис. 32; Фидаров, 1995, рис. 81].

Другие аналоги удилам второй – четвертой градаций уводят в Волжскую Болгарию (Биляр, городища и селища X–XIII вв.) и на Южный Урал XII – начала XIII в. [Казаков, 1991, с. 103, рис. 36–21, 22; Руденко, 2000а, с. 54, рис. 14–21; Иванов, Кригер, 1988, рис. 16–1, 2]. У кольчатых удил из беловежского могильника в Подонье размер колец не превышает 45 мм. Этот признак, по выводам С.А. Плетневой, характерен также для удил из более ранних поросских погребений первой половины XII в., чем погребения с удилами с большими кольцами в 6–7 см там же, которые она датировала рубежом XII–XIII вв. [Плетнева, 1973, с. 15, 18; 1990, с. 49]. Если для материалов из Поднепровья и Подонья размеры колец удил, по мнению С.А. Плетневой, могут служить хронологической «подсказкой», то в отношении причерноморских удил такая зависимость пока не фиксируется. Это относится и к материалам из некоторых других областей: в памятниках корелы и муромы начала II тыс. н.э., у прикамских финнов в конце I тыс. н.э. и часто в погребениях X в. в Венгрии встречаются простые удила с большими подвижными кольцами, диаметр которых колеблется от 5 до 7 см и нередко приближается к длине грызла [Финно-угры, 1987, табл. XI–18, XXXIII–22, LIX–17; Диенеш, 1966, рис. 1–1, 2; The Ancient Hungarians, 1996, p. 248-fig. 4, pp. 220, 241, 281, 336].

Целесообразно обратить внимание на те черты, которые присущи некоторым причерноморским кольчатым удилам и выделяют их из основной массы. Это, во-первых, бронзовые подвижные кольца у семи экземпляров; во-вторых, удила с большими подвижными кольцами и кольчатыми окончаниями грызел и, в-третьих, удила с трубковидными петлями.

1. Бронзовые кольца-псалии по размерам относятся к первым двум градациям (рис. 24: 3; 25: 1; 27: 1; см. прил. 2, табл. 2, анализ № 56). Кроме Причерноморья, двусоставные удила с бронзовыми кольцами найдены в Центральном Предкавказье в катакомбах XI–XII вв. могильников Кольцо-Гора и Змейский [Савенко, 1983, рис. 1; Ростунов, 1983, рис. 215; Фидаров, 2002, с. 32–34]. Так как аналогии из других районов пока не известны, по-видимому, их можно считать сугубо местной разновидностью кольчатых псалиев. На фоне уже редких в это время на Северо-Западном Кавказе и в Причерноморье удили типа Б1-2а с бронзовыми стержневидными псалиями бронзовые подвижные кольца, возможно, служили переходной формой от них к простым и дешевым железным кольцам. Вместе с тем, эти кольца использовались в нарядных или дорогих уздечках как более декоративные по сравнению с железными – например, в парадных оголовьях из сапунского кургана 5 (№ 29) и погребения 1 в Потомственном (№ 39) [Армарчук и др., 2004, с. 154].

2. Вторая особенность касается удили с кольчатыми, а не крючковыми окончаниями грызел и большими кольцами-псалиями (рис. 27: 2–4). Двусоставные удила с большими кольцами диаметром 6–7 см массово присутствуют в тех поросских курганах, которые датированы рубежом XII–XIII вв., о чем говорилось выше. Такие же окончания грызел и крупные кольца-псалии имеют удила из погребений 29 и 34 Ленинахабльского могильника второй половины XI в., что показало знакомство с музейной коллекцией (инв. №№ Ленхб. 86-150 и Ленхб. 88-45). В этой связи интересно наблюдение В.А. Могильникова относительно удили из кимакских курганов алтайских предгорий: по мере их развития от 8-видных со стержневыми псалиями к кольчатым постепенно исчезает архаичное кольцевое крепление псалиев, которое с рубежа X–XI вв. заменяется крючковым. Это приводит к появлению т.н. «равнокрюковых» удили с крючками на обоих концах грызел, но кольцевое крепление псалиев частично сохраняется в XI–XII вв. [Могильников, 2002, с. 87].

Хотя данный вывод касается весьма отдаленной от Причерноморья территории, он важен для причерноморского материала, так как косвенно поддерживает нижнюю границу датировки удили типа Б1-2б с кольчатыми окончаниями звеньев XI веком, очевидную по ленинахабльским аналогам. Добавлю, что еще двое причерноморских удили с большими кольцами (№ 31 и 35) характеризуются тем, что сочетают крюки на одном и кольца на другом концах звеньев (рис. 26: 3, 4). Они, как мне кажется, тоже демонстрируют переходную или пережиточную стадию XI–XII вв. в развитии удили, которую отметил В.А. Могильников.

3. Трубовидные внешние петли грызел встречены среди исследованных причерноморских удили дважды. Во-первых, у удили с большими кольцами из сапунского кургана 25 (№ 35, рис. 26: 3), где они сочетаются со стремями типа III-1 XII – первой половины XIII в. (№ 80, 81). Во-вторых, у удили из ногай-калинского кургана (№ 7, рис. 26: 1). В музейной коллекции ногай-калинских находок присутствует пара разных стремян типов IV-4 и IV-5 (№ 13, 14), но не удалось установить, составляли они один комплект с этими удилами или относились к другому погребению.

Трубовидность внешних петель грызел считается признаком относительно поздних удили. По мнению А.Н. Кирпичникова, она появляется в XII–XIII вв., а приведенные им примеры первой половины XIII в. из Городища весьма близки нашим образ-

цам [Кирпичников, 1973, с. 16, табл. VI]. Г.А. Федоров-Давыдов выделяет такие удила в тип Г-IV, датируя его только методом сопряженности типов второй половиной XIII – XIV в. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 116]. В Северо-Восточном Причерноморье удила с аналогичными петлями найдены в курганах 2 и 7 могильника на ул. Днестровской в Новороссийске в комплектах с поздней формой круглых стремян типа IV-1 с плоскими дужками, которые я упоминала выше и отношу к концу XII–XIII в. [Дмитриев, 1987, рис. 37; Крым, 2003, табл. 102-44]. Вероятно, так можно было бы датировать и все эти удила. Правда, известные мне экземпляры с таким признаком из погребений золотоордынского времени, которые относятся ко второй четверти XIII в. (Новоберезанская) и рубежу XIII–XIV вв. (Олень-Колодезь, Северный-II в Таганроге), имеют гораздо более длинную подцилиндрическую трубку-«втулку» [Зеленский, Каминская, 1993, рис. 1-14; Ефимов, 2000, рис. 9-4; Ларенок, 2004, рис. 27-14]. В итоге, я склоняюсь к датировке причерноморских удили с трубовидными петлями концом XII – началом XIII в.

Подтип в – с плоскими и тонкими, прямоугольными в сечении кольчатыми псалиями диаметром 60 и 65 мм (1 экз.). Данные удила происходят из разрушенного комплекса кургана 4 могильника у поселка Ленинский путь (№ 9). От остальных удили они отличаются не только плоскими кольцами, но и нестандартными грызлами в 104 и 121 мм, наидлиннейшими во всей выборке. Относятся к соединенно-крючковым (рис. 23: 3).

Нестандартные удила из могильника у поселка Ленинский путь соответствуют удилам типа Г-III классификации Г.А. Федорова-Давыдова, которые он датировал по аналогиям из Руси и Волжской Болгарии концом XII – началом XIII в., а корреляционным методом – второй половиной XIII–XIV в. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 18, 20, 106, 116]. Наиболее близкими к этим удилам являются две пары удили из дмитриевского кургана 1 в степном Прикубанье с уплощенными кольцами диаметром 70–75 мм, который в публикациях датируется либо XII–XIV вв., либо рубежом XII–XIII вв. [Блохин и др., 2003, рис. 4-15, 16; Кочкаров, 2004, с. 106, рис. 3-19, 20]. Однако кольчатые удила с большими, прямоугольными в сечении плоскими кольцами существовали и раньше в разных регионах. Они найдены в погребении 72 на поселении Минино-II в Северо-Восточной Руси, где датируются второй половиной X – рубежом X–XI вв.; в южноуральских курганах IX–X–XIII вв.; в Танкеевском могильнике второй половины IX–X в. и, по наблюдениям Е.П. Казакова, тогда же использовались в Прикамье и Венгрии [Мажитов, 1977, табл. I-331, 363, с. 33; 1981, рис. 38-23; Казаков, 1992, с. 154, рис. 57-1].

В Южной Сибири кольчатые удила стали широко употребляться с рубежа X–XI вв., причем экземпляры из кимакских курганов отличаются именно уплощенными, подпрямоугольными в сечении кольцами [Могильников, 2002, с. 87, рис. 208-3, 5, 6]. Плоские большие кольца характерны для удили аскизской культуры на этапе XIII–XIV вв., когда они достигают 75 мм в диаметре, но появляются они в кремациях енисейских кыргызов еще во второй половине IX в. [Кызласов И., 1981, с. 205, рис. 74-10; Могильников, 2002, рис. 216-16].

Следовательно, приведенные аналогии не позволяют предложить более конкретную дату удили из могильника у поселка Ленинский путь, чем X–XIV вв. Надо учесть

два факта: поздний материал XIII–XIV вв. в сборах с этого могильника отсутствует, а стремени типа IV-4 из одного с ними кургана относятся к XII–XIII вв. В итоге, датировку удил из разрушенного кургана 4 можно ограничить X–XII вв., а самого комплекса XII веком.

В завершение коротко остановлюсь на вопросе о появлении однокольчатых удил с кольчатыми псалиями. В Западной Европе они известны с V в. до н.э., а в Восточной Европе, Приуралье, Сибири и на Алтае – с раннего средневековья. Их достаточно явное распространение начинается не только на европейском западе, но и на азиатском востоке с IX–X вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 20; Кирпичников, 1973, с. 17; Могильников, 2002, с. 87–88]. В Восточном Причерноморье кольчатые удила используются уже в эпоху переселения народов, доказательством чему служат находки из могильников Южноозереевский под Новороссийском, Бжид под Туапсе и абхазские материалы [Крым, 2003, табл. 72-52, 74-9, 77; Воронов, 2002, рис. 3-12]. Некогда появление «общеευропейских» кольчатых удил у славян в IX в. воспринималось как признак ослабления кочевнического влияния [см.: Кирпичников, 1973, с. 17]. Однако современные материалы не согласуются с этим мнением применительно к Восточной Европе. Широкое и одновременное распространение кольчатых удил в Евразии и их активное использование позднесредневековыми кочевниками (древними венграми, огузами, кипчаками, половцами), последовательно проникавшими в Европу в IX–XII вв., свидетельствуют об ином. В частности, что в указанное время кочевническое воздействие на Восточную Европу не ослабло, а продолжилось и носителями его были уже, разумеется, не гунны, а перечисленные народы. Вместе с тем, это не исключает своих путей развития железоделательного ремесла и изготовления предметов упряжи в славянских обществах.

Подотдел II – двукольчатые

В данный подотдел входят всего 3 экземпляра удил – две «пары» и одно звено. Это так называемые 8-видные удила, которые имеют по два кольца-петли на внешних концах грызел, лежащих в одной плоскости. Различия состоят в диаметре и оформлении колец, что обусловлено разновидностями псалиев, используемых в этих удилах. У всех крюковое соединение звеньев.

Тип 1 – с большими круглыми внутренними и меньшими овальными внешними кольцами (№ 50). Грызла гладкие, круглого сечения, длиной 117 и 106 мм. Во внешние кольца диаметром 17–19 мм вставлены подвижные кольца для поводьев, из которых только одно сохранилось полностью (рис. 28: 1). Диаметр этого кольца 45 мм, сечение уплощенное; его концы не сварены, а загнуты внахлест. Судя по аналогиям, во внутренние кольца диаметром 28 и 30 мм вставлялись дуговидные костяные или металлические стержневые псалии, соединявшиеся с уздечкой (в нашем случае они не сохранились). Найдены в разрушенном погребении в Архип-Осиповке.

В классификации Г.А. Федорова-Давыдова идентичные удила отсутствуют, хотя двукольчатые удила других типов там есть. Аналогичные грызла характерны для удил типов Ia с металлическими и Ib с роговыми псалиями с древнерусской территории. По А.Н. Кирпичникову, тип Ia бытовал в IX – начале XI в., но с преобладанием в X веке, а тип Ib – с IX в. до монгольского нашествия [Кирпичников, 1973, с. 14–15, табл.

I-3, IV-1]. А.Н. Кирпичников предполагал местное производство роговых дуговидных псалиев для этих удил в Чернигове, Любече и Саркеле-Белой Веже со второй половины X в. Недавние исследования В.Е. Флеровой подтвердили существование налаженного производства таких псалиев в Саркеле не позднее X в. [Флерова, 2001, с. 64].

Аналогичные звенья, как у причерноморского экземпляра, имеют удила из Биляра с подвижными кольцами и стержневыми металлическими псалиями, которые предположительно относятся к XI – началу XII в. [Хузин, 1985, с. 195, табл. LXIII-6]. В болгарских селищах X–XIII вв. не найдены экземпляры, идентичные нашему, но там встречаются двукольчатые удила с *перпендикулярными* кольцами [Казаков, 1991, с. 103]. Окончания аналогичной формы имеют удила из погребения 733 Танкевского могильника, где «восьмерка» образована перевитыми петлями [Казаков, 1992, рис. 57-6].

В степной зоне Восточной Европы и Поволжье, на Северном Кавказе и в Северо-Восточном Причерноморье (Дюрсо, Борисово) двусоставные двукольчатые удила бытовали уже на рубеже VII–VIII вв. и в IX в.; в Приуралье они фиксируются с VIII в. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 20; Степи Евразии, 1981, рис. 4-19, 25, 13-11, 62-101; Крым, 2003, табл. 73-2, 14; 85-24-26, 91-9]. Они весьма характерны для Южной Сибири и Алтая в VIII–IX вв. и доживают там примерно до XI в., но их броским отличием от восточноевропейских, на мой взгляд, являются всегда перевитые кольца «восьмерки» [Степи Евразии, 1981, рис. 28-27, 33-37; Могильников, 2002, с. 85–86].

Таким образом, причерноморские удила типа BII-1 из Архип-Осиповки типологически ближе всего к восточноевропейским двукольчатым удилам VIII–X вв. К сожалению, они пока не могут датироваться более узко, не имея в данном конкретном случае сопровождающих вещей и будучи оторваны от контекста находки.

Тип 2 – с одинаковыми круглыми внутренним и внешним кольцами размерами 15–19 мм (№ 49). Грызла соединенно-крюковые гладкие, круглого сечения, слегка расплюснуты при переходе в «восьмерку». Длиной 99 и 91 мм.

Подтип а – с кольчатыми псалиями диаметром 65–68 мм из круглого дрота, вставленными во внутренние приемные кольца грызел (рис. 28: 2). Во внешние кольца были продеты подвижные кольца поменьше для поводьев, из которых сохранилось одно округлое размером 37 × 41 мм. Найдены в разрушенном погребении на ул. Некрасова в г. Геленджике в комплекте с парой 8-видных стремян типа II-2 (рис 5:1).

Маленькие внутренние кольца «восьмерки» говорят о том, что эти удила изготавливались именно для кольчатых металлических, а не роговых или деревянных псалиев, и, казалось бы, эволюционно более поздние. Прямых соответствий в классификациях Г.А. Федорова-Давыдова и А.Н. Кирпичникова данные удила не имеют. Правда, в древнерусском своде фигурирует упоминавшийся тип Ia двукольчатых удил с приемными кольцами в одной плоскости, но эти кольца не одинаковы и соединяются со *стержневыми* псалиями [Кирпичников, 1973, рис. 4-Ia]. Близкими, но опять-таки не идентичными являются, во-первых, 8-видные удила с *перпендикулярными* приемными кольцами и четырьмя подвижными, большими и малыми кольцами с болгарского I Семеновского селища второй половины X – начала XI в. и из древневенгерского погребения последней четверти X в. в Муске в Румынии [Казаков, 1991, рис. 36-25, с. 103; The Ancient Hungarians, p. 340-fig. 1]. Во-вторых, 8-видные

удила с кольчатыми псалиями во внутреннем малом кольце из кимакских курганов в Верхнем Прииртышье. По В.А. Могильникову, варианты 8-видных удил с кольчатыми псалиями встречаются также в курганах IX–X вв. в Горном Алтае и у амурских чжурчженей в X–XI вв. [Могильников, 2002, с. 87].

Эти общие аналогии относят удила из Геленджика к IX–X вв., но сопровождающие архаические 8-видные стремяна заставляют датировать их более ранним временем, т.е. VIII–IX вв.

Тип 3 – с неравными кольцами «восьмерки»: слегка овальным внутренним размерами 22 × 18 мм и меньшим внешним диаметром 16 мм (№ 8). Наружный абрис внешнего кольца слегка граненый.

Подтип а – с пластинчатым S-видно изогнутым металлическим псалием с прямоугольным щитком и зооморфным навершием (рис. 28: 3). Щиток с двумя отверстиями, псалий вставлен во внутреннее кольцо звена. Нижний его конец скруглен, верхний имеет зооморфное завершение в виде стилизованной головки коня. Найдены на могильнике у поселка Ленинский путь и представлены одним звеном длиной 90 мм.

Эти удила встречаются в здешних и закубанских кремациях VIII–IX вв. Прямые аналогии встречаются в сборах на том же могильнике (коллекция Краснодарского музея) и в погребении 222 IX в. в Дюрсо [Крым, табл. 91-9; Пьянков, 2001, рис. 2-11]. Кроме того, в могильнике у поселка Ленинский путь найдены двукольчатые удила с такими же псалиями, но с перпендикулярными кольцами грызел, как и в комплексе 25 VIII в. из закубанского Молдовановского могильника и в Старокорсунском могильнике второй половины VIII – первой половины IX в. [Дмитриев, 1987, рис. 181; Пьянков, Тарабанов, 2004, рис. 2-11; Каминский, 1987, рис. 1-62]. Другие восточноевропейские аналогии дают Подонье, Поволжье и Приуралье – памятники салтово-маяцкой культуры второй половины VIII–IX в., раннеболгарские могильники второй половины IX–X в. и памятники второго этапа караякуповской культуры IX – начала X в. [Степи Евразии, 1981, рис. 36-12, 55-79; Казаков, 1992, с. 154; Кухаренко, 1951, рис. 32-6, с. 101].

Удила данного типа не встречаются в восточноевропейских кочевнических древностях X в. и далее и потому не классифицированы Г.А. Федоровым-Давыдовым. А.Н. Кирпичников чернавинские «архаические» S-видные псалии с реалистично проработанными конскими головками на концах, найденные на окраинной, а не основной территории Древней Руси, правомерно отнес к IX – началу X в. и включил в группу немногочисленных древнейших предметов упряжи составленного им свода [Кирпичников, 1973, с. 13, 25]. Вообще, в степях Восточной Европы первыми S-видными псалиями считаются экземпляры первой половины VIII в. из Вознесенки, а в Поволжье они появляются в комплексах VII–VIII вв. [Амброз, 1981, с. 14, рис. 4а-27; Федоров-Давыдов, 1966, с. 20]. Как и прямые псалии, их относят к кочевническому наследию.

Существуют иные точки зрения на генезис европейских изогнутых псалиев с зооморфными навершиями, но они касаются другой типологической группы изделий – не S-видных, а прямых с загнутым верхом, которые в конце I тыс. н.э. были характерны для Северной Европы и балтийского региона. По В.И. Кулакову, они происходят от центральноевропейских меровингских древностей [Кулаков, 2004, с. 20].

И.Р. Ахмедов проследил степные, алано-сарматские истоки иконографии в декоре псалиев с зооморфными навершиями и прочих деталей европейского конского убора гуннского и постгуннского времени. Эта иконография развилась в раннемеровингскую эпоху и затем оказалась востребованной в Скандинавии [Ахмедов, 2002, с. 27, 33].

Двукольчатые удила с S-видными металлическими псалиями были широко распространены в IX–X вв. у енисейских кыргызов и кимак в Южной Сибири, появившись еще в VIII в. и просуществовав до середины XI в. [Степи Евразии, 1981, рис. 28-19-22, 33-51; Могильников, 2002, с. 87, рис. 208]. Однако, для их псалиев больше характерны П-образные петли, а не щитки. Д.Г. Савинов за прототипы S-видных южно-сибирских псалиев принимает деревянные изогнутые пазырыкские псалии из Горного Алтая и в этом видит одно из многих «скифских» веяний в последующих культурах этого региона [Савинов, 1998, с. 137, рис. 1-11, 4-12].

На основании местных аналогов причерноморские удила типа БII-3 датируются VIII–IX вв. Возможно, они использовались и в начале X века, как это наблюдается в Поволжье и Приуралье.

Итак, систематизация удил из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. привела к выделению десяти их разновидностей, типов и подтипов. Количественное распределение типов удил по памятникам представлено в таблице III. Как и в ситуации со стремянами, итоговые цифры в крайнем правом столбце таблицы не абсолютны, ибо отчасти отражают степень изученности могильников.

Среди удил количественно абсолютно преобладают простые по конструкции кольчатые, а все остальные представлены единичными экземплярами (табл. III). Несмотря на такой разрыв между типами в количественном отношении, они распределены на две хронологические группы, раннюю – VIII–X вв. и позднюю – XI–XIII вв. (табл. IV). К ранней группе относятся пять разновидностей, использование которых не выходит за рамки X в.: двусоставные удила с однокольчатыми каплевидными концами грызел и все с двукольчатыми, 8-образными концами грызел. В конце этого периода, в X в. начинают употребляться однокольчатые со стержневидными и кольчатыми псалиями. В позднюю группу входят удила без перегиба, чье бытование приходится в основном на XI в., и двусоставные однокольчатые с кольчатыми псалиями, наиболее распространившиеся в XI–XIII вв. Таким образом, причерноморские удила тоже демонстрируют сокращение их разновидностей в XI–XII вв., какое заметно по древнерусским материалам на этом рубеже времени [Кирпичников, 1973, с. 19].

Таблица IV отражает также относительную хронологию разновидностей удил. Ограниченную полутора – двумя веками позицию занимают семь разновидностей – односоставные удила и следующие двусоставные: обоих подтипов BI-1a и б с однокольчатыми каплевидными концами грызел, со стержневидными псалиями подтипа BI-2a и с 8-образными концами грызел подтипов BII-2a и BII-3a. Остальные три разновидности использовались дольше, среди них самым длительным бытованием отличаются кольчатые удила.

Другая таблица фактически иллюстрирует сопряженность лишь половины типов удил и стремян, привлеченных к исследованию (табл. V). Это объясняется тем, что стремяна и удила оставшихся других типов происходят не из комплексов, а, во-первых, из распаханного слоя могильника Андреевская щель, во-вторых, из подъем-

Таблица III. Количественное распределение типов удил по памятникам.

Памятник, местонахождение	Типы	AI-1	AI-1a	BI-1a	BI-16	BI-2a	BI-26	BI-2в	BI-1	BI-2a	BI-3a	Всего
Андреевская щель				1	1		2					4
В урочище Макитра							1					1
У Раевского городища							1					1
У Ногай-кале							1					1
Ленинский путь								1			1	2
Южноозеревский			1				2					3
Васильевка-4							1					1
Цемдолинский на пашне						1	6					7
Цемдолинский курганный						1	5					6
Сапунский							10					10
Чайка							3					3
Потомственный							4					4
Борисовский курганный							1					1
Кабардинка							1					1
Архип-Осиповка							1		1			2
Пляхо							2					2
Грекомайский		1					1					2
Геленджик										1		1
Дивноморское												
Всего		1	1	1	1	2	43		1	1	1	52

ных сборов на могильнике у поселка Ленинский путь и, в-третьих, являются случайными разрозненными находками из разрушенных погребений. Кольчатые удила и стремена III отдела с горизонтальной низкой петлей и IV отдела без пегли, как самые многочисленные типы в исследованном массиве, демонстрируют разнообразие вариантов взаимосочетания, что статистически вполне закономерно. Полученную картину можно было бы дополнить опубликованными материалами VIII-IX вв. из раскопок в Дюрсо и Борисово, но это коснулось бы только ранних типов вещей, что выходит за основные хронологические рамки данного исследования.

Таблица IV. Хронологическое распределение типов удил.

Типы Века	AI-1	AI-1a	BI-1a	BI-16	BI-2a	BI-26	BI-2в	BI-1	BI-2a	BI-3a
VIII				Вторая половина				+	+	+
IX			+	+				+	+	+
X			+		Конец века	+	+	+		Начало
XI	+	+			+	+	+			
XII	Начало	Начало			Начало	+	+			
XIII						+				
XIV						+				

Приведу некоторые сведения по поводу «социальной информативности» и специализации удил. По исследованиям И. Диенеша, удила из погребений венгров – завоевателей Родины служат неким социальным показателем: простые двусоставные кольчатые удила маркируют небогатые погребения, а «нарядные» удила со стержневыми псалиями встречаются в женских и богатых мужских погребениях [Диенеш, 1966, с. 233, рис. 1-1, 2; The Ancient Hungarians, 1996, p. 371-fig.1]. Всего две пары удил со стержневыми псалиями типа BI-2a в нашем материале не позволяют делать заключения такого рода. Однако эти удила в обоих погребальных комплексах сочетались со сбруйными украшениями и наборной уздой, которые не часто встречаются в курганных погребениях Северо-Восточного Причерноморья и выделяют их из числа рядовых.

На территории древних государств Руси, Венгрии, Пруссии, Литвы и некоторых других к социально маркирующим предметам упряжи традиционно относят удила с роговыми или костяными дуговыми орнаментированными псалиями (типа Iв, по Кирпичникову) и удила с металлическими «крылатыми» псалиями, тоже нередко украшенными разными способами (типа III, соответственно). Обнаружение их в городских слоях и дружинных погребениях указывает на принадлежность воинам-профессионалам, зажиточным горожанам и княжеской верхушке [Кирпичников, 1973, с. 15; Седова, 19976, 101, рис. 17-1, 2, 26-8; Седов, 2002, рис. 44, с. 83]. Причерноморские удила типа BII-1, вероятно, тоже были рассчитаны на роговые псалии, о чем говорит оформление их концов.

В ранее упоминавшихся древневенгерских погребениях X в. в Пшемисле и Муске находились двусоставные кольчатые удила с четырьмя подвижными, большими и

Таблица V. Сопряженность типов стремян и удил.

Типы удил	AI-1	AI-2	AI-3	BI-1	BI-1	BI-2	BI-1	BI-2	BI-1	BI-2	BI-3	BI-4	BI-5	Вне ком- плекса
AI-1 (1-составные)		+												
AI-1a (1-составные)														
BI-1a (2-составные 1-кольчатые)														+
BI-16 (2-составные 1-кольчатые)														+
BI-2a (2-сост. со стерж. псалиями)														
BI-26 (с кольчатыми псалиями)														
BI-2в (с плоскими кольч. псалиями)														
BII-1 (с 8-видн. грызлами)														+
BII-2a (с 8-видн. грызлами и 4 кольцами)														
BII-3a (с 8-видн. грызлами и пласт. псалиями)														+
Вне комплекса	+	+	+	+	+									

малыми кольцами, но разнотипными окончаниями грызел. Предполагают, что они использовались для максимально возможного контроля над лошадью [Диенеш, 1966, с. 234, рис. 1-1, 2; The Ancient Hungarians, 1996, p. 340-fig. 1, 446-fig. 5-1]. Вероятно, этим же целям служили причерноморские удила типа БII-2а, близкие к ним и по дате. Кроме того, для строгого управления конем употреблялись другие конструкции – либо прямые стержневые псалии, либо крупные трензельные кольца простых кольчатых удили.

ГЛАВА 3

Изделия из цветных металлов и сплавов

К изделиям из цветных металлов и сплавов относятся бубенчики и разнообразные элементы сбруйной ременной гарнитуры. Все они изготовлены из меди и сплавов на ее основе; предметы золотые, серебряные и из других металлов в данном массиве практически отсутствуют. Их типологическое упорядочение является способом подачи находок, необходимым для анализа и корректного сравнения с археологическими материалами других памятников и территорий. В современной науке используются два полярных метода создания классификации изделий этого рода. Первый метод, базирующийся на иерархии признаков, апробирован ранее Г.А. Федоровым-Давыдовым для находок из кочевнических погребений, а позже стал применяться и для поселенческих материалов [Федоров-Давыдов, 1966, с. 11, 47; Полякова, 1996, с. 167; Недашковский, 2000, с. 27]. Согласно ему, в первую очередь в зависимости от функции выделяются *категории* предметов, внутри них – *группы* по материалу и *разделы* по технике изготовления; далее, *отделы* по форме и *типы* по деталям формы и декора. При необходимости в эту систему могут вводиться промежуточные классификационные ступени, учитывающие вспомогательные признаки, – например, это *разряды* по способу соединения с ремнем для некоторых видов блях. Известна обратная ситуация: Г.Ф. Полякова, классифицируя болгарские изделия из цветных металлов и сплавов, не учитывает технологию их изготовления как ведущий или второстепенный признак, а включает в описание предметов на уровне типов [Полякова, 1996, с. 168]. Ювелирные изделия древнего Новгорода М.В. Седова рассматривает по категориям и типам, материал и способ изготовления указывая в каждом конкретном случае [Седова, 1959, с. 223; 1981, с. 8].

Второй и принципиально иной подход к классификации таких вещей основан не на иерархии признаков, а на создании обобщающего их единого кода и, далее, определения классов и типов по сочетанию (корреляции) признаков. Этот подход оптимален для огромных массивов чрезвычайно разнообразного материала, что успешно демонстрирует работа В.В. Мурашевой по древнерусским ременным наборным украшениям [Мурашева, 2000, с. 15–25]. В отличие от них рассматриваемый причерноморский материал не является таким массивом, происходя с намного меньшего числа памятников и ограниченного ареала, и укладывается в относительно узкие временные рамки.

Будучи весьма разнородными, вещи из причерноморских могильников при классификации требуют дифференцированного подхода и как бы сами диктуют модели их упорядочения. Так, в основу классификации бубенчиков, бляшек для наносных султанчиков, накладок-застежек и пряжек положена иерархичная система признаков. Классификация блях и бляшек строится иначе, – в первую очередь, на основе выделения устойчивого сочетания материала и техники изготовления, а затем с учетом морфологии изделий. Наконец, классификация составных украшений с решмами и начальниками основана на морфологических признаках.

Бубенчики

Бубенчики являются распространенной разновидностью сбруйных привесок. Из исследованного материала к этой категории относятся полые объемные изделия с линейной или щелевидной прорезью внизу и шумящим элементом-горошиной, которые использовались как самостоятельные привески или вплетались в хвост и гриву коня, судя по их местоположению в погребениях. В отличие от них полые плоско-выпуклые и уплощенные в профиле бубенцы, орнаментированные только с лицевой стороны, служили подвесками-решмами в составных сбруйных украшениях и потому рассматриваются отдельно как решмы.

Бубенчики найдены в 14 погребальных комплексах. Все относятся к одной группе, т.к. изготовлены из меди и лишь в нескольких случаях из сплавов на ее основе, что оговаривается особо. По наличию декора, который понимается мною как один из технологических показателей и заключается в моделировании поверхности, гравировке либо других способах украшения, делятся на разделы: А – с декором, Б – без декора. Далее распадаются на отделы по форме, обозначаемые римскими цифрами, при этом используется единый перечень форм для обоих разделов. Внутри отделов в зависимости от видов декора и поперечного сечения выделяются типы, которые обозначаются арабскими цифрами.

Раздел А – с декором

Этот раздел включает семь отделов бубенчиков, по типам и в количественном отношении представленных неравномерно, – от единичных находок одного типа до нескольких разнотипных экземпляров. Декор выполнен в рельефе либо гравировкой по поверхности, изредка эти способы сочетаются.

Отдел I – шаровидные (сферические)

Тип 1 – с горизонтальным пояском по экватору из одного, двух или трех слабых валиков, образованных прочерченными линиями; средних размеров (3 экз., рис. 29: 1–3). Найдены в цемдолинском погребении 29 (диаметр 24 мм), сапунском кургане 25 (диаметр 20 мм) и в погребении лошади в кургане 1 у Раевского городища (диаметр 22 мм). В первом случае петля округлая пластинчатая, в остальных – проволоочная. Последний бубенчик изготовлен из свинцово-оловянной бронзы (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 50). В научной литературе такие бубенчики называют «шаровидными с линейным орнаментом».

Отдел II – сферо-конические

Тип 1 – с удлиненным коническим верхом и полусферической нижней частью (3 экз.). Декорирующий рельефный валик опоясывает место стыка верха с низом. Бубенцы уплощены в профиле, овального сечения (рис. 29: 8, 9). Изготовлены из двух вертикальных створок, оттиснутых орнаментированной матрицей. Проволоочная петля приделана в одной плоскости с корпусом, в нее иногда продето переходное проволоочное колечко. Средний бубенчик этого типа высотой 26, шириной 17 мм происходит из цемдолинского кургана 4 (1 экз.). Мелкие бубенчики размерами 18 × 13 мм (2 экз.)

входили в 3-частные украшения конского убора из погребения 5 конца XI – первой половины XII в. могильника Андреевская щель и были позолочены [Армарчук, Новицких, 2004, р. 3-г].

Тип 2 – с удлиненным коническим верхом и полусферической нижней частью (3 экз.). По форме, профилю и технике изготовления аналогичны предыдущему типу. Отличаются от него вертикальным рифлением обеих створок внизу под валиком; позолочены. Размеры 19 × 14 мм. Проволоочная петля приделана перпендикулярно корпусу. Найдены в погребении 5 могильника Андреевская щель (рис. 29: 10).

Тип 3 – гладкие крупные, круглые в сечении, составлены из горизонтальных половинок (6 экз.). Обе половинки украшены грубоватой гравировкой строеными параллельными линиями в виде дуг. Снабжены проволоочной петлей, позолочены. Диаметр 30–31, высота 28 и 30 мм. Найдены в погребении 1 могильника «Потомственный» (рис. 29: 5, 7). Сквозь распаявшийся шов одного бубенца хорошо видно, что его верхняя половинка сделана из тонкой бронзовой пластины, свернутой конусом, края которой заходят друг на друга. Анализ показал, что верх этих бубенцов изготовлен из оловянной бронзы, низ из меди.

Отдел III – сферо-эллипсоидные

Тип 1 – с полуэллипсоидным верхом и полусферической нижней частью, с проволоочной петлей (2 экз.). Оба украшены внизу и вверху четырьмя гравированными кружками с отверстиями в центре. Изготовлены из горизонтальных половинок, стык которых выделен выступающим ребром с поперечными косыми насечками. Найдены в курганах 4 и 15 Сапунского могильника. Первый бубенчик крупный, диаметром 29, высотой 32 мм (рис. 29: 11); второй экземпляр представлен обломками.

Отдел IV – грушевидные

Тип 1 – с расширениями-вздутиями внизу по бокам, окаймленными дуговидными валиками, и проволоочной петлей (1 экз., рис. 30: 7). Удлиненных пропорций: высота 31, ширина 22 мм. Лежал между черепом и шеей лошади в цемдолинском кургане 3 и, вероятно, подвешивался, как и популярные шейные (подчелюстные) амулеты из раковин. Изготовлен из оловянной бронзы из двух вертикальных створок с рельефным декором, оттиснутых орнаментированной матрицей (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 66).

Тип 2 – с дуговидными валиками внизу по бокам, окаймляющими выпуклину «перл», и пластинчатой петлей (1 экз., рис. 30: 6). Высота 28, ширина 14 мм. Находилась у крупа лошади в цемдолинском кургане 14, как и бубенцы в погребениях 18 и 31 распаханной части Цемдолинского могильника, и, вероятно, подвешивался к хвосту [Армарчук, Малышев, 1997, р. 9, 11]. Изготовлен из оловянной латуни (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 10).

Тип 3 – с дуговидными валиками внизу по бокам и четырьмя гравированными кружками с дырочками в центре на лицевой створке (1 экз.). С проволоочной петлей. Высота 28, ширина 17 мм. Найден в цемдолинском погребении 31; хвостовой (рис. 30: 8).

Отдел V – каплевидные

Все бубенчики этого отдела уплощенные в профиль, овального сечения. Изготовлены аналогично грушевидным бубенцам предыдущего отдела.

Тип 1 – с вертикальным сглаженным рифлением (ложбинками) в нижней части каждой створки и проволоочной петлей (2 экз.). Высота 30 (без петли), ширина 15 мм (рис. 30: 5). Один, медный, найден в погребении лошади 1 цемдолинского кургана 4 (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 59), другой – в аналогичном погребении кургана 3 могильника Кабардинка.

Отдел VI – желудевидные

Тип 1 – круглого сечения, с рельефным валиком-ребром по экватору (1 экз.). Петля пластинчатая. Среднего размера: высота 20, диаметр 20 мм. Изготовлен из латуни (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 67). Обнаружен в цемдолинском погребении 16 (рис. 30: 3).

Отдел VII – овально-желобчатые

Тип 1 – формой повторяют соплодие бересклета или овальную 4-гранную коробку плавных очертаний со скругленными ребрами, широким продольным желобком на каждой грани и проволоочной петлей (5 экз.). В поперечном сечении образуют фигуру, близкую к четырехлепестковой. Высота 22, ширина 18 мм. Медные, позолоченные (см. прил. 2, табл. 2, анализы № 96–98). Составляют серию изделий, изготовленных из горизонтальных половинок, оттиснутых в одной матрице. Найдены в погребении 1 могильника Потомственный (рис. 30: 1, 2).

Раздел Б – без декора

Данный раздел представлен тремя отделами по форме. В отличие от украшенных, он включает довольно простые формы, только трех отделов.

Отдел I – шаровидные (сферические)

Тип 1 – гладкий небольшой бубенец круглого сечения диаметром 16 мм, изготовленный из горизонтальных половинок; снабжен проволоочной петлей (1 экз.). Обнаружен в цемдолинском погребении 18; хвостовой (рис. 29: 4).

Отдел II – сферо-конические

Тип 1 – с удлиненным коническим верхом, полусферическим низом и круглым сечением; из горизонтальных половинок (49 экз.). Щель с круглыми расширениями на концах, петля проволоочная. Мелкие: высота 12, ширина 10 мм. Изготовлены из оловянной бронзы, позолочены (см. прил. 2, табл. 2, анализы № 83–86). Найдены в погребении 1 могильника Потомственный (рис. 29: 6).

Отдел V – каплевидные

Тип 1 – с уплощенным профилем и овальным сечением, из двух вертикальных створок (1 экз.). Снабжен проволоочной петлей. Высота 28, ширина 20 мм. Найден в цемдолинском погребении 33 (рис. 30: 4).

Судя по численности и ассортименту типов, в местной культуре самыми популярными были украшенные бубенцы удлиненных пропорций и форм – сферо-конические, каплевидные, овальные, грушевидные; далее следуют шаровидные. В отличие от Северного Кавказа именно шаровидные всех типов, а затем желудевидные бубенцы являются наиболее распространенными в восточноевропейских древностях. Шаровидные с линейным орнаментом встречаются в Крыму, Подонье, Волжской Болгарии, Древней Руси и других регионах. По новгородской хронологии они датируются концом XI – серединой XIV в., в материалах из Суздаля и Болгара относятся к XII – началу XIII в. [Седова, 1997а, с. 70, табл. 54-29; 1997б, рис. 64-12; Полякова, 1996, с. 201]. В Крыму такие бубенцы бытовали дольше, с X по XIII–XIV вв. [Петровский, 2002, рис. 6-12, 14, 16; Крым, 2003, табл. 48-47]. В Саркеле они есть в слое конца X в., а в Изборске в нижнем слое IX–X вв. [Плетнева, 1996, рис. 50-756; Седов, 2002, рис. 31-8, с. 64].

Шаровидные бубенчики без орнамента в Древней Руси имели хождение с конца XI по первую половину XIV в., в Южной Сибири известны с X в. [Седова, 1997а, с. 70, табл. 54-30; Степи Евразии, 1981, рис. 26-17]. Они также встречаются в северокавказских могильниках Змейский, Кольцо-Гора, Черноклен X–XII вв. [Фидаров, 2002, рис. 21-8д; Савенко, 1986, рис. 5-1; Пьянков, 1987, рис. 62-2].

Аналогичные типу AVI-1 желудевидные бубенцы, найденные в Болгаре, относятся к концу X – началу XII в.; на Южном Урале они обнаружены в лагере-вском и каранаевском курганах соответственно IX–X и X–XI вв. [Полякова, 1996, рис. 65-29, с. 201; Мажитов, 1981, рис. 37-19; 1977, табл. I-287]. Желудевидные бубенцы с ребром распространяются в Северо-Восточном Причерноморье в дальнейшем, в золотоордынское время.

Аналогии овально-желобчатым бубенцам типа AVII-1 и крупным с гравировкой типа AII-3 из Потомственного не встречены. Это не удивительно, так как они входили в оригинальный, явно не тиражированный убор. Каплевидные и грушевидные бубенцы с декором также весьма своеобразны и за пределами Северо-Восточного Причерноморья почти не известны. Близкий типу AV-1 бубенец с рифлеными створками найден в погребении могильника Ахтырский лиман в Западном Закубанье [Армарчук, Сорокина, 2001, рис. 3-10]. Каплевидные без декора тоже самобытны, но все же имеют редкие параллели в Змейском могильнике в комплексах конских погребений [Уварова, 1900, рис. 270, с. 347; Фидаров, 1994, рис. 16; 2002, с. 32–34].

Обращает на себя внимание, что большинство типов причерноморских бубенцов представлено единичными экземплярами, они как бы индивидуальны и не образуют серий. Однако, это не так и объясняется тем, что бубенцы единичны в конских погребениях и многочисленнее в погребениях людей, где они часто обнаруживаются. Правда, набор типов бубенчиков в этих категориях погребений не совсем совпадает. Например, мелкие сферо-конические бубенчики без орнамента типа BII-1 и с гравированными кружками или рифлением внизу типа AII-2 были очень распространены в северокавказском регионе и использовались как для украшения одежды, так и сбруи. Они происходят из закубанских кремационных могильников XI–XII вв. [Пьянков, 1993, рис. 8-11; 2000, рис. 4-8; Носкова, 1999, рис. 6-2], синхронных змейских катакомб и могильников Колосовка 1 X–XI вв. и Кольцо-Гора, укладывающегося

в рамки X – первой половины XII в. [Кузнецов, 1963, рис. 4; Ростунов, 1983, рис. 93; Дитлер, 1961, табл. XIX-6; Савенко, 1986, рис. 1-12]. Кроме того, они встречаются в погребениях могильника Саркела-Белой Вежи [Артамонова, 1963, рис. 45-3 ж, з].

Ременная сбруйная гарнитура

Ременная сбруйная гарнитура в материалах из причерноморских могильников представлена как сугубо функциональными и декоративными элементами, так и теми, которые сочетают рабочую и художественную нагрузку. К первым относятся сбруйные кольца, пряжки и накладки-застежки, ко вторым – начельники, наносники, крупные подвесные бляхи, отдельные виды накладных бляшек и составных украшений с подвесками-решками. Полифункциональными являются бляхи перекрестий, тройник-распределитель и некоторые составные украшения, которые, имея орнамент и/или декоративную форму, соединяли ремни. Все эти вещи, кроме постоянно встречающихся железных сбруйных пряжек, изготовлены из цветных металлов и сплавов и обнаружены в 25 погребальных комплексах девяти могильников. Эти погребения заметно различаются как по количеству входящих в них предметов упряжи из цветных металлов и сплавов (от одного до нескольких десятков), так и по качеству.

Бляхи и бляшки

Бляхи и бляшки по технике изготовления классифицируются по четырем разделам: **I** – литые из сплавов на основе меди, **II** – литые свинцово-оловянные с наружным покрытием другим металлом, **III** – штампованные медные и бронзовые на литой основе, **IV** – кованые медные. Разделы делятся на подразделы: **A** – с декором и **B** – гладкие без декора. Внутри подразделов выделяются отделы по форме и типы по деталям формы и декора.

В отличие от Г.А. Федорова-Давыдова и В.В. Мурашевой, которые классифицировали намного превосходящий обилием и разнообразием материал, я не делю бляхи на виды или категории в зависимости от их места на ремнях и, соответственно, назначения («конечные» или «наконечники», «для соединения 2-х или 3-х ремней», «бляхи перекрестий» и т.д.). Функции блях оговариваются при описании типов.

Раздел I – литые из сплавов на основе меди

Подраздел A – с декором

У бляшек этого подраздела (13 экз.) декор рельефный, выпуклый, полученный при литье в орнаментированную форму. Они представлены следующими отделами и типами.

Отдел I – круглые

Тип 1 – круглые плоские, диаметром 8 мм (7 экз.). Имеют низкий дисковидный выступ в центре, окруженный кольцом мелкой ложной зерни, и один штифт с шайбой на обороте (рис. 31: 4). Изготовлены из оловянной бронзы, позолочены (см. прил. 2,

табл. 2, анализ № 12). Находились в погребении 5 конца XI – первой половины XII в. могильника Андреевская щель и украшали уздечный ремень. Идентичные образцы найдены в могильнике Колосовка 1 X–XI вв. в Адыгее и на сбруйных ремнях в погребении коня – комплексе 355 Змейского могильника X–XII вв. [Дитлер, 1961, табл. XV-9, XIX-8; Фидаров, 2002, рис. 21-8з].

Отдел II – кольцевидные

Тип 1 – кольцевидные плоские диаметром 15 мм (2 экз.). Орнаментированы кольцом ложной зерни между внешним и внутренним валиками по краям, фон углублен. На обороте два штифта с шайбами. Найдены в цемдолинском кургане 14 на остатках уздечных ремней (рис. 31: 1, 2).

Тожественные бляшки с ложной зернью есть в группе сбруйных украшений в погребении 1 кургана 2 могильника Колосовка 1 X–XI вв. и в кочевническом погребении X–XI вв. в Булгаково в Северном Причерноморье [Дитлер, 1961, с. 161, табл. XV-9; Орлов, 1984, р. 8-7]. Кроме этого, набор идентичных бляшек с головного убора или венца извлечен из погребения 1 первой половины X в. могильника Хенцида в Венгрии [The Ancient Hungarians, 1996, р. 234-fig.2]. Две подобные бляшки X в. из гнездовского кургана и кургана в Петербургской губернии учтены В.В. Мурашевой как тип VI-IB [Мурашева, 2000, рис. 38].

Отдел III – с двумя параллельными сторонами

Тип 1 – удлинённые с фигурно оформленными концами: передним заостренным и задним с треугольным вырезом (4 экз.). Возможно, были рассчитаны на плотную стыковку между собой или с другими бляшками с соответствующими вырезами и остриями. Орнаментированы тремя продольными рядами ложной зерни на углубленном фоне; на плоской тыльной стороне два штифта (рис. 31: 8, 9). Размеры 19 × 7 мм. Отлиты из оловянно-свинцовой бронзы (см. прил. 2, табл. 2, анализы № 89–91). Обнаружены в погребении 1 могильника Потомственный.

Данная форма характерна для средневековых ременных наконечников и некоторых вариантов поясных накладок [Ковалевская, 2000а, с. 116]. Аналогичные бляшки ремней оголовья происходят из змейских катакомб и кенотафа-погребения 65 Дубовского могильника X–XI вв. в Марийском Поволжье [Фидаров, 1982, табл. XII-15, XXV-39; Архипов, 1984, с. 128, рис. 21-5]. Иначе украшенные бляшки и наконечники этой формы есть в сбруйном наборе из кургана 1 Сарайлы-Кийят, датированном А.Н. Кирпичниковым XI веком, а Р.С. Орловым – второй половиной XI – началом XII в. [Кирпичников, 1973, с. 29; Орлов, 1984, с. 36]. Такая же форма повторяется в простых и концевых бляхах средневековой ременной гарнитуры из разных областей и восточноевропейских кочевнических погребений X–XI вв. [Федоров-Давыдов, 1966, рис. 10-7-I A III, с. 61; Гаврилина, 1987, с. 57, рис. 3-11, 36, 40; Мурашева, 2000, рис. 87, 88].

Итак, литые бронзовые бляшки с орнаментом малочисленны и распадаются всего на три типа. Причем, в имеющихся комплексах эти типы не сочетаются, т.е. распределяются по трем разным конским уборам. Датировка бляшек этого подраздела по аналогиям укладывается в X–XI вв. Однако остальные вещи из комплексов, где они находились, противоречат этому и склоняют в пользу датировки рамками XI–XII веков.

Подраздел Б – без декора**Отдел I – круглые**

Тип 1 – дисковидные, со скошенным краем-фаской или без него (27 экз.). Толщиной в 1,5 и 2 мм, трех устойчивых диаметров – 20, 27 и 30 мм. Пять блях имеют 32 мм в диаметре. Снабжены толстыми крепежными штифтами, число которых варьируется: у малых блях по два, а у крупных от двух до пяти, но обычно четыре, расположенные крестообразно. Иногда сохраняются пластинчатые шайбы на концах штифтов и остатки кожаных ремней шириной от 16 до 18 мм на тыльной стороне блях (рис. 32: 4–8). Бляхи отлиты из оловянной и оловянно-свинцовой бронзы (см. прил. 2, табл. 2, анализы № 54, 55, 56). У единственной бляхи из кургана 2 снаружи имеются остатки тонкого покрытия белым металлом, в остальных случаях внешнее покрытие визуальное не зафиксировано. Найдены в цемдолинских курганах 2, 3, 4 и 14 и цемдолинском погребении 33. По их расположению в области конского черепа и штифтам ясно, что крупные бляхи с 4-мя штифтами скрепляли прямые перекрестия уздечных ремней, а бляшки с 2-мя штифтами украшали их промежуточные участки.

Идентичные малые дисковидные бляшки с одним или двумя штифтами содержат конские уборы из комплексов 184 и 231 Змейского катакомбного могильника [Фидаров, 1994, р. 16, 17, 20; 1995, рис. 81–83]. Однотипные большие и малые сбруйные бляшки есть в коллекции вещей из Стерлитамакского могильника в Приуралье [Ахмеров, 1955, табл. VII]. В Хазарии простые плоские круглые литые бляшки тех же размеров использовались в украшении сбруи (Маяцкое поселение) и воинских поясов (Дмитриевский могильник) [Винников, Плетнева, 1998, рис. 76-А, Г; Плетнева, 1989, с. 77]. В восточноевропейские кочевнические конские уборы X–XI вв. входили иные круглые бляхи – полусферические выгнутые или плоские с загнутым вниз бортиком [Федоров-Давыдов, 1966, рис. 8-4-II А VI, с. 50; Гаврилина, 1987, р. 2, 3].

Тип 2 – полусферические мелкие, со штифтом с шайбой на обороте. Найдены в цемдолинском погребении 18, где сохранилось 35 таких бляшек диаметром 5 мм, остальные рассыпались (рис. 32: 9). Судя по расположению вне черепа, возле нижней челюсти лошади, бляшки украшали поводья. В комплексах XI–XII вв. Змейского могильника (катакомбы 48, 164, 381; погребения коней 66, 184, 231, 355) аналогичные бляшки-заклепки встречаются в декоре налучий, седел, поясов, сбруйных ремней [Кузнецов, 1961, с. 85, 115; Фидаров, 1982, табл. LXV-16; 1995; 2003, рис. 44-136]. В Закубанье они обнаружены среди сбруйных предметов в погребениях 72 и 78 могильника Черноклан [Пьянков, 1987, рис. 308-5, 348-21], а в Северном Причерноморье – среди обувных бляшек в печенежском курганном погребении X в. у с. Антоновка [Гарустович, Иванов, 2001, рис. 26-9].

Отдел II – кольцевидные

Тип 1 – кольцевидная плоская диаметром 11 мм (1 экз.). На тыльной стороне два штифта (рис. 31: 6). Найдена в цемдолинском погребении 33. Аналогичный тип представлен находками из Нижнего Подонья, из кургана 1 в Сарайлы-Кият, с I Измерского селища второй половины X – XI вв. на территории Волжской Болгарии и из могильника Колосовка 1 на Северном Кавказе [Федоров-Давыдов, 1966, рис. 8-4-II Б I; Крым, 2003, табл. 51-20; Казаков, 1991, рис. 44-12; Дитлер, 1961, табл. XVIII-10].

Отдел III – с двумя параллельными сторонами

Тип 1 – удлиненная подпрямоугольная плоская, с округлым передним и фестончато вырезанным задним концами (1 экз.). Размеры 36 на 11 мм. На тыльной стороне два штифта (рис. 31: 7). Найдена в погребении 5 в Андреевской щели. Судя по набору остальных бляшек в этом комплексе, данная накладка являлась концевой, т.е. наконечником ремня.

Отдел IV – розетковидные

Тип 1 – плоские четырехлепестковые с 4-мя округлыми концами-лепестками и дисковидной серединкой (2 экз.). Размеры 18 на 17 мм. На обороте по одному штифту на лепестке (рис. 31: 5). Отлиты из свинцовой бронзы, снаружи позолочены (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 13). Находились в погребении 5 могильника Андреевская щель. Тожественные бляшки скрепляли перекрестия ремней оголовья из змейской катакомбы 32 [Фидаров, 1982, рис. 39].

Отдел V – треугольные

Тип 1 – подтреугольная плоская бляшка-заклепка размерами 14 × 10 мм (1 экз.). Изготовлена небрежно, неправильной формы; на обороте штифт с шайбой. Найдена в погребении лошади 2 цемдолинского кургана 4 (рис. 31: 3). Аналоги не известны.

Отдел VI – фигурные

Тип 1 – подковообразная, с фаской по периметру и фигурным вырезом внутреннего края (1 экз.). Размеры 49 × 34 мм. На обороте пять штифтов с квадратной шайбой (рис. 32: 3). Найдена в плужной борозде под костяком конского погребения 3 в Южной Озереевке. Возможно, украшала седельную луку. Судя по находкам, на Северном Кавказе в это время седельные металлические украшения изготавливались как литьем (круглые бляшки с одним штифтом), так из листового металла штамповкой. Украшенные литыми бляшками и штампованными фигурными накладками седла относятся к парадным – например, из катакомбы 14 и комплекса 184 Змейского могильника [Кузнецов, 1961, с. 115; Фидаров, 1994, с. 29–30, рис. 18, 19; Конь и всадник, 2003, илл. 113]. Ввиду этого я отношу данную бляху к сбруйным *ременным* накладкам. Отдаленная аналогия в виде бляшки-«подковки» (рис. 47: 3) найдена в погребении 29 закубанского Ленинахабльского могильника второй половины XI в. [Носкова, 1999, рис. 11-15]. Другие сопоставимые изделия подковообразной формы и близкого размера встречены в погребении 78 коня со сбруей закубанского могильника Черноклан и в змейской катакомбе 32 [Пьянков, 1987, рис. 343-14; Фидаров, 1982, табл. XIX-45]. Расположение блях в этих погребениях не проясняет их конкретное назначение: змейская бляшка с четырьмя штифтами и обрывками кожи на тыльной стороне найдена в груди смешавшихся предметов вооружения и снаряжения коня в ногах погребенных. Вероятно, морфологическими прототипами всех этих блях являются подковообразные, они же «арочные», ременные накладки, которые в Восточной Европе и на Северном Кавказе изредка фиксируются в поясных наборах VIII–IX вв. [Матвеева, 1997, с. 71, рис. 122-10; Ковалевская, 2000б, с. 154, рис. XIV-36-42].

Таким образом, мы видим, что неорнаментированные бронзовые литые бляшки представлены семью типами. Они намного превосходят орнаментированные бляшки по количеству и вдвое по разнообразию. Кроме серийных дисковидных типа I БI-1, другие типы присутствуют в единичных экземплярах; только дисковидные бляхи встречаются в разных комплексах, а большинство остальных бляшек редко сочетаются между собой. Привлекает внимание, что обнаруженные аналогии типам I-1 и 2, II-1 и VI-1 бляшек этого подраздела относятся преимущественно к X–XI вв. Сопровождающий инвентарь не позволяет датировать сами бляшки таким образом и заставляет принять дату XI–XII вв. Гладкие дисковидные бляхи типа I БI-1 используются в ремennom декоре долго, с IX в. до XII – начала XIII в., о чем свидетельствуют аналогии.

Раздел II – литые свинцово-оловянные с наружным покрытием другим металлом

Этот раздел включает главным образом дисковидные гладкие литые бляшки (27 экз.), покрытые снаружи тонким слоем другого металла, а также мелкие выпуклые бляшки. Они изготовлены по одинаковой технологической схеме, обнаружены в четырех погребениях и одном местонахождении. Представлены одним подразделом и одним отделом, типы выделены по деталям крепежной системы.

Подраздел Б – без декора

Отдел I – круглые

Тип 1 – дисковидные бляшки из погребения лошади 3 в Южной Озереевке (2 экз., рис. 32: 1,2). Они изготовлены из тонкой пластины белого металла диаметром 34 мм, как бы натянутой на кольцевидный проволоочный ободок диаметром 33 мм. Изнутри были залиты свинцово-оловянным сплавом, сохранившимся в виде темно-серой смеси окислов олова и свинца, что показал атомно-эмиссионный анализ (см. прил. 2, табл. 1, анализ № 73), и имели два крепежных штифта. Судя по их месту на черепе коня, украшали перекрестия правых и левых уздечных ремней.

Тип 2 – дисковидные бляшки диаметром 30–32 мм из погребения лошади 2 в кургане 1 могильника Чайка (рис. 33: 1–4). Установлено, что они изготовлены из свинцово-оловянного сплава (см. прил. 2, табл. 2, анализы № 107, 113), покрытого снаружи тонкой пластиной из сплава на основе меди (там же, анализы № 106, 112). В литую основу утоплены две П-образные медные проволоочные скобки, расположенные крестообразно (там же, анализы № 101, 102, 114). Их выступающие наружу концы с тонкими квадратными медными шайбами служили штифтами для крепления. Судя по сохранившимся деталям и остаткам ремней со скобками, таких блях в уборе было не менее 17. Они располагались на ремнях шириной 18 и 21 мм, в том числе на перекрестиях. В погребении лежали под черепом лошади и, вероятно, относились к уздечке.

Тип 3 – дисковидные бляшки из тонкой фольги белого металла, залитые серым сплавом (5 экз.). Три диаметром 20 мм, две – 23 мм. Имели, видимо, вплавленные крепежные петельки из проволочек, которые сохранились на обрывках ремней. Бляшки находились в погребении лошади 2 сапунского кургана 4. Изначально бляшек было больше, часть из них рассыпалась, будучи нестойким биметаллическим соединением, как и все бляшки этого раздела.

Тип 4 – три тонкие бронзовые бляшки с остатками белого металла на внешней поверхности, диаметром 28 (2 экз.) и 20 мм (1 экз.) из погребения 2 в Архип-Осиповке (рис. 33: 9–11). Края маленькой бляшки слегка загнуты внутрь. Белый металл является следами серебрения, что подтвердили данные анализов (см. прил. 2, табл. 2, анализы № 115–117). Эти бляшки представляют собой наружное покрытие несохранившейся основы блях, которые, вероятно, были изготовлены из свинцово-оловянного сплава.

В сущности, плоские круглые бляшки этого раздела по форме, размерам и функции одинаковы с литыми бронзовыми дисковидными бляшками типа I БI-1, описанными выше. Они совпадают с ними и количественно. Следовательно, эта форма лидирует в имеющемся массиве сбруйных накладок. Аналогичным способом, но из бронзы, были изготовлены бляхи-накладки некоторых сбруйных наборов эпохи Хазарского каганата: крупные литые дисковидные бляхи с «обтяжкой серебром» из комплекса 25 VIII в. Молдовановского могильника в Западном Закубанье [Пьянков, Табабанов, 2004, р. 7–10–15] и из катакомбы 9 могильника Даргавс второй половины VIII–IX в. [Габуев, 2005, с. 56], а также круглые большие и малые бляшки с обкладкой тонким серебряным листом из катакомбы 173 Дмитриевского, катакомбы 30 Маяцкого могильников в Северном Подонцове и Подонье, датируемых, главным образом, IX – началом X в. [Флеров, 1984, с. 160–161, рис. 15–3, 4; Плетнева, 1989, с. 81, р. 39]. Подобные тонкие серебряные бляшки сбруи диаметром чуть больше 30 мм, вероятно, имевшие какую-то основу, обнаружены в катакомбе 29 второй половины VI–первой половины VIII в. могильника Клинь-Яр III под Кисловодском [Флеров, 2000, с. 45, 62, рис. 39–17, 18]. Данная технология (плакировка?) используется на Северном Кавказе не только в до-, но и в постхазарское время, что показывают находки круглых уздечных блях с серебрением из Ленинахабльского могильника второй половины XI в. в совокупности с описанными причерноморскими материалами [Носкова, 1999, р. 5–12, 13]. К этой группе изделий примыкают сбруйные бляхи с серебрением из курганов XII–XIII вв. у Геленджика, раскопанных в 1910-х годах К.К. Мерсом (коллекция ГЭ, № 1109/224–235).

Тип 5 – полусферические мелкие, диаметром 7 мм, с одним штифтом для крепежа. Найдены в цемдолинском погребении 33, где сохранилось 15 таких бляшек. Отлиты из свинцово-оловянного сплава, снаружи покрыты серебром (см. прил. 2, табл. 2, анализы № 70, 71). Относились к уздечке. Аналогичны по форме мелким бляшкам типа I БI-2 из цемдолинского погребения 18, если не учитывать технику изготовления.

Раздел III – штампованные медные или бронзовые на литой основе

Этот раздел объединяет мелкие штампованные или тисненые фигурные бляшки-«скорлупки» толщиной не более 0,5 мм с наружным покрытием тонким слоем белого металла. Крепежная система состоит из одного тонкого штифта с квадратной медной шайбой, заполнение отлито из свинцово-оловянного сплава. Штампованные бляшки плохо сохранились, в основном от них остались одни штифты в толще ремней. Судя по уцелевшим фрагментам уздечек, они прикреплялись поперек ремней и составляли наборные узды. Их количество малопоказательно и отражает лишь степень со-

хранности материала. Характерной особенностью бляшек этого отдела является рельефный декор геометрического типа, по определению Г.Г. Король. Они представлены следующими отделами и типами по форме.

Подраздел А – с декором

Отдел I – подовальные

Тип 1 – продолговатые, гусеницеобразной формы, из трех сомкнутых в ряд полу-сфер. Размеры 9 × 3 мм. Они прикреплялись вплотную друг к другу и сохранились на остатках уздечных ремней шириной от 16 до 18 мм. Найдены в кургане 3 и 14 и погребении коня 2 кургана 4 Цемдолинского могильника (рис. 34: 2, 3, 5). Пробы были отобраны с бляшки из кургана 14 (см. прил. 2, табл. 2, анализы № 1–4).

Прямой аналогией этой форме являются более крупные литые бронзовые бляшки, обнаруженные среди гарнитуры колчанных ремней в древневенгерском погребении 561 X в. в Папкерте [The Ancient Hungarians, 1996, p. 376-fig.1]. Бляшки типа I-1 по форме одинаковы с более массивными бляшками релкинской культуры VII–IX вв. Среднего Приобья [Могильников, 1987, табл. CI-41].

Тип 2 – продолговатые, близкие к восьмерке с широким перехватом, размерами 10 × 4 мм. Закреплены поперек ремня вплотную друг к другу, как и предыдущие (рис. 34: 6). Найдены в погребении коня 2 цемдолинского кургана 4 (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 60). Эти бляшки сходны с серией бляшек типа II К XIX систематики Г.А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов, 1966, p. 8-4, с. 50, 53]. Подобные им встречаются в украшении сапожек из погребений X – первой половины XI в. в Северном Причерноморье (Антоновка) и Приуралье (Увак), определяемых как печенежские [Орлов, Ключинцев, 1978, p. 3-2, с. 77; Гарустович, Иванов, 2001, с. 91, рис. 31-30, 32]. «8-образные с перехватом» бляшки, родственные типу I-2 нашей классификации, происходят из Больше-Тиганского могильника и Старо-Халиловских курганов [Халикова, 1976, p. 8-1; Мажитов, 1981, p. 56-7, с. 129].

Тип 3 – удлиненные овальные, с двумя слабыми поперечными валиками-перехватами у концов, размерами 16 × 7 мм. Сохранилось 10 бляшек, все без штифтов (рис. 34: 9). Они обнаружены в погребении коня 2 кургана 1 могильника Чайка (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 100). Отдаленно напоминают упоминавшиеся 8-образные бляшки с перехватом из Прикамья и Приуралья.

Отдел II – подтреугольные

Тип 1 – трехлепестковые, размерами 11 × 8 мм. Представляют собой пластинку подтреугольной формы с тремя округлыми выпуклостями, расположенными веерообразно (рис. 34: 7, 8, 10). Находились в погребениях коней 1 и 2 цемдолинского кургана 4 (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 61).

Тип 2 – пятилепестковые, размерами 13 × 7 мм. Состоят из пяти округлых и овальных выпуклостей, расположенных веерообразно на такой же пластинке (рис. 34: 7, 8, 10). «Скорлупка» изготовлена из свинцово-оловянной бронзы, штифт из многокомпонентной бронзы, заполнение свинцово-оловянное (см. прил. 2, табл. 2, анализы № 51, 52). Найдены в погребении коня 1 цемдолинского кургана 4.

Подтреугольные бляшки обоих типов прикреплены к ремням вместе с небольшим интервалом и, в сущности, очень схожи. Равные типу II-1 нашей классификации «3-лепестковые» бляшки происходят из Бекешевских и Ямаше-Тауского курганных могильников [Мажитов, 1977, p. 3-2, 4-1в; 1981, p. 1 8-к, с. 129; Пшеничнюк, 1984, p. 4-4, 6-13, с. 70]. Кроме того, трехлепестковые бляшки нашей классификации почти одинаковы с единственной трехчастной бляшкой типа II A VII из кочевнического погребения, по Г.А. Федорову-Давыдову, параллели которой он обнаружил в Прикамье и Сибири в IX–XI вв. [Федоров-Давыдов, 1966, p. 8, с. 50, 53]. «Сердцевидные» (по Н.А. Мажитову) бляшки, идентичные причерноморским типа II-2, найдены в II Бекешевском и Хусаиновском курганных приуральских могильниках [Мажитов, 1981, p. 26-9, 34-30, с. 66-67, 126; 1977, т. I -174]. Такие же по форме пятилепестковые бляшки украшали уздечку из погребения 6 могильника Ближние Елбаны V на Верхней Оби, относящегося к сrostкинской культуре VIII–X вв. [Грязнов, 1956, табл. LVII-8, 9, с. 148].

Отдел III – розетковидные

Тип 1 – в виде разомкнутой асимметричной розетки, образованной пятью круглыми выпуклостями вокруг одной центральной, расположенными на пластинке размерами 10 × 10 мм (рис. 34: 1). Общий абрис напоминает форму 5-угольных, чуть удлиненных накладок с выступом на одном конце и выемкой на другом, которые широко бытовали в IX–X вв. Уцелело 56 бляшек; изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 72). Найдены в цемдолинском погребении 33.

Морфологически аналогичная мелкая бляшка происходит из древнемарийского погр. 3 X–XI вв. Черемисского кладбища, но технология ее изготовления и детали не ясны [Архипов, 1973, рис. 43-58, с. 67]. Похожие накладки украшали пояс из погребения Змейского могильника [Кузнецов, 1961, с. 117, табл. I X]. Подобные причерноморским уздечные или поясные бляшки, не совсем удачно названные Н.А. Мажитовым «лепестковидными», встречаются в муракаевских курганах 2 и 3 соответственно XI в. и рубежа X–XI вв. [Мажитов, 1977, табл. I-319, с. 34; 1981, рис. 69-14, с. 1 41-142]. Далее, розетковидные бляшки типа III-1 сопоставимы с литыми фигурными бляшками с такими же выпуклостями из I Семеновского селища второй половины X–XI вв. в Волжской Болгарии и с фрагментированной, подобной им бляшкой из одновременно-го комплекса гончарной мастерской из XX раскопа Биляра (на билярскую аналогию мне любезно указала Н.А. Кокорина) [Казаков, 1991, рис. 44-95; Кокорина, 2000, рис. 1-1, с. 43].

Итак, найденные соответствия фигурным штампованным бляшкам III раздела на восточноевропейской территории ограничены, главным образом, Южным Приуральем и Прикамьем и отыскиваются преимущественно в погребениях IX–X вв., где они украшали уздечные и поясные ремни и женские головные венцы. Почти все эти погребения исследователи относят к кругу протовенгерских и/или протобашкирских, а с учетом печенежских и древнемарийской аналогий, в общем, можно говорить о популярности бляшек таких форм в финно-угорской среде. В причерноморских памятниках эти бляшки датируются XI–XII вв., хотя и выглядят архаичными. В этой связи интересна тенденция у южноуральских ременных бляшек в XI–XII вв. в сторону

уменьшения размеров и преобладания геометрических форм орнаментации, замеченная Н.А. Мажитовым [Мажитов, 1977, с. 33]. Эти явления мы наблюдаем и в причерноморском материале.

Подобная технология заливки штампованных бляшек (с припаянными штифтами) изнутри свинцом для прочности замечена на изделиях с болгарских селищ X-XI вв. и единожды – на бляшках оголовья IX в. из Чернавинской сопки у Старой Ладogi [Казаков, 1991, с. 131; Кирпичников, 1973, с. 25]. Интересно, что древнерусскими материалами этот прием практически не представлен: выделенный В.В. Мурашевой класс штампованных изделий на свинцовой подкладке с геометрическим орнаментом (мотив – круг) включает только чернавинские уздечные бляшки [Мурашева, 2000, рис. 72, с. 51].

Раздел IV – кованые медные

В этот раздел входят крупные, гладкие и плоские пластинчатые бляхи, найденные в разрушенном пахотой слое могильника Андреевская щель (3 экз.), которые уже были предметом специального изучения [Армарчук, Новичихин, 2004, с. 62–64]. Они скупо декорированы мелкими накладными литыми элементами и по этому признаку отнесены к одному подразделу, внутри которого представлены тремя типами по форме.

Подраздел А – с декором

Тип 1 – гладкая бляха-пластина бочонковидной формы, размерами 74 × 55 мм (1 экз.). В центре округлое углубление диаметром 18 мм. У прямо срезанных верхнего и нижнего краев бляхи образуются сужения-перехваты. По углам находятся четыре литые бляшки-заклепки с рельефно орнаментированными розетковидными головками, как у одного из начельников (рис. 40: 3). Вероятно, оба предмета входили в один комплект. Технологическое исследование выявило остатки позолоты на заклепках, глади самой пластины и в углублении [Конькова, 2004, с. 77]. На первый взгляд, эту бляху можно было бы причислить к налобникам, которые обычно располагались на поперечном налобном ремне узды. Судя по заклепкам, она крепилась к двум параллельным, а, скорее, косо перекрещивающимся ремням, поэтому логичнее поместить ее иначе, – например, на пересечении нагрудных ремней. От сбруйных решм наиболее распространенного типа (миндалевидных «конечных блях-бубенцов», по Г.А. Федорову-Давыдову) она отличается своеобразной формой и тем, что имеет углубление вместо выпуклости, больше напоминая их подложку.

Аналогии данной бляхе не обнаружены. В венгерских материалах X в. из погребений и случайных местонахождений в Monok hill, Batta, Piliny есть серия больших серебряных сбруйных блях-решм круглой и листовидной форм с миндалевидным позолоченным углублением в центре [The Ancient Hungarians, p. 145-fig.3, 365-fig.1, 404-fig.2]. Следовательно, такой способ декора не был исключительно редким. Кроме того, венгерские находки демонстрируют широкое применение аналогичных мелких бляшек-заклепок с розетковидными головками – например, в украшении налучий, обуви и для крепежа сумочных блях [op. cit., pp. 74-fig.5, 105-fig.40, 116-fig.8, 205-fig.6, 295-fig.1]. Основываясь на этих параллелях, я отношу бляху первого типа к X веку.

Тип 2 – листовидная бляха длиной 95 мм и шириной не менее 62 мм с большим каплевидным вырезом в верхней части (1 экз., см. прил. 2, табл. 2, анализ № 20). На лицевой стороне бляхи наверху вдоль края и в центре вокруг выреза наложены позолоченные валики рельефного декора. Вверху – дуговидный валик с оттянутым вниз мысиком и поперечными насечками-рубчиками, который крепится к бляхе штифтами, расклепанными с тыльной стороны. Вдоль выреза – каплевидный, дополненный четырьмя диаметрально расположенными заклепками с головками-трилистниками из трех выпуклостей (со штифтом на обороте). Вверху выреза бляха имеет маленький выступ с отверстием, видимо, для подвешивания бубенца. Бляха слегка погнута, края с обломами (рис. 38: 4). Технологический анализ показал, что она была покрыта снаружи белым металлом [Конькова, 2004, с. 77]. Подобные пластинчатые бляхи с вырезами найдены, во-первых, в погребении 28 IX в. в Дюрсо, где одна из них имеет такой же выступ для подвески-бубенца [Крым, 2003, табл. 91-24, 25]. Во-вторых, в катакомбе 3 второй половины VIII–IX в. североосетинского могильника Даргавс: обе даргавские бляхи имеют накладной золоченый декор и подвесные бубенчики в вырезе [Габуев, 2005, с. 54].

Тип 3 – сердцевидная бляха длиной не менее 70 мм, шириной не менее 65 мм с большим овальным вырезом в верхней части (1 экз., см. прил. 2, табл. 2, анализ № 31). Верх и один край обломаны. Бляха имела аналогичный предыдущему накладной декор, сохранившийся отдельно в виде четырех отпавшихся фрагментов валика с трилистниками и рубчатого верхнего ободка с петлей для шарнирного крепления; ниже выреза находятся два отверстия – следы крепления валика (рис. 38: 5). Судя по ободку с петлей, бляха подвешивалась к какой-то другой бляшке, крепившейся на ремне, и по сути являлась решмой, возможно, налобной или нагрудной. Вверху бляхи имеются две выпуклые головки заклепок-штифтов, которыми она дополнительно крепилась к какому-то ремню.

Бляхи второго и третьего типов в других материалах мной не найдены, но обнаружены аналогии деталям их декора. Однотипные рельефные накладки вверху имеют сбруйные пластинчатые бляхи-решмы, во-первых, из конского набора (случайная находка 1957 г.) и погребений X–XI вв. Колосовки 1 и катакомбы 1 конца XI – первой половины XII в. Кольцо-Горы, которые шарнирно соединялись с выпуклыми бляшками ремня, а во-вторых, из древневенгерского погребения 2 в Piliny-Leshegy [Дитлер, 1961, табл. XI-5, с. 153; Ловпаче, 1980, табл. III-2; Савенко, 1986, рис. 2-8; The Ancient Hungarians, p. 404-fig.2]. В венгерских материалах X в. присутствуют также мелкие бляшки-заклепки с похожей шляпкой в виде трилистника [The Ancient Hungarians, p. 178-fig.1, 384-fig.1]. Казалось бы, подобные частности не играют большой роли, однако при должном внимании к ним они помогают точнее атрибутировать и датировать вырванные из контекста предметы, которые мы анализируем в данном случае.

Исходя из обнаруженных совпадений, я отношу кованые бляхи второго и третьего типов к X–XI вв. В оголовье они, вероятно, в единственном экземпляре использовались как налобные решмы, если учитывать их форму и размер, а в наборе числом от нескольких штук до десятка и более могли украшать нагрудный и подфейный ремни сбруи. Образцом первого варианта является убор из курганного кочевнического погребения X в. в Быково в Нижнем Поволжье [Федоров-Давыдов, 1966, рис. 11-1]. При-

меры другого варианта расположения крупных листовидных блях дают, во-первых, сбруйные наборы из нижневолжских курганных кочевнических погребений X в. у 15-го поселка и в Ново-Никольском, реконструируемые Л.М. Гаврилиной [Гаврилина, 1991, рис. 2, 3, с. 149, 153]. Во-вторых, как это ни парадоксально, сами северокавказские решмы – художественно выполненные сбруйные украшения с ажурными подвесками со всадником, найденные в змейской катакомбе 15 XI–XII вв., где на фигурке коня четко проработана вся сбруя с однотипными подвесками [Кузнецов, 1959, с. 105, рис. 11-2; Ловпаче, 1978, рис. 3-6]. В-третьих, комплекс 231 Змейского могильника с гладкими бляхами на голове и груди погребенного коня [Фидаров, 1995, рис. 81–83]. Они встречены и в других конских погребениях этого могильника (комплексы 120 – 1983 г., 156, 170 и катакомба 164 – 1991 г.).

На мой взгляд, причерноморские кованые листовидная и сердцевидная бляхи (и типологически примыкающие к ним бляхи из Колосовки 1 и Кольцо-Горы) являют собой завершающую стадию в развитии крупных пластинчатых гладких решм, характерных для специфического конского убора VIII–IX вв. Этот убор включал начельник и от одного до нескольких десятков таких решм, и ниже мы к нему вернемся. Сбруя с такими бляхами в IX–X вв. неоднократно изображалась во всаднических сюжетах настенных рисунков, например, Преслава и Плиски в Болгарии, и на торевтике, относимой современными исследователями к изделиям ранневенгерского или урало-венгерского круга: блюдо из Утемильского починка в Прикамье, чаши из с. Мужжи, Тыльдинских юрт и Нанто в Приобье [Смирнов, 1909, илл. 156–157; Сокровища Приобья, 1996, № 53, 54; Овчаров, 1982, с. 51–52; Рашев, 1984, рис. 4-з, 6-е]. Наборы сбруйных украшений в виде крупных подвесных листовидных блях (с «венгерскими» узорами) встречаются в дружинных погребениях X в. Киева и могильников Табаевский, Березки и Шестовицы в окрестностях Чернигова. Р.С. Орлов по орнаментике, технологии изготовления и составу сплавов объединяет их в художественную школу А южнорусской металлообработки X в. [Орлов, 1983, с. 34–38, рис. 2, 3, 7].

Интересен вопрос о происхождении решм упомянутого убора. В.Н. Каминский полагал, что они выработаны в IX в. в аланской среде, но не без тюркского влияния [Каминский, 1990, с. 74]. В материалах древнетюркского времени обнаруживаются прямые прототипы таких блях: это сбруйный набор из кургана 1 могильника Капча-лы I VII–IX вв. в Южной Сибири и аналогии ему из тюркских курганов Монголии, а также валун с тюркскими рунами и изображением всадника на коне в уборе из листовидных решм, найденный в Кочкорской долине [Левашова, 1952, с. 128, рис. 1-28-30; Евтюхова, 1957, рис. 2; Кляшторный, 2001, с. 213]. В свою очередь, подвесные бляхи-решмы нагрудного и подфейного ремней сбруи, в VII–X вв. распространившиеся у енисейских кыргызов и в сроткинской культуре, Д.Г. Савинов относит к элементам «скифского» пласта, проявившегося в древнетюркском культурном комплексе [Савинов, 1998, с. 137].

Составные украшения с подвесками-решмами

К этой категории относятся изделия, комбинированные в технологическом и конструктивном отношениях, – составные двух- и трехчастные сбруйные украшения, со-

стоящие из верхних литых бронзовых блях и нижних штампованных или литых медных или бронзовых подвесок – решм и бубенцов. Как правило, все части рельефно орнаментированы. Верхние бляхи имеют внизу по две поперечные корпусу петли для соединения, а подвесные решмы или мелкие бубенчики снабжены сверху одной поперечной петлей. Через совмещенные петли составных частей продевалась ось, концы которой расклепывались или загибались, что обеспечивало шарнирное соединение. Срединные бляхи трехчастных украшений снабжены одной аналогичной петлей сверху и двумя петлями внизу.

Составные украшения и их элементы встречены в пяти погребениях: погребении 1 могильника Потомственный (12 экз.), погребении 5 могильника Андреевская щель (5 экз.), в сапунском кургане 5 (6 экз.), цемдолинских курганах 14 (11 экз.) и 4 (5 экз.). Они делятся на отделы по количеству частей, далее классифицируются по типам по виду верхних блях и подтипам по виду бубенцовых или других решм-подвесок.

Отдел I – двухчастные

Тип 1 – с гладкими дисковидными бляхами без фаски диаметром 30 мм (4 экз.). Идентичны бляхам типа IB-1 первого отдела, но в отличие от них имеют две петли для соединения с привеской. На обороте пять штифтов для крепления к прямым перекрестиям ремней, остатки которых шириной 14–15 мм сохранились у некоторых блях (рис. 36: 1).

Тип 2 – с длинными узкими прямоугольными бляхами размерами 40 × 8 мм с двумя штифтами на обороте (5 экз.). Их выпуклая лицевая сторона орнаментирована глубокими поперечными насечками, образующими валики и как бы имитирующими плотную проволочную навивку (рис. 35: 1, 2).

Тип 3 – с короткими прямоугольными бляхами-колодочками размерами 16 × 9 мм с рельефным орнаментом в виде однорядной мелкой ложной зерни по краям и фигурных дуговидных выпуклостей по центру (2 экз.). На тыльной стороне штифт с круглой шайбой (рис. 36: 4).

Бляхи первых трех типов имеют одинаковые плоско-выпуклые бубенцовые решмы, которые относятся к *подтипу а* – каплевидной формы, размерами 40 × 25 мм, с шумящей горошиной и линейной прорезью внизу. Изготовлены из вертикальных половинок (см прил. 2, табл. 2, анализы № 36–38, 42). Лицевая сторона решм выпуклая, с рельефным геометрическим орнаментом в виде валиков – продольного сверху и двух поперечных, перпендикулярных ему, внизу. Тыльная сторона гладкая и плоская. Сечение сегментовидное. Проволочная петля приделана сверху перпендикулярно плоскости корпуса. Все эти украшения найдены в цемдолинском кургане 14.

Составные украшения с бляхами следующих пяти типов входят в один вещевой комплекс погребения 1 могильника Потомственный; все они позолочены.

Тип 4 – с длинными узкими бляхами с двумя параллельными сторонами и верхним концом с треугольным вырезом размерами 27 × 7 мм (рис. 35: 3). Орнаментированы тремя продольными рядами ложной зерни на лицевой стороне и снабжены двумя штифтами на тыльной (2 экз.). Эти бляхи идентичны литым бляшкам типа AIII-1 первого раздела, которые, вероятно, крепились рядом с ними.

Тип 5 – с крестовидной бляхой-колодочкой с короткими прямоугольными концами и выпуклой усеченноконической серединой (1 экз.). Размеры 16 × 21 мм (с петлями). Концы-выступы декорированы плохо сохранившейся ложной зернью. Тыльная сторона гладкая, с тремя штифтами с пластинчатыми шайбами (рис. 35: 4). Эта бляшка совпадает по форме и размерам с неорнаментированным литым наносником типа БИ-1 из цемдолинского погребения 33.

Бляхи типов I-4 и I-5 имеют одинаковые бубенцовые решмы *подтипа б* – каплевидные по форме, уплощенные в сечении, размерами 38 × 22 мм, из вертикальных тисненых половинок (3 экз.). На их лицевой стороне рельефный орнамент в виде пятилепестковой пальметты с остроконечным центральным и круто отогнутыми вниз боковыми лепестками. Тыльная сторона гладкая, выпуклая, с щелью внизу.

Тип 6 – с ажурной сердцевидной бляхой, напоминающей крендель, образованный плетением «ленты с перлами» (1 экз.). «Лента» имеет два валика по краям, между которыми заключена цепочка ложной зерни. Таким образом, рельефный орнамент находится на углубленном фоне и аналогичен декору литой кольцевидной бляшки типа I АП-1. Размеры бляхи 20 × 18 мм без петель. В данном случае подвеской *подтипа в* является не штампованный бубенец, а литая ажурная лунница с загнутыми внутрь «рожками», образованная сложным плетением аналогичной псевдоленты (рис. 37: 1). Размеры лунницы 28 × 22 мм без петли.

Две полностью аналогичные бронзовые бляшки в форме кренделя обнаружены в неопубликованных погребальных комплексах из здешнего региона: в погребении 8 сапунского кургана 21 (рис. 37: 7) и в одном из курганов в ур. Макитра, раскопанном Н.И. Веселовским. Знакомство с музейными коллекциями показало, что обе бляшки сильно потерты, орнамент ложной зернью на них плохо виден, но на сапунской еще сохранились следы позолоты. Бляшка из кургана в ур. Макитра использовалась вторично, судя по грубой железной сквозной заклепке на ней. Другие параллели мною не найдены, но среди восточноевропейских материалов из курганов и поселений древнерусского времени XI–XII вв. изредка попадаются ажурные «петлистые» привески, которые формой напоминают крендель, т.е. пластически решены почти одинаково [Самоковасов, 1916, рис. 108 - № 3651; Загорюльский, 2004, рис. 8-5, с. 95].

Единственная прямая аналогия ажурной решме-луннице найдена также в местном материале, – кремационном урновом погребении 3 кургана 1 могильника Чайка (рис. 37: 8). Лунница из этого погребения чуть меньше, следовательно, отлита по другой модели или в другой форме, ушко для подвешивания у нее обломано.

Тип 7 – с ажурными, вертикально вытянутыми бляхами подтреугольных очертаний размерами 33 × 42 мм (5 экз. – четыре целых, пятая представлена фрагментом). Эти бляхи тоже имитируют плетенку кренделем из «ленты с перлами», но ложная зернь здесь крупнее и реже, валиков по краям «ленты» нет. Плетенка других пропорций и не столь изящная, а огрубленная (рис. 37: 2). Подвески-решмы отсутствуют. Возможно, ими служили овальные желобчатые бубенцы из этого же комплекса, которых тоже пять. Проба фрагментированной бляхи показала, что она изготовлена из оловянно-свинцовой бронзы (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 88).

Двухчастное позолоченное украшение с аналогичной *верхней* бляхой найдено в ингумационном погребении 50 Циплиевского 1 могильника XI–XII вв. и по месту в

погребении атрибутируется как поясное [Пьянков, 2000, рис. 4-7]. Видимо, подражанием этим бляхам является привеска из урнового погребения 3 кургана 1 могильника Чайка (рис. 37: 9).

Тип 8 – с бляхами в виде правильного треугольника (3 экз. – два целых, один фрагментирован). Имеют по одному круглому выступу на двух углах и два выступа в виде завитков возле третьего угла, который переходит в парные соединительные петли для шарнира. По периметру тянется бордюр из одного ряда мелкой ложной зерни. Он обрамляет три вытянутых 3-листника, обращенных из центра к углам (рис. 37: 3, 4). Подвески отсутствуют. Может быть, ими являлись некоторые бубенцы из этого комплекса. Анализ пробы фрагментированной бляхи определил, что она отлита из оловянной бронзы (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 87).

Тыльная сторона всех блях типов I-6, I-7 и I-8 гладкая, без штифтов. Это говорит о том, что данные изделия пришивались или привязывались, а не приклепывались к ремням (или одежде). Судя по петлям, бляхи седьмого и восьмого типов имели несохранившиеся подвески и, следовательно, правомерно отнесены нами к составным двухчастным украшениям. Строго говоря, эти последние три типа нельзя считать сугубо сбруйными украшениями по двум причинам: во-первых, из-за обнаружения их аналогов в погребениях людей (в том числе на поясе), а не верховых лошадей; во-вторых, из-за способа крепления пришиванием, а не штифтами, что непрактично для сбруи.

Тип 9 – с круглыми бляхами диаметром 29–30 мм. Украшены розетковидным орнаментом в виде центральной круглой выпуклины-«перла» с чередующимися пятью лепестками и пятью лучами из таких же «перлов» (6 экз.). На тыльной стороне четыре крестообразно расположенных штифта (рис. 36: 2). Анализ пробы одной бляхи свидетельствует, что она отлита из свинцовой бронзы (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 45).

Бляхи этого типа имеют одинаковые медные бубенцовые решмы *подтипа г* – каплевидные по форме, уплощенные в сечении, размерами 26 на 38–39 и 22 на 36–37 мм (5 экз.). Изготовлены из вертикальных тисненых половинок (см. прил. 2, табл. 2, анализы № 43, 44). На их лицевой стороне рельефный геометрический орнамент в виде валиков, образующих прямой крест, в углах которого находится по одной выпуклине – «перлу», а пятая выпуклина расположена в средокрестии. Петли пластинчатые, поперечные корпусу (рис. 36: 3). Внешняя сторона украшений позолочена; при изучении их под микроскопом установлено, что они побывали в огне. Обнаружены в сапунском кургане 5, датированном второй половиной XII – началом XIII в. [Армарчук и др., 2004, с. 154].

К сбруйным украшениям относятся также бубенцовые бронзовые решмы из погребения коня 1 цемдолинского кургана 4, верхние бляхи которых не сохранились (5 экз.). Они относятся к *подтипу д* – каплевидной формы, плоско-выпуклые, сегментовидные в сечении, длиной 32, шириной 23 мм. Лицевая сторона орнаментирована двумя горизонтальными ложбинками, между которыми по бокам находятся по одной выпуклости-«перлу». Тыльная сторона гладкая и плоская (см. прил. 2, табл. 2, анализы № 57, 58). Проволочная петля прикреплена в одной плоскости с корпусом, в нее продето переходное проволочное колечко (рис. 36: 5). Данные решмы морфологически одинаковы с решмами подтипа *а*, но отличаются от них декором. В качестве самостоятельных подвесок в других погребениях они не встречены и поэтому отнесены к составным двухчастным украшениям, несмотря на отсутствие верхних блях.

Отдел II – трехчастные

Тип 1 – с круглыми бляхами диаметром 18 мм с гнездом-кастом со стеклянной дисковидной вставкой, окруженным кольцом ложной зерни, и двумя штифтами на обороте (5 экз.). Решмы *подтипа е* – литые ажурные рамчатые, удлиненно-сердцевидной формы, размерами 31 × 41 мм. Рамка образована плетением «ленты с перлами», в трех точках имеющей круглые завитки внутрь (рис. 38: 1–3). Внутри рамки косое перекрестие с гнездом для мелкой круглой стеклянной вставки по центру. Решмы снабжены сверху одной петлей для соединения с верхней бляхой, а внизу двумя петлями для соединения с мелкими бубенчиками типов АП-1 и АП-2. Отлиты из оловянной бронзы (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 14). Эти украшения находились в погребении 5 могильника Андреевская щель.

«Лента» такая же, какая у двухчастных блях типа I-6а. Этот же орнаментообразующий элемент имеют гнездовские украшения скандинавского стиля – круглые уздечные решмы из кургана Ц-191 и привеска с личиной из клада 1868 г. [Мурашева, 2000, с. 11, рис. 5-2; Седов, 1982, табл. LXVIII-6, цвет. вклейка на с. 97].

Все составные сбруйные украшения из Северо-Восточного Причерноморья являются весьма своеобразными и самобытными, входя в круг изделий, обнаруженных исключительно на Северном Кавказе. Параллели большинству из описанных украшений найдены только в материалах указанного региона, на что уже обращалось внимание [Армарчук и др., 2004, с. 153]. Это касается как отдельных деталей и типологических совпадений, так и технологии изготовления и элементов декора.

Однако разные типы причерноморских составных украшений неравномерно обеспечиваются северокавказскими аналогиями. Так, двухчастные без позолоты с круглыми и прямоугольными бляхами типов I-1, I-2, I-3 и плоско-выпуклыми решмами подтипа а из курганов и погребений Цемдолинского могильника, а также близкие им золоченые украшения с прямоугольными и крестовидной бляхами типов I-4, I-5 и решмами подтипа б из Потомственного имеют ограниченные и не прямые параллели только в комплексах XI–XII вв. из Змейского катакомбного могильника. Там тоже представлены изделия для сбруи с каплевидными, но неорнаментированными уплощенными решмами-бубенцами и длинными или круглыми разнотипными литыми верхними бляхами (катакомба 36, комплексы 90, 184 и 355) [Кузнецов, 1963, с. 16; Фидаров, 1994, р. 16, 17, 20; 2002, р. 21-8д; Ростунов, 1983, рис. 78]. Решмы с пальметтой подтипа б из Потомственного очень схожи по форме и декору с решмой составной сбруйной бляхи из Колосовки 1 [Ловпаче, 1978, рис. 3-а].

Двухчастным украшениям с ажурными бляхами типа I-6 и I-7 и треугольным бляхам типа I-8 из Потомственного, а также двухчастным украшениям с бляхами типа I-9 и решмами подтипа г из сапунского кургана соответствия практически не найдены (кроме единичных, упомянутых при описании этих вещей). В отличие от них трехчастные украшения и их детали – бляшки со вставками, ажурно-рамчатые решмы и бубенчики из погребения 5 в Андреевской щели – имеют множественные аналогии из позднеаланских могильников XI–XII вв. Змейский (катакомбы 14, 15, 67, 164; конское погребение 184) и Кольцо-Гора (катакомба 41) и погребений могильника Колосовка X–XI вв. [Кузнецов, 1959, рис. 11-2; 1961, табл. X-5; 1962, рис. 8-9, 10; 1995, рис. 10-7; Шестопалова, 1995, рис. 64; Фидаров, 1994, рис. 16-8; Савенко, 1986, рис. 1-10, 2-8; Дитлер, 1961, рис. 10; 1985, табл. IV-25; Ловпаче, 1978, рис. 3-б; 1980, табл. III-2].

Надо сказать, что и другие декоративные детали сбруи из этого погребения совпадают с элементами парадного конского убранства из перечисленных могильников [Крым, 2003, табл. 95; Армарчук, Новичихин, 2004, с. 65–66].

Способ шарнирного соединения ременных блях с решмами реализован в отдельных уздечных наборах X–XI вв., найденных в неоднородных в культурно-археологическом отношении памятниках разных районов Восточной Европы. С одной стороны, это т.н. «скандинавская» узда X в. с зооморфной налобной решмой из гнездовского дружинного кургана 67 (раскопки 1900 г. С.И. Сергеева) [Кирпичников, 1973, табл. VII]. С другой, нарядные узды с миндалевидными налобными и наносными решмами из кочевнических торко-печенежских погребений в Сарайлы-Кият под Симферополем и Новокаменке под Херсоном, относимых Р.С. Орловым ко второй половине XI – началу XII в. [там же, табл. XI; Орлов, 1984, рис. 2-3, 4-1; Кубышев, Орлов, 1982, с. 238–246]. В массиве сбруйных украшений восточноевропейских кочевников X–XI вв. Л.М. Гаврилина выделила их в самостоятельный тип решм, т.н. двучастные с листовидными подвесками и шарнирным креплением, датирующийся XI в. [Гаврилина, 1993, с. 77–85]. Еще раз подчеркну, что составные украшения из могильников Северо-Восточного Причерноморья морфологически далеки от них.

Иное дело – декор, в котором обнаруживаются отдельные общие мотивы. Главным узором на миндалевидных решмах из Сарайлы-Кият является изображение сложной плетенки из «ленты с перлами», образующей овальную рамку с центральным ромбовидным медальоном внутри. По сути, тот же орнаментальный мотив передает формообразующая упрощенная плетенка ажурно-рамчатых решм из Андреевской щели. Кроме того, рисунок андреевских решм созвучен центральному орнаменту на крестовидных бляхах перекрестий из Сарайлы-Кият [Орлов, 1984, рис. 4-5]. Замысловатое жгутовое плетение на решмах из Новокаменки и ажурных бляхах и луннице из Потомственного – тоже явления одного ряда.

Исследовавший северопричерноморские конские уборы Р.С. Орлов указывал на родство плетеных узоров их блях и орнаментального декора изделий из Восточного Средиземноморья, Алании и Киевской Руси, который сложился под сильным византийским влиянием. По его определению, наборы из Сарайлы-Кият, Новокаменки и Гаевки изготовлены в византийском стиле, и выделены им в т.н. «византийскую» группу изделий XI в. [там же, с. 30–31].

Все ажурно-рамчатые сбруйные, а шире, ременные составные украшения с решмами XI–XII вв. из могильников Северо-Восточного Причерноморья, Закубанья, Адыгеи и Центрального Предкавказья тоже образуют единую стилистическую группу. Ее характеризуют три признака: во-первых, ведущий орнаментально-технологический элемент – «лента» с рельефными перлами по центру и валиками по краям. Во-вторых, общий геометрический орнамент – «плетенка» разной конфигурации. В-третьих, декоративная сплошная позолота внешних поверхностей. Вероятно, все эти украшения изготовлены способом литья, что посредством технологического анализа установлено для причерноморских [Конькова, 2004, с. 75–76]. Учитывая относительно равномерное, хотя в целом ограниченное распространение таких украшений на территории от Северо-Восточного Причерноморья до Центрального Предкавказья, данную группу можно назвать «причерноморско-кавказской». Это помогает нам представить ее место в металлопластике припонтийских и южных областей Восточной Евро-

пы. Думаю, пока преждевременно считать ее однозначно «аланской», т.к. находки ажурно-рамчатых составных украшений в Змейском могильнике, где они впервые были найдены, численно не превосходят находки из других могильников к западу от средневековой Алании вплоть до черноморского побережья (рис. 46). Правда, стилистико-художественные параллели элементам и мотивам декора изделий этой группы обнаруживаются на Кавказе прежде всего в орнаментах на предметах из змейских аланских катакомб, но это можно объяснить хорошей их сохранностью благодаря особенностям аланского погребального обряда и климатических условий в горах [Кузнецов, 1961, табл. VI, VII; 1962, рис. 13-6]. В свою очередь, считается, что в развитии декоративно-прикладного искусства средневековой Алании большая роль принадлежит Византии [Кузнецов, 1959, с. 116-117].

Таким образом, применительно к декору можно полагать, что ременные украшения XI-XII вв. «причерноморско-кавказской» группы изготавливались под влиянием византийской моды. Вместе с тем они достаточно оригинальны и, безусловно, по форме и общему конструктивному решению восходят к северокавказским трехчастным украшениям с рамчатыми подвесками с изображениями всадников, воинов и «пляшущих человечков» из Змейской, Рутхи и Колосовки, которые, вероятно, относятся к X – началу XI в. [Уварова, 1900, табл. CIV-13, CXXX-8, с. 347; Дитлер, 1961, рис. 10]. По мнению В.А. Кузнецова, несомненна связь некоторых ажурных змейских подвесок с более ранними аланскими литыми фигурками всадников [Кузнецов, 1959, с. 105; Ковалевская, 1978, рис.1].

Итак, в развитии причерноморско-кавказских составных сбруйных украшений с X по XII в. происходит смена сюжетов и мотивов декора, но сохраняется исходный тип, несмотря на модификацию и появление новых форм. Что же касается X века, то кроме алан в это время двухсоставные украшения широко применяли венгры на «обретенной родине», но эти бляшки представлены иными видами с другим декором и способом соединения частей и зафиксированы только в отделке костюма [The Ancient Hungarians, p. 139-fig.4, 143-fig.2, 195-fig.1].

Наносники для султанчиков

В данную категорию декоративных сбруйных изделий входят небольшие цельнолитые бронзовые бляшки-накладки с миниатюрными центральными трубочками-втулками для султанчиков (3 экз.). Все три различны и относятся к двум подразделам и трем отделам, выделяемым по форме самой накладки.

Раздел I – литые

Подраздел А – с декором

Отдел I – прямоугольные

Тип 1 – прямоугольная удлиненная накладка размерами 35 × 15-17 мм с отверстием-втулкой в центре (1 экз.). По краям по две поперечных бороздки, на обороте два штифта (рис. 39: 1). Найдена в сапунском кургане 19 на черепе лошади на месте поперечного храпового ремня [Дмитриев, 1986, рис. 200]. Однотипная бронзовая на-

кладка с заостренными концами происходит из слоя разрушения Циплиевского 1 могильника в Западном Закубанье [Пьянков, 1989, рис. 366-10]. Другая похожая накладка X-XI вв. из Колобово представлена Л.М. Гавриловой в группе сбруйных кочевнических украшений [Гаврилина, 1987, рис. 3-3].

Отдел II – фигурные

Тип 1 – фигурная продолговатая накладка с плоской тыльной и рельефно орнаментированной лицевой стороной размерами 26 × 11 мм (1 экз.). В центре отверстие, оформленное в виде короткой цилиндрической трубочки, от которой в противоположные стороны отходят две овальные лопасти, украшенные на концах круглыми выпуклостями. На обороте два штифта (рис. 39: 3). Найдена в погребении лошади 2 цемдолинского кургана 4, где лежала на остатках поперечного храпового ремня уздечки. Аналогии не известны.

Подраздел Б – без декора

Отдел I – крестовидные

Тип 1 – крестовидная накладка размерами 17 × 15 мм с центральным отверстием, оформленным в виде короткой цилиндрической трубочки (1 экз.). На обороте два штифта с шайбой (рис. 39: 2). Находилась в цемдолинском погребении 33. По форме и размерам она повторяет верхнюю бляху-колодочку двусоставного украшения с решмой из погребения 1 могильника Потомственный. Эта миниатюрная накладка как бы имитирует широко распространенные в X-XI вв. крестообразные литые уздечные бляхи перекрестий с короткими выступами-концами, отличающиеся от нее гораздо более крупными размерами, отсутствием отверстия в центре и соединительной функцией [Шилов, 1959, рис. 69-1; Федоров-Давыдов, 1966, рис. 10-5, А-1; Гаврилина, 1987, с. 55-57, рис. 2-1-5].

По-видимому, к этой категории изделий надо отнести две маленькие цилиндрические трубочки. Первая высотой 12 мм, диаметром 7 мм происходит из погребения лошади 2 кургана 1 могильника Чайка (рис. 33: 8). Она имеет отогнутую рассеченную нижнюю закраину для крепления к какой-то несохранившейся основе (вероятно, бляшке), изготовлена из высокоцинковистой, «золотоподобной» латуни (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 105). Аналогично крепилась трубочка сборного наносного султанчика из кургана 2 приалтайского могильника Корболиха VIII [Могильников, 2002, с. 90, рис. 210-1].

Вторая трубочка диаметром и высотой по 10 мм найдена в погребении лошади 2 сапунского кургана 4; ее основа тоже не сохранилась. Если обе трубочки принадлежали наносникам, то, значит, последние являлись не цельнолитыми, а спаянными из двух частей и, следовательно, относились к другому разделу этого вида украшений – сборным или составным наносным султанчикам, встречающимся как в Южной Сибири и на Алтае, так и в Волжской Болгарии с сопредельными землями.

Назначение причерноморских накладок с трубочками было не вполне ясным, их пытались атрибутировать как застегки. Я полагаю, что они вряд ли служили таковыми, будучи плотно приклепанными к ремню. Местоположение бляшек в цемдолинском кургане 4 и сапунском кургане 19 in situ и найденные соответствия из отдаленных

памятников (рис. 39: 4–7) позволяют уверенно трактовать их как миниатюрные уздечные наносники для султанчиков. Прямоугольная и фигурная накладки конструктивно восходят к более крупным алтайским цельнолитым наносникам раннего типа, датированным первой половиной X в., а также к наносникам из кочевнического погребения IX–X вв. кургана 15 могильника Карашат I в Верхнем Прииртышье, раннеаскизского кургана 12 могильника Шанчиг и из кимакских погребений середины X – первой половины XI вв. в алтайских предгорьях [Шиготарова, 2000, р. 2-1; Трифонов, 1987, рис. 97-40; Кызласов И., 1983, рис. 10-1; Могильников, 2002, р. 210-5, 7, 11]. Причем, накладка типа I AI-1 близка к ним морфологически. Крестовидная накладка типа I BI-1 сопоставима по форме и устройству с наносником из кургана 6 могильника Гилево IX там же [Могильников, 2002, р. 210-9].

Происхождение этих украшений сибиреведы ведут из Средней Азии, полагая, что оттуда их переняла кимако-кипчакская знать, у которой они были популярны с конца IX до XI в., и кыргызы, изготавливавшие их из железа и использовавшие немало дольше [Кызласов Л., 1981, с. 56; Кызласов И., 1983, с. 30–32; Могильников, 2002, с. 91–92]. В XI–XII вв. в Южной Сибири в той же этнической среде сложились другие формы наносников, – более крупные, с дуговидно изогнутой или плоской пластиной с цилиндрической или конической трубкой по центру. Они распространились в степной и лесостепной зонах от Енисея до Прииртышья и Ишима (Пахомовский могильник), а впоследствии стали особенностью аскизской уздечки XIII–XIV вв. [Кызласов И., 1981, с. 205, рис. 74-42, 23; 1983, рис. 10, 11; Шиготарова, 2000, р. 2; Могильников, 1987, табл. LXXIV-38, 39; 2002, р. 210-1, 2]. Это породило мнение, что некоторые декоративные элементы уздечек имеют этнокультурную окраску [Кызласов, 1983, с. 31–32; Могильников, 2002, с. 89].

Наносники поздних форм изредка встречаются в монгольское время на Южном Урале и в Восточной Европе (Болгар, Ковалевка) [Иванов, Кригер, 1988, рис. 1-3; Полякова, 1996, рис. 67-35, с. 220; Горелик, Ковпаненко, 2001, рис. 3-8]. Однако в восточноевропейских памятниках они локально ограниченно начинают появляться раньше, со второй половины XI в. К домонгольскому времени относятся находки железных изогнутых наносников на Золотаревском поселении на Суре [Белорыбкин, 2000, рис. 1; 2001, рис. 98] и железные наносные султанчики разных типов из болгарских поселений, один из которых (со Старокуйбышевского городища) первоначально был назван в публикации «начельником» [Казаков, 1991, рис. 37-2, с. 107; 2000, рис. 5-16-18; Руденко, 2000, рис. 5-Д21].

Насколько мне известно, конские оголовья из кочевнических огузо-печенежских и половецких погребений в Восточной Европе не включали наносники для султанчиков. Миниатюрная круглая бляшка с отверстием-втулкой входит в уздечный набор из гнездовского дружинного кургана Ц-191, относящегося к X в. В реконструкции этого убора О.В. Федоров поместил ее на налобный ремень, но такое расположение не противоречит сугубо декоративному назначению этой бляшки для султанчика [Родина, 1997, с. 104].

На Востоке наносные султаны в украшении оголовий использовались довольно долго, например, их можно найти на миниатюрах индийских рукописей XVI в. с изображениями всадников, в т.ч. верхом на верблюдах [Fugusiyya, 1996, р. 175-№ 143].

Начельники

Начельники являются исключительно декоративными элементами парадного убора, которые крепились одновременно к затылочному и налобному ремням оголовья, располагаясь на макушке коня. Известные в данное время средневековые начельники состоят из двух частей – основания и навершия. У абсолютного большинства основание представляет собой крупную выпуклую бляху, а навершие – трубку-втулку для султана, который делался из органических материалов, т.е. конского волоса или челки, перьев или нитей, и практически не сохраняется. Как правило, это были не серийные рядовые изделия, а индивидуальные, сделанные на заказ под определенный убор с применением различных технологических приемов. Классифицируемые ниже причерноморские начельники (6 экз.) найдены в трех погребениях трех могильников и в распаханном слое могильника Андреевская щель. Все они изготовлены из меди и бронзы. Результаты комплексного детального исследования четырех из них содержатся в цикле статей [Армарчук, Новичихин, 2004; Армарчук и др., 2004; Конькова, 2004; Король, 2004; 2005]. По форме пластинчатого основания начельники делятся на отделы, далее по форме навершия – на типы.

Отдел I – с круглым основанием

Тип 1 – со сферически выпуклым основанием в виде низкого сегмента шара и усеченноконической трубкой-втулкой с раструбообразно отогнутым наружу венчиком (2 экз.). Основания и навершия кованые (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 29). Первый экземпляр обнаружен в слое могильника Андреевская щель (рис. 40: 1). Диаметр бляхи основания 108 мм, высота втулки 44 мм, максимальный диаметр 27 мм. Начельник пятью заклепками крепился к ремням оголовья или подоснове, сохранилась одна из них с головкой полусферической формы и отверстия для других. На втулке хорошо виден продольный шов пайки с заклепкой вверх. Четыре заклепки с дисковидными головками на нижнем отогнутом крае втулки крепят ее к пластине (одна не сохранилась), а на низ втулки изнутри заходят одиннадцать загнутых клиньев закраины пластины. По-видимому, все крепежные штифты имели шайбы, но сохранились только три круглых на тыльной стороне изделия.

Второй экземпляр найден в погребении 5 могильника Андреевская щель, которое датируется концом XI – первой половиной XII в. [Новичихин, 1997; Крым, 2003, с. 215]. Совпадая с предыдущим начельником морфологически и технологически, он отличается от него богатым декором (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 15). Основание начельника диаметром 110 мм украшено четырьмя диаметрально противоположно напаянными литыми накладками в виде низкого круглого цилиндрического гнезда-каста с четырьмя лапками, держащими стеклянную дисковидную вставку. Рядом с этими накладками расположены четыре литые заклепки с позолоченными, орнаментированными ложной зернью дисковидными головками, которые крепили начельник к ремням оголовья или подкладке (рис. 41: 1, 4).

Высота втулки 48 мм, максимальный диаметр 39 мм. Ее вертикальная золоченая плоскость покрыта гравировкой – растительным орнаментом с тремя овальными медальонами, внутри которых изображены мужская и женская фигуры и стилизованное

древо жизни, при беглом взгляде напоминающее тамгообразный знак (рис. 41: 2, 3). Рисунок выделяется гладкой блестящей поверхностью на чеканном матовом фоне. Нижний отогнутый край втулки четырьмя мелкими гвоздиками прибит к основанию начельника. К ее устью-раструбу с двенадцатью отверстиями подвешены четыре маленьких позолоченных бубенчика типа АП-2. Они сфероконической формы, с петлей, щелью, шумящей горошиной и четырьмя гравированными кружками с отверстиями. Ко втулке прикреплены при помощи пропущенной через ушко бубенчика и снизу в отверстие раструба медной ленточной петли, концы которой наверху разведены и приплюснуты. Вероятно, изначально бубенчиков было больше. Данный начельник является редким произведением прикладного искусства. Анализ его орнамента и декоративного стиля привел Г.Г. Король к выводу о синкретичном сочетании самобытных признаков (деталей) и художественного влияния Византии и малоазиатского сельджукского Востока [Король, 2004, с. 165–166].

Начельники аналогичной формы найдены в разрушенном погребении могильника Колосовка I X–XI вв. [Дитлер, 1961, рис. 11, с. 154], в катакомбе I конца XI – первой половины XII в. могильника Кольцо-Гора [Савенко, 1986, рис. 2–7], в конских погребениях и катакомбах Змейского могильника [Шестопалова, 1995, рис. 31]. Кроме формы они имеют другие общие детали с начельником из погребения в Андреевской щели: колосовский тоже золоченый, украшен стеклянными вставками (в иной оправе) и закреплялся на коже заклепками с похожими головками. Бляшками со стеклянными вставками декорирован начельник из сбруйного набора катакомбы 93 Змейского могильника [Ростунов, 1983, рис. 94]. Однотипную композицию орнамента на позолоченной втулке (изображения животных в медальонах) имеет начельник из конского убора, случайно найденного у станицы Кужорской [Ловпаче, 1980, табл. III].

На основании аналогий преимущественно из позднеаланской культуры западного варианта, начельники типа I-1 из Андреевской щели датируются XI – первой половиной XII вв., чему не противоречат типы стремян и удила из комплексов с аналогами.

Тип 2 – со сферически выпуклым кованым основанием в виде низкого сегмента шара диаметром 100 мм и узкой цилиндрической трубкой с ажурным шаром-вздутием посреди (1 экз., см. прил. 2, табл. 2, анализы № 46–48). Шар спаян из горизонтальных литых половин, каждая из которых образована восемью смыкающимися петлями. Высота навершия 60 мм, всего начельника 84 мм. Основание начельника двухчастное: к главной большой пластине сверху прикреплена маленькая вторая диаметром 33 мм (рис. 42: 1). Их стык и внешний край большого диска украшены бордюром из двух «веревочек» скани, положенных рядом т.н. «елочкой» [терминология по: Шнейдер, 1986, с. 92–94]. Изделие было позолочено. Для крепежа к ремням оголовья или какой-то другой подоснове в основании имеются 10 отверстий. Найден в кургане 5 второй половины XII – начала XIII в. Сапунского могильника. Художественные параллели имеют лишь некоторые детали этого изделия (мотив ажурного шара из петельчатых полусфер, сканный бордюр) [Король, 2004, с. 164–165; Армарчук и др., 2004, с. 150, 153].

Тип 3 – с плоским тонким дисковидным основанием диаметром 75 мм со скошенным, загнутым вниз краем (1 экз.). По изгибу края проходит цепочка крупных

«перлов» – полусферических выпуклостей, полученных чеканкой. Основание изготовлено ковкой. Короткое втульчатое навершие высотой 25 мм представляет собой усеченную сверху и снизу шарообразную фигуру диаметром 30 мм. Оно имеет небольшой раструбообразный венчик сверху и низкое усеченно-коническое основание; выполнено из толстостенных литых и затем спаянных вертикальных половинок (рис. 43: 1). К диску крепится тремя заклепками с выпуклыми головками, расположенными в его основании. Изделие позолочено. Начельник был прикреплен к основе, которая не сохранилась, четырьмя такими же заклепками. Обнаружен в погребении I могильника Потомственный, датирующемся XI – первой половиной XII в. Идентичные экземпляры мне не известны, но одинаковое пластическое решение наверший объединяет этот начельник с предыдущим.

Хотя прямые аналогии обоим изделиям второго и третьего типов не найдены, формообразующее сочетание в них круглой пластины с втульчатым навершием, безусловно, помещает их в один эволюционно-типологический ряд с более распространенными начельниками первого типа, которые, возможно, на определенном этапе им предшествуют.

Отдел II – с четырехлопастным основанием

Тип 1 – с фигурно вырезанным выпуклым основанием и короткой цилиндрической трубкой с усеченно-биконическим навершием, изготовленными посредствомковки (1 экз.) Основание представляет собой подквадратную 4-лопастную фигуру, размер неповрежденной стороны 120 мм. Трубка диаметром 30 мм и высотой 20 мм плавно переходит в основание. Навершие трубки высотой не менее 15 мм имеет гравированный пояс вдоль нижнего края. Место стыка трубки и основания прикрыто ленточным ободком, прикрепленным пятью литыми заклепками с орнаментированными головками в виде многолепестковой розетки (рис. 40: 2). Такие же четыре заклепки на лепестках крепили начельник к ремням оголовья (аналогичные заклепки имеются на кованой бочонковидной бляхе типа IV A 1). На втулке сохранились следы позолоты. В отличие от предыдущих начельник деформирован – смяты и обломаны основание и объемное навершие втулки, изначальная форма которого неясна. Он изготовлен из очень чистой меди и отличается от начельников типа I-1 своеобразием некоторых технологических операций (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 30) [Конькова, 2004, с. 74–75]. Найден в слое могильника Андреевская щель.

Аналогичную форму основания имеет начельник из станицы Фельдмаршальской из раскопок Ф.С. Панкратова 1913 г. [Zakharow, Arendt, 1935, t.I-4]. Другие соответствия этой вещи не найдены, хотя начельники с овальным фестончато вырезанным или прямоугольным квадратным основаниями изредка встречаются в конских погребениях и катакомбах Кольцо-Горы, Мартан-Чу и Змейского могильника на этапе, который укладывается в рамки X–XII вв. [примеры см.: Армарчук, Новичихин, 2004, с. 66]. В целом, фигурно вырезанные края отличают начельники предшествующего времени второй половины VIII – IX в. Однако по деталям (декоративным заклепкам), объединяющим начельник типа II-1 с бочонковидной кованой бляхой, он датируется X в.

Отдел III – с X-образным основанием

Тип 1 – с пластинчатым основанием геометризованной формы и скульптурным навершием (1 экз.) Основание представляет собой X-образную слегка выгнутую литую бронзовую пластину основания размерами 72 на 48 мм с четырьмя прямоугольными отверстиями-прорезами на концах (рис. 43: 2). Навершие без втулки изготовлено в виде стоящей фигурки копытного животного. Фигурка выполнена из двух литых вертикальных половинок (правой и левой), соединенных в трех местах – на шее и туловище – сквозными заклепками. Возможно, в отдельных местах половинки спаяны. Животное изображено застывшим, с повернутой назад на 180 градусов головой на плавно изогнутой шее. На голове длинные заостренные «ушки» торчком, рот приоткрыт. Глаза показаны гравированными кружками с точкой в центре. Четыре таких кружка выгравированы на туловище, по два с каждой стороны рядом с заклепками: один на плече, другой возле бедра. Туловище и шея украшены тонкой поперечной гравировкой в виде зигзага, нанесенного не одинарной непрерывной линией, а отрезками, состоящими из параллельных косых линий. Четырьмя заклепками в ногах фигурка крепится к пластине. В связи с этим копыта уплощены и переданы наподобие человеческих ступней. Найдено в погребении 1 могильника Потомственный, которое датируется XI – первой половиной XII в.

Это изделие стоит особняком, так как типологически резко отличается от остальных, описанных выше начельников и не рассчитано на султан. В погребальном комплексе оно является *вторым* украшением после начельника типа I-3 и, следовательно, размещалось не на макушке, а на спине или крупе коня. Тогда приходится признать условную его принадлежность к данной категории изделий. Вместе с тем, обилие украшений в этом погребении наводит на мысль, что перед нами не один, а два сбруйных набора; в таком случае данное изделие могло бы украшать и голову коня, являясь видоизмененным начельником.

На мой взгляд, скульптурное навершие изображает лань. Возможно, будущее искусствоведческое исследование уточнит или изменит эту трактовку. Другие такие же или близкие изделия мне не известны. Единственные стилистические параллели как самой фигурке, так и ее декору я вижу в рельефном изображении стоящего «оленья» на бронзовой обивке луки парадного седла из неопубликованного комплекса 184 Змейского могильника [Фидаров, 1994, с. 29–30, рис. 19–17]. Мотивы лежащего или замершего на бегу копытного животного с повернутой назад на 180 градусов головой включены в декор нарядного седла с бронзовыми бляхами из змейской катакомбы 14 и упоминавшегося начельника из Кужорской [Кузнецов, 1961, табл. VIII; 1962, рис. 11–2; Конь и всадник, 2003, рис. 113; Ловпаче, 1980, табл. III–4].

Среди известных мне других экземпляров лишь один неоднократно опубликованный начельник из катакомбы 14 первой половины – середины XII в. Змейского могильника имеет полое скульптурное навершие в виде женской фигурки [Крупнов, 1960, рис. 44–1; Кузнецов, 1961, рис. 15; 1962, рис. 9; Конь и всадник, 2003, рис. 111]. Однако у нее на затылке есть овальное отверстие для пропуска султанчика. Предполагают, что существовало похожее, «парное» ему изделие из Тмутаракани, от которого уцелела одна случайно найденная отдельно изготовленная личина [Плетнева, 1987,

рис. 3–4, с. 260–261]. Украшение с ланью из Потомственного пока замыкает ряд фигурных наверший.

Подытожим систематизацию начельников. Несмотря на относительную малочисленность, причерноморская коллекция свидетельствует о разнообразии их форм, декора и стилей. В ней доминируют начельники первого отдела с круглым основанием и втульчатой трубкой и наряду с неорнаментированными присутствуют высокохудожественные образцы прикладного искусства, существовавшего на Северо-Западном Кавказе в позднеаланское время. Из трех причерноморских погребений с начельниками два по внешнему виду и составу погребального инвентаря являются неординарными, принадлежащими представителям социальной верхушки (погребение 5 в Андреевской щели и погребение 1 в Потомственном). Это согласуется с давно высказанным мнением (сложившимся при изучении сюжетов согдийского искусства), что в эпоху средневековья султанские украшения входили в богатый убор, отличающий коня военачальника или другой персоны высокого ранга [об этом см.: Армарчук, Новичихин, 2004, с. 68]. Богатство комплексов с начельниками из северокавказского Змейского и салтово-маяцких донских могильников не оставляют сомнений на этот счет [Кузнецов, 1963, с. 38; Аксенов, 2003, с. 270].

Обнаружение начельников в Восточной Европе на территории, совпадающей только с ареалом аланского варианта салтово-маяцкой культуры и синхронной северокавказской аланской культуры, ранее привело к гипотезе о существовании этнопоказательного, «аланского» конского убора, в который помимо начельников всегда входили и крупные пластинчатые бляхи-решмы [Плетнева, 1967, с. 167–168; 1981, с. 74–75; Афанасьев, 1993б]. Аналогичным образом украшенная сбруя изображена на сентмиклошском кувшине со всадником, где дополнительно присутствует крупная шейная кисть. Этот убор хорошо представлен археологическими реалиями из салтово-маяцких памятников VIII–IX вв. (Верхнесалтовский, Подгоровский и Дмитриевский могильники и Алексеевский клад) и северокавказских аланских катакомб IX–XII вв. (Кобань, Фельдмаршальская, Балта, Даргавс, Змейская, Мартан-Чу, Кольцо-Гора) [Плетнева, 1967, с. 167–168, рис. 46; 1989, рис. 41, 42; Уварова, 1900, с. 132–133, табл. LXVI–8, 9; Габуев, 2005, с. 54, 58, 60; Афанасьев, 1993а, рис. 10–13; Аксенов, 2003, рис. 2–5]. Обнаружение таких уборов в могильниках Колосовка 1 и Кужорский X–XI вв. в Адыгее и в кремациях кубано-черноморской группы VIII–IX вв. в Закубанье (Молдовановское, Псекупс) и Северо-Восточном Причерноморье (Борисово, Дюрсо и описанные более поздние находки) расширяет эту территорию, но вместе с тем ставит ряд вопросов, на которых я остановлюсь ниже [Крым, 2003, табл. 73–11, 12, 91–20–27; Пьянков, Тарабанов, 2004, рис. 1, 2; Армарчук, Новичихин, 2004, с. 66–67]. Здесь же замечу, что пока не собран воедино, не проанализирован и не опубликован соответствующий материал, приходится ограничиться предварительным соображением об индоиранском происхождении конских оголовий с начельниками, которые вместе с листовидными решмами могли прийти в Европу с Востока примерно в VIII в. [Армарчук, Новичихин, 2004, с. 66–69]. На Северном Кавказе в X–XII вв. этот убор постепенно модифицируется и доживает до начала XIII в.: решмы становятся составными, небольшими, ажурно-рамчатыми или бубенцовыми, а начельники приобретают иную форму и декор.

В завершение упомяну об украшении в виде небольшой квадратной железной пластинки с низкой трубкой-втулкой, найденном вне комплекса в посадском слое Новогрудка на северо-западе Руси. Ф.Д. Гуревич назвала это изделие «оголовьем» и сравнила со змейскими начельниками [Гуревич, 1981, рис. 88-1, с. 107]. Хотя неизвестно его конкретное место в уборе (скорее всего, оно служило наносником), несомненно принадлежность к уздечным султанчикам, находки которых практически отсутствуют в древнерусских городах.

Распределители

Данная категория ременной гарнитуры представлена единственным бронзовым изделием с рельефным орнаментом. Отдел, к которому оно относится, выделен по числу прорезей, тип - по форме.

Раздел I - литые

Подраздел А - с декором

Отдел I - трехпрорезные

Тип 1 - пластинчатая бляха в форме правильного треугольника со стороной 35 мм с прямыми щелевидными прорезами вдоль сторон и фигурными выступами по углам (1 экз.). Ее центром является сплошной треугольник меньшего размера, по периметру которого расположен бордюр из одного ряда мелкой ложной зерни. Он обрамляет три удлинённых 3-листника, как бы вырастающих из центра и направленных к вершинам треугольника. Каждая из них, в свою очередь, «прорастает» крупным 3-листником иного абриса - с короткими круглыми боковыми и треугольным центральным лепестками. Изделие снаружи позолочено, декор пострадал вследствие коррозии сплава. Тыльная сторона гладкая без шпильков (рис. 37: 5). Обнаружено в погребении 1 могильника Потомственный. Декор центральных частей распределителя и верхних треугольных бляшек двухчастных украшений типа I-8 из этого же комплекса абсолютно совпадает. Видимо, они составляли один набор. Исходя из полного отсутствия оружия в погребении, но наличия в нем предметов снаряжения коня, я склонна относить распределитель к сбруйным, а не портупейным бляхам.

В публикациях этот вид изделий называют по-разному: «соединителями» [Федоров-Давыдов, 1966, с. 59], «разделителями» [Кирпичников, 1973, с. 21], «тройниками» [Хузин, 1985, с. 199], «распределителями» [Полякова, 1996, с. 217]. Н.А. Мажитов описывает их как «круглые рамчатые узловые накладки», но они не являются бляхами-накладками, так как в отличие от последних соединяются с ремнями не штифтами, а пропуском ремней в прорези [Мажитов, 1981, с. 42]. В классификации сбруйных кочевнических украшений X-XI вв. Л.М. Гаврилина относит такие изделия из Гаевки к бляхам перекрестий, что мне представляется неверным [Гаврилина, 1987, с. 57, рис. 2-28]. По отношению к предметам данного типа можно придерживаться термина «прорезной тройник-распределитель», чтобы отличать их от уздечных колец с тремя подвижными обоймами для ремней, которые А.Н. Кирпичников зовет «тройниками». Таким образом, на этом примере наблюдается неустоявшаяся терминология по отношению к отдельным категориям сбруйной ременной гарнитуры.

В Северо-Восточном Причерноморье в культуре кубано-черноморской группы кремаций в IX в. использовались простые круглые прорезные тройники, но не в упряжи, а в качестве портупейных распределителей (Дюрсо) [Дмитриев, 2003, с. 203, табл. 88-82]. Один такой же распределитель найден в Саркеле [Артамонов, 1958, рис. 30]. В восточноевропейских кочевнических древностях XI-XII вв. прорезные распределители почти не встречаются. Насыщенный предметами парадный уздечный набор XI в. из Гаевки в Среднем Подонье является исключением и содержит два круглых трехпрорезных распределителя. Исследователи в этом уборе помимо других видели венгерские черты, а само погребение приписывают торку или печенегу [Кирпичников, 1973, с. 26-27, табл. VIII]. А.Н. Кирпичников ссылается на сообщение Г.Ф. Корзухиной о семи других подобных «разделителях», происходящих из Южной Руси и Северного Причерноморья, но они не опубликованы.

В Восточной Европе ареал ранних прорезных распределителей ограничен в основном территорией Волжской Болгарии и Южным Приуральем. В первом ареале они встречаются как в могильниках раннеболгарского времени (Немчанский VIII-IX вв. и Большетиганский, Танкеевский и др. IX-X вв.), так и в городских и поселенческих слоях X-XI вв. (Биляр, Болгар, Древняя Казань, Измерское селище), но однозначно определяются как сбруйные [Казаков, 1991, рис. 37-4; 1992, рис. 19-41, 42, 58-10-15; Хузин, 1985, с. 199-200, табл. LXVI-1-7; 1999, рис. 7-1; Полякова, 1996, рис. 69-2-4, с. 217-218]. Возможно, из этого района такие предметы в VIII-XI вв. попадали в соседние области, например, к мордве-мокше и буртасам [Петербургский и др., 2002, с. 141, рис. 2-22; Белорыбкин, 2001, р. 87-18-20, с. 152-153]. В Ярославском Поволжье круглый трехпрорезной распределитель найден в поясном наборе в кургане 5 второй половины X в. Тимеревского могильника [Фехнер, Недошивина, 1987, рис. 3-4].

В Приуралье они обнаружены в Хусаиновских, Ямаши-Тауских и I Бекешевских курганах среди костей коня, у пояса покойника или возле сабли, а значит, использовались как универсальные распределители для портупейных и сбруйных ремней [Мажитов, 1981, с. 35, 42, 55; 1977, с. 24; Степи Евразии, 1981, рис. 55-83, 85, 86; Пшеничнюк, 1984, с. 62, рис. 1]. По наблюдениям Н.А. Мажитова, они были обязательными в уздечных наборах IX-X вв. С точки зрения Е.П. Казакова, прорезные тройники-распределители характеризуют специфическую уздечку, распространенную у определенных этнических групп прикамско-приуральского региона - носителей кушнаренковской культуры и родственных им раннеболгарских группировок [Казаков, 1991, с. 105; 1992, с. 156]. Кроме того, они попадают в кочевнических погребениях Западного Казахстана (древнебашкирское погребение Эмба рубежа VIII-IX вв. в Актюбинской области) [Бисембаев, Книсарин, 2000, с. 94, рис. 1-20]. Круглые тройники-распределители показательны также для культуры древних венгров, какую мы знаем по погребениям X в. в современной Венгрии, где они обнаруживаются чаще по три в комплекте и трактуются как колчаные, служащие для подвески колчана к поясу [The Ancient Hungarians, p. 242-243 - fig.2, 261-fig.12, 274-fig.40].

Несколько разнотипных «разделителей» для трех ремней имеются в материалах древнего Новгорода. Простой круглый с треугольником в центре датируется 1160-1170 гг. и является среди них самым ранним [Седова, 1981, рис. 57-9, с. 152]. Восточ-

ноевропейским изделиям этой категории предшествуют портупейные круглые прорезные распределители VIII–IX вв. из Семиречья, Восточного Казахстана, алтайских предгорий и Южной Сибири, которые в аскизской культуре доживают до XII в. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 59; Кызласов Л., 1981, с. 56, рис. 33–58; Могильников, 2002, с. 116, рис. 213–10–12, 15; Кызласов И., 1981, с. 206, рис. 74–31]. По предположению В.А. Могильникова, литые прорезные распределители с кимако-кипчаками, у которых они бытовали до XI в., распространились на запад до Поволжья. Что касается уздечек, то сначала в культуре чаатас VIII – первой половины IX в., затем в тютятской и сrostкинской культурах в IX – первой половине XI в. использовались другие, Т-образные литые тройники-соединители или распределители [Кызласов Л., 1981, с. 50, 56, рис. 28–59, 33–60; Могильников, 2002, с. 83, рис. 216–4, 31].

Прямые морфологические аналогии причерноморскому трехпрорезному распределителю мною не найдены, но более всего к нему близки прорезные треугольные тройники из Змейского могильника с трилистником в центре из катакомб 32, 93, 99 и 171, где они использованы в поясах [Фидаров, 1982, табл. XXII; Ростунов, 1983, рис. 93, 143; Шестопалова, 1995]. Прорезные тройники из болгарских памятников и кочевнических погребений евразийских степей IX–XI вв. в отличие от них круглые, исключением служит простой треугольный тройник из Биляра без орнамента [Хузин, 1985, табл. LXVI–7].

Оформление 3-листниками концов перемычек (как и вершин у причерноморского) имеют круглые тройники X–XI вв. из Болгара и танкеевского погребения 710 [Полякова, 1996, рис. 69–3; Казаков, 1992, рис. 58–13]. На Северном Кавказе и в Северо-Восточном Причерноморье сюжетные параллели и некоторые однотипные орнаментальные детали обнаруживаются в другой группе изделий металлопластики XI–XII вв. – нашивках и подвесках из змейских катакомб 93, 171 и 186, катакомбы 1 Кольцо-Горы и могильника Андреевская щель. Они воплотили идею равнобедренного треугольника либо с декоративно оформленными вершинами-трилистниками, либо образованного тремя трилистниками [Ростунов, 1983, с. 231, рис. 95, 98; Шестопалова, 1995; Фидаров, 1994, с. 80; Новичихин, 1992, рис. 46–13; Савенко, 1986, рис. 1–5]. Помимо этого, мотив одинарного трилистника с бордюром из ложной зерни встречается на ременных бляшках подтреугольной и сердцевидной форм из катакомбы 31 второй половины X – начала XI в. могильника Мартан-Чу 1 в Центральном Предкавказье, из венгерских погребений X в. в Венгрии и в древнерусском материале [Савенко, 1985, рис. 1–4, 5; The Ancient Hungarians, pp.81–fig.9, 103–fig.37; Мурашева, 2000, рис. 40–2а, 2, 3]. В итоге, очевидно, что, несмотря на своеобразие формы, тройник-распределитель из Потомственного по мотивам декора органично и более всего примыкает к алано-болгарским предметам этого рода, датирующимся X–XI вв.

Накладки-застежки

Накладки-застежки обнаружены в пяти комплексах (6 экз.). В зависимости от местоположения этих накладок в погребениях двух цемдолинских курганов, где уздечка и другие ремни сохранились в остатках *in situ* – на черепе взнузданной лошади (курганы 3 и 14) и в области шеи (курган 14) – они атрибутируются как застежки для

оголовных и других ремней сбруи. Все накладки гладкие бронзовые и представлены двумя отделами по форме, а типами – по деталям формы.

Раздел I – литые

Подраздел Б – неорнаментированные.

Отдел I – Т-образные

Тип 1 – с расширяющейся книзу трапецевидной плоской ножкой и прямой стержневидной поперечной головкой-перекладиной (рис. 44: 3). Размеры 24 × 15 мм. На обороте ножки два крепежных штифта с плоскими шайбами и остатками кожаного ремня. Находилась в погребении лошади 1 цемдолинского кургана 4.

Тип 2 – с плоской подпрямоугольной ножкой, резко суженной при переходе в поперечную стержневидную перекладину (рис. 44: 5). Размеры 30 × 13 мм. На обороте ножки два штифта (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 64). Найдена в цемдолинском кургане 3.

Тип 3 – с ножкой, как у предыдущего типа, и перекладиной с загнутыми вверх концами и двумя роговидными выступами наподобие оленьих рогов (рис. 44: 1). На обороте ножки два штифта. Найдена в погребении 1 могильника Потомственный.

Тип 4 – с дуговидной перекладиной со слегка опущенными концами и прямой ножкой с квадратным расширением внизу и двумя штифтами на обороте (рис. 44: 2). Обнаружена в погребении 33 на распаханной части Цемдолинского могильника.

Отдел II – якоревидные

Тип 1 – с кольцевидным завершением стержневидной ножки и поперечной стержневидной перекладиной на другом конце (2 экз.). На обороте ножки два крепежных штифта с шайбами и остатками кожаного ремня (рис. 44: 4). Размеры 39 × 22 мм. Одна застежка относилась к узде, другая располагалась в области шеи лошади в цемдолинском кургане 14 (см. прил. 2, табл. 2, анализ № 41). Аналогии не известны.

Застежки обоих отделов по конструкции и использованию одинаковы, т.к. крепились ножкой к концу ремня и при определенном наклоне их свободная, свисающая головка продевалась в продольную прорезь встречного ремennого конца и затем разворачивалась поперек него, блокируя соединение. Подобным образом употребляют костяные или деревянные цурки, пропуская в прорезь, ремennую или веревочную петлю.

Обнаруженные аналогии в бронзе касаются только застежек первого отдела. Идентичная типу I-1 застежка найдена на Северо-Западном Кавказе в конском погребении 1 закубанского могильника Черноключ; близкий ему экземпляр содержится в уздечном наборе курганного «черноключевского» комплекса XII–XIII вв. из Николаевки; наконец, похожая (предположительно, обувная) застежка находилась в разрушенном древневенгерском погребении X в. в Szolnok [Пьянков, 1987, рис. 455–2; Кирпичников, 1973, т. XII; The Ancient Hungarians, p.285 – fig.3]. На восточноевропейской территории другие изделия такого рода, преимущественно железные Т-образные, найдены на Золотаревском домонгольском поселении буртас на Суре, Остолоповском и других болгарских

селищах конца XI – XII в., в комплексе конской сбруи в кургане 100 последней четверти X в. Тимеревского могильника и на золотоордынском городище Увек на Волге [Белорыбкин, 2000, рис. 2-18; 2001, рис. 99-18, 19; Казаков, 1997, с. 66, рис. 7-2; Недошивина, 1991, рис. 4; Недашковский, 2000, с. 38, рис. 5-12]. Хотя они сопоставимы с причерноморскими, но сближаются с ними лишь деталями, не являясь полностью аналогичными им. В увекских материалах эти накладки-застежки названы «наконечниками ремней», что соответствует их месту на ремне, но обычно к наконечникам исследователи относят «неработающие» концевые бляхи-украшения [Мурашева, 2000, с. 15], поэтому анализируемые изделия правильнее называть застежками.

Еще одно изделие этого ряда – более крупная бронзовая накладка с роговидными концами перекладки – обнаружено в слое середины XII в. в Новгороде вместе с двумя наконечниками и одной мелкой бляшкой [Седова, 1981, с. 149, рис. 58-8]. Они составляли один ременной набор, и, следовательно, накладка с «рожками» при отсутствии в нем пряжки и наличии собственно наконечников, скорее всего, служила именно застежкой. Правда, в своде древнерусских ременных украшений эта вещь отнесена к наконечникам [Мурашева, 2000, с. 60, рис. 89-1Г].

За пределами восточноевропейского региона разнотипные Т-образные накладки-застежки из железа, в т.ч. аналогичные типу I-2, характерны для аскизской культуры Южной Сибири, начиная с X в. по XIII–XIV вв. (рис. 44: 6, 7). В их эволюции отогнутые вверх концы перекладин считаются поздним признаком [Кызласов, 1983, с. 61, табл. XII-33]. Этим аналогии исчерпываются.

Такие предметы (вместе с некоторыми другими категориями железных изделий, в основном относящимися к конскому снаряжению и ременной гарнитуре, в т.ч. с наконечниками) появляются в Волжской Болгарии и Сурско-Окском междуречье примерно со второй половины XI в. и распространяются там в домонгольское время. Их совокупность называют находками «аскизского круга» или «аскизского стиля». Некоторые исследователи считают их инновациями, принесенными тюркоязычным кочевым населением евразийских степей в Волжскую Болгарию [Казаков, 2000, с. 39, рис. 5], другие пока воздерживаются от объяснения их внезапного появления там [Руденко, 2000б, с. 75, рис. 4-Д2] или же трактуют как убедительные следы пребывания древних хакасов в Восточной Европе [Кызласов, 2000, с. 3-6]. На фоне всех обозначившихся параллелей причерноморские накладки-застежки первого отдела выделяются морфологическим своеобразием, свидетельствующим о местной переработке каких-то образцов. Своеобразие проявилось также в технологии, т.е. изготовлении методом литья, а нековки, и выборе в качестве материала бронзы, а не железа. Более того, творческий подход местных (северокавказских?) ремесленников привел к появлению новой, не известной ранее формы изделий этой категории – якоревидным накладкам-застежкам второго отдела.

Уздечные пряжки

Уздечные пряжки обнаружены в девяти погребениях восьми могильников (10 экз.). Классифицировано 9 экземпляров, все они бронзовые с железными язычками. Относятся к рамчатым; просвет рамок соотносится с шириной уздечных ремней,

известной по ряду находок, которая составляет 16–18 и 21 мм. В зависимости от общей формы делятся на отделы, внутри которых по деталям формы и декору подразделяются на типы.

Отдел I – полуовальные

Это литые пряжки с прямой, круглой в сечении спинкой и полуовальной рамкой, уплощенной под язычком. Тыльная сторона гладкая (4 экз.).

Тип 1 – к нему относятся два экземпляра размерами 24 × 21 мм и 25 × 25 мм из сапунских курганов 4 и 22, одинаково декорированные короткими и глубокими поперечными насечками по внешнему ребру рамки (рис. 45: 2, 6). Возможно, это является поздней имитацией рифленого края поясных накладок и пряжек X–XI вв. (рис. 46: 4–6).

Тип 2 – представлен двумя экземплярами размерами 19 × 19 мм и 20 × 19 мм. Они одинаковы модификацией формы – уступчатым переходом рамки в спинку. Одна пряжка, найденная в погребении коня 1 кургана 1 в могильнике Чайка, украшена двумя поперечными мелкими рисками на каждом плечике рамки (рис. 45: 5). Аналогичная имеется в материалах из Болгара [Руденко, 2000а, рис. 18-4]. Эту форму и такой же декор повторяют железные пряжки конского снаряжения из Золотаревского поселения в Верхнем Посурье [Белорыбкин, 2000, с. 134, рис. 7-3-5].

Вторая, гладкая пряжка с чуть приостренным мысиком и остатками железного язычка, находилась в цемдолинском погребении 14 (рис. 45: 1).

Отдел II – круглые

Тип 1 – простые круглые (3 экз.). Обе изготовлены из круглого в сечении дрота, их диаметр 17 и 23 мм. У меньшей сохранился железный язычок, у других пряжек от него осталась только петля на спинке (рис. 45: 3, 11). Найдены в цемдолинском погребении 18 и погребении лошади 2 сапунского кургана 4. Круглые пряжки этого типа универсальны, при необходимости могли изготавливаться из бронзовых сбруйных колец-разделителей, диаметр которых совпадает с размером более крупной пряжки.

Отдел III – фигурные

Тип 1 – округлая литая пряжка размерами 20 × 17 мм с округлой рамкой с чуть приостренным мысиком, двумя петлевидными выступами у спинки и остатками железного язычка (1 экз.). Тыльная сторона плоская (рис. 45: 9). Находилась в погребении лошади 2 цемдолинского кургана 4. Аналогии этой пряжке не найдены.

Тип 2 – 8-видная литая пряжка из погребения 5 в Андреевской щели (1 экз.). Размеры 31 на 17 мм. В месте соединения колец восьмерки имеется перемычка с округлыми выступами и железная петля от язычка. У одного кольца под острием язычка ложбинка. Тыльная сторона пряжки плоская, с двумя тонкими крепежными штифтами на перемычке. Пряжка слегка вогнута внутрь (рис. 45: 7). Просвет ее рамки допускает использование в этом уздечном наборе бляшки типа I БIII-1 как наконечника.

Аналогичные изделия называют 8-образными «разделителями» или «соединителями» ремней, «пряжками с двусторонней рамкой». Этот тип берет начало в пряжках салтовского времени, но наиболее часто встречается в змейских комплексах X–XII вв. [Сарапулкин, 2002, рис. 47-11; Кузнецов, 1961, табл. XI; Фидаров, 2002, рис. 21; Ростунов, 1983, рис. 79].

Сбруйные кольца

Сбруйные кольца найдены в шести погребениях в количестве восьми экземпляров. Сделаны из бронзового дрота круглого сечения толщиной до 4 мм. Их диаметр составляет 17, 20, 21, 22, 23 (3 экз.) и 24 мм (рис. 45: 4, 8, 10). Эти кольца универсальны. Судя по расположению некоторых колец в области черепа коня, они входили в оголовье в качестве разделителей или соединителей ремней.

Рассмотренная выше ременная сбруйная гарнитура из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. представлена разными категориями изделий и характеризуется разнообразием типов вещей. Самыми ранними из них являются находки из Андреевской щели. Это, во-первых, медная бочонковидная бляха и начельник типа II-1, относящиеся к X в.; во-вторых, медные листовидная и сердцевидная бляхи-решмы, датирующиеся X–XI вв., и неорнаментированный начельник типа I-1, датирующийся XI – первой половиной XII в. Эти предметы, имея прототипы в VIII–IX вв., представляют собой определенную стадию развития специфического конского убора, состоящего из гладких пластинчатых решм и начельника.

Следующим периодом XI–XII вв. датируется основная масса остальных находок, разделяющаяся на несколько блоков. Из бляшек безусловно лидирующими можно считать литые дисковидные I и II разделов, которые встречены в разных причерноморских могильниках. Их форма и способы изготовления бытовали уже в эпоху Хазарского каганата на его территории и в зоне его влияния. Другой заметный блок составляют архаичного вида мелкие штампованные бляшки наборных уздечек, неизвестные прежде в Северо-Восточном Причерноморье. Правда, здесь они концентрируются преимущественно в Цемдолинском могильнике, единство погребального инвентаря и устойчивый погребальный обряд которого свидетельствуют, что он оставлен одной этнической группировкой в относительно короткий период времени. Морфологические аналогии этим бляшкам уводят в Волго-Камье и Южное Приуралье – к погребениям IX–X вв. протовенгерского и протобашкирского круга.

В третий, тоже показательный блок входят составные 2- и 3-частные украшения с решмами, не обнаруживающие аналогов вне Северного Кавказа. Они происходят из причерноморских могильников Андреевская щель, Сапунский, Цемдолинский и Потомственный. Лишь отдельные их типы сопоставимы с позднеаланскими изделиями, но остальные отличаются своеобразием форм и декора. В XII в. составные украшения, сочетаясь с начельниками, завершают линию развития упоминавшегося конского убора, где они полностью заменяют крупные пластинчатые бляхи, а начельники приобретают иные формы и другой декор, в т.ч. сюжетный с зоо- и антропоморфными мотивами. Самым поздним таким набором является парадное оголовье из сапунского кургана 5, относящееся ко второй половине XII – началу XIII в.

Среди составных украшений выделяются ажурно-рамчатые. Вместе с другими подобными находками с Северо-Западного Кавказа и из Центрального Предкавказья они по стилистико-технологическим показателям образуют единую, так называемую «причерноморско-кавказскую» группу ременных украшений, датируемую XI – первой половиной XII в. Один из мотивов декора украшений этой группы (плетенка) сложился под ощутимым византийским влиянием. Другие его сюжеты и их иконография

(всадники, пляшущие человечки) наравне с многочастной конструкцией изделий восходят к предшествующей аланской металлопластике IX–X вв.

Наконец, новым, не встречавшимся ранее элементом уздечек являются наносные султанчики и Т-образные застёжки, которые ведут происхождение с Востока и имеют южносибирские параллели. Эти своеобразные уздечные приспособления бытовали с IX–X вв. у кимако-кипчаков и кыргызов, вероятно, от которых или с которыми каким-то образом попали в Восточную Европу. Нам пока неизвестны пути их проникновения на территорию Западного Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья, поэтому рано говорить о влиянии южносибирских культур в XI–XII вв. на эти регионы на основании родства только данных, редко встречающихся категорий предметов. В Северо-Восточном Причерноморье обе категории появляются одновременно в XI–XII вв. Эти предметы здесь малочисленны, но интересно, что почти все они сосредоточились в курганах одного могильника – Цемдолинского под Новороссийском.

ГЛАВА 4

Конский убор

В могильниках Северо-Восточного Причерноморья X-XIII вв. из 25 комплексов с предметами сбруйной ременной гарнитуры (считая от одного предмета любого вида и более) пятнадцать содержали детали наборных или иначе украшенных уздечек. Их расположение в погребении представлено тремя типичными ситуациями.

Первая: остатки уздечек зафиксированы на черепах коней в курганах 3, 4 и 14 и погребениях 18 и 33 Цемдолинского могильника; в погребении 5 могильника Андреевская щель; в погребении коня 3 в Южной Озереевке; в погребении коня 2 кургана 1 в Кринице и кургане 1 у Раевского городища. В этих случаях кони были погребены в узде. Кроме того, в цемдолинском кургане 14 украшения с решмами лежали в верхней части груди и возле крупа коня – вероятно, упряжь не надели на него, а положили на спину. Судя по расположению, украшения крепились к нагрудному и подфейному ремням. Анализ этого комплекса позволил реконструировать убор всего коня целиком, а не только уздечку, что является редкостью, если не считать захоронения коней в полном уборе из Змейского могильника. Во втором аналогичном случае, погребении лошади 1 кургана 4 Цемдолинского могильника, бляшки и бубенцы кучно лежали снаружи у крупа коня, но восстановить их взаиморасположение затруднительно.

Вторая ситуация: оголовье положено компактно рядом с конем после того, как побывало в погребальном костре. Это относится к сапунскому кургану 5.

Третья ситуация: украшения упряжи найдены отдельно от коня в разрозненном и/или переотложенном виде, что наблюдается в кургане 2 Цемдолинского могильника, в погребении 1 могильника Потомственный и в распаханном слое могильника Андреевская щель. В этой ситуации нужно иметь в виду, что в могилу могли положить не все вещи, а лишь какую-то их часть, символизирующую целое. В одном случае – погребении 2 в Архип-Осиповке – точное расположение бляшек неизвестно и потому не включено в описание.

Следовательно, конструкция и система украшения упряжи, то есть расположение бляшек, пряжек, застежек и пр., обоснованно восстанавливаются тогда, когда они сохраняются в погребении *in situ* на предназначенных им местах. Это относится к погребениям коней в уборе и отчасти к той ситуации, когда убор был положен рядом с конем. В остальных случаях уздечка реконструируется предположительно, но аналогично имеющимся образцам. Исследуемый материал показывает, что каждый убор представляет собой конкретный и неповторимый набор бляшек и прочих элементов. Это согласуется с замечанием А.Н. Кирпичникова о невозможности типологизировать уздечки и необходимости рассматривать их индивидуально. Хотя комплексы сбруйных украшений из могильников Северо-Восточного Причерноморья различны по составу, их можно разделить на три варианта.

К первому варианту относятся парадные золоченые оголовья, в которые входят начельники и решмы. В имеющемся материале их три.

1. Могильник Потомственный, погребение 1: обнаруженное при распашке могильника, это погребение дало весьма насыщенный по видам и числу вещей комплекс. Предметы были найдены в урне с прахом и в радиусе 10 метров вокруг нее, будучи растащены плугом. По всей видимости, трупосожжение сопровождалось конским захоронением, от которого уцелели отдельные разрозненные кости и по этой причине оно не восстанавливается. Группу позолоченных декоративных изделий из этого погребения благодаря их аналогам из других причерноморских могильников можно отнести к сбруйным, шире – ременным украшениям. Однако ввиду их обилия трудно сказать, один или два конских убора представляют эти предметы. Неясно также, составляли они только оголовье или убор всего коня. Я склоняюсь ко второй версии. Добавлю, что трудно по погребальному инвентарю определить пол кремированной особы: с одной стороны, здесь отсутствует оружие, но обилие немужских предметов (зеркало, большое число янтарных и гагатовых бус, украшения, ножницы, пряслица) можно трактовать и как женские дары, а не как гендерный признак женского погребения. Наконец, нужно учитывать, что, возможно, из комплекса что-то утрачено и не все вещи дошли до археологов, хотя в данном случае это маловероятно.

От предметов конского снаряжения из черного металла сохранились только стремя типа IV-4 и кольчатые удила типа БИ-26 с бронзовыми кольцами. Сбруйные предметы из цветных металлов и сплавов включают: два начельника типов I-3 и III-1, шесть крупных сферо-конических бубенцов с гравировкой типа АII-3, пять овально-желобчатых бубенцов типа AVII-1, Т-образную уздечную застежку типа I-3, сбруйное кольцо диаметром 23 мм из дрота толщиной 4 мм и четыре литых «зерненных» бляшки типа I АIII-1. Сюда входят также двухчастные украшения с решмами: два с «зерненной» колодочкой и бубенцовыми решмами с пальметтой типа I-46 и одно с крестовидной колодочкой и такой же решмой типа I-56. Еще несколько предметов относятся к ременным украшениям. Это одно целое составное ажурное с лунницей типа I-66; восемь составных, сохранившихся не в полном комплекте блях – пять крупных ажурно-плетеных типа I-7 и три треугольные с трилистниками типа I-8; прорезной тройник-распределитель. Все украшения были позолочены (рис. 48). Дополняет комплекс бляха из обточенной створки крупной морской раковины с отверстием вверху и следами мелкой циркульной гравировки кружочками (рис. 58: 3, 4).

Набор этих предметов датируется XI – началом XII в. Датировка основана главным образом на характере и деталях декора и общем облике сбруйных украшений, а не на морфологических или типологических аналогиях ввиду их отсутствия для подавляющей массы украшений. При датировании учтены другие вещи из урны.

Остановлюсь на сложности реконструкции ременного набора или наборов из Потомственного. Собственно накладками, приклепывающимися к ремням посредством штифтов с шайбами, являются удлиненные зерненные бляшки, Т-образная застежка и украшения с зерненными колодочками и бубенцовыми решмами. По этому признаку, единому декору и сходству с цемдолинскими из кургана 14 их можно отнести к одной группе – уздечному набору. Остальные украшения, то есть треугольные и ажурные бляхи с утраченными подвесками, штифтов не имеют и были пришивными. Вряд ли они, как и сопутствующие крупные сфероконические бубенцы, нашивались на одежду погребенной особы. Скорее всего, для ее отделки применялись многочисленные

мелкие бубенчики типа БП-1 из этого комплекса, идентичные тем, которыми обшивалась одежда погребенных в Змейских катакомбах 3, 9 и других [Кузнецов, 1984, с. 233]. Возможна принадлежность ажурных и треугольных блях поясу. Поясные наборы этого времени в здешнем регионе нам пока неизвестны, но змейские катакомбы дают немногочисленные их образцы XI–XII вв. Змейские пояса состоят из других блях, но показательно, что именно в их состав, а не в уздечку входят тройники-распределители.

Рассмотрим причерноморские треугольные бляхи. По форме и декору центральной части они совпадают с тройником-распределителем, все четыре предмета явно составляли один комплект. Теоретически, тройник мог использоваться в оголовье, судя по ширине прорезей, рассчитанных на узкие и тонкие ремни, или находиться на груди лошади. Можно было бы полагать, что треугольные бляхи тоже украшали сбруйные, а не портупейные ремни, так как оружия в комплексе нет, но их способ крепления не оптимален для этого. Этой атрибуции противоречит также отсутствие археологических примеров использования *пришивных* украшений сбруйных ремней. В любом случае растительные мотивы орнаментации органично объединяют эти предметы и составные уздечные украшения с бубенцовыми решмами с пальметтами. Следовательно, перед нами образец одного набора ременных украшений всадника и коня.

Ажурные бляхи – одна с лунницей, остальные с утраченными подвесками – составляют другую группу, изготовленную в ином, но едином стиле. С большой долей вероятности их тоже можно отнести к сбруйным, так как они могли пришиваться к чепраку или попоне или украшать луки седла. Например, различные нашивные бляшки и бубенчики активно использованы в декоре седел и попон, обнаруженных в Змейских катакомбах 9 и 14. В этой группе по форме и тщательному исполнению особенно стоит изящная бляха с лунницей, аналоги которой в целом виде не найдены.

Вообще, привески-лунницы используются в уборе коня с древности, примеры – находки из Мелитопольского кургана IV в. до н.э. в Северном Причерноморье и ритуальный комплекс II в. до н.э. Тенгинского могильника в Краснодарском крае [Конь и всадник, 2003, илл. 51, 93]. По мнению А.Н. Кирпичникова, лунницы археологически обнаруживаются в древнерусском конском уборе с XII–XIII вв. [Кирпичников, 1973, с. 32]. Византийская иконография VIII–XI вв. (церковные фрески, орнаменты на тканях императорских мастерских, резьба на изделиях из кости) дает ряд примеров, где парадная сбруя коня императора украшена привесками-лунницами с бубенцами [Грабар, 2000, с. 64–72, 78–79, табл. VII, IX-1, X-1]. Они располагаются на нагрудном и подфейном ремнях: на ткани из Мозака, датирующейся примерно VIII–IX вв., это трехрогие лунницы (рис. 49: 2), в сцене триумфа на костяном ларце XI в. из Труа – двурогие. Двурогая решма-лунница с бубенцом хорошо видна на нагрудном ремне коня Феодора Драконоборца на одноименной византийской иконе, исполненной в технике эмали и датирующейся не позднее XII в. (рис. 49: 1). Кроме того, на ней четко изображено оголовье коня, состоящее из поперечных затылочного, налобного, наносного и продольного нащечного ремней, височные перекрестья которых скреплены двумя крупными круглыми бляхами [Искусство Византии, 1977, с. 81, илл. 544].

Как именно сочетались разные украшения в конском уборе из Потомственного, сказать трудно. Наиболее поддается восстановлению уздечка, для чего можно вос-

пользоваться реальной топографией однотипных находок в цемдолинском кургане 14, о которых речь пойдет ниже. Реконструкция других частей сбруи представляется весьма гипотетичной.

2. Могильник Андреевская щель, погребение 5: оголовье состояло из кольчатых удиц типа БИ-2б, орнаментированного начельника типа I-1, семи мелких бляшек с псевдозернью типа I AI-1 и двух гладких 4-лепестковых типа I BIV-1, ременного наконечника типа I BIII-1 и 8-образной пряжки типа III-2, а также пяти составных украшений типа II-1е (рис. 50). Кроме удиц, все детали уздечки были позолочены. Снаряжение коня представлено помимо оголовья яйцевидными стремянами типа IV-3, подпругой железной прямоугольной пряжкой, двумя костяными цурками и украшенным деревянным седлом, обтянутым кожей (нами не рассматривалось). Седло и оголовье до мелочей совпадают с парадным конским убранством, встречающимся в катакомбах и погребениях позднеаланского времени могильников Змейский, Колоновка 1 и Кольцо-Гора на Северном Кавказе. По аналогии с ними комплекс датируется второй половиной или концом XI – первой половиной XII в. и может считаться характерным для западного варианта позднеаланской культуры.

Сбруйные украшения лежали на черепе коня в некоем порядке, не хаотично, удила – в его пасти, а начельник – на луке седла, положенного на шею коня. Уздечка предположительно реконструируется таким образом: она состояла из поперечных ремней – затылочного, подчелюстного, налобного, храпового и подгубного и продольных – двух нащечных и одного наносного. Перекрестья храпового, налобного и нащечных ремней в четырех точках – на висках и щеках – скрепляли составные бляхи-решмы. Две 4-лепестковые бляшки располагались на продольном наносном ремне, причем одна – на соединении его с храповым ремнем. Пятая составная решма украшала лоб на пересечении продольного наносного ремня с налобным. Начельник с султаном располагался на макушке. Узда фиксировалась при помощи 8-образной пряжки, в которую пропусклся конец ремня с наконечником. Вместе с тем, надо иметь в виду, что пряжка и наконечник лежали между черепом лошади и грудой доспехов и оружия, поэтому нельзя совсем исключить их принадлежность поясу воина-хозяина. Мелкие бляшки с ложной зернью, отнесенные А.М. Новичихиным к уздечке, вероятно, украшали чепрак или попону, если проанализировать их расположение на останках лошади.

3. Сапунский могильник, курган 5: убор ограничивается оголовьем, в которое входят кольчатые удила типа БИ-2б с бронзовыми кольцами, золоченые начельник типа I-2 и шесть двусоставных украшений типа I-9а. Комплекс дополняется двумя стремянами типа IV-3 и датируется второй половиной XII – началом XIII в. Вероятно, оголовье состояло из трех продольных ремней – двух нащечных и одного наносного и пяти поперечных – затылочного, подчелюстного, налобного, храпового и подгубного. В шести точках, т.е. на висках, щеках, на лбу и носу, перекрестья ремней скрепляли бляхи с решмами, а между затылочным и налобным ремнями, возможно, на кожаной шапочке, помещался начельник с султаном (рис. 51). В пользу такой конструкции свидетельствует крепежная система и размер блях, рассчитанные именно на перекрестья.

Оголовья первого варианта относятся не только к парадным, но и к социально значимым атрибутам, принадлежавшим представителям княжеских семей и военной

верхушки. Они продолжают линию развития того конского убора, который на восточноевропейской территории в VIII–IX вв. был распространен исключительно в салтово-маяцкой и аланской культурах и культуре кремаций кубано-черноморской группы. В X – начале XIII в. этот убор существовал уже только на Северном Кавказе и в Северо-Восточном Причерноморье, однако, по-прежнему, у алан и носителей кремационного погребального обряда, т.е. в той же этнической среде. Кроме того, его использование здесь в это время так же ограничивается дружинным воинским кругом. В X–XI вв. постепенно происходит замена одинарных крупных пластинчатых блях-решм (редкие экземпляры которых дал могильник Андреевская щель) составными украшениями с другими решмами, ажурно-рамчатыми и бубенцовыми. В XII – начале XIII в. они в сочетании с видоизмененными начельниками замыкают развитие данного варианта оголовий.

Совокупность находок этого специфического убора рождает много вопросов. Во-первых, служит данный вариант оголовья только социально маркирующим или в то же время этнически показательным признаком, а если верно последнее, с каким народом его следует увязывать? Население, оставившее кремации на Северо-Западном Кавказе и в Северо-Восточном Причерноморье, на данном этапе исследователи отождествляют либо с уграми (кремации VIII–X вв.), либо с касогами (кремации VIII – начала XIII в.) [Тарабанов, 1994, с. 58–59; 1997, с. 24–27; Крым, 2003, с. 199, 225]. По мнению С.Н. Савенко, угорское участие прослеживается в этнокультурных процессах на Северном Кавказе и в предшествующую раннесредневековую эпоху [Савенко, 1994, с. 38–41]. Нужно учитывать, что кем бы ни было это население (касого, кабары, ясы), из-за ближайшего соседства оно исторически неизбежно втягивалось сначала в орбиту Хазарского каганата, а затем Аланского государства. Обратим внимание на тот факт, что на протяжении всего периода существования данный вариант оголовий обнаруживается в *различных* по обряду, но, как правило, *не рядовых* погребениях. Видимо, его можно отнести к разряду инсигний, которыми обладали князья и одаривались или награждались военачальники независимо от их этнической принадлежности. В этом смысле такие уборы следует считать социально, а не этнопоказательными, и тогда наши выводы несколько расходятся с наблюдениями Г.Е. Афанасьева на этот счет, касающимися донских алан [Афанасьев, 1993б, с. 137].

Вторая группа вопросов связана с первой и отчасти вытекает из нее: где, в каких местах производились эти специфические уборы в эпоху Хазарского каганата, а впоследствии на постхазарском пространстве Северного Кавказа; существовал один или несколько таких центров? Все эти изделия, хотя разделяются на ряд по-своему стандартных серий, изготовлены в рамках одной ремесленной школы со сложившимися традициями и приемами. Эта продукция свидетельствует о высоком уровне ювелирного дела, которое, вероятнее всего, локализовалось в определенных (городских?) мастерских, контролируемых государством. Благодаря технологическому и типологическому исследованию это можно утверждать определенно в отношении восточнопричерноморских изделий X – начала XIII вв. [Конькова, 2004, с. 78; Армарчук и др., 2004, с. 155]. Однако вычленить конкретные производящие центры пока затруднительно. Интересно, что такая же ситуация констатируется для Северного Причерноморья этого времени [Кирпичников, 1973, с. 28]. Р.С. Орлов определил, что северо-

причерноморские «огузо-печенежские» нарядные сбруйные наборы X–XI вв. изготавливались из строго определенной меры серебра и затем пришел к выводу, что их делали если не византийские мастера, то под контролем византийского государства [Орлов, 1984, с. 42].

Опираясь на то, что в X–XII вв. на Северном Кавказе крупным влиятельным государством была Алания, а в Северо-Восточном Причерноморье города в это время отсутствовали, предположим, что парадные оголовья с начельниками изготавливались в аланских городах – например, в Верхнем Джулате. Тогда данные уборы этого времени надо называть «аланскими» по месту производства (хотя мы не знаем, местные или приезжие мастера их делали). Однако с учетом ареала всех северокавказских находок X – начала XIII вв. предпочтительнее обратить внимание на западно-аланскую территорию, где в X–XII вв. торгово-экономическим центром было Нижнеархызское городище. Правда, этот выбор усложняет одно обстоятельство: на данном этапе в Нижнем Архызе не обнаружены ремесленные мастерские, обслуживающие рынок, и вообще малозаметна его роль как центра средоточия ремесленного производства [Кузнецов, 1993, с. 232, 234]. С появлением ярких упоминавшихся находок в Колосовке и Кужорской было высказано новое мнение, что к западу от Алании, на территории Адыгеи в междуречье Лабы и Белой с древности вплоть до средневековья локализовалась самобытная, местная школа металлообработки [Ловпаче, 1978, с. 142–144]. Наконец, другими вероятными производящими очагами могли бы быть города Таманского полуострова: в VIII–IX вв. – Тмутаракань и Фанагория, при раскопках которой обнаружены явные следы местного ювелирного дела (литейные формочки), а в X–XII вв. – Тмутаракань-Таматарха, которая являлась здесь уже единственным крупным торгово-ремесленным городом [Крым, табл. 71-4-6]. Вместе с тем, подобно Нижнему Архызу, раскопки Таманского городища (Тмутаракани) пока тоже не дали конкретных доказательств существования в его производственно-экономической структуре индустрии ювелирных изделий. Кроме того, нет оснований считать все эти гипотетические производственные центры взаимоисключающими, – они могли сосуществовать и иметь какие-то различия или особенности. Таким образом, важный вопрос о месте производства оголовий с начельниками не решен и требует дальнейшего исследования, зависящего от накопления и анализа источников. Для определения в будущем местных центров металлообработки помимо широкого сравнительно-типологического изучения изделий необходимы технико-технологический и стилистический анализ их и данные по составу металлов и сплавов, т.е. комплексный подход.

Третья проблема: можно ли установить истоки данного варианта конского убора? Поиски корней обычая украшать оголовье коня начельным султаном приводят на Восток – в сасанидский Иран, Среднюю Азию и Индию VI–VII вв. В их прикладном искусстве и стенописи изображены такие уборы, что дает нам право говорить о восточной, индо-иранской традиции султанских украшений [Армарчук, Новичихин, 2004, с. 67–69]. Сасанидская тореветика обеспечивает нас примерами сочетания в парадном конском уборе султанских украшений с круглыми фаларами – сбруйными бляхами нагрудных и подфейных ремней. Фалары использовались не только в Иране, но и в Византии в IV–VI вв. [Грабар, 2000, табл. IV, XXVIII]. Однако в рассматри-

ваемый восточноевропейский убор VIII-IX вв. вошли решмы другого вида, о тюркских прототипах которых уже говорилось при анализе кованых блях из Андреевской щели. Следовательно, проникновение этого убора в Восточную Европу допустимо связать с появлением здесь какой-то ветви древних тюрков или связанного с ними народа (угорской группы?), которые на пути из Центральной Азии могли позаимствовать у согдийцев моду на султанские украшения. Данный убор предстает перед нами в салтово-маяцкой и аланской культурах уже в сложившемся виде.

Второй вариант представляют восточнопричерноморские уборы с решмами без начельников - два экземпляра. Показательно, что в их состав входят уздечки, набранные мелкими штампованными бляшками, чего нет в оголовьях с начельниками, а также своеобразные застежки, не характерные для аланской узды.

1. Цемдолинский могильник, курган 4, погребение лошади 1: этот комплекс характеризуется большим числом бляшек и решм и остатками наборных ремней. В него входят дисковидные бляхи типа I BI-1 трех диаметров - 29 (2 экз.), 27 (6 экз.) и 20 мм (4 экз.). Далее, подтреугольная бляшка типа I BV-1, Т-образная застежка типа I-1, пять бубенцовых решм подтипа *д*, два орнаментированных бубенца типов AV-1 и AII-1 и, наконец, кольчатые удила типа BI-2б с бронзовыми кольцами. От наборной узды уцелели обрывки кожаных ремней с трех- и пятилепестковыми бляшками типов AII-1 и AII-2. Два стремени из этого погребения относятся к типам IV-3 и IV-2а. Датируется по совокупности материала XI - началом XII в.

Четыре бляшки диаметром 20 мм находились на черепе, в местах перекрестия нащечных, налобного и наносного ремней. Остальные дисковидные бляшки вместе с решмами и бубенцами, застежкой и остатками наборных ремней компактно лежали у крупа коня, где уложили упряжь. По-видимому, украшения покрывали нагрудные ремни и, возможно, подфейный.

2. Цемдолинский могильник, курган 14: здесь был погребен взнузданный конь с большим набором сбруйных украшений головы, груди и крупа, сохранившихся на предназначенных местах (рис. 52). На его черепе находились кольчатые удила с бронзовыми псалиями типа BI-2а в пасти и остатки уздечных ремней: с гусеницеобразными бляшками типа III A-1, как в кургане 3, двумя кольцевидными бляшками с псевдозернью типа I AII-1, двусоставными украшениями типа I-1а с круглыми бляхами (4 экз.) и типа I-2а с длинными колодочками (2 экз.) и застежкой-«якорьком» типа II-1 (рис. 54: 2).

Возле холки лежали двусоставные украшения типа I-2а с длинной колодочкой (1 экз.) и типа I-3а с короткими колодочками (2 экз.), дисковидная бляха типа I BI-1 диаметром 32 мм с пятью штифтами, а у шеи - вторая застежка-«якорек» типа II-1. У крупа найдены два составных украшения типа I-2а, две дисковидные бляхи типа I BI-1 того же диаметра и орнаментированный хвостовой бубенец типа AIV-2. В упряжь входят пара стремян типа IV-3, полуовальная железная сбруйная пряжка и, возможно, обточенная подтреугольная пластина из морской раковины с отверстием наверху, находившаяся в урне с прахом. По совокупности находок погребение датируется концом XI - XII в.

В итоге, убор представляется следующим: уздечка на пересечении нащечных ремней с наносным и налобным скреплялась круглыми бляхами с решмами, а от их

середины на нос и лоб коня спускались короткие свободные тонкие ремешки, на которых располагались две решмы с длинными колодочками, по одной на каждом ремешке. Следы сплошного продольного наносного ремня на черепе не просматривались. Уздечные ремни были набраны мелкими штампованными бляшками и застегивались слева при помощи «якорька» (рис. 54: 1). На подчелюстном ремешке висела обточенная раковина.

Нагрудный ремень покрывали те же мелкие бляшки и по центру украшали три бляхи с решмами и одна гладкая дисковидная, а застежка осуществлялась посредством такого же «якорька». Боковые участки подфейных ремней были украшены все теми же мелкими бляшками, гладкими дисковидными и решмами с длинной колодочкой, по две с каждой стороны. К хвосту крепился бубенец (рис. 53).

Эти уборы тоже можно считать не рядовыми, хотя они заметно скромнее золоченых уборов первого варианта. По наличию шарнирных решм они перекликаются с поздней группой богатых северопричерноморских уздечек из Новокаменки, Сарайлы-Кият и Гаевки XI - начала XII в.: там и тут фиксируется их расположение на лбу и носу лошади. При этом восточнопричерноморские уздечки отличаются превосходящим числом и своеобразием решм и гораздо более простым изготовлением, включая другой металл (не серебро, а бронза и медь) и ограниченный спектр технологических приемов. Есть другое отличие, которое косвенным образом указывает на более позднюю дату восточнопричерноморских уздечек. Это отсутствие в них наконечников, тогда как их использование в сочетании с шарнирными решмами, по мнению Р.С. Орлова, характерно для названных северопричерноморских оголовий XI - начала XII в. [Орлов, 1984, с. 36].

К **третьему варианту** относятся оголовья с бляшками без начельников и решм, которых насчитывается девять. Этот вариант оголовий доминирует и является самым скромным.

1. Цемдолинский могильник, погребение 18: от оголовья лошади сохранились простые кольчатые удила типа BI-2б, две круглые бронзовые пряжки типа II-1 и остатки мелких полусферических бляшек типа I BI-2 от поводьев. В убор входят также полуовальная железная уздечная пряжка, диск из морской раковины с отверстием в центре от шейной привески, хвостовой сферический бубенец типа BI-1 и пара стремян типа IV-3. По совокупности материала погребение датируется XII - первой половиной XIII в.

2. Цемдолинский могильник, погребение 33: оголовье включало кольчатые удила типа BI-2а с бронзовыми кольцами и псалиями, четыре дисковидных бляхи перекрестий типа I BI-1 диаметром 32 мм, уздечную Т-образную застежку типа I-4, одну кольцевидную гладкую бляшку типа I BII-1 и один крестовидный наносник типа I BI-1, а также остатки бляшек уздечки - мелких штампованных типа III AIII-1 и литых типа II BI-5 (рис. 55: 1). В сбруйный комплекс входят хвостовой каплевидный бубенец типа BV-1 и пара стремян типа IV-3. Погребение относится к концу XI - XII в.

Судя по расположению бляшек в погребении, оголовье состояло из продольных нащечных и поперечных затылочного, подчелюстного, налобного, наносного и подгубного ремней. Оно реконструируется следующим образом: дисковидные бляхи скрепляли перекрестия продольных и поперечных ремней в четырех точках - на висках и

щеках лошади, а мелкие бляшки покрывали все видимые наружные участки ремней, кроме подчелюстного и подгубного. На наносном ремне крепился султанчик (рис. 56).

3. Цемдолинский могильник, курган 2: в данной ситуации погребение коня условно отнесено к этому кургану, т.к. находилось южнее его насыпи и, возможно, представляет собой остатки соседнего несохранившегося кургана. Костяк коня частично разрушен, среди смещенных его костей найдены дисковидная бляха перекрестия типа I БI-1 ниже шеи, круглая железная сбруйная пряжка в области спины и одно стремя типа IV-3 у грудинных костей. Первозданный убор мог включать больше предметов, но из-за разрушенности погребения это остается гипотезой. Если набор ограничивался только этими вещами, можно думать, что бляшка украшала посредине нагрудный ремень, а пряжка скрепляла подругу. Датировка сбруйных предметов – XII – первая половина XIII в.

4. Цемдолинский могильник, курган 3: на черепе взнузданной лошади находились, во-первых, дисковидные бляхи перекрестий типа I БI-1 диаметром 30 (1 экз.) и 27 мм (2 экз.). Во-вторых, остатки уздечного ремня шириной от 16 до 18 мм с гусеницеобразными бляшками типа III A-1. Кроме того, в оголовье входили Т-образная застежка типа I-2, грушевидный бубенец со вздутиями типа AIV-1 и кольчатые удила типа БI-2б с бронзовыми кольцами (в пасти). Система расположения деталей уздечки не прослежена. К остальным предметам упряжи относятся пара стремян типа IV-1 и овальная железная сбруйная пряжка. Погребение относится к XI-XII вв.

5. Цемдолинский могильник, курган 4, погребение лошади 2: в этом погребении кроме простых кольчатых удил типа БI-2б в пасти лошади на ее черепе обнаружены, во-первых, четыре дисковидных бляхи перекрестий типа I БI-1 диаметром 27,5 мм. Во-вторых, фигурная накладка-наносник типа I AII-1 на поперечном наносном ремне. В-третьих, остатки уздечных ремней с фигурными штампованными бляшками – трехлепестковыми типа AII-1, как и в погребении лошади 1, и продолговатыми в виде восьмерки с перехватом типа AI-2. В-четвертых, бронзовая пряжка типа III-1. В-пятых, расслаивающаяся оловянная полусферическая ворворка диаметром 16 мм с отверстием в центре. Кроме того, здесь находились маленькие бронзовые кольца – замкнутое дротовое диаметром 18 мм, видимо, соединительное, и височное спиральное в 2 оборота диаметром 17 мм из тонкой проволоки, а также железная заклепка с выпуклой круглой головкой на толстом штифте. Видимо, височное кольцо попало в комплекс случайно (?) в процессе погребения коня. Внизу у челюсти лежала овальная выгнутая пластина из обточенной морской раковины с толстой железной заклепкой в центре (рис. 58: 7).

Два стремени из этого погребения относятся к типу IV-5. В комплекс входят также пять железных сбруйных пряжек: две крупные от подпруги (полуовальная и круглая), две полуовальные небольшие путлищные и одна округлая небольшая. Видимо, пряжки предназначались для обоих верховых коней, захороненных одновременно. Датировка по совокупности материала – XI-XII вв.

Оголовье имело ту же конструкцию ремней и систему расположения бляшек, что и в цемдолинском погребении 33. Различие состоит только в типах бляшек, наносников и другой застежке – в данном случае, это пряжка. Возможно, ворворка и пластина из раковины скрепляли подшейную кисть.

6. Могильник в Южной Озереевке, погребение лошади 3: здесь сохранились две круглые бляшки с внешним покрытием типа II БI-1, скреплявшие пересечение ремней на висках лошади, одна литая фигурная бляшка типа I BVI-1, местоположение которой осталось неясным, и железное кольцо диаметром 33 мм из дрота толщиной в 5 мм, лежавшее возле груди лошади (рис. 32: 1-3). Соединенно-кольчатые удила из комплекса упряжи относятся к типу БI-2б с большими кольцами, пара стремян с декором – к типу IV-2б. Датировка по предметам упряжи – XI – начало XII в.

7. Могильник Чайка, курган 1, погребение лошади 2: в погребении находились двое стремян типа IV-3, кольчатые удила типа БI-2б, полуовальная подпружная пряжка, сбруйное кольцо диаметром 24 мм из дрота толщиной 4 мм и «остатки кожаной уздечки с тонкими бронзовыми пластинками» под черепом лошади [Дмитриев, 1997, с. 7]. Остатки «уздечки» включают крупные свинцово-оловянные круглые бляхи перекрестий типа II БI-2 (не менее 17 экз., если считать по крепежным деталям) с внешним покрытием из многокомпонентного сплава на основе меди, небольшие штампованные бляшки типа III AI-3 (10 экз.) и маленькую латунную трубочку, видимо, от наносного султанчика, а также обрывки ремней шириной 20 мм с пластинчатыми шайбами на тыльной стороне и маленькими плоскими петельками на лицевой (рис. 33: 1-8). К последним, вероятно, крепились штампованные бляшки, которые не имели штифтов, или какие-то несохранившиеся привески – может быть, мелкие бубенцы. Аналогичная система петель уцелела на остатках кожаного браслета из детского погребения 108 Саркельского могильника [Артамонова, 1963, рис. 55-1, 84-1]. На некоторых крупных бляхах с тыльной стороны сохранились остатки ремней шириной 18 мм. В набор украшений входит выгнутая перламутровая пластина из обточенной морской раковины с отверстием в центре (рис. 58: 2). Датировка комплекса – XII – начало XIII в.

В последнем погребении мы имеем дело, вероятно, с украшениями не только уздечки, но и других ремней сбруи, которая была положена под голову коня. По составу (наносник, наборные ремни, гладкие дисковидные бляхи) этот убор перекликается с уборами из цемдолинских погребений: 33-го и обоих конских в кургане 4.

8. Могильник у Раевского городища, курган 1: в этом кургане от оголовья на конском черепе остался лишь кожаный тлен с металлическими окислами от бляшек и по их положению примерно восстанавливается его конструкция. Оголовье состояло из нащечных, продольного налобного, поперечного наносного, подчелюстного и подгубного ремней. Ширина сохранившихся отрезков ремней 15 мм. Под челюстью коня лежали бронзовая пряжка, бронзовое кольцо и подвеска из раковины на коротком кожаном ремешке (рис. 57: 1). Нагрудные ремни, видимо, тоже соединялись через кольцо, рядом с которым находились две бляшки для их скрепления (рис. 57: 2).

9. Сапунский могильник, курган 4, погребение лошади 2: в данном комплексе находились бляшки типа II БI-3, лежа в одну линию поперек ее шеи по направлению к холке, а значит, могли украшать поводья или нагрудный ремень [Дмитриев, 1986, рис. 54]. Изначально бляшек было больше, часть из них рассыпалась.

Обращает на себя внимание, что каждый рассмотренный выше убор, о котором можно составить представление благодаря его относительно хорошей сохранности,

индивидуален и ни один не имеет повторений-аналогов в каком-либо другом археологическом материале. Тем не менее, прослеживается общая закономерность в композиции ременных украшений восточнопричерноморской уздечки. Она такова: круглые литые бляхи (в нарядном варианте – с решмами) скрепляли перекрестья ремней уздечки, а мелкие штампованные или небольшие литые бляшки покрывали промежуточные участки и, возможно, поводя, изредка сочетаясь с наносными султанчиками и своеобразными застежками вместо обычных железных или бронзовых пряжек. Парадные, значимые оголовья включали начельники с султанами и составные решмы с эффектной позолотой, что сразу выделяло убранного таким образом коня среди массы всех остальных лошадей войска или дружины. Единичными являются те уборы, где помимо уздечки украшены другие ремни сбруи, нагрудный и подфейный, но и они содержат решмы.

В результате исследований мы видим, что состав уздечного набора (решмы, бляхи перекрестий, ременные бляшки и пряжки) несомненно вписывается в т.н. «тюркскую» или кочевническую традицию украшения верхового коня [Гаврилина, 1987, с. 55]. Конструкция самой уздечки с продольными ремнями (обязательными нащечными и необязательным наносным) и тремя поперечными ремнями (наносным, налобным и затылочным) как бы повторяет устройство огузо-печенежских узд, какими их находят *in situ* или реконструируют на основе числа и вида блях [Смирнов, 1960, рис. 16-2, 18-1; Кирпичников, 1973, рис. 12; Орлов, 1984, рис. 2]. Восстанавливаемые уздечки тюркского времени VII–VIII вв. из Барабы и Тянь-Шаня и периода IX–X вв. с Алтая при прочих равных продольного наносного ремня не имеют, как и ранние алтайские уздечки, например, из 1-го пазырыкского кургана [Бараба, 1988, с. 25–27, рис. 15-15; Шиготарова, 2000, рис. 1; Савинов, 1998, рис. 1-13; Худяков, Табалдиев, 1999, рис. 5; Золотые олени Евразии, 2003, с. 56].

Своеобразной чертой восточнопричерноморского конского убора является использование обточенных округлых, подтреугольных или овальных перламутровых пластин из морских раковин, чаще выгнутых и с отверстием в центре для заклепки (рис. 58). Такие пластины обнаружены в разных могильниках в одиннадцати погребениях лошадей, по одной в уборе. В большинстве случаев они лежали под челюстью лошади, и, судя по этому, были шейными привесками, приклепанными к свисающему кожаному ремешку (рис. 55: 2; 57: 1). Иногда они служили единственным «украшением» коня, но кроме декоративной, видимо, выполняли роль оберегов наподобие известных шейных кистей-«наузов» в русском конском уборе XVII в. и позднее [Даль, 1955, с. 488; Денисова, 1954, с. 267]. Об охранно-магическом, может быть, главном их предназначении в древности, косвенно говорят современные кавказские этнографические материалы об употреблении амулетов-подвесок из раковин, в том числе в сбруе [Хасиев, 1969, с. 186].

Аналогичные причерноморским обточенные раковины находились на шее коня в комплексе № 170 Змейского катакомбного могильника [Шестопалова, 1995, р. 87]. Похожие крупные дисковидные бляхи из раковин встречены среди вещей в катакомбах Дмитриевского могильника, где трактуются как пуговицы [Плетнева, 1989, р. 56-5]. Попадают они и в Поросье, а в кургане XII–XIII вв. у с. Степанцы Киевской губернии у шеи коня была найдена ременная кисть с похожей круглой привеской, сделан-

ной из серебра [Dąbrowska, 1958, р. 132-133, t.X-1,2; Кирпичников, 1973, с. 33]. Наверное, так же использовались крупные пластинчатые костяные подвески в болгарской упряжи, среди которых есть и подтреугольные [Руденко, 2000, с. 54, рис. 17-8-15].

По подсчетам А.Н. Кирпичникова, среди 374 погребений с предметами конского снаряжения древнерусского времени 32 содержали остатки уздечек; 11 из них были им проанализированы относительно состава и числа блях. В эти одиннадцать, датирующихся IX–XI вв., попали как находки с собственно древнерусской территории (5), так и из южных кочевнических курганов (6) [Кирпичников, 1973, с. 20–21, табл. 7]. Г.А. Федоров-Давыдов описал 7 оголовий из огузо-печенежских курганов преимущественно с территории Нижнего Поволжья [Федоров-Давыдов, 1966, с. 62, 64]. Обе сводки сейчас можно дополнить другими многочисленными находками: древнерусскую – комплексами из Березок, Табаевки, Шестовиц, Гнездова, кочевническую – комплексами из Северного Причерноморья и Волго-Уральского региона [Орлов, 1983; 1984; Гаврилина, 1987; 1991; Гарустович, Иванов, 2001, с. 86, 93–94]. Благодаря раскопкам хорошо известна упряжь коней древних литовцев и пруссов с обильно и оригинально украшенными оголовьями. Кроме того, украшения сбруи, в т.ч. уздечные наборы, изредка встречаются в погребениях X–XII вв. финно-угорских народов Поволжья – мари, муромы, мордвы и других, к которым они вместе с поясными наборами попадали, как полагают, от болгар и степных соседей [Архинов, 1984, с. 128, рис. 20–21; Финно-угры, 1987, с. 86–87, 111–112; Мартыанов, 2001, табл. 108, 109].

Отдельную группу составляют находки сбруйных комплектов X–XII вв. из Центрального Предкавказья и Северо-Западного Кавказа, включая Северо-Восточное Причерноморье. По давно сделанным подсчетам С.Н. Савенко, на примерно 100 змейских погребений, материал которых опубликован, приходится лишь 8 катакомб со сбруйными наборами из металла, из чего был сделан вывод, что они ценились и укладывались в погребения знати [Савенко, 1983, с. 106]. До пересмотра этих цифр с учетом новых раскопок и до публикаций их результатов мы не знаем как реальный процент встречаемости сбруйных наборов в змейских погребениях, так и вообще их удельный вес среди всех находок уздечек на Северном Кавказе. Пока на этом фоне более частым выглядит обнаружение украшенной сбруи в памятниках Северо-Восточного Причерноморья, где она встречена почти в каждом исследованном могильнике.

Средневековый конский убор-оголовье X–XII вв. на восточноевропейской территории по типам составляющих его подвесных и/или накладных блях и бляшек представлен разными наборами. Благодаря исследованиям Д.И. Блифельда, Р.К. Куликаускаене, А.Н. Кирпичникова, В.А. Кузнецова, С.А. Плетневой, Р.С. Орлова, Л.М. Гаврилиной, В.И. Кулакова, В.В. Мурашевой, в массе находок можно видеть «скандинавскую» узду с украшениями в стиле Борре (гнездовский курган 65); «южнорусскую» с бляшками черниговской школы (курган 2 в Табаевке, курган 16 в Березках, погребение 108 в Киеве, курганы в Шестовицах); «северо-причерноморскую» с шарнирными решмами и наконечниками византийского стиля (Сарайлы-Кият, Гаевка, Новокаменка); «огузо-печенежскую» с крупными круглыми и листовидными налобниками и решмами с умбоном-бубенцом, восходящими к восточным образцам (наиболее яркие примеры – курган 16 Быково, курган 3 у 15-го поселка под Волгоградом, курган 5 в

Верхнем Балыклее и курган 1 группы Никольское V в Нижнем Поволжье); «древнелитовскую» с бронзовыми и свинцовыми бляшками с серебрением и сложным скрещением множественных ремней переносья (Граужай и другие могильники) и схожую с ней «древнепрусскую» (восточнопрусские могильники); «алано-хазарскую» с начельниками и комплектом больших пластинчатых блях (катакомбные могильники Подонья, Подонцовья и могильники Северо-Западного Кавказа IX–X вв.) и «аланскую» с начельниками и ажурными решмами с бубенцами (Змейская, Кольцо-Гора, Колосовка и погребение 5 в Андреевской щели XI–XII вв.).

К сожалению, несмотря на обилие находок металлической ременной гарнитуры X–XII вв. из поселений и городищ Волжской Болгарии, условия их местонахождения (в основном, в разрозненном, а не укомплектованном виде и часто вне слоя) не позволяют представить конкретный облик болгарской уздечки и она условно восстанавливается К.А. Руденко [Руденко, 2000, рис. 15-I-V]. Исключением служат единичные комплексы, например, Бутаевский клад из восьми больших круглых серебряных решм или набор из Болгара, куда входят тонкие нашивные пластинки и две круглые крупные бляхи [Руденко, 2000, рис. 16, 18-27-43, 19-I]. Из совокупности находок следует, что конский убор в Волжской Болгарии включал миндалевидные и круглые решмы с умбонами, прорезные тройники, кольца-разделители с тремя подвижными обоймами и уздечные наносники с султанчиками, т.е. элементы, имеющие преимущественно восточные и южносибирские прототипы [Руденко, 2000, с. 54–55].

Определенное место в кратко обрисованном массиве восточноевропейского материала занимает рассмотренная выше уздечка из могильников Северо-Восточного Причерноморья X – начала XIII в., которую предварительно и с большой осторожностью можно назвать «алано-касожской», так как перед исследователями материальной культуры и истории этого региона стоит еще много невыясненных вопросов разного свойства.

Восточнопричерноморские материалы ярко свидетельствуют о том, что конский убор как элемент местной культуры не был статичным, застывшим в своих формах. На его компоненты оказывали влияние разные факторы – мода на престижные вещи в эпоху дружинной культуры и социальные запросы всаднической военной знати; культурные и этнические взаимодействия (проникновение новых элементов); развитие кузнечества и ювелирного ремесла. Изучение упряжи из памятников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков приводит к выводу, что в данном регионе конская уздечка по своему происхождению синкретична, но в процессе существования способна была впитывать посторонние влияния, сохраняя свою оригинальность. В конкретном исполнении она предстает перед нами, как правило, индивидуальной и одностильной. Из этого следует, что каждый отдельно взятый убор изготавливался или составлялся одним мастером или в одной мастерской. В особых случаях он включал обязательные, знаковые элементы (начельники и нарядные решмы) и заказывался представителями правящего сословия. Такое производство обязательно предполагает наличие определенной сырьевой базы и высокоразвитого ювелирного ремесла, богатого традициями и готового удовлетворить любые запросы. В итоге, по археологическим данным уздечный набор выступает весьма показательным элементом материальной культуры, несущим комплексную информацию этно-социального, производственно-экономического, историко-культурного и искусствоведческого характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследованные элементы конского снаряжения из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков представлены двумя основными разнородными группами. Они различаются как по назначению входящих в них предметов, так их принадлежностью к разным отраслям металлообработки или видам ремесел, продукцией которых они являются. Одна группа – это удила, стремяна и сбруйные пряжки, т.е. кузнечные изделия из железа, играющие основную рабочую роль в снаряжении коня и всадника. Другая группа – это декоративные и в функциональном отношении второстепенные детали сбруи (главным образом, уздечек), изготовленные из цветных металлов и сплавов в ювелирных мастерских и несущие некую социальную нагрузку. Обе группы дополняются небольшим числом изделий из других материалов, которые использовались в охранно-магических (шейные привески из раковин) или практических целях (костяные цурки). Безусловно, принадлежностью сбруи были седла, о чем говорит наличие стремян, путлищных и подпружных пряжек, однако, сами седла в погребениях почти не сохраняются либо редко туда помещались.

Хронологическая классификация стремян и удил из средневековых могильников Северо-Восточного Причерноморья выявила динамику и направления их развития. Обе категории претерпели те морфологические изменения, которые в общих чертах наблюдаются в эволюции стремян и удил из других регионов. Для стремян это путь от изделий VIII в. – высоких с пластинчатой петлей и узкой прямой подножкой – к более приземистым арочным формам XIII–XIV вв. без петли с широкой прямой или чуть прогнутой подножкой. В Северо-Восточном Причерноморье в XII–XIII вв. фиксируются своеобразные формы. Это беспетельчатые подтреугольные стремяна типа IV-3 и арочные с прямой подножкой, кулачками и прямоугольной петлей-выступом и без нее типов III-1 и IV-5. Последний тип характерен для XIII (XIV) вв. Отдельную типологическую линию представляют немногочисленные округлые стремяна, т.е. кольчатые и кольцевидные XI–XII вв. с килевидным выступом сверху и без него и кольцевидные с плоскими дужками XII–XIII вв. Пока неясно, от каких ранних местных типов они происходят и можно ли их возводить к 8-видным стремянам VII–VIII вв. с сильно выгнутой узкой подножкой, так как промежуточные формы отсутствуют.

Наличие двух типологических групп стремян в XII–XIII вв. нельзя связать с их функциональным различием (для тяжело- и легковооруженных воинов), которое не улавливается в исследованных причерноморских погребениях. Например, появление в Северо-Восточном Причерноморье таких разновидностей стремян, как кольцевидные с килевидным верхом, на мой взгляд, скорее объясняется степными, кочевническими инновациями или прототипами XI–XII вв., то есть этно-культурными взаимодействиями, а не внутренними факторами.

Эволюция удил шла по линии упрощения их типов и постепенной замены прямых псалиев кольчатыми. Среди местных удил XI–XII вв. тоже есть своеобразные изделия, к которым относятся удила с бронзовыми кольцами и бронзовыми стержневидными псалиями, а также соединенно-кольчатые удила.

Изучение удили и стремян показало их расслоение на два хронологических массива, ранний VIII–X вв. и поздний XI–XIII вв., а также сокращение ассортимента изделий на позднем этапе. Изменения, но в меньшей степени, заметны также в конском уборе, где трансформируются старые оригинальные украшения, начельники и решмы, и появляются новые и более скромные элементы: набранные мелкими штампованными бляшками уздечки, наносники для султанчиков, специфические застёжки. Эти перемены приходятся на исторически рубежное время X–XI вв. На Северном Кавказе оно характеризуется прекращением хазарского влияния после гибели каганата и постепенным упадком его культуры, усилением аланского государства и его роли, проникновением новых кочевнических группировок – в XI веке кипчакских или кимако-кипчакских (огузо-печенежские миграции не оставили здесь видимых следов). Эти внешние события совпадают с определенными тенденциями внутри протоадыгских групп («зихов» и «касогов» средневековых источников), занимавших Северо-Восточное Причерноморье и низовья Кубани. Письменные источники и археологические материалы X–XIII вв. позволяют думать, что в их обществе шли процессы выдвижения княжеской знати и формирования мобильных воинских княжеских дружин, ведущие к политическому объединению. В складывающейся «всаднической» дружинной культуре особо востребованы были оружие и снаряжение коня и всадника. Немаловажную роль играл в ней конский убор, то есть украшения. Материалы из могильников Северо-Восточного Причерноморья свидетельствуют, что именно к уздечке в XI–XIII вв. перешла знаковая роль, несущая определенную информацию о ее владельце, которую до X–XI вв. играли наборные воинские пояса.

Комплексное исследование сбруйных украшений из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. привело к следующим выводам. Во-первых, достаточно четко вырисовывается родство некоторых декоративных элементов сбруйно-уздечной гарнитуры из этого региона и из памятников салтово-маяцкого круга и близких к ним постсалтовских в Предкавказье, Подонье, Прикамье и Приуралье. Оно сохраняется на протяжении длительного периода времени – с IX по XII вв., но на разных этапах проявляется в разных явлениях или деталях. Это использование литых дисковидных бляшек с наружным покрытием белым металлом и видоизменяющихся на позднем этапе начельников в комплекте с крупными листовидными сбруйными бляхами, а также употребление наборных уздечек со своеобразными мелкими штампованными бляшками в XI–XIII вв.

Во-вторых, бросается в глаза значительное сходство, а иногда тождество некоторых элементов парадных конских уборов с начельниками (или без них) и составными сбруйными украшениями из Северо-Восточного Причерноморья и оголовий позднеаланского времени из северокавказских катакомбных и грунтовых могильников Змейский, Кольцо-Гора, Колосовка и Кужорский. Технологическое исследование причерноморского материала выявило высокий уровень производства и стандартизацию сбруйных украшений, входивших в эти уборы, что свидетельствует об их изготовлении в крупных развитых ремесленных центрах, которыми теоретически могли быть аланские города и Тмутаракань на Таманском полуострове. Стилистико-художественное изучение сбруйных украшений причерноморских парадных конских уборов показало, что они относятся к северо-западному варианту круга позднеаланских древностей, связанному с местной культурой и населением.

В-третьих, близость с соответствующим восточноевропейским материалом из кочевнических комплексов минимальная и относится, главным образом, к ранней группе предметов в исследованной выборке (кованые бляхи, простейшие бляшки), если не считать заимствование деталей конструкции уздечки (продольного наносного ремня). Параллели с древнерусским материалом практически не прослеживаются. Этот факт можно объяснить тем, что почти отсутствуют находки древнерусских сбруйных украшений XII – первой половины XIII в., с которыми можно сравнивать причерноморские материалы этого времени [Мурашева, 2000, с. 76].

Концентрация аналогий предметам конского снаряжения из черного и цветных металлов из причерноморских могильников в могильниках Северного Кавказа (Закубанья, Адыгеи, Центрального Предкавказья и Северной Осетии), общий круг изобразительных сюжетов, предположительно единые источники сырья и устоявшиеся ремесленные традиции – все это показывает родственность металлообработки этих областей в X – начале XIII в. на данном конкретном примере (см. приложения I и II). По сути, можно говорить об определенной интеграции Северо-Восточного Причерноморья в средневековую северокавказскую аланскую культуру, которой присуща своеобразная школа металлопластики и развитое кузнечество. Близость данного региона с Северным Причерноморьем в этой сфере в указанное время практически не прослеживается. Таким образом, находясь на стыке понтийского и кавказского миров, Северо-Восточное Причерноморье было ориентировано, замкнуто на Кавказ. Вместе с тем, разностороннее исследование конского снаряжения высветило другие направления культурных контактов здешнего населения в эпоху развитого средневековья. Они не ограничивались ближайшими соседними областями Северо-Западного Кавказа и уводили как в развитые восточноевропейские государства – Хазарский каганат и Волжскую Болгарию, так и в степной мир тюркоязычных кочевников – кипчаков, угров-венгров. Как показал материал, эти контакты не исчерпывались обменом металлом и технологиями, а поднимались на уровень заимствования художественных образов и/или форм (см. приложение III).

Еще об одном аспекте следует сказать в завершение. Благодаря использованному в исследовании методам сформирован принципиально новый свод источников для региона Северо-Восточного Причерноморья – банк аналитических данных 150 металлографических и 117 химических анализов изделий из разных металлов, характеризующих приемы металлообработки, набор и состав металлов и сплавов. Создана база для сравнения двух отраслей металлургии, черной и цветной, взятых в одном хронологическом срезе одной материальной культуры. Данный свод включает также результаты технико-технологического и искусствоведческого анализов предметов конского снаряжения из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

В.И. Завьялов

Результаты археометаллографического исследования стремян и удил из могильников Северо-Восточного Причерноморья

Археометаллографическое исследование 22 стремян и 8 удил из Новороссийского государственного исторического музея-заповедника и Анапского государственного музея-заповедника проведено в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. Материалы происходят из могильников Цемдолинский, Южноозереевский, Андреевская щель, Сапунский, Васильевка-4, у поселка Ленинский путь и в урочище у хутора Грекомайский. Распределение предметов по памятникам представлено в таблице 1. Состояние металла изделий удовлетворительное. После визуального изучения коллекции оказалось, что все они пригодны для металлографического анализа.

Размер выпила не превышал по ширине 8–10 мм. Для сохранности формы предмета после взятия образца место выпила заполнялось пастой (цемент, разведённый клеем БФ), и после затвердевания паста шлифовалась наждачной бумагой заподлицо с поверхностью предмета. Образцы шлифовались наждачными бумагами с постепенно уменьшающимся размером зерна и полировались сукном с водной суспензией окиси хрома. Зеркальная поверхность образцов травилась реактивом ниталь (3-процентный спиртовой раствор азотной кислоты). Исследование микроструктур проводилось при помощи металломикроскопа ММР-2Р при увеличениях 100×, 150×, 300× и 450×. Микротвердость измерялась микротвердомером ПМТ-3 при нагрузке 100 г.

Таблица 1. Распределение исследованных стремян по отделам и археологическим памятникам

Могильник	Отдел			Всего
	I	III	IV	
Цемдолинский			11004/62, 11005/60, 11006/39, 11007/56, 11008/53, 11009/57	6
Южноозереевский	11022 /26, 11024/27		11023/23, 11025/24	4
Андреевская щель	11044/3, 11046/1	11042/6	11043/9, 11045/5	5
Сапунский		11026/80	11027/66, 11028/72, 11029/78	4
Васильевка-4		11032/29		1
Грекомайский	11034/104			1
У пос. Ленинский путь	11050/16			1
Всего	6	3	13	22

Примечание: здесь и далее цифры обозначают номер анализа, через откос указан номер по каталогу.

Нумерация анализов приводится согласно Книге регистрации образцов, поступивших в лабораторию; к номеру образца прилагается музейный шифр предмета. Типы шлаковых включений приводятся согласно классификации J. Piaskowskiego.

Могильник Цемдолинский

Анализ 11004. Стремя. Кург. 14. (Рис. 16: 4). Образец отобран с подножки (2/3 поперечного сечения). Шлаковых включений в металле много. Шлаки мелкие и средние, вытянутые. Типы шлаков А, С, D21. Структурные составляющие феррит и феррит с перлитом. Зерно феррита № 8–10. Содержание углерода около 0,2%. Микротвердость феррита 105–122 кг/мм², феррита с перлитом 116–135 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из сырцової стали. Качество ковки удовлетворительное.

Анализ 11005. Стремя. Кург. 9. (Рис. 7: 5). Образец взят с подножки. Шлиф сильно корродирован. Шлаковых включений мало, шлаки мелкие. Шлаки типов А, D22. Структурная составляющая феррит с перлитом. Содержание углерода 0,4–0,5%. Структура имеет характер видманштетта. Небольшой участок феррита. Зерно феррита № 4–10. Микротвердость феррита 128–143 кг/мм², феррита с перлитом – 151–193 кг/мм².

Вывод. Вследствие сильной коррозии стремени однозначно сказать о технологии изготовления предмета нельзя. Стремя или отковано из сырцової стали, или было цементировано. Качество ковки хорошее.

Анализ 11006. Стремя. Погр. 18. (Рис. 11: 3). Образец взят с дужки стремени. Шлаковых включений немного, но встречаются крупные. Шлаки типов А, D22. Структурные составляющие феррит и феррит с перлитом. Зерно феррита № 7–10. Содержание углерода 0,4–0,6%. Феррито-перлит имеет вид видманштетта. Микротвердость феррита с перлитом 170–181 кг/мм², феррита – 128–135 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из кричного заготовки с последующей односторонней цементацией. Качество ковки удовлетворительное.

Анализ 11007. Стремя. Кург. 4. Образец взят на поперечном сечении обломанной подножки стремени. В металле много шлаковых включений различных размеров, преимущественно вытянутых. Шлаки типов А, D22. Структурная составляющая феррит. Зерно феррита № 5–8. Микротвердость феррита 135–170 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из кричного железа. Качество ковки удовлетворительное.

Анализ 11008. Стремя. Кург. 3. (Рис. 7: 2). Образец взят с подножки стремени. В металле много шлаковых включений различных форм и размеров. Шлаки типов А, D1, D21. Вдоль шлифа проходит сварной шов в виде белой полосы шириной 0,03–0,035 мм. Шов просматривается только после травления шлифа реактивом Оберхоффера. Правая часть шлифа феррит. Зерно феррита № 3–8. Левая зона – феррит с перлитом. Содержание углерода 0,2–0,4%. Микротвердость феррита 116–128 кг/мм², феррита с перлитом 122–151 кг/мм².

Вывод. Подножка стремени откована из кричного железа с последующей наваркой ребра жесткости из сырцової стали. Качество ковки и сварки удовлетворительное.

Анализ 11009. Стремя. Кург. 4. Образец взят с подножки стремени. В металле много шлаковых включений различных форм и размеров. Типы шлаков С, D1, D21.

Структурная составляющая феррит. Зерно феррита № 1–4. Микротвердость феррита 170–193 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из кричного железа. Качество ковки удовлетворительное.

Анализ 11010. Удила. Кург. 3. Образец взят с полного поперечного сечения грызла удила (рис. 61). Шлаковых включений много, шлаки мелкие и средние, преимущественно вытянутые. Шлаки типов А, D21. Структурная составляющая феррит с перлитом. Содержание углерода до 0,2%. Зерно феррита № 7–11. Микротвердость феррита с перлитом 116–143 кг/мм².

Вывод. Удила откованы из сырцової стали. Качество ковки удовлетворительное.

Анализ 11011. Удила. Кург. 4. Образец взят с полного поперечного сечения петли грызла (рис. 61). Шлаковых включений немного, шлаки мелкие. Шлаки типа А. Структурная составляющая феррит с перлитом. Содержание углерода 0,5–0,6%. Микротвердость феррита с перлитом 181 кг/мм².

Вывод. Удила откованы из цементованной стали. Качество ковки хорошее.

Могильник Южноозеревский

Анализ 11022. Стремя (рис. 2: 2; 59). Взято три образца с центральной части подножки, захватывая ребро жесткости (А); с 1/4 поперечного сечения подножки (В); с полного поперечного сечения дужки (В).

Шлиф А. В металле много шлаковых включений различных форм и размеров. Шлаки типов А, D22. Структурная составляющая феррит (рис. 59, фото 11022А), в нижней части шлифа незначительный участок феррита с перлитом. Зерно феррита № 1–9. Содержание углерода до 0,2%. Микротвердость феррита 105–181 кг/мм².

Шлиф В. Структурная составляющая феррит. Микротвердость феррита 181 кг/мм².

Шлиф В. Шлиф разделён сварным швом, который имеет вид цепочки шлаков (рис. 59, фото 11022В). Структурная составляющая феррит. Микротвердость феррита 135–181 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из кричного железа. Качество ковки удовлетворительное. Сварной шов на шлифе В является местом соединения дужки стремени. Судя по конфигурации шлифа А и отсутствию на нём следов сварного шва, ребро жесткости на подножке формировалось с помощью обжимок.

Анализ 11023. Стремя. Погр. коня 2. (Рис. 14: 3). Образец взят с полного поперечного сечения дужки стремени (рис. 60). В металле много шлаковых включений различных размеров, преимущественно вытянутых. Шлаки типов А, D22. Структурные составляющие феррит и феррит с перлитом (рис. 60, фото 11023). Зерно феррита № 4–8. Микротвердость феррита 135–151 кг/мм², феррита с перлитом 160–221 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из кричного железа. Заготовка была предварительно односторонне цементирована. Качество ковки удовлетворительное.

Анализ 11024. Стремя. (Рис 5: 4). Образец взят с 1/3 сечения подножки стремени. В металле много шлаковых включений различных форм и размеров. Шлаки типов С, D22. Структурная составляющая феррит. Зерно феррита № 3–9. Из-за глубокого проникновения коррозии в металл в нём образовались микротрещины. Микротвердость феррита 122–206 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из кричного железа. Качествоковки низкое.

Анализ 11025. Стремя. (Рис 11: 2). Образец взят с полного поперечного сечения дужки стремени (рис. 60). В металле много мелких и средних, преимущественно вытянутых шлаковых включений. Шлаки типов А, D22. Структурная составляющая феррит с перлитом (рис. 60, *фото 11025*). Наибольшая концентрация углерода наблюдается по правому краю шлифа в верхней части. Содержание углерода от 0,2–0,4 до 0,4–0,5%. Микротвердость феррита с перлитом 151–236 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из сырцової стали. Не исключена дополнительная цементация заготовки. Качествоковки удовлетворительное.

Могильник Сапунский

Анализ 11026. Стремя. Кург. 25. Образец взят с ½ сечения подножки стремени (рис. 6: 6; 59). В металле много мелких и средних шлаковых включений различных форм. Шлаки типов А, D1, D22. По левому краю шлифа располагается структура феррита. Зерно феррита № 3–8. На остальной части шлифа мелкодисперсная структура феррита с перлитом (рис. 59, *фото 11026*). Содержание углерода до 0,2%. Микротвердость феррита 116 кг/мм², феррита с перлитом – 143–181 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из сырцової стали. Качествоковки удовлетворительное. Возможно, изделие, в отличие от большинства образцов, не подвергалось воздействию огня.

Анализ 11027. Стремя. Кург. 4, погр. коня 2. (Рис. 17: 2). Образец взят с 1/3 сечения подножки стремени (рис. 60). В металле много шлаковых включений различных форм и размеров, преимущественно вытянутых. Шлаки типов А, С, D21. Структурная составляющая феррит (рис. 60, *фото 11027*). Зерно феррита № 2–8. Микротвердость феррита 100–128 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из кричного железа. Качествоковки удовлетворительное.

Анализ 11028. Стремя. Кург. 15. Образец взят с ½ сечения подножки стремени (рис. 60). Шлаковых включений в металле немного, они преимущественно длинные, вытянутые. Шлаки типов С, D1, D22. Структурная составляющая феррит (рис. 60, *фото 11028*). Зерно феррита № 3–9. Микротвердость феррита 110–128 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из кричного железа. Качествоковки хорошее.

Анализ 11029. Стремя. Кург. 22. (Рис. 15: 2). Образец взят с ½ сечения подножки стремени (рис. 60). В металле много мелких и средних, преимущественно вытянутых шлаковых. Шлаки типов С, D1, D21. Структурные составляющие феррит и феррит с перлитом (рис. 60, *фото 11029*). Зерно феррита № 3–8. Содержание углерода от 0,4% по правому краю шлифа до 0,2% в центре. Микротвердость феррита 116–143 кг/мм², феррита с перлитом – 151–170 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из процементированной заготовки. Качествоковки удовлетворительное.

Анализ 11030. Удила. Кург. 25. Образец взят с поперечного сечения петли грызла удил (рис. 26: 3; 61). В металле много мелких и средних, преимущественно вытянутых шлаковых включений. Шлаки типов А, С, D1. По характеру расположения цепочек шлаков на шлифе можно предположить сварку нескольких полос однородного

металла. Структурная составляющая феррит. Зерно феррита № 5–9. Микротвердость феррита 135–236 кг/мм².

Вывод. Удила откованы из железной пакетной заготовки. Качествоковки и сварки удовлетворительное.

Анализ 11031. Удила. Кург. 15. Образец взят с поперечного сечения петли грызла удил (рис. 61). В металле много мелких и средних шлаковых включений различных форм. Шлаки типов А, D22. Структурная составляющая феррит. Зерно феррита № 3–5. Микротвердость феррита 116–135 кг/мм².

Вывод. Удила откованы из кричного железа. Качествоковки удовлетворительное.

Могильник Васильевка-4

Анализ 11032. Стремя. Кург. 1. Образец взят с ½ сечения подножки стремени (рис. 6: 5). В металле много мелких и средних шлаковых включений различных форм. Шлаки типов А, С, D22. По краям шлифа располагается структура феррита. Зерно феррита № 3–8. В центральной и верхней части шлифа структура феррита с перлитом. Содержание углерода до 0,3–0,4%. Микротвердость феррита 143–193 кг/мм², феррита с перлитом – 151–181 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из процементированной заготовки. Качествоковки удовлетворительное. Судя по форме шлифа и отсутствию сварных швов, ребро жёсткости было сформовано при помощи обжимок.

Анализ 11033. Удила. Кург. 1. Образец взят с ½ сечения грызла удил (рис. 25: 2, 61). Шлаковых включений в металле мало, они мелкие, вытянутые. Шлаки типов А, D22. Структурная составляющая феррит с перлитом. Структура гомогенная (рис. 61, *фото*). Зерно феррита № 12–14. Содержание углерода около 0,1%. Микротвердость феррита с перлитом – 116–151 кг/мм².

Вывод. Удила откованы из сырцової стали. Качествоковки хорошее.

Случайная находка в урочище у хутора Грекомайский

Анализ 11034. Стремя. Образец взят в точке перехода дужки в подножку (рис. 2: 1; 59). В металле много преимущественно мелких и средних шлаковых включений различных форм. Шлаки типов А, D22. Структурная составляющая феррит. Зерно феррита № 4–6. Микротвердость феррита 143–160 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из кричной заготовки. Качествоковки удовлетворительное.

Могильник Андреевская щель

Анализ 11042. Стремя. Образец взят с центральной части разрушенной подножки стремени (рис. 6: 1). В металле много мелких и средних шлаковых включений преимущественно неправильной формы. Типы шлаков С, D1, D22. Структурная зона феррит. Зерно феррита в левой и верхней части шлифа № 6–8, на остальной площади – № 10–12. Микротвёрдость феррита 116–135 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из кричного железа. Качествоковки удовлетворительное.

Анализ 11043. Стремя. Образец взят с полного поперечного сечения обломанного конца дужки в 2 см от подножки. Шлаковых включений в металле мало. Шлаки мелкие и средние неправильных форм. Типы шлаков А, D22. Структурная составляющая феррит. Зерно феррита № 3–8. По правому краю шлифа небольшая зона с зерном № 8–10. Микротвердость феррита 122–151 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из кричного железа. Качествоковки хорошее.

Анализ 11044. Стремя. (Рис. 5: 5). Образец отобран с подножки (2/3 поперечного сечения). Шлаковых включений в металле немного. Шлаки мелкие и средние различных форм. Типы шлаков А, D1. Структурная составляющая феррит с перлитом. В правой нижней части шлифа участок феррита. Зерно феррита № 5–8. Содержание углерода около 0,2%. Микротвердость феррита с перлитом 151–170 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из сырцово́й стали. Качествоковки хорошее.

Анализ 11045. Стремя. Образец взят с полного поперечного сечения дужки у путлища. Шлаковых включений мало, шлаки мелкие. Шлаки типов А, D1. Площадь шлифа разделена сварными швами на три зоны. Швы имеют вид белых полос шириной около 0,015 мм. Крайняя правая зона феррит. Зерно феррита № 6–9. Две другие зоны феррит с перлитом. Содержание углерода до 0,20,3%. Микротвёрдость феррита 135–160 кг/мм², феррита с перлитом – 143 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из сырцово́й стали. Качествоковки хорошее. Сварка носила конструктивный характер. На шлифе прослежено место соединения двух концов заготовки стремени. Качество сварки хорошее.

Анализ 11046. Стремя. Образец взят примерно посередине подножки на половину её ширины (рис. 5: 3). Металл сильно загрязнён шлаковыми включениями различных форм и размеров. Шлаки типов А, С, D21, D22. На площади шлифа обнаружено не менее шести сварных швов в виде белых полос шириной около 0,02 мм и цепочек шлаков. Структурные составляющие крайних зон феррит с перлитом. Содержание углерода от 0,3% в левой полосе и до 0,2–0,3% в правой. Центральные полосы – феррит. Зерно феррита № 3–8. Микротвердость феррита с перлитом 122–151 кг/мм², феррита – 122–135 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из кричной пакетированной заготовки. Возможно, на основу стремени было наварено ребро жёсткости из сырцово́й стали. Качествоковки и сварки удовлетворительное.

Анализ 11047. Удила. Образец взят на полном поперечном сечении грызл (рис. 61). В металле много шлаковых включений различных форм и размеров. Шлаки типов D21, D22. Основную часть площади шлифа занимает феррит. Зерно феррита № 4–8. В верхней части шлифа расположена зона феррита с перлитом. Содержание углерода около 0,3%. Микротвердость феррита 135–160 кг/мм², феррита с перлитом – 181–206 кг/мм².

Вывод. Удила откованы из сырцово́й стали. Качествоковки удовлетворительное.

Анализ 11048. Удила. (Рис. 22: 4). Образец взят с полного поперечного сечения кольца грызл (рис. 61). Шлаковых включений в металле мало, шлаки мелкие и средние, неправильных форм. Шлаки типов А, D21. Структурная составляющая феррит с перлитом. Зерно феррита № 3–7. Содержание углерода до 0,2%. Микротвердость феррита с перлитом 122–151 кг/мм².

Вывод. Удила откованы из сырцово́й стали. Качествоковки хорошее.

Анализ 11049. Удила. Кв. 6-Г, шт. 1 (рис. 22: 3). Образец взят с полного поперечного сечения кольца грызл (рис. 61). В металле много шлаковых включений различных форм и размеров. Типы шлаков D21, D22. Структурная составляющая феррит. Зерно феррита № 2–5. В левой части шлифа наблюдается участок фосфорной ликвации. Микротвёрдость феррита 181–274 кг/мм².

Вывод. Удила откованы из кричного железа (вероятно, фосфористого). Качествоковки удовлетворительное.

Могильник у поселка Ленинский путь.

Анализ 11050. Стремя. (Рис. 2: 5). Образец взят с центральной части подножки стремени (рис. 59). В металле много мелких и средних шлаковых включений различных форм. Шлаки типов А, С, D21. На большей части площади шлифа располагается структура феррита. Зерно феррита № 3–8. В верхней левой части шлифа структура феррита с перлитом. Содержание углерода до 0,5–0,6%. Структура феррита с перлитом крупнозернистая. Микротвердость феррита 100–116 кг/мм², феррита с перлитом – 151–181 кг/мм².

Вывод. Стремя отковано из процементированной со стороны ребра жёсткости заготовки. Качествоковки удовлетворительное. Возможно, крупнозернистость феррита с перлитом является следствием пребывания изделия в огне.

Подведём итоги исследования. Как известно, в силу своего функционального назначения стремени и удила не требовали применения сложных технологических приёмов при изготовлении. Металлографические исследования показали, что чаще всего детали конской упряжи отковывались из железа или сырцово́й стали [Терехова и др., 1997, с. 175; Семькин, 1997, с. 14, 20]. Стремени и удила из могильников Северо-Восточного Причерноморья изготовлены по похожим технологическим схемам.

Целиком из железа отковано девять стремени. Железо сильно засорено неметаллическими включениями. Лишь в двух случаях (ан. 11028 и 11043) металл относительно чистый. Микротвёрдость феррита у большинства образцов составляла 135–181 кг/мм², иногда достигая на отдельных участках значений 193–206 кг/мм². Наиболее мягким оказался металл у стремени из могильника на горе Сапун – 100–128 кг/мм². Низкая микротвёрдость феррита связана с нагревом предметов в погребальном костре. Зерно феррита на исследованных образцах имело различные размеры: встречены экземпляры как с крупным (ан. 11009), так и с мелким (ан. 11043) зерном, но более характерны структуры с неравномерной зернистостью, что свойственно сыродутному металлу.

В группе цельножелезных стремени следует отметить экземпляр из могильника Южноозереевского (ан. 11022). У этого предмета было отобрано три образца: с ребра жёсткости на подножке (11022А), с подножки (11022Б) и с дужки (11022В). Особый интерес представляет образец 11022В: у него вдоль всего шлифа проходит сварной шов, прослеживаемый в виде цепочки шлаков – данный шлиф демонстрирует место соединения при помощи кузнечной сварки отдельных частей стремени.

Целиком из стали отковано 11 стремян. Во всех случаях применялась сырцовая сталь, т.е. сталь, полученная при металлургическом процессе. Характерной особенностью такой стали является неравномерное распределение углерода. Металлографически это выражается в присутствии на шлифе как феррито-перлитных зон со значительным колебанием содержания углерода, так и чисто ферритных участков (иногда весьма значительных по площади). На большинстве шлифов содержание углерода составляет 0,2–0,4%, лишь у образцов 11006 и 11050 в отдельных местах оно достигает 0,6%. На двух шлифах зафиксирована структура видманштетта, указывающая на перегрев металла во времяковки (ан. 11005, 11006). Микротвёрдость металла не превышает 181–206 кг/мм².

На некоторых экземплярах (ан. 11006, 11023, 11050) характер структуры (уменьшение содержания углерода от края к центру) может свидетельствовать о дополнительной цементации предмета. Но поскольку подобная структура наблюдалась и на подножке (ан. 11050), и на дужке (ан. 11006, 11023), а проведение цементации стремени не оправдано его функциональным назначением, то я склонен рассматривать данные образцы как откованные из сырцовой стали.

На шлифе из могильника Андреевская щель (ан. 11045) обнаружены сварные швы в виде белых линий шириной 0,015 мм. Образец взят в верхней части дужки стремени. Значит, это место соединения концов заготовки.

Пакетный металл. На одном стремени из могильника Андреевская щель обнаружена структура пакетного металла: в центре проходят пять железных полос, а по краям – полосы сырцовой стали с содержанием углерода 0,2–0,3% (ан. 11046). Вероятно, одна из стальных полос составила ребро жёсткости. Параллельность полос и расположение стали по краям пакета как будто бы свидетельствуют о преднамеренном формировании пакета. Но против этого предположения выступает технологическая нецелесообразность использования пакетного металла для стремени. Изготовление стремян из пакетного металла практиковалось чрезвычайно редко. Известен всего один случай, когда стремя было отковано из аналогичного сырья [Семыкин, 1997, с. 22]. Найден этот предмет в Волжской Болгарии и датируется домонгольским временем. Но, поскольку детальное описание этого стремени в работе Ю.А. Семыкина не приводится, сложно судить, имело место преднамеренное формирование заготовки или был использован металлолом.

Отсутствие прямых аналогий технологии изготовления стремени из пакетной заготовки из Андреевской щели не позволяет однозначно ответить на вопрос, применялось ли преднамеренное пакетирование заготовки при изготовлении стремян, или мы фиксируем использование металлолома.

Наварка ребра жёсткости. Более сложную технологию изготовления демонстрирует стремя из могильника Цемдолина (ан. 11008). Этот экземпляр откован из мягкого железа (микро-твёрдость феррита 116–128 кг/мм²), но на подножку наварено ребро жёсткости из сырцовой стали с содержанием углерода 0,2–0,4%. Подобный приём формирования ребра жёсткости, хотя и редко, но встречается среди кочевнических материалов. Так, аналогичное стремя обнаружено в материалах лесостепного варианта салтовомаяцкой культуры [Терехова и др., 1997, с. 175], другое, более близкое хронологически и территориально, – в могильнике Ленинахабль в Адыгее [Завьялов, 2004].

Таблица 2. Распределение технологических схем изготовления по отделам стремян

Отдел	Технологическая схема изготовления			Всего
	Целиком из железа	Целиком из стали	Из пакетированной заготовки	
I	11022, 11024, 11034	11044, 11050	11046	6
III	11042	11026, 11032		3
IV	11007, 11008, 11009, 11027, 11028, 11043	11004, 11005, 11006, 11023, 11025, 11029	11045	13
Всего	10	10	2	22

Некоторые экземпляры исследованных стремян были орнаментированы: аппликация цветным металлом (ан. 11025, рис. 11: 1, 2; 13: 2, 3, 4), насечки по дужке (ан. 11006, рис. 11: 3), прорезная с орнаментом «лотосы» подножка (ан. 11034, рис. 3, 4). Но по технологии изготовления и качеству сырья орнаментированные стремени ничем не выделяются из общей массы. Аналогичный вывод был сделан и при анализе стремян из Ленинахабля [Завьялов, 2004, с. 83].

В таблице 2 представлено соотношение отделов исследованных стремян и технологических схем их изготовления.

Равномерное распределение технологий по типам явно свидетельствует, что при изготовлении определённого типа стремян кузнецы не отдавали предпочтения в выборе сырья (железо или сырцовая сталь). Также не наблюдается корреляции между технологией изготовления стремени и памятником (табл. 3).

Большое технико-технологическое сходство с исследованными стремени имеют стремени из могильника у аула Ленинахабль. Это сходство проявляется и в подборе сырья, и в отсутствии корреляции между типом предмета и технологией его изготовления, и в качестве кузнечных операций. Таким образом, можно констатировать, что

Таблица 3. Распределение технологических схем изготовления стремян по археологическим памятникам

Могильник	Технологическая схема изготовления			Всего
	Целиком из железа	Целиком из стали	Из пакетированной заготовки	
Цемдолинский	11007, 11008, 1009	11004, 11005, 11006		6
Южноозеревский	11022, 11024	11023, 11025		4
Андреевская щель	11042, 11043	11044	11045, 1046	5
Сапунский	11027, 11028	11026, 11029		4
Васильевка-4		11032		1
Урочище у хутора Грекомаиский	11034			1
У пос. Ленинский путь		11050		1
Всего	10	10	2	22

на протяжении длительного времени (VIII–XIV вв.) стремяна в Северо-Восточном Причерноморье изготавливались в единой технологической традиции, независимо от типа предмета.

Приведённые результаты металлографических анализов свидетельствуют о том, что кузнецы, изготовившие исследованные стремяна, в совершенстве владели приёмами свободной ручнойковки. При производстве стремян применялись такие технологические операции как вытяжка, разгонка, сгибание, надрубание, прошивка отверстий, кузнечная сварка (конструкционная), обточка. Изучение стремян лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры привело М.М. Толмачёву к выводу, что части стремени (петля для путалища и подножка) отковывались отдельно, а затем соединялись кузнечной сваркой (Терехова и др., 1997, с. 175). Визуальный осмотр коллекции стремян из памятников Северо-Восточного Причерноморья и микроструктурное изучение значительного количества их позволили прийти к заключению, что стремяна ковались из единой заготовки. Сформовав подножку и оформив ребро жёсткости (используя специальные оправки или, реже, наваривая ребро на подножку), вытянув дужки и вытянув петлю для путалища, мастер сваривал одну из дужек, замыкая стремя. Если отверстие для путалища было замкнутым, то оно прошивалось. У стремян отдела II петля образовывалась простым загибом заготовки. Возможно, у стремян отдела III узкая и длинная петля для путалища изготавливалась надрубанием полосы с последующей сваркой концов. Сварка дужки производилась внахлёт (длина наложения составляла 1–1,5 см).

Можно считать, что даже неорнаментированные стремяна относились к категории сравнительно дорогих изделий. На это указывают следы ремонта стремени VIII–IX вв. из могильника у поселка Ленинский путь (ан. 11050, рис. 2: 5). После поломки (вероятно, из-за некачественной сварки) дужка стремени была склёпана. Для того, чтобы проделать отверстия под заклёпку, концы дужки пришлось обточить и сделать нахлёт больше, чем это было при сварке. Вследствие этого петля для путалища сместилась, и стремя стало кривым. Обращает на себя внимание, что ремонт проведён более простым, чем кузнечная сварка, способом. Скорее всего, стремя ремонтировал не профессиональный кузнец, а человек, владевший элементарными навыками обработки железа или не имевший в своём распоряжении необходимого инвентаря и оборудования.

В заключение можно сказать, что хотя стремяна и относятся к категориям кузнечных изделий, не требующих применения сложных технологических операций или высококачественного сырья, но сложная форма самого предмета, предполагающая владение многими приёмами свободной ручнойковки, нередкое использование различных приёмов украшения стремян (аппликация, таушировка, гравировка, насечка и т.д.), позволяют считать эту категорию предметов конского снаряжения престижными изделиями.

Распределение типов исследованных удил по археологическим памятникам представлено в таблице 4.

Также, как и стремяна, удила изготавливались свободной ручнойковкой. Применялись такие операции, как вытяжка, сгибание, кузнечная сварка. Основным материалом служила сырцовая сталь с содержанием углерода 0.1–0.3%. В одном случае

Таблица 4. Распределение типов исследованных удил по археологическим памятникам

Могильник	Тип			Всего
	БІ-1а	БІ-1б	БІ-2б	
Андреевская щель	11049/1	11048/2	11047/3	3
Сапунский			11030/35, 11031/32	2
Цемдолинский			11010/21, 11011/22	2
Васильевка-4			11033/13	1
Всего	1	1	6	8

(ан. 11011) использовалась хорошо прокованная цементованная сталь с содержанием углерода 0,5–0,6%. Интересно отметить, что именно эти удила имели бронзовые кольца. На отклонение этих удил от общих закономерностей указывала и Е.А. Армарчук при классификации удил. Трое удил (ан. 11030, 11031, 11049) откованы из железа, при этом в феррите образца из могильника Андреевская щель (ан. 11049) наблюдается повышенное содержание фосфора (участки фосфорной ликвации, повышенная – 236–274 кг/мм² – микротвёрдость).

Как и в случае со стремянами, корреляции между типом удил и материалом, из которого они изготовлены, не наблюдается. Из технологических особенностей стоит упомянуть тип БІ-1а. Принцип изготовления этих удил отличался от остальных (рис. 22: 3). Полоса металла оборачивалась вокруг оправки, образуя внутреннее кольцо. Затем полоса складывалась и сваривалась таким образом, чтобы оставшийся конец можно было обогнуть на оправке, образовав внешнее кольцо, и приварить свободный конец к грызлу. Аналогичный приём применялся при изготовлении удил из алтайских курганов IX–XI вв. [Могильников, 2002, с. 86].

При изготовлении удил типа БІ-1б внешнее кольцо образовывалось вышеописанным способом, а внутреннее – путём вытяжки и загиба противоположного конца заготовки.

У удил типа БІ-2б конец кольца мог или примыкать торцом к корпусу грызла (ан. 11031, 11033, рис. 24), или вытягиваться длиной в 1,5–2 см и соприкасаться вдоль с грызлами (ан. 11030, 11047, рис. 26: 3). Подобное соединение наблюдается как на внешних, так и на внутренних кольцах.

Подводя итоги археометаллографическому исследованию предметов конской упряжи из средневековых могильников Северо-Восточного Причерноморья, следует отметить, что при изготовлении поковок с равной частотой использовались железо и сырцовая малоуглеродистая сталь. Тип поковки не был связан с определённым видом сырья, а технология изготовления сводилась к простым операциям свободной ручнойковки.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Л.В. Конькова

Химико-технологическое исследование деталей конской сбруи из могильников X–XIII вв. Северо-Восточного Причерноморья

В данной работе рассматриваются результаты химико-технологического исследования деталей конской сбруи из комплексов, хранящихся в Новороссийском музее-заповеднике, Анапском археологическом музее, Музее Востока (Москва), музее г. Геленджика, изготовленных из меди и сплавов на ее основе. Состав серебряных предметов специально не исследовался. В тех случаях, когда изучаемые изделия были комбинированными, из серебра и меди, проба отбиралась с медной составляющей. В ходе работы был выявлен особый технологический прием, широко использованный в изученных коллекциях. Как показал анализ вещества, составлявшего основную массу украшений в этом случае, для их изготовления использовался сплав свинца с оловом.

На первом этапе работы было проведено исследование состава металла и сплавов, из которых были изготовлены детали сбруи, с помощью эмиссионного спектрального анализа, а также атомно-эмиссионного анализа с индуктивно связанной плазмой (ICP). На последнем остановлюсь подробно. Для исследования химического состава заполнения было отобрано три пробы (20–25 мг) блях-накладок из различных коллекций. Две бляхи выбраны из материалов могильников, хранящихся в фондах Новороссийского государственного исторического музея-заповедника, одна – из материалов Государственного музея Востока.

1-й образец (№ 53): накладка с заполнением из Цемдолинского могильника, кург. 4, погр. коня 1 (коллекция № 9314 Новороссийского музея-заповедника, (рис. 34: 7). Заполнение имеет пастовидный характер, цвет белый с сероватым оттенком. Заполнение плотное, но при отборе проб легко крошится.

2-й образец (№ 73): накладка с заполнением из Южноозереевского могильника, погр. коня 3 (коллекция Новороссийского музея-заповедника, № 102 описи отчета (рис. 32: 1). Заполнение плотное, светлое, имеет молочный оттенок, легко отделяется при отборе пробы.

3-й образец (№ 75): накладка с заполнением из Ленинахабльского могильника, погр. 10 (коллекция Государственного музея Востока, п/о № Ленхб. 86–25). Заполнение плотное, светлое, легко отделяется при отборе пробы.

Сходство цвета и характера заполнения всех образцов позволило предположить, что они имеют близкий состав и отражают набор близких технологических приемов их изготовления. Первоначально, оттенок цвета, близкий к алебастру или мелу, а также плотная «мелкоотмученная» масса, привели к выводу о том, что в основе заполнения лежит порошок из минерального сырья, замешанный на органической основе, что привело к плотному устойчивому заполнению нужных объемов.

Для определения состава вещества образцы были переданы в лабораторию Всероссийского института минерального сырья (ВИМС) на атомно-эмиссионный анализ. Представляется необходимым привести описание методики этого анализа, так как он практически не используется в археологии. *Методика анализа:* растертая проба (навеска 20 мг) смешивается в соотношении 1/5 с метаборатом лития и сплавляется при температуре 1100 градусов С в течение 2 минут. После охлаждения сплав выщелачивается 10-процентной соляной кислотой при нагревании и перемешивании с помощью магнитной мешалки. Раствор количественно переносится в мерную колбу, объемом 100 мл. В качестве внутреннего стандарта добавляется раствор скандия. Все это доводится до определенной метки бидистиллированной водой. Подготовленный раствор исследуется с помощью атомно-эмиссионного анализа с индуктивно-связанной плазмой на приборе фирмы Rank-Hilgar с полихроматором Polivak E-1000 (Англия).

В связи с предположением о составе заполнения анализ выполнялся на содержание основных порообразующих элементов, соотношение которых могло бы показать исходную принадлежность образца к определенному классу горных пород. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Результаты проведенного анализа показали наличие порообразующих элементов только в качестве примесей в количестве от 1,5 до 3,5%. Такое количество может рассматриваться как случайные примеси. В процессе проведения анализа на спектрометре были зафиксированы очень высокие аналитические сигналы олова и свинца с преобладанием олова; это позволяет сделать вывод о том, что масса, использованная для заполнения изделий, является в настоящее время смесью окислов олова и свинца, а изначально представляла собой сплав олова и свинца. Процесс окисления значительно усиливается в биметаллических соединениях, что и привело к получению современного состояния заполнений изделий.

Изучение технико-технологических особенностей изготовления сбруйных изделий из могильников Северо-Восточного Причерноморья проводилось на основе макро-технологического изучения их поверхности с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 при увеличении от 4 до 16 раз с использованием макросъемки. Использовались специальная насадка и фотоаппарат Зенит-ТТЛ.

В ряде случаев возможности сделать технологические наблюдения были ограничены сохранностью вещей. Часть предметов была обожжена в процессе кремации, применяемой в погребальном обряде. В тех случаях, когда существовала возможность получить хотя бы частичную информацию о технике изготовления подобных находок, она использовалась в сравнительном анализе. Основные выводы о технологии изготовления деталей конского убора из рассматриваемых памятников были сделаны на основе детального изучения хорошо сохранившихся предметов. Отбор проб для прове-

Таблица 1. Содержание основных порообразующих элементов в исследуемых образцах, %

№ образца	SiO ₂	Al ₂ O ₃	CaO	MgO
53	0,99	≤0,025	0,35	≤0,025
73	1,23	0,035	0,32	0,042
75	2,77	0,042	0,37	0,042

дения спектрального анализа также был ограничен состоянием металла. В ходе работы ставилась задача осторожно отбирать пробы с целью максимального сохранения деталей и украшений сбруи.

Состав металла и типы использованных сплавов

Всего было отобрано 117 проб, но в некоторых случаях (например, проба № 49) металл оказался достаточно окисленным и получить данные о составе не удалось. В других ситуациях основой сплава оказалось *серебро* – например, в пробе № 68 декоративного «гвоздика» от ремня сбруи из погребения 18 в Цемдолинском могильнике (рис. 32: 9), поэтому использовать эти данные для сравнительного анализа было невозможно. Результаты эмиссионно-спектрального анализа представлены в таблице 2.

Сравнительный анализ геохимических характеристик исследованных образцов металла показал значительную устойчивость и единообразие геохимической основы в данном массиве. Например, преобладающие показатели мышьяка составляют 0,1–0,08%, сурьмы – 0,01–0,04%, кобальта и висмута практически нет, никель преимущественно представлен в диапазоне 0,01–0,04%. Подобный микроэлементный состав металла в изученных коллекциях свидетельствует об использовании меди, полученной из источников, близких по типу, или из единого источника. История добычи медной руды и выплавки меди и ее сплавов на Кавказе насчитывает тысячелетия. Подборка данных по Северному Кавказу, проведенная В.А. Кузнецовым, позволяет предположить добычу медной руды и выплавку металла на территории средневековой Алании [Кузнецов, 1971, с. 102–122].

Среди исследованных образцов металла преобладала сравнительно *чистая медь*, в которой микропримеси представлены количествами, не превышающими десятых долей процента. Дальнейшие исследования показали, что это обстоятельство в значительной мере влияло на технику изготовления предметов, декорирующих сбрую. Возможен и обратный вариант, когда определенные, освоенные мастерами приемы диктовали выбор определенного сырья.

Вторым по частоте встречаемости в изученных коллекциях был сплав *медь-олово-свинец*. Это *трехкомпонентная бронза* с невысоким содержанием легирующих компонентов (преобладающее содержание олова и свинца в пределах 1–2%). В единичных случаях представлены предметы с относительно высоким содержанием легирующих компонентов. В их числе – бубенчик из погребения у городища Раевское (анализ № 50), содержание олова и свинца 12 и 11% соответственно (рис. 29: 1). В некоторых образцах металла наблюдалось преобладающее содержание олова или свинца. По типу сплава это оловянная или свинцовая бронза все с тем же низким содержанием лигатуры. Незначительные колебания в процентном содержании элементов объясняются переплавкой металлического лома.

Среди изученных предметов выявились изготовленные из *латуни* с различным содержанием цинка. Особенно интересны три из них, которые имеют высокое содержание этого элемента. Первый – фрагмент седельной аппликации из погребения 5 могильника Андреевская щель (анализ № 21). В состав сплава входит цинк в количестве 20%. В сплаве имеется также олово – 2,0% и свинец 0,9%. Второй предмет – это пуговица, найденная на хуторе Бужор Анапского района, (анализ № 26), в этом слу-

чае в сплаве содержится 19% цинка. В состав сплава входит и олово (1,2%), и свинец (1,1%). Третий предмет, в состав металла которого входит большое количество цинка (26%), – трубочка от султана, украшающего оголовье (анализ № 105), найденная в погребении коня 2 кургана 1 могильника Чайка у с. Криница (рис. 33: 8). В состав этого сплава входят также 4,6% олова и 5,7% свинца. Эти образцы, а также те, которые содержали меньшее количество цинка, относятся к типу сплава, который называется «сложная латунь». Все они содержат кроме цинка некоторое количество олова и свинца.

Всего в изученной коллекции обнаружено около 20 предметов, содержащих цинк в сплаве, что не согласуется с выводами В.А. Кузнецова о широком использовании латуней на Северном Кавказе в средние века [Кузнецов, с. 105]. Не выявляется и зависимость между определенными категориями изделий и наличием цинка в их сплаве. Кроме перечисленных предметов с высоким содержанием цинка, из латуни были изготовлены также и другие, такие как седельная накладка погребения 5 из могильника Андреевская щель (анализ № 17, содержит 10% цинка), заклепка от кожаной обтяжки этого же седла (анализ № 19, содержит 10% цинка), кольцо и бубенчик из того же памятника (анализы 24 и 25, содержат 7,7% и 5% цинка соответственно). Из латуни изготовлена круглая бляха (рис. 33: 1) из погребения коня 2 кургана 1 могильника Чайка (анализ № 106, содержит 4,7% цинка). Единственной «категорией» образцов, изготовленных только из латуни, являются полоски металла, декорирующие дужки железных стремян (рис. 12; 13: 2, 3). Содержание цинка в них колеблется от 1,5% до 16%. Интересно, что образцы этой «навивки», взятой с железных стремян, также оказались изготовленными из сложной латуни, включающей в себя кроме медной основы и цинка олово и свинец (анализы № 118–121). Украшение стремян именно латунными полосками вполне оправданно, так как желтый цвет латуни имитировал золото, но с точки зрения практической латуни была более прочной по сравнению с золотом, а стремяна находились под постоянной и значительной механической нагрузкой. Прокованная латунь приобретает свойства пружины, а именно такая технология применялась в данном случае. Использование определенного сплава и специфической системы декора (полоски металла) говорит о наличии устойчивой технологической традиции и, возможно, существовании определенного центра производства, который пока еще неизвестен.

Данные о составах сплавов, полученные в ходе исследования, показали, что существует зависимость между техникой изготовления предмета и его составом. В тех случаях, когда предмет был изготовлен с помощью литья, в составе его сплава было достаточное количество легирующих компонентов для получения текучего сплава. Тогда же, когда требовалась пластичность, количество лигатуры резко сокращалось. Эти наблюдения позволяют предположить, что исследованные нами предметы были изготовлены в местах со сложившимися ремесленными традициями. Это прежде всего городские ремесленные центры. Существовали устойчивые источники металла, о чем свидетельствует геохимическое сходство изученных образцов металла. Нельзя исключать использование и лома цветных металлов, что является нормальной практикой для ремесленного производства, особенно в эпоху средневековья. Именно добавление в сплав металла «пришлых» вещей создает многокомпонентность и низкое

содержание легирующих компонентов в сплаве, так как, вероятно, в основном употреблялась относительно чистая медь.

Проведенное исследование позволило в итоге выделить следующие *типы сплавов*: чистая медь, оловянно-свинцовая бронза, оловянная бронза, свинцовая бронза, сложная латунь.

Техника изготовления деталей сбруи

Технологическое исследование было проведено для всей коллекции, в том числе и для тех предметов, которые были частично повреждены в ходе кремации. Детали убранства коня, представленные в изученных материалах, очень разнообразны по сложности исполнения и комплексности. Это и детали парадного убранства головы коня, имеющие сложную конструкцию, и относительно простые, но многочисленные бляшки и заклепки, которыми украшались ремни сбруи.

Техника изготовления парадных оголовий для коня детально описана в уже опубликованных нами материалах [Армарчук и др., 2004, с. 148–156; Конькова, 2004, с. 71–78.], поэтому нет необходимости подробно останавливаться на ее описании. Но необходимо все же подчеркнуть, что для изготовления парадных оголовий использовался целый набор отработанных технологических приемов, отвечающих качеству и механическим свойствам того материала, который использовался для изготовления конкретной детали убора. Крупные части изготавливались ковкой из листовой меди (рис. 38: 4, 5; 40; 41; 42: 1). Декоративные детали отливались из бронзы. В некоторых случаях использовалась скань (рис. 42: 1). Все детали соединялись, если этого требовала конструкция, с помощью пайки. В некоторых случаях использовались заклепки (рис. 40; 41; 43). Готовая конструкция покрывалась позолотой, серебрилась или лудилась, вероятно, в зависимости от социального статуса погребенного. Перечисленные приемы, использованные исключительно дифференцировано, отражают высокий уровень профессионального ремесла, который складывается в условиях городской жизни. Подобные центры сложились в Восточном Причерноморье еще в античное время, и часть из них продолжала функционировать в средние века, в частности, в районе Керченского пролива. С другой стороны, могло сохраняться наследие центров, сложившихся в Предкавказье в эпоху Хазарского каганата, а также, безусловно, Западное Предкавказье находилось в зоне влияния ремесленников Алании.

Кроме высокохудожественных изделий существуют и другие, не менее интересные детали конского убранства. Это многочисленные декоративные бляшки и накладки, создающие эффектную поверхность ременных частей сбруи на голове и крупе коня. Вероятно, они изготавливались тысячами, так как даже в нескольких комплексах, изученных нами, их насчитывается очень большое количество. Пересчитать их полностью трудно, так как они при небольших размерах чаще всего полностью разрушались от окисления металла.

Изучение под микроскопом десятков подобных бляшек позволило сделать вывод о том, что существовали две основные техники их изготовления. Крупные подвесные (рис. 37: 1–5; 38: 1-А, Б) и накладные бляшки (рис. 31; 32: 3–8; 42: 2; 46: 8–13) и пряжки (рис. 45: 1, 2, 5–7, 9) изготавливались с помощью литья, преимущественно по восковой модели. Модель использовалась на самом первом этапе изготовления, а затем отливался штамп, который позволял тиражировать литые предметы.

Многочисленные мелкие круглые, удлиненные, в виде розетки и другие бляшки были изготовлены с помощью тиснения или штамповки из тонкого листа *меди*, а затем с обратной стороны они заливались *сплавом свинца и олова*, что создавало объем и вес, а также позволяло делать рельефные украшения (рис. 34). В процессе заливки в еще не остывший сплав вставлялись системы крепления в виде отрезков проволоки, которые могли быть оформлены в разных вариантах. Один из них – это обычный одинарный штифт в центре бляшки, который затем продевался в отверстие на ремне и фиксировался шайбой в форме квадрата или ромба, изготовленного из обрезка *медной* пластинки, оставшейся после штамповки бляшек (рис. 34: 8). Вторым вариантом крепления – это скобочка П-образной формы из обрезка *медной* пластинки, которая вставлялась в расплав вверх «ножками», которые затем продевались в отверстия в ремне и отгибались в стороны для фиксации в определенном положении (рис. 33: 6). Проведенные анализы показали, что состав металла основной части бляшки и системы крепления часто совпадают, что говорит о безотходном производстве.

Аналогично изготавливались крупные круглые бляхи, найденные в Ленинахабльском могильнике в Западном Закубанье [Носкова, 1999, с. 204, рис. 7-2-4]. Они, вероятно, использовались для украшения перекрестий ремней. Но в данном случае для заполнения свинцово-оловянным сплавом использовалась не тисненая *медная* «скорлупка» (о которых шла речь выше), а круглая «коробочка», изготовленная из толстой *серебряной* фольги. У исследованных нами ленинахабльских блях «коробочки» были *медные*, а их поверхность была обтянута толстой *серебряной* фольгой, которая хорошо видна в настоящее время вследствие частичных повреждений. Для создания прочной конструкции внутрь заготовки вставлялись достаточно толстые, но узкие, перекрещивающиеся *медные* пластинки, концы которых потом также отгибались для закрепления на ремнях (бляхи из комплексов могильника Ленинахабль, фонды Государственного музея Востока).

Аналогичная техника применялась при изготовлении крупных блях из комплекса кургана 1, погребения лошади 2 могильника Чайка в с. Криница (рис. 33: 1, 2, 4). Но, в отличие от блях из Ленинахабля для штифтов причерноморских блях использовалась толстая *медная* проволока (анализ № 114, достаточно чистая медь). Система крепления заключается в том, что две П-образно изогнутые проволоочки укладываются внутрь основы, заливаются *сплавом свинца и олова*, а затем свободные концы продеваются в отверстия ремней и отгибаются (рис. 33: 2, 3). Чтобы дополнительно зафиксировать их на ремнях, использовались шайбы из обрезков меди, как и в ситуации с мелкими бляшками. Интересно, что бляхи из Криницы были изготовлены не из меди и покрыты серебром, а из *латуни* (анализ № 106, № 112, содержание цинка от 3,4% до 4,7%). Возможно, их поверхность была позолочена, но она сильно повреждена, и визуально позолота не читается.

Выявленная технология экономит медь и ее сплавы, она очень продуктивна и легка в исполнении. Возможно, эти предметы не очень хорошо выдерживают механическую нагрузку при использовании сбруи в рабочем режиме. Поэтому возникает очень серьезный вопрос о назначении подобных предметов. Возможно, перед нами средневековая индустрия погребальных принадлежностей. Изготовление ременной упряжи и украшение ее наборами бляшек проводились одновременно, так как необходимо было рассчитать размеры блях и систему крепления.

Таблица 2. Результаты эмиссионно-спектрального анализа изделий из цветных металлов из археологических памятников Северо-Западного Кавказа XI-XIII вв.

№ кол.	Категория изделия	Лабор. шифр	Ag	As	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	Прим.
1	Накладка	747-13	0,09	0,1	0,06	-	0,06	0,01	0,03	1,3	0,3	8,6	-	
2	То же, основа	747-14	0,06	0,0	-	-	0,01	0,02	0,01	2,9	0,2	27	-	+Au
3	Заклепка	747-15	0,05	0,2	0,1	-	0,01	0,02	0,04	0,4	0,4	0,2	-	от накл.
4	Штифт	747-16	0,05	0,1	0,03	-	0,01	0,02	0,03	0,9	0,1	1,6	0,1	от закл. Au
5	Накладка	747-17	0,06	0,0	0,02	-	0,1	0,01	0,03	0,5	0,2	10	0,07	
6	Штифт	747-18	0,05	0,1	0,04	-	2,5	0,01	0,04	0,4	0,3	1,5	-	от накл.
7	Пуговица	747-19	0,03	0,1	0,03	-	0,5	0,01	-	0,8	0,0	2,4	8,3	
8	То же	747-20	0,05	0,2	0,03	-	0,09	0,01	0,01	0,2	0,3	15	-	
9	То же	747-21	0,06	0,0	0,05	-	0,09	0,02	0,02	0,5	0,4	15	-	
10	Бубенчик	747-22	0,04	0,1	0,03	-	0,2	0,02	0,02	0,8	0,3	1,1	6,5	
11	Кольцо височное	747-23	0,05	0,1	0,03	-	0,1	0,02	0,2	0,7	0,1	0,2	13	
12	Заклепка узды	745-31	0,04	0,1	-	-	0,05	-	-	0,3	0,0	1,0	-	
13	Накладка-разделитель	745-32	0,01	0,0	-	-	0,02	0,02	-	2,4	0,0	-	-	
14	Подвеска-решма	745-33	0,1	0,0	-	-	0,09	-	-	0,5	0,0	2,3	-	+Au
15	Начельник	745-34	0,02	0,2	0,09	-	0,01	-	0,02	0,4	0,0	0,3	-	
16	Накладка	745-35	0,08	0,1	0,05	-	0,02	-	0,01	0,5	0,0	0,1	0,2	
17	То же	745-36	0,2	0,1	-	-	0,2	0,02	0,01	0,4	0,0	1,5	10	
18	То же	745-37	27	0,0	0,1	-	0,07	-	0,04	1,5	0,0	0,6	6,2	+Au
19	Заклепка	745-38	0,1	0,1	-	0,02	0,3	-	0,06	0,6	0,0	1,9	10	+Au
20	Налобник	745-39	0,02	0,2	0,04	-	0,02	-	-	0,4	0,0	-	-	
21	Аппликация седла	745-40	0,01	0,1	-	0,02	0,3	-	0,04	0,9	0,0	2,0	20	+Au
22	Наконечник	745-41	0,08	0,0	-	-	0,02	-	0,01	0,3	0,0	3,7	0,3	
23	Бубенчик	745-42	0,2	0,1	-	-	0,05	-	-	1,4	0,0	4,0	-	
24	Кольцо	745-43	-	0,0	-	-	0,03	-	-	0,5	0,0	0,4	7,7	+Au
25	Бубенчик	745-44	0,01	0,1	-	0,02	0,4	-	0,03	0,7	0,0	5,9	5,0	9,0мг
26	Пуговица	745-45	0,08	0,0	-	0,01	0,1	-	0,02	1,1	0,0	1,2	19	
27	Бубенчик	745-46	0,03	0,1	-	-	0,4	-	0,01	1,4	0,0	1,4	0,1	
28	То же	745-47	0,01	0,0	-	-	0,02	-	0,02	0,9	0,2	3,7	-	
29	Налобник	745-48	0,02	0,0	-	-	0,01	-	-	0,2	0,0	0,2	-	
30	То же	745-49	0,02	0,1	-	-	-	-	-	0,4	0,0	-	-	
31	Налобник	745-50	0,01	0,1	-	-	0,01	-	-	0,3	0,02	-	-	
32	Пуговица	745-51	0,04	0,08	-	-	0,03	-	-	0,2	0,01	0,1	0,5	+Au
33	Пластика	745-52	0,2	0,09	-	-	0,2	-	0,03	0,7	0,3	9,7	0,09	
34	Псалий	745-53	0,07	0,09	-	-	0,04	-	0,02	1,1	0,1	4,2	0,7	
35	Бляха	745-54	0,03	0,09	-	-	0,03	-	0,03	0,6	0,2	0,4	0,04	
36	Бубенчик-решма	745-55	0,01	0,1	-	-	0,02	-	0,02	0,4	0,04	0,4	-	
37	То же	745-56	0,05	0,08	-	-	0,01	-	0,04	0,6	0,2	5,6	-	
38	То же	746-12	0,04	0,08	-	-	-	0,01	0,01	0,6	0,08	0,7	-	

№ кол.	Категория изделия	Лабор. шифр	Ag	As	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	Прим.
39	Накладка	746-13	0,3	0,06	-	-	0,01	0,01	0,1	0,6	0,02	1,2	0,08	
40	Бубенчик	746-14	0,06	0,08	0,03	-	0,02	0,01	0,01	0,3	0,1	2,4	-	
41	Накладка-застежка	746-15	0,09	0,09	-	-	0,02	0,02	0,03	0,7	0,1	1,1	0,08	
42	Бубенчик-решма	746-16	0,2	0,06	-	-	-	0,01	0,08	1,0	0,2	0,4	-	
43	То же, тыльн. стор.	746-17	0,3	0,1	-	-	0,07	0,02	0,02	0,7	0,2	0,1	-	
44	То же, лиц. сторон.	746-18	0,08	0,2	-	-	0,04	0,01	-	0,4	0,1	0,7	-	+Au
45	Накладка	746-19	0,1	0,1	-	-	0,04	0,01	0,02	1,0	0,3	0,5	-	+Au
46	Диск	746-20	0,2	0,1	-	-	-	0,01	-	0,4	0,05	0,6	-	+Au
47	Деталь-скань	746-21	0,1	0,1	0,03	-	0,03	0,02	0,02	0,3	0,04	1,0	0,04	+Au
48	То же	746-22	0,4	0,1	-	-	0,05	0,01	0,01	0,4	0,06	13	0,2	+Au 8,0 мг
50	Бубенчик	746-23	0,2	0,2	0,05	-	0,3	0,01	0,01	11	0,6	12	-	
51	Накладка	746-24	0,2	0,07	-	-	0,07	0,02	0,02	4,0	0,2	1,6	-	
52	Штифт	746-25	0,2	0,08	-	-	0,4	0,02	0,05	1,5	0,3	3,4	1,6	
54	Бляшка	746-26	0,1	0,1	-	-	0,6	0,02	0,02	2,4	0,2	2,6	0,07	+Au
55	То же	746-27	0,1	0,08	-	-	-	0,01	0,02	0,6	0,1	1,2	0,1	
56	Кольцо удил	746-28	0,2	0,09	-	-	0,02	0,02	0,03	0,8	0,3	2,1	-	
57	Бубенчик, лиц. ст.	746-29	0,2	0,08	-	-	-	0,02	0,02	0,6	0,1	2,3	-	
58	То же, тыльн. ст.	746-30	0,2	0,06	-	-	-	0,01	0,02	1,0	0,2	0,2	-	
59	То же	746-31	0,2	0,1	-	-	-	0,01	-	0,2	0,04	0,2	-	
60	Накладка узды	746-32	0,3	0,05	0,04	-	0,07	-	-	осн.	0,06	7,2	0,06	Cu 23
61	То же	746-33	0,2	0,07	-	-	0,05	0,02	0,02	0,6	0,1	0,8	-	
62	Кольцо в 2 обор.	746-34	0,1	0,09	-	-	0,05	0,01	0,01	1,2	0,04	0,1	11	
63	Султанчик	746-35	0,3	0,07	-	-	0,04	0,01	0,02	0,4	0,2	3,8	-	
64	Накладка-застежка	746-36	0,4	0,08	-	-	0,5	0,01	0,02	1,5	0,2	2,3	0,1	+Au
65	Бляха	746-37	0,4	0,07	-	-	-	0,01	0,02	0,5	0,2	2,0	0,06	
66	Бубенчик	746-38	0,2	0,06	-	-	0,03	0,01	0,05	0,5	0,3	4,3	0,05	
67	То же	746-39	0,2	0,2	-	-	0,1	0,01	0,01	0,6	0,07	0,06	6,2	
68	Гвоздик-шляпка	746-40	осн.	0,05	0,09	-	0,1	0,02	-	8,6	0,02	15	-	Cu
69	Накладка-штифт	746-41	0,5	0,1	0,04	-	0,2	-	-	12	0,05	7,2	0,1	
70	Гвоздик-основа	746-42	0,5	-	0,07	-	0,06	0,01	-	осн.	0,02	8,8	-	Cu 1,2
71	То же-штифт	746-43	0,2	0,08	0,02	-	0,08	0,01	0,02	1,9	0,06	5,1	-	
72	То же-скорлупка	746-44	0,2	0,06	0,02	-	0,02	0,02	0,01	3,2	0,2	5,7	-	
74	Бляха	746-45	0,4	-	0,07	-	0,2	-	-	осн.	0,02	6,3	0,4	Cu 5,7
77	Бляшка	746-47	0,08	0,09	0,01	0,01	-	0,01	0,02	1,2	0,3	5,1	-	
78	Накладка	745-26	0,1	0,1	0,05	-	0,01	0,02	0,02	0,8	0,1	5,3	-	
83A	Бубенчик	759-19	0,08	0,2	-	-	0,1	0,03	0,02	0,8	0,08	1,5	-	
84A	Бубенчик	759-20	0,09	0,2	0,3	-	0,2	0,02	-	0,2	0,05	1,8	-	
85A	Кольцо	759-21	0,1	0,3	-	-	0,09	0,02	0,02	0,9	0,2	1,2	-	от бубен.
86A	Бубенчик	759-22	0,1	0,07	0,07	-	0,08	0,02	0,01	0,5	0,06	1,6	-	
87A	Подвеска	759-23	0,06	0,5	0,05	-	0,08	0,03	0,03	0,5	0,08	11	-	
88A	То же	759-24	0,06	0,5	-	-	0,06	0,02	0,05	2,0	0,08	13	-	
89A	Накладка	759-25	0,06	0,3	-	-	0,04	-	0,05	1,6	0,4	11	-	

№ кол.	Категория изделия	Лабор. шифр	Ag	As	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	Прим.
90A	То же	759-26	0,2	0,07	–	–	0,06	–	0,01	0,3	0,09	2,9	–	
91A	И-шайба	759-27	0,1	0,1	–	–	0,04	–	0,03	0,3	0,2	0,9	–	
92A	Бубенчик-верх	759-28	0,2	0,06	–	–	0,1	–	0,01	0,1	0,08	2,7	–	
93A	То же – низ	759-29	0,1	0,05	–	–	0,05	–	0,01	0,2	0,07	0,8	–	
94A	То же – вер	759-30	0,1	0,05	–	–	0,06	–	0,02	0,1	0,08	1,1	–	
95A	То же – низ	759-31	0,1	0,08	–	–	0,08	–	0,01	0,2	0,08	0,7	–	
96A	То же – верх	759-32	0,09	0,07	–	–	0,04	–	0,01	0,2	0,1	0,6	–	
97A	То же – низ	759-33	0,1	0,06	0,04	–	0,04	0,04	0,02	0,2	0,1	0,6	–	
98A	То же – верх	759-34	0,04	0,1	0,06	–	0,02	–	0,01	0,2	0,08	0,3	–	
99A	Бляха	759-35	0,1	0,06	–	–	0,03	–	0,01	3,8	0,06	7,6	0,06	
100A	Бляшка-скорлупка	759-36	0,2	–	–	–	0,05	–	–	40	0,04	19	–	Cu 13%
101A	скоба	759-37	0,09	0,2	–	–	0,02	–	0,04	0,5	0,1	0,8	–	от бляшки
102A	То же	759-38	0,1	0,06	–	–	0,08	–	0,03	0,5	0,08	0,6	0,1	То же
103A	шайба	759-39	0,2	0,06	–	–	0,04	–	0,02	0,6	0,1	0,3	0,07	
104A	То же	759-40	0,1	0,2	–	–	0,01	–	0,04	0,6	0,1	0,2	–	
105A	Грубочка	759-41	0,02	0,07	–	–	0,4	–	0,01	5,7	0,03	4,6	26	от султан.
106A	Бляха – верх	759-42	0,1	0,05	–	–	0,07	0,04	0,01	4,1	0,09	2,3	4,7	
107A	Заполнение	759-43	0,1	–	–	–	0,06	–	–	28	0,02	6,2	0,06	Cu 2,2%
108A	Заполнение	759-44	0,02	–	–	–	0,02	–	–	50	0,01	0,2	–	Cu 0,4%
109A	Скоба	759-45	0,1	0,1	–	–	0,1	–	0,04	0,4	0,09	0,3	0,1	от бляшки
110A	То же	759-46	0,2	0,08	–	–	0,2	–	0,02	0,3	0,09	0,4	0,1	от бляшки
111A	Шайба	759-47	0,1	–	–	–	0,2	–	0,01	0,2	0,06	0,3	0,1	
112A	Бляха	759-48	0,09	–	–	–	0,06	–	0,01	4,1	0,07	1,5	3,4	заполнение
113A	Заполнение	759-49	0,1	–	–	–	0,05	–	–	32	0,02	4,6	0,1	Cu 0,5%
114A	Скоба	759-50	0,1	0,06	–	–	0,1	–	0,02	0,3	0,06	0,4	0,1	от бляшки
115A	Бляшка	759-51	11	–	–	–	0,03	–	–	0,3	0,04	1,6	–	+Au
116A	То же	759-52	7,5	–	–	–	0,04	–	–	0,8	0,04	6,8	–	+Au
117A	То же	759-53	–	–	–	–	0,06	–	–	1,4	0,04	4,5	–	8,5мг. +Au
118A	«Навивка» стремени	761-46	–	–	–	–	0,6	–	0,01	1,0	0,03	0,9	11	проволоч.
119A	То же	761-47	0,01	0,07	–	–	2,0	–	0,3	1,8	–	1,4	13	
120A	То же	761-48	0,01	0,07	–	–	1,9	–	0,8	0,9	–	1,8	16	
121A	То же	761-49	0,01	0,07	–	–	2,0	–	0,2	1,1	0,02	2,0	11	

Примечания:

1. Во всех случаях, кроме анализа № 68 и свинцово-оловянных сплавов, медь – основа.
2. За значимые приняты содержания от 0,01%, для значений ниже 1% приводится одна значащая цифра, выше – две.
3. Проба № 49 не взята из-за малой навески – 2,5 мг.
4. Результаты анализов №№ 53, 73, 75 см. табл. 1

Правомерно и другое объяснение с учетом полученных результатов. В XI веке на больших пространствах Азии отчетливо проявился кризис, связанный с нехваткой металлов, прежде всего серебра и меди. Для выявления этих закономерностей и проверки гипотез требуется дальнейшее исследование.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Г.Г. Король

Декор украшений конского убора из могильников X–XIII вв. Северо-Восточного Причерноморья

Украшения конского убора из могильников X–XIII вв., рассмотренные и систематизированные выше в монографии, нередко имеют элементы художественной обработки. К ним можно отнести орнаментацию поверхности, декоративные вырезы на ней, художественное оформление концов или краев изделия. Для характеристики декора привлечены 264 изделия (мелкие фрагменты не учитывались), преимущественно из цветного металла. Это в основном детали сбруйной гарнитуры: бляшки-накладки разных форм – 160 экз. (60,6%), бубенцы разных форм и размеров – 57 экз. (21,6%), другие подвески – 16 экз. (6,1%); а также пуговицы – 10 экз. (3,8%), пряжки, в том числе одна железная – 7 экз. (2,6%), псалии – 4 экз. (1,5%), начельники – 4 экз. (1,5%). Остальные категории предметов представлены в одном экземпляре: застежка, конский налобник, обкладка рукояти ножа, зеркало, скульптурная фигурка животного (вероятно, также деталь конского убора), фрагмент неопределенного железного изделия.

Типология орнамента и декора рассмотренных изделий разработана, исходя из широкого понимания декоративного (орнаментального) искусства. Орнамент (закономерное – ритмическое, симметричное – украшение поверхности предмета) и декор (изобразительное украшение поверхности предмета, художественное оформление его формы) рассматриваются как неотъемлемые и взаимодополняющие друг друга части декоративного искусства. В основу типологии положены следующие основные признаки: отдельные ЭЛЕМЕНТЫ (изобразительные, а также орнаментальные как составные части мотива или художественного оформления формы предмета), МОТИВ – взаимосвязь этих элементов (повторяющаяся часть орнамента), КОМПОЗИЦИЯ – определенное расположение на поверхности предмета одного или нескольких мотивов (их ритмическая повторяемость или упорядоченное – симметричное – расположение). ТИП ОРНАМЕНТА – общность элементов, мотивов, сходных по составу и композиции (техника исполнения может быть разной). Типы отличаются устойчивостью, связаны с определенным материалом и категорией вещей.

Типология орнамента и декора

Тип I. Геометрический

Подтип 1. Прямолинейный.

Группа «а» – горизонтальные, вертикальные и косые углубленные линии (рис. 29: 1-3, 5; 35: 1, 2; 36: 3; 39: 1; 38: 1-Б, В; 43: 2).

Группа «б» – горизонтальные, вертикальные «валики», гладкие и с насечками (рис. 29: 1-2, 8-11; 30: 3; 35: 1, 2; 38: 5).

Группа «в» – многоугольные геометрические фигуры (рис. 47: 10).

Группа «г» – рифленные линии:

подгруппа «г1» – рифленый край изделия (рис. 45: 2, 6; 47: 5-7, 13);

подгруппа «г2» – рифленый ободок с отступом от края (рис. 47: 6, 12).

Подтип 2. Криволинейный.

Группа «а» – дугообразные, 8-образные линии, окружности, «плетенка» (рис. 29: 7; 30: 6-8; 37: 1, 2; 47: 11).

Группа «б» – «перлы» (рис. 31: 1, 4, 8; 37: 1, 2; 38: 1, 2; 42: 2; 43: 1).

Группа «в» – завитки, «рога барана» (рис. 44: 1; 47: 8).

Группа «г» – крестовидные фигуры (рис. 47: 4).

Группа «д» – каплевидные (подовальные) фигуры (рис. 37: 1; 38: 4; 39: 3).

Группа «е» – полусферы, подовальный рельеф, их сочетание:

подгруппа «е1» – полусферы на концах изделий или образуют форму (накладки) (рис. 34: 2, 3, 6; 39: 3);

подгруппа «е2» – сочетание полусфер и подовального рельефа образует форму (накладки) (рис. 34: 7, 8, 10);

подгруппа «е3» – симметричные подовальные рельефы (бубенцы) (рис. 30: 7).

Группа «ж» – фигурное оформление края предмета (рис. 32: 3; 47: 9).

Подтип 3. Геометрические розетки.

Группа «а» – круглые, вихревые (рис. 22; 5, 6 – шишечки псалиев; 34: 1; 36: 2).

Группа «б» – лепестковые (рис. 31: 5; 40: 2; 42: 1).

Тип II. Растительный

Подтип 1. Трилистники (рис. 38: 4, 5 – бляшки-заклепки).

Подтип 2. Пальметты.

Группа «а» – орнаментация поверхности (рис. 35: 3, 4; 37: 3, 4; 41 – элемент на втулке; 47: 10).

Группа «б» – фигурное оформление концов изделия (рис. 37: 5; 47: 9).

Подтип 3. Полупальметты.

Группа «а» – в составе «бегущей волны» (рис. 47: 13).

Группа «б» – завершение концов сложной композиции (рис. 41: 2, 3 – в медальоне).

Группа «в» – фигурное завершение концов изделия (рис. 47: 2, 3).

Тип III. Зооморфный

Подтип 1. Копытные животные.

Группа «а» – «стоящие» (рис. 43: 2; 48: 4).

Тип IV. Антропоморфный

Подтип 1. Женская фигура (рис. 41: 2, 3 – в медальоне).

Подтип 2. Мужская фигура (рис. 41: 2, 3 – в медальоне).

Отмечу некоторые особенности геометрического типа (I) представленной типологии. В прямолинейный подтип (1) включен простейший орнамент, в основе которого – прямая линия. Углубленные линии (группа «а») могут применяться как самостоя-

тельный орнамент, а также как способ оконтуривания «валиков» – выпуклого декора группы «б». Рифленные линии (группа «г») чаще всего повторяют форму предмета (по краю или с небольшим отступом от него), в итоге декор может выглядеть как криволинейный, если линия формы изогнутая, закругленная или какая-то фигурная, но все же в основу декорирования положена прямая линия, в данном случае подчиненная форме изделия. В криволинейный же подтип (2) включены изначально изогнутые линии и фигуры. «Перлы» – псевдозернь выделены в отдельную группу («б»). Сами по себе они – криволинейный элемент, но могут составлять и прямые, и кривые линии декора в зависимости от формы изделия. В группу «е» включен рельефный декор, который чаще всего является формообразующим для накладок и декоративным элементом – для бубенцов. Интересны геометрические розетки. Круглые составлены в основном из «перлов», вихревые представлены углубленными линиями, а лепестковые – формообразующая основа накладок и начельников.

Геометрический тип декора изученной коллекции украшений конского убора является абсолютно преобладающим – 95,1%. Внутри него криволинейные элементы и мотивы составляют 49,6%, прямолинейные – 34,5%, розетки – 15,9%. Растительный декор представлен на 12 изделиях (4,5%). Антропоморфный тип встречен в сочетании с растительным на одном изделии (начельник из погребения 5 Андреевской щели). Оба подтипа (женская и мужская фигуры) образуют сюжетную композицию. Сюжетные композиции – редкое явление в декоре рассматриваемых категорий предметов.

Необходимо отметить, что наиболее ярко декорированные изделия и в преобладающем количестве представлены в комплексах погребения 5 Андреевской щели под Анапой, кургана 5 Сапунского могильника под Новороссийском и могильника Потомственный. Первый и третий из них в основном включают в себя редкие типы декора – растительный, зооморфный и антропоморфный. Первым двум комплексам посвящены специальные работы [Армарчук, Новичихин, 2004; Армарчук, Дмитриев, Конькова, 2004; Король, 2004], поэтому здесь остановлюсь чуть подробнее на последнем, включающем 30 декорированных предметов. Материал из погребального комплекса могильника Потомственный на р. Пшада под Геленджиком – «образец роскошного, бронзового с позолотой убранства коня» [Крым, 2003, с. 218]. Оценивая орнамент и декор украшений конского убора из Потомственного, его нельзя назвать образцом роскошного и разнообразно орнаментированного. В то же время он дает отдельные образцы не встречавшихся в других изученных памятниках Северо-Восточного Причерноморья украшений.

К таковым относится в первую очередь уникальная объемная (из двух половинок) фигурка стоящей на прямых ногах лани с характерным поворотом головы назад, украшенная гравировкой в виде геометрического прямолинейного орнамента – рядных горизонтальных линий на шее и зигзагообразных на крупе, а также криволинейного – круга с точкой или малой окружностью в центре (на крупе). Таким же образом, но не сплошной, а прерывистой линией изображены глаза лани (рис. 43: 2; 48: 4). К геометрическому типу декора относится и «плетенка» с «перлами»-псевдозернью на ажурных накладках и подвесках (рис. 48: 1, 2; 50: 1). В материалах других памятников этот вид декора представлен в виде ленточной плетенки как способ соединения овальных медальонов (на начельнике из погребения 5 могильника Андреевская

щель), а также как декоративная форма седельной накладки-аппликации из этого же комплекса. На украшениях из Потомственного ленточная плетенка является самостоятельным видом декора, в том числе и формообразующим.

Интересен однотипный декор центральной части сплошных треугольных подвесок и тройника-распределителя (с тремя отверстиями для ремней) подтреугольной формы. Это три выходящие из одного центра округлой формы очень стилизованные (их можно принять и за трилистники, и за пиковидные листья) трехлепестковые пальметты (*вариант 1*), с вытянутым ланцетовидным центральным бутон-«лепестком» (рис. 37: 3, 4). Декоративное оформление концов тройника также выполнено в виде пальметт с треугольным (иногда со скругленной вершиной) центральным бутон-«лепестком» (рис. 37: 5). К этому же виду декора можно отнести пятилепестковые пальметты (*вариант 2*) с геометризованным подтреугольно-ромбическим (вытянутый сверху неправильный ромб) центральным бутон-«лепестком» средней величины и отогнутыми книзу и закрученными внутрь лепестками околоцветника (чашечки), соразмерными с центральным бутон-«лепестком». Между бутон-«лепестком» и нижними лепестками расположены два удлинённых округлых лепестка. Так украшена лицевая сторона штампованных подвесок-бубенчиков(?) грушевидной формы (рис. 35: 3, 4; 48: 3). Другие декорированные предметы (бубенчики, накладки, основание начельника) этого комплекса немногочисленны и украшены в основном геометрическим орнаментом (гравированным и в виде «перлов»-псевдозерни) (рис. 29: 5, 7; 31: 8, 9; 35: 3, 4; 37: 1, 2).

Говоря в целом об особенностях структуры декора украшений конского убора из могильников X–XIII вв. Северо-Восточного Причерноморья, еще раз подчеркну абсолютное преобладание геометрического типа орнамента и декора, представленного в основном простейшими элементами и мотивами. Можно отметить характерную для того времени распространенность псевдозерни, в том числе в виде окантовки, для подчеркивания формы предмета. Растительный декор представлен, как уже говорилось, фактически единичными экземплярами. Мотивы его элементарны и мало разработаны (с минимальным числом вариантов). Тем более примечательно, что подтип пальметт представлен тремя разными вариантами. Два описаны выше, к *варианту 2* можно добавить и формообразующую трехлепестковую пальметту с теми же характерными особенностями, представленную на т.н. «крылатой бляхе» – ажурном украшении в виде симметричных полупальметт из могильника Андреевская щель (рис. 47: 9). *Вариант 3* – это трехлепестковая пальметта с крупным остролистным центральным бутон-«лепестком» и мелкими, чуть отогнутыми книзу лепестками околоцветника на втулке начельника из того же погребения. Пальметты разнообразных вариантов можно увидеть в элементах декора убранства коня, оружия, бытовых металлических предметов, найденных в двух памятниках Северного Кавказа X–XII вв., известных обилием погребального инвентаря, в том числе высокохудожественных образцов изделий из цветного металла, – могильников Змейский в Северной Осетии и Колосовка в Закубанье (Адыгея). Но точных аналогий выделенным трем вариантам среди них нет. Условно близкой аналогией варианту 2 можно назвать пятилепестковую пальметту на оковках ножен сабли из катакомбы 9 Змейского могильника [Кузнецов, 1961, с. 112, табл. IV, 2]. Также условной аналогией варианту 1 можно считать фигуру из трех пиковидных листьев, выходящих из одного центра, на бронзо-

вой игольнице из Колосовского могильника [Ловпаче, 1980, с. 193, табл. V (второй снизу ряд растительных элементов, крайняя правая фигура; предельно стилизованный вариант – в центре этого же ряда)].

Отмечу, что в декоре художественно обработанного металла из могильников Змейский и Колосовка, а также начельника из Кужорской представлен широкий спектр зооморфных изображений. Среди них есть и изображения копытных (в том числе лани), и хищных животных с характерным поворотом головы назад. Но поза и положение ног иные, передающие движущееся, а не статично стоящее животное (лань из Потомственного). Другие скульптурные объемные зооморфные фигурки нам не известны. Но надо помнить, что есть примеры антропоморфных фигур, служащих навершиями начельников (Змейский, Колосовка). Изображения копытных животных (движущихся, лежащих), в том числе с поворотом головы назад, характерны для средневековой тюрретики Востока (Ирана и Средней Азии).

Проведенный анализ всего массива декорированных украшений конского убора X–XIII вв. из Северо-Восточного Причерноморья показал следующее.

1. Абсолютное преобладание геометрического (прямолинейного и криволинейного) орнамента и декора простейших форм.

2. Другие типы декора (растительный, зооморфный, антропоморфный) представлены отдельными экземплярами, но с характерными для своего времени элементами, по которым можно выявить направления влияний на искусство металлопластики, известной в этом микрорегионе. Наиболее концентрированно такие элементы представлены в декоре начельников из погребения 5 в Андреевской щели и кургана 5 могильника Сапун [подробно о декоре этих предметов см.: Король, 2004]. К ним можно добавить фигурку лани и пятилепестковую пальметту в декоре подвески из могильника Потомственный под Геленджиком (таблица 1).

Таблица 1. Маркирующие элементы декора и выявленные аналогии

Элементы декора	Северный Кавказ	Мусульманский Восток	Византия
Копытное животное с поворотом головы назад	+	+	+ (восточное влияние)
Пятилепестковая пальметта	+	+	+
Остролистная полупальметка	+	+	–
Медальоны	+	+	+
Плетенка	+	+	+
Фигурная композиция (изображение людей)	+	+	+
Поза мужчины	+	+	+
Иконография (примитивизм)	+	–	+ (провинции)
Поза женщины	–	+	–
Иконография (самобытность)	–	–	–
Кисти рук	+	+	+
«Елочка»	+	+	+
Ажурная полусфера из петель	–	+	? (с нач. XIII в. есть в Крыму)

3. В художественном отношении весь массив изученных декорированных предметов, в том числе и наиболее яркие образцы, можно отнести к северо-западному варианту круга позднеаланских древностей, связанному с местным населением и компонентом материальной культуры. Важно, что это – продукт творчества, вероятно, мастеров Северного Кавказа, работавших в производственных центрах Закубанья или Западной Алании. В нем, с одной стороны, использован определенный набор декоративно-орнаментальных элементов, который абсолютно соответствовал времени и стилю декоративного искусства крупных государств того времени, диктовавших «моду» ближайшим соседям. С другой стороны, рассмотренные образцы нередко представляют собой самобытные произведения, что особенно ярко проявлено в иконографии персонажей на начельнике из погребения 5 Андреевской щели и пластическом решении навершия из кургана 5 могильника Сапун и фигурки лани из Потомственнго.

Трудно сказать, какой именно из предполагаемых производственных центров Северного Кавказа снабжал воинов-всадников, обитавших на северо-восточном побережье Черного моря. Декорированные изделия из цветного металла имеют аналоги как в Колосовке (Закубанье), так и в Змейской (Западная Алания). Это может быть свидетельством экономических связей между разными районами Северного Кавказа. Возможно, имеет значение и территориальная близость прибрежных памятников к Таманскому полуострову с крупным городом Тмутараканью, который был торговым и ремесленным центром и в хазарский период, и в последующее время. Исследователи отмечают тесную связь северокавказских алан с Тмутараканью в XI в., полагая, что в городе жили и богатые воины-всадники [Крым, 2003, с. 179]. Жители северо-восточного побережья Черного моря, вероятно, имели возможность получать необходимые детали конского убора именно через этот крупный торговый центр, куда могли стекаться изделия из разных производственных центров Северного Кавказа, а также привозные изделия из Византии. Теоретически в условиях города могли работать и свои мастера, выполнявшие заказы на подобный товар, ориентируясь на продукцию северокавказских центров (этим может объясняться вариативность пальметт всего на нескольких предметах, хотя возможны и хронологические отличия).

В заключение отмечу некоторые элементы рассматриваемого декора, имеющие аналоги в традиционном орнаменте народов Кавказа и Дагестана. Они представлены в таблице 2. Добавлю, что стилизованный (геометрических форм) центральный бутон среднего размера в пальметтах (*вариант 2*) хорошо известен в прикладном искусстве почти всех народов Северного Кавказа, кроме осетин. Для последних характерен удлиненный ланцетовидный бутон (*вариант 1*).

Семантике декора наиболее ярких украшений конского убора – начельников из Андреевской щели и могильника Сапун – посвящено специальное исследование [Король, 2005]. Отмечена солярная символика второго начельника. К этому добавлю, что фигурка «золотой» лани, которая могла быть навершием начельника (или украшением крупа коня?) также имеет свою семантику. Она может быть связана с общим для индоевропейской культурной традиции явлением – конь или олень (возможно, лань) были символом Солнца. Кроме того, солнце страны мертвых играет особую роль в представлениях о потустороннем мире, известных по материалам осетинского фольклора. В фольклорно-эпической традиции северокавказских народов, наиболее

Таблица 2. Элементы декора и выявленные аналогии в орнаменте народов Северного Кавказа и Дагестана

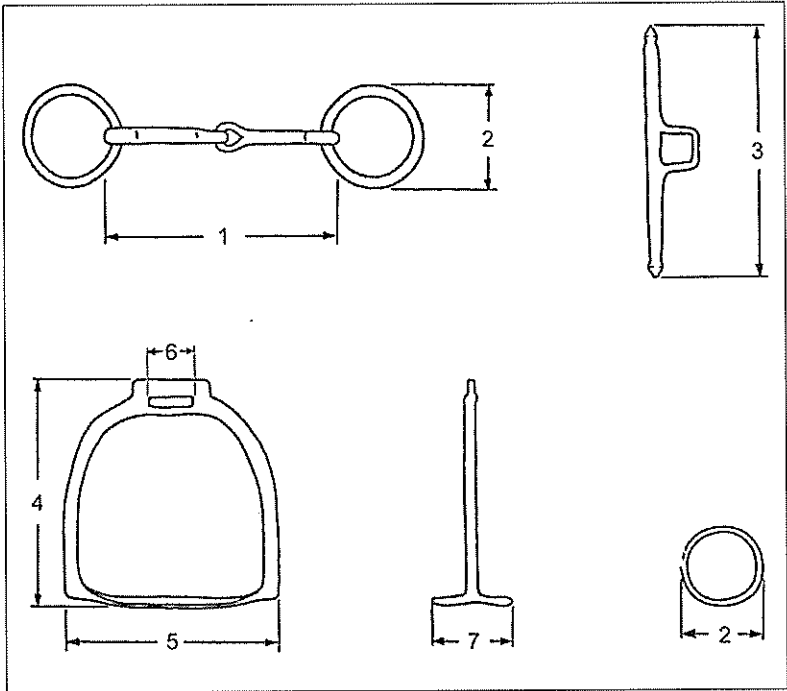
Элементы декора	Адыги	Карачаевцы, балкарцы	Кабардинцы, черкесы	Осетины	Чеченцы, ингуши	Народы Дагестана
Трехлепестковая пальметта с крупным центральным лепестком (<i>вариант 3</i>)	+	+	—	+	—	+
Оvalьные медальоны (соединены, в т.ч. плетенкой)	—	+	—	+	—	+
Ленточная плетенка, в т.ч. с круглыми петлями	+	+	+	+	+	+
Стилизованная полупальметта с вытянутым верхним листом	+	+	+	+	+	+

ярко представленной в нартском эпосе, также можно увидеть эти образы. Олени и лани упоминаются и как объекты охоты нарттов, и как волшебные (золотые – связь с солнцем) олень и лань. По частоте упоминания этих животных в эпосе олень занимает первое место. Как и в оленя, в лань перевоплощается дочь небожителя, она же – дочь Солнца в некоторых вариантах [подробнее см.: Кузнецов, 1980, с. 117, 118, 124]. Известны в эпосе и девы-воительницы. Исследователи рассматривают эти сюжеты как архаические, связанные с языческими тотемическими мифами, восходящими к скифскому времени. Возможно, украшение в виде фигурки лани было особого назначения: парадным (солнечная ипостась коня доблестного воина) или погребальным (конь-лань-солнце – проводник воина в страну мертвых). И как очень древний «охотничий» вариант – лань как символ «перевоплощения» в объект охоты – для успеха на охоте и в борьбе с врагами в целом. Но для обычного снаряжения это слишком роскошное и неудобное украшение. Даже при этом маловероятном варианте интерпретации фигурка имеет скорее ритуальное назначение и наверняка символический смысл, чем просто утилитарное. Замечу, что по наличию других предметов в комплексе могильника Потомственнго (обычных для женских погребений) его интерпретируют как женское с нехарактерным сопровождающим погребением коня. Семантика фигурки лани, основанная на фольклорно-эпической традиции северокавказских народов, может быть еще одним аргументом в пользу интерпретации комплекса как погребения «девы-воительницы» или члена семьи выдающихся воинов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

КАТАЛОГ
УДИЛ И СТРЕМЯН

из могильников северо-восточного Причерноморья X-XIII веков

Схемы промеров

- 1 – длина звеньев
- 2 – диаметр колец
- 3 – длина псалия
- 4 – высота стремени
- 5 – ширина стремени
- 6 – ширина путлищного отверстия
- 7 – ширина подножки стремени

№		Ком-плекс	Тип и размеры (в мм) уди				Тип и размеры (в мм) стремя				Место хранения и шифр	Примечания
			тип	длина звеньев	диаметр вставных колец	длина псалиев	тип	высота	ширина	ширина подножки		
Могильник Андреевская щель												
1		Кв.6-Г, шт.1	Б1-1а	>73							Анапский археологический музей-заповедник, КМ 10097/4	Представлены одним звеном
	1	Квадрат8-Д, шт.2					ИБ-1	150 (?)	40	17	Там же, КМ 10097/5	Слегка деформировано
	2	Квадрат2-Б, шт.2					ИБ-1				Там же, КМ 9883/52	Не измерялось
2		Подъемный материал	Б1-16	>80							Там же, ПМ 5582/11	Представлены одним звеном
3		То же	Б1-26	87, 81	47, 45						Там же, ПМ 5582/9, 10	Звенья не сцеплены
	3	То же					IA-3	160	?	27	Там же, КМ 8541/5	
	4	То же					IV-3	137	124	37	Там же, КМ 9883/5	
	5	То же					IV-3	>130	?	37	Там же, КМ 9883/6	Фрагментированное
	6	То же					III-2	140	142	56	Там же, АМ 1781 [А 793]	
4		Погр.5	Б1-26	76, 73	35, 35						Там же, КМ 10097/25	
	7	То же					IV-3	130	113	40	Там же, КМ 10097/522	
	8	То же					IV-3				Там же, ПМ 5774/31	Распалось из-за коррозии
	9	Подъемный материал					IV-4	>125	126	40	Там же, КМ 8541/6	Слегка деформированное
Могильник в урочище Макитра												
5		Кург.5 (?), л.	Б1-26	85, 83	50, 45						Государственный исторический музей, оп.348, №33616/70	Сильно корродированы
	10	То же					III-2	122	143		Там же, оп.348, №33616/84	Корродировано, края подножки обломаны
	10а	То же					?				Там же, хр.105/56а	Фрагментированное

№		Ком-плекс	Тип и размеры (в мм) удили				Тип и размеры (в мм) стремян					Место хранения и шифр	Примечания	
			тип	длина звеньев	диаметр вставных колец	длина псалмов	тип	высота	ширина	ширина подложки	отверстие для путлица			
Могильник у Раевского городища														
6		Кург.1, л.	Б1-26	89, >90	60 (?)							Новороссийский государственный исторический музей-заповедник, б/н	Распались из-за коррозии	
	11	То же					IV-5	118	116	76		Там же	Сильно корродировано	
	12	То же					IV-5	114	124	>54	?	Там же	Подложка с обломками	

Могильник у Ногай-кале

7	Кург. 2, погр. 1	БІ-26	83, 80	88, 48						Государственный исторический музей, оп. 359, №82	
13	Кург. 2, погр. 2 (?)					IV-5	114	132	>40	Там же, оп. 359, №70	Сильно корродировано
14	То же					IV-4	125	140	45	Там же, оп. 359, №71	

Могильник у поселка Ленинский путь

8	Подъемный материал	БІ-3	90		18					Анапский археологический музей-заповедник, АМ 7174/3	Представлены одним звеном с псалмом
15	То же					ІА-1	225	124	35	Там же, АМ 7174/19	
16	То же					ІА-1	208	120	35	Там же, АМ 7174/3, ГА 2414	
17	То же					ІА-1	175	124	37	Там же, АМ 7174/20	
18	То же					ІІ-1	167	143	38	Там же, АМ 7174/22	
19	Кург. 4					IV-4	121	118	30	Там же, АМ 7201/1	
9	То же	БІ-2в	121, 104	65, 60					43	Там же, АМ 7201/3 [А-2453]	Звенья не сцеплены
19а	Случайная находка					IV-2а	147	140	32	Новороссийский государственный исторический музей-заповедник, б/н	Дужки декорированы плакировкой и чеканкой
19б	То же					IV-2а	150	141	33	Там же, б/н	То же

№	Ком-плекс	Тип и размеры (в мм) удили				Тип и размеры (в мм) стремян				Место хранения и шифр	Примечания	
		тип	длина звеньев	диаметр вставных колец	длина псалмов	тип	высота	ширина	ширина подложки			отверстие для пуглища
удила	стремена											

Могильник у Васильевка-4

13	Кург. 1	БІ-26	88, 88	49, 47						Там же, б/н	
28	То же					ІІІ-1	118	135	>60	Там же, б/н	Край подложки обломан
29	То же					ІІІ-1	122	128	62	Там же, б/н	То же

№		Ком-плекс	Тип и размеры (в мм) удила				Тип и размеры (в мм) стремян					Место хранения и шифр	Примечания	
удила	стремена		тип	длина звеньев	диаметр вставных колец	длина псалнев	тип	высота	ширина	ширина подножки	отверстие для пуглища			
Могильник Цемдолинский на пашне														
	30	Погр.5					IV-3	145	150	>50	30	Новороссийский государственный исторический музей-заповедник, коллекция НМ 8622	Край подножки загнут	
	31	То же					IV-4	133	118	>22	33	То же	Край подножки обломан	
14		Погр.14 (с 2-мя лошади-ми)	BI-26	91, 78	40, 35							То же		
	32	То же					IV-4	128	149	48	32	То же		
	33	То же					IV-5			64		То же	Дужка вверху обло-мана, деформировано	
15		То же	BI-26	78, 76	33, 32							То же		
	34	То же					IV-3	141	168	56	40	То же		
	35						IV-5			50		То же	Дужка вверху обло-мана, деформировано	
16		Погр.16	BI-26	90, 75	50, 50							То же		
	36	То же					IV-1	131	129	46	34	То же		
	37	То же					IV-1	133	140	46	30	То же		
17		Погр.18	BI-26	75, 73	36, 33							То же, №389		
	38	То же					IV-3	120	145	48	25	То же, №387	Погнуто вверху	
	39	То же					IV-3	141	147	50	26	То же, №388	На боку дужки насечки	
	40	Погр.20					IV-5	100	114	55	34	Там же, коллекция НМ 8622		

№ удила		Ком- плекс	Тип и размеры (в мм) удила				Тип и размеры (в мм) стремян				Место хранения и шифр	Примечания	
			тип	длина звеньев	диаметр вставных колец	длина псалиев	тип	высота	ширина	ширина подножки			отверстие для путлища
Могильник Цемдолинский на пашне													
18		Погр.21	БІ-26	93, 90	47, 47						Новороссийский государственный исторический музей-заповедник, коллекция НМ 8622		
	41	То же					IV-5	117	137	50	35	То же	
	42	То же					IV-5			48	32	То же	Деформировано
	43	Погр.28					IV-5	129	144	63	36	То же	
	44	То же					IV-5			>42	36	То же	Края подножки обло- маны, деформировано
	45	Погр.29					IV-4	120			28	То же	Подножка сломана
	46	Погр.31					IV-2а	142	154	38	30	То же	
19		Погр.33	БІ-2а		33, 28	88, 88						То же	Представлены обломками
	47	То же					IV-3	138	136	30	28	То же	
	48	То же					IV-3	136	144	38	32		
	49	Погр.44					IV-1 (?)					То же	Представлено обломками
20		Погр.46	БІ-26	85, 83	38, 36							То же	Представлены обломками
	50	То же					IV-3	136	130	44	28	То же	
	51	То же					IV-3	134	146	34	34	То же	

№		Ком-плекс	Тип и размеры (в мм) удила					Тип и размеры (в мм) стремян					Место хранения и шифр	Примечания	
удила	стремена		тип	длина звеньев	диаметр вставных колец	длина псалиев	тип	высота	ширина	ширина подножки	отверстие для пуглища				
Могильник Цемдолинский курганный															
	52	Кург.2					IV-3	133	147	37	27	Новороссийский государственный исторический музей-заповедник, НМ 9314/№39			
21		Кург.3, л.	БІ-26		28, 28							Там же, НМ 9314/№44, 51			Представлены обломками
	53	Кург.3, л.					IV-1	142	131	39	26	Там же, НМ 9314/№42			
	54	То же					IV-1	134	139	37	35	Там же, НМ 9314/№43			
22		Кург.4, л.1	БІ-26	94, 90	29, 28							Там же, НМ 9314/140			
	55	То же					IV-3	135	135	31	27	Там же, НМ 9314/№138			
	56	То же					IV-2a	140	131	25	19	Там же, НМ 9314/№139			
23		Кург.4, л.2	БІ-26	68, 64	34, 33							Там же, НМ 9314/№166			
	57	То же					IV-5	116	145	41	30	Там же, НМ 9314/№164			
	58	То же					IV-5	112	134	42	29	Там же, НМ 9314/№165			
24		Кург.6, л.	БІ-26	66, 55	40, 38							Там же, НМ 9314/№202			
	59	То же					IV-3	131	134	37	30	Там же, НМ 9314/№201			
25		Кург.9, л.	?	90	35, 30							Там же, НМ 9314/№249, 250			Представлены обломками
	60	То же					IV-2a	138	130	28	20	Там же, НМ 9314/№242			

№		Ком-плекс	Тип и размеры (в мм) удила				Тип и размеры (в мм) стремян				Место хранения и шифр	Примечания	
			тип	длина звеньев	диаметр вставных колец	длина псалиев	тип	высота	ширина	ширина подножки			отверстие для пуглища
Могильник Цемдолинский курганный													
	61	Кург.9, л.					IV-2a	130	130	32	22	Новороссийский государственный исторический музей-заповедник, НМ 9314/№243	
26		Кург.14, л	BI-2a	87, 85	32, 31	88, 88						Там же, НМ 9314/№410	
	62	То же					IV-3	137	139	40	28	Там же, НМ 9314/№427	
	63	То же					IV-3					Там же, НМ 9314/№426	Не измерялось
Могильник Сапунский													
27		Кург.4, л.1	BI-26	80, 79	27, 26							Там же, НМ 6610/№10	
	64	То же					IV-4	129	140	53	40	Там же, НМ 6610/№8	
	65	То же					IV-4					Там же, НМ 6610/№9	Не измерялось
28		Кург.4, л.2	BI-26	84, 81	57, 57							Там же, НМ 6610/№47	
	66	То же					IV-4	122	125	>50	36	Там же, НМ 6610/№48	Край подножки обломан
29		Кург.5	BI-26	96, 78	37, 35							Там же, НМ 6610/№52	
	67	То же					IV-3	139	144	34	36	Там же, НМ 6610/№61	
	68	Кург.5					IV-3	135	142	34	27	Там же, НМ 6610/№60	

№		Ком- плекс	Тип и размеры (в мм) удил				Тип и размеры (в мм) стремян				Место хранения и шифр	Примечания	
			тип	длина звеньев	диаметр вставных колец	длина псалиев	тип	высота	ширина	ширина подножки			отверстие для путища
Могильник Сапунский													
30		Кург.12, л.	БІ-26	87, 74	38, 36							Новороссийский госу- дарственный исто- рический музей- заповедник, НМ 6610/№198	
	69	То же					IV-4	123	140	36	38	Там же, НМ 6610/№196	
	70	То же					IV-3	145	134	43	31	Там же, НМ 6610/№197	
31		Кург.14, л.	БІ-26	87, 80	70, 60							Там же, НМ 6610/№238	
	71	То же					IV-5	115	140	60	50	Там же, НМ 6610/ №237	
32		Кург.15, л.	БІ-26	76, 73	37, 35							Там же, НМ 6610/№255	
	72	То же					IV-5	120	140	60	42	Там же, НМ 6610/№256	
	73	То же					IV-5					Там же, НМ 6610/№257	Не измерялось
32а		Кург.18, л.	БІ-26		30, 30							Там же, НМ 6610/№299	
	74	То же					IV-3					Там же, НМ 6610/№300	Не измерялось
	75	То же					IV-3					Там же, НМ 6610/№301	Не измерялось
33		Кург.19, л.	БІ-26	85, 79	40, 37							Там же, НМ 6610/№316	
	76	То же					IV-3	132	145	30	25	Там же, НМ 6610/№315	
	77	То же					IV-3					Там же, НМ 6610/№314	Не измерялось

№		Ком- плекс	Тип и размеры (в мм) удила				Тип и размеры (в мм) стремля				Место хранения и шифр	Примечания		
			тип	длина звеньев	диаметр вставных колец	длина псалиев	тип	высота	ширина	ширина подножки			отверстие для путища	
Могильник Сапунский														
34		Кург.22. л.	БІ-26	98, 88	35, 33						Там же, НМ 6610/№391			
	78	То же					IV-3	123	132	34	30	Там же, НМ 6610/№390		
	79						IV-3					Там же, НМ 6610/№389		Не измерялось
35		Кург.25. л.	БІ-26	82, 76	62, 60							Там же, НМ 6610/№408		
	80	То же					III-1	113	123	>42	44	Там же, НМ 6610/№407		Края подножки обломаны
	81	То же					III-1					Там же, НМ 6610/№406		Не измерялось
Могильник Чайка														
36		Кург.1, л.1	БІ-26	89, 82	36, 33							Геленджикский краеведческий музей, ГКМ 7330-166		Звенья не сцелены
	82	Кург.1, л.1					III-1	130	140	>55	36	Там же, ГКМ 7330-155		Края подножки обломаны
	83	То же					III-1	131	142	67	39	Там же, ГКМ 7330-156		
37		Кург.1, л.2	БІ-26	80, 76	32, ?							Там же, А-7184 ГКМ		Сильно корродированы
	84	То же					IV-3					Там же, ГКМ 3389-34		То же. Подножка отсутствует
	85	То же					IV-3					Там же, ГКМ 3389-35		То же
38		Кург.3. л.	БІ-26	84, 84	38, 36							Там же, ГКМ 7330-183		Сильно корродированы
	86	То же					IV-3	120	120	33	29	Там же, ГКМ 7330-185, А-7204		То же
	87	То же					IV-3	110	130	45	33	Там же, ГКМ 7330-184, А-7203		Края подножки обломаны

№		Ком-плекс	Тип и размеры (в мм) удила				Тип и размеры (в мм) стремян					Место хранения и шифр	Примечания	
			тип	длина звеньев	диаметр вставных колец	длина псалнев	тип	высота	ширина	ширина подножки	отверстие для путлища			
Могильник Потомственный														
39		Погр.1	БІ-26	78, 75	36, 35							Геленджикский краеведческий музей, ГКМ 6331-273		
	88	То же					IV-4	125	124	34	22	Там же, ГКМ 6331-271, А-5629		
40		Погр.6	БІ-26	83, >73	43, 41							Там же, ГКМ 6424/76, А-5742	Внешняя петля одного звена отломана	
41		Погр.8, л.	БІ-26	85, 82	41, 38							Там же, ГКМ 6424/62		
	89	То же					IV-3	135	142	47	31	Там же, ГКМ 6424/107, А-5773		
	90	То же					IV-3	134	144	30	37	Там же, ГКМ 6424/107, А-5774		
42		Погр.10	БІ-26	73, 72	37, 34							Там же, ГКМ 6424/97, А-5810		
	91	То же					IV-4	120	141	50	37	Там же, ГКМ 6424/146, А-5812		
Могильник Борисовский курганный														
43		Кург.2, л.	БІ-26	73, 70	38, 35							Государственный Эрмитаж, коллекция 1108/№7		
	92	То же					IV-5	132	138	54	38	Там же, 1108/№8		
	93	То же					IV-5					Там же, 1108/№9	Не измерялось	
Могильник Кабардинка														
43а		Кург.3, л.	БІ-26	150 об-щая	35, 35							Геленджикский краеведческий музей		
	93а	То же					IV-3	140	155	42	25	Там же		
	93б	То же					IV-3					Там же	Не измерялось	

№		Ком-плекс	Тип и размеры (в мм) удила				Тип и размеры (в мм) стремян				Место хранения и шифр	Примечания	
			тип	длина звеньев	диаметр вставных колец	длина псалиев	тип	высота	ширина подножки	отверстие для путлища			
Местонахождение Архип-Осиповка, санаторий													
	94	Погр.1					IV-5	125	137	45	30	Геленджикский краеведческий музей, ГКМ 1189-1	Погребения разрушены при строительстве санатория
	95	То же					IV-5					Там же	Не измерялось
44		Погр.2	БІ-26	83, ?	34, 34							Там же, ГКМ 1190/5	Одно звено фрагментированное
	96	То же					IV-5	124	143	45	42	ГКМ 1190 А-2840	
	97	То же					IV-4	133	137	>33	28	Там же, ГКМ 1190/1 А-2840	Края подножки обломаны
Местонахождение Пляхо													
45		Случайная находка	БІ-26	95, 90	36, 33							Туапсинский историко-краеведческий музей, коллекция 1706, КП112-1706/3	Комплектность не восстанавливается
46		То же	БІ-26	89, 85	38, 36							То же	
	98	То же					IV-5	127	160	61	41	То же	
	99	То же					IV-5	126	155			То же	
	100	То же					III-1	120	128	50	40	То же	
	101	То же					III-1	127	129			То же	
Местонахождение Уроцище у хутора Грекомайский													
47		Случайная находка	АІ-1	130								Новороссийский государственный исторический музей-заповедник, б/н	Вставные кольца не сохранились
48		То же	БІ-26	86	85-80							То же	Представлены одним звеном
	102	То же					IV-26	143	134	38	15	То же	Со следами «витковой» инкрустации
	103	То же					IV-26	142	127	39	14	То же	То же
	104	То же					ІА-2	178	119	57		То же	Украшено гравировкой и просечкой

№		Ком-плекс	Тип и размеры (в мм) удил				Тип и размеры (в мм) стремян					Место хранения и шифр	Примечания	
удила	стремена		тип	длина звеньев	диаметр вставных колец	длина псалиев	тип	высота	ширина	ширина подножки	отверстие для пуговица			
Местонахождение Геленджик, ул. Некрасова, д. 3в														
49		Разрушен-ное погре-бение	БП-2а	99, 91	37-41; 68, 65							Геленджикский крае-ведческий музей, ГКМ 1840/7 А-3408	Одно малое вставное кольцо утеряно	
	105	То же					II-2	144	118	22	23	Там же, ГКМ 1840-8/2		
	106	То же					II-2	138	114	23	20	Там же, ГКМ 1840-8/1		
Местонахождение Дивноморское														
	107	Случай-ная наход-ка					IV-5	106	127	>52	48	Геленджикский крае-ведческий музей, ГКМ-77, А-2625	Края подножки обломаны	
Местонахождение Архип-Осиповка														
50		Разрушен-ное погре-бение в посёлке	БП-1	117, 106	45							Там же, ГКМ 1179/4	Одно вставное кольцо утеряно	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И. Стремена Перещепинского типа // СГЭ, XXXIX. Л. 1974.
- Аксенов В.С. Комплексы с конскими начальниками из Верхнесалтовского катакомбного могильника // Stratum plus. № 5. 2001–2002. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. 2003.
- Амброс А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VII вв.) // СА. №4. 1973.
- Амброс А.К. Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V–VIII вв. // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М. 1981.
- Армарчук Е.А. О половцах на Северо-Западном Кавказе // Поволжье в средние века. Нижний Новгород. 2001.
- Армарчук Е.А. Позднесредневековые погребения Борисовского могильника (раскопки В.В.Саханева 1912 г.) // КСИА. Вып. 217. 2004.
- Армарчук Е.А. Цветущие лотосы на холодном железе // Аргонавт. Черноморский исторический журнал. № 1. Новороссийск. 2005.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Курганные могильники // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М. 2003.
- Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир – Москва. 1997.
- Армарчук Е.А., Новичихин А.М. Украшения конской упряжи X–XII вв. из могильника «Андреевская щель» близ Анапы // КСИА. Вып. 216. 2004.
- Армарчук Е.А., Сорокина И.А. Богатое средневековое погребение воина-всадника в Западном Закубанье // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж. 2001.
- Армарчук и др. – Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., Конькова Л.В. Парадное конское оголовье из средневекового курганного погребения в Северо-Восточном Причерноморье // РА. № 2. 2004.
- Артамонов М.И. Саркел - Белая Вежа // МИА. № 62. М.-Л. 1958.
- Артамонова О.А. Могильник Саркела – Белой Вежи // МИА. № 109. М.-Л. 1963.
- Археологические работы – Археологические работы музеев в СССР за 1955–56 гг. // СА. № 4. 1957.
- Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола. 1973.
- Архипов Г.А. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья (Археология и этнография Марийского края. Вып. 8). Йошкар-Ола. 1984.
- Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII вв. (К этнокультурной истории Поволжья). Йошкар-Ола. 1986.
- Атавин А.Г. Средневековые кочевнические погребения с чучелами коней на Таманском полуострове // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж. 2001.
- Афанасьев Г.Е. Донские аланы. М. 1993а.

Афанасьев Г.Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах Донских алан // РА. № 4. 1993б.

Ахмедов И.Р. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань. 1995.

Ахмедов И.Р. Удила // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. 1996.

Ахмедов И.Р. Детали конского убора с зооморфным декором в гуннское и постгуннское время // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М. 2002.

Бараба - Бараба в тюркское время. Новосибирск. 1988.

Белорыбкин Г.Н. Аскизские следы в Сурско-Окском междуречье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань. 2000.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб. 2001.

Беляев А.С., Молодчикова И.О. Погребения кочевников на р. Орель // Археология. № 28. Київ. 1978.

Бисембаев А.А., Книсарин Б.А. Некоторые аспекты этнополитической истории Южного Приуралья и Западного Казахстана в VIII–XI веках // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск. 2000.

Блохин В.Г. и др. - Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып.3. 2003.

Боталов С., Костюков В. Кипчакские погребения XI–XII вв. в Южном Зауралье // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара. 1993.

Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Седло и стремя // СЭ. № 6. 1984.

Веремейчик О. Дружинні старожитності з поселення Ліскове // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–X ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару. Чернівці. 2003.

Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж. 1998.

Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории, филологии и культуры. Москва – Магнитогорск. Вып. XII. 2002.

Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. Каталог выставки. Автор-составитель Т.А. Габуев. М. 2005.

Гаверилина Л.М. Сбруйные украшения у кочевников Восточной Европы X–XI вв. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста. 1987.

Гаверилина Л.М. Металлические украшения сбруи из кочевнического погребения X века в Нижнем Поволжье // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста. 1991.

Гаверилина Л.М. Бляхи-решмы в украшении узды у кочевников Восточной Европы X–XI веков // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара. 1993.

Гаверилова А.А. Могилы поздних кочевников у горы Суханихи на Енисее // СА. № 2. 1964.

Гаверилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л. 1965.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Древности и памятники VIII–IX веков // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М. 2003.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб. 1994.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа. 2001.

Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. Пенза. 2001.

Грабар А. Император в византийском искусстве. М. 2000.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА. № 48. М.-Л. 1956.

Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок. Л. 1981.

Данилов В.В. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М. 1991.

Денисова М.М. «Конюшенная казна». Парадное конское убранство XVI–XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М. 1954.

Диенеш И. Некоторые выводы относительно конской сбруи венгров – завоевателей Родины // Archaeologiai Ertesito. Vol. 93, 2. Budapest. 1966.

Дитлер П.А. Могильники в районе пос. Колосовка на р. Фарс // СМАА. т. II. 1961.

Дитлер П.А. Могильник Колосовка №1 // ВВА. Вып. IV. 1985.

Дмитриев А.В. Отчет о раскопках могильника на ул. Днестровской в г. Новороссийске и обследовании Тонкого мыса в Геленджике // Архив ИА РАН. Р-1, № 7072. 1978.

Дмитриев А.В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. Вып. 158. 1979.

Дмитриев А.В. Отчет о исследовании памятников в зоне сооружения оросительных систем совхоза «Раевский» близ Новороссийска в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1, №10757. 1985а.

Дмитриев А.В. Отчет о исследовании средневековых памятников на трассе ЛЭП к заводу «Прибой» в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 10760. 1985б.

Дмитриев А.В. Отчет о исследовании памятников в зоне строительства ЛЭП завода «Прибой» и в зоне сооружения оросительных систем совхоза «Раевский» близ Новороссийска. 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 11598. 1986.

Дмитриев А.В. Отчет об археологических исследованиях в зоне оросительных систем совхоза «Раевский» и о разведках на территории Натухаевского и Раевского сельсоветов и Новороссийского мехлесхоза в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 12836–12837. 1987.

Дмитриев А.В. Отчёт о исследовании части средневекового курганного могильника на территории базы отдыха «Чайка» в с. Криница г. Геленджика в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 20092. 1997.

Дмитриев А.В. Отчёт о исследовании курганного могильника в с. Цемдолина г. Новороссийска Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1, № 21694–21695. 1998.

Дмитриев А.В. Отчет о детальном археологическом обследовании участка строящейся подъездной дороги от шоссе Новороссийск – Южная Озереевка (у памятного знака КТК) к площадке морских сооружений. Новороссийск // Архив НГИАМЗ. 1999а.

Дмитриев А.В. Отчет об археологических раскопках курганного могильника-4 на территории резервуарного парка Каспийского трубопроводного консорциума у с. Васильевка близ Новороссийска. 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23169. 19996.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М. 2003.

Дружинина и др. – Дружинина И.А., Кочкаров У.Ю., Чхаидзе В.Н., Раскопки средневековых курганов на реке Абин // АО 2003 г. 2004.

Дружинина и др. – Дружинина И.А., Кочкаров У.Ю., Чхаидзе В.Н., Изучение средневековых курганов в долине реки Абин // АО 2004 г. 2005.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. № 2. 1957.

Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // РА. № 1. 2000.

Ефремов С.А. Снаряжение верхового коня у алтайских кочевников 1 пол. II тыс. н.э. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул. 1998.

Завьялов В.И. Археометаллографические исследования железных предметов из могильника у аула Ленинхабль (Адыгея) // КСИА. Вып. 216. 2004.

Загорюльский Э.М. Вицинский замок XII–XIII вв. Минск. 2004.

Захаров П.Е., Яворская Л.В. Памятники золотоордынского времени у села Нижняя Добринка // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград. 2003.

Зеленский Ю.В., Типология сопроводительного инвентаря из половецких погребений степного Прикубанья и Восточного Закубанья // Древности Кубани. Вып. 13. Краснодар. 1998а.

Зеленский Ю.В. К хронологии половецких погребений степного Прикубанья и Восточного Закубанья // Древности Кубани. Вып. 19. Краснодар. 1998б.

Зеленский Ю.В., Каминская И.В. Позднекочевническое погребение из Прикубанья // Музейный вестник. Краснодар. Вып. I. 1993.

Золотые олени Евразии. СПб. 2003.

Иванов В.А. Погребения кипчаков в бассейне р.Урал // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа. 1984.

Иванов В.А., Кригер, В.А. Курганы кипчацкого времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). Уфа. 1988.

Искусство – Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. М. Вып. 2. 1977.

История – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М. 1988.

Йотов В. Въръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век). Книгоиздателство Зограф. (Без места издательства). 2004.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань. 1991.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М. 1992.

Казаков Е.П. Об этнокультурных компонентах народов Восточной Европы в Волжской Булгарии (по археологическим материалам) // ТА. № 1. 1997.

Казаков Е.П. О тюркских инновациях в культуре волжских болгар (по археологическим материалам) // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань. 2000.

Каминский В.Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. 1987. № 4.

Каминский В.Н. Снаряжение всадников аланской культуры Северного Кавказа // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. ТД. Донецк. 1989.

Каминский В.Н. Конская узда у алан Северного Кавказа // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. ТД. Ставрополь. 1990.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ. Л. Вып. ЕИ-36. 1973.

Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Археология СССР: Древняя Русь. Город, замок, село. М. 1985.

Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. СПб. 2001.

Ковалевская В.Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. 1978.

Ковалевская В.Б. Северный Кавказ в X–XIII вв. // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М. 1981.

Ковалевская В.Б. Наконечники ремней поясных наборов дружинников Евразии V–IX вв. // Компьютерная обработка массового археологического материала из ранне-средневековых памятников Евразии. М. 2000а.

Ковалевская В.Б. Ременные накладки поясных наборов дружинников Евразии V–IX вв. // Компьютерная обработка массового археологического материала из ранне-средневековых памятников Евразии. М. 2000б.

Коваленко В.П., Ситий Ю.М. «Свої погани» чернігівських князів // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Київ. 2004.

Кокорина Н.А. Некоторые находки «аскизского» круга на болгарских памятниках и их датировка // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань. 2000.

Конькова Л.В. Состав металла и технология изготовления украшений конской сбруи из могильника «Андреевская щель» // КСИА. Вып. 216. 2004.

Конь и всадник – Конь и всадник. Взгляд сквозь века. (Буклет к выставке). М. 2003.

Король Г.Г. Два предмета-украшения конского убора XI–XIII вв. из Северо-Восточного Причерноморья (особенности декора) // РА. № 2. 2004.

Король Г.Г. Семантика уникального декора предметов конской упряжи XI–XIII вв. из Северо-Восточного Причерноморья // ЭО. № 5. 2005.

Кочкаров У.Ю. Позднеполовецкие погребения всадников в Краснодарском крае // КСИА. Вып. 217. 2004.

Кригер В.А. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара. 1993.

Крупнов Е.И. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа // КСИИМК. Вып. 78. 1960.

Крыганов А.В. Восточноевропейские кочевнические стремена второй половины VII–X вв. // Вестник Харьковского университета. Вып. 23, №343, серия «История». Харьков. 1989.

Крым – Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М. 2003.

Кубышев А.И., Орлов Р.С. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. № 1. 1982.

Кузнецов В.А. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА. № 2. 1959.

Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // МАДИСО. Т.1. Орджоникидзе. 1961.

Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. МИА. № 106. М. 1962.

Кузнецов В.А. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // МИА. № 114. М. 1963.

Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе. 1971.

Кузнецов В.А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе. 1980.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе. 1984.

Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках. Феодалный город Алании. Ставрополь. 1993.

Кузнецов В.А. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы: история и культура. Владикавказ. 1995.

Куликаускаене Р.К. Погребения с конями у древних литовцев // СА. XVII. 1953.

Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. САИ. Вып. Г1-9. М. 1990.

Кулаков В.И. Зооморфные роговые навершия эпохи викингов в Пруссии и на Руси // КСИА. № 216. 2004.

Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. Вып. XLI. М. 1951.

Кызласов И.Л. О происхождении стремян // СА. № 3. 1973.

Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М. 1981.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV веков. САИ. Вып. ЕЗ-18. М. 1983.

Кызласов И.Л. Успехи в изучении древнехакасских изделий, найденных на Руси и в Поволжье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань. 2000.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М. 1969.

Кызласов Л.Р. Тютятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М. 1981.

Ларенок П.А. Отчет об охранных археологических раскопках кургана №1 могильника «Северный II» в г. Таганроге Ростовской области в 2004. // Архив ИА РАН. (на оформлении). Ростов-на-Дону. 2004.

Левашова В.П. Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. Вып. 24. М. 1952.

Левашова В.П. Белореченские курганы // Труды ГИМ. Вып. XXIII. М. 1953.

Литовское народное искусство. Украшения древних литовцев. Кн. II. Вильнюс. 1966.

Ловпаче Н.Г. Художественная обработка металла у адыгов (X–XIII вв.) // Культура и быт адыгов (Этнографические исследования). Вып. II. Майкоп. 1978.

Ловпаче Н.Г. Изображение зверей в торевтике адыгов // Культура и быт адыгов (Этнографические исследования). Вып. III. Майкоп. 1980.

Ловпаче Н.Г. Отчет об археологической экспедиции Адыгейского НИИ за 1982, 1983 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10918. 1983.

Ловпаче Н.Г. Могильник в устье реки Псекупса // ВБА. Вып. IV. 1985.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. № 62. М.-Л. 1958.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М. 1977.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М. 1981.

Макарова Т.И., Плетнева С.А. К вопросу о растительном орнаменте в металлопластике Хазарского каганата // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М. 2002.

Мартыанов В.Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас. 2001.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М. 1971.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской луке. Самара. 1997.

Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. М. 1959.

Минаева Т.М. К вопросу о половецях на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Вып. 11. Ставрополь. 1964.

Мишуков Ф.Я. Золотая насечка и инкрустация на древнем вооружении // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М. 1954.

Могильников В.А. Тюрки // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М. 1981а.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М. 1981б.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М. 1981в.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. 1987.

Могильников В.А., Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. 2002.

Мурашева В.В. Древнерусские ремешковые наборные украшения (X–XIII вв.). М. 2000.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул. 1998.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М. 2000.

Недошивина Н.Г. Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимеревского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М. 1991.

Новичихин А.М. Отчет об охранных раскопках средневекового могильника Андреевская щель и археологических разведках в окрестностях с. Су-Псех и с. Чембурка

- Анапского района Краснодарского края в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16258. 1992.
- Новичихин А.М. Исследование средневекового могильника Андреевская щель в 1991 и 1992 гг. // Вторая Кубанская археологическая конференция: Тезисы докладов. Краснодар. 1993.
- Новичихин А.М. Вторичное использование античных монет на средневековом могильнике Андреевская щель // Древности Кубани. Материалы семинара, посвященного 85-летию Никиты Владимировича Анфимова. Краснодар. 1997.
- Новичихин А.М. Итоги работ археологического отряда Анапского музея в 1991–1995 гг. // Древности Кубани. Апрель. Краснодар. 1998.
- Носкова Л.М. Отчет о работе Приморского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15175. 1991.
- Носкова Л.М. Исследования средневековых курганов в пос. Кабардинка // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск. 1992.
- Носкова Л.М. Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинахабль в Адыгее // Материальная культура Востока. М. 1999.
- Носкова Л.М. К вопросу об этническом составе Среднего Закубанья в эпоху раннего средневековья // Материальная культура Востока. Вып. 3. М. 2002.
- Овчаров Д. Болгарски средневековни рисунки – графити. София. 1982.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. 1987.
- Орлов Р.С. Південноруський центр художньої металообробки X ст. // Археологія. № 44. Київ. 1983.
- Орлов Р.С. Північнопричорноморський центр художньої металообробки у X–XI ст. // Археологія. № 47. Київ. 1984.
- Орлов Р.С., Ключинцев В.Н. Новый памятник средневекового художественного ремесла кочевников // Археологія. № 27. Київ. 1978.
- ОАК за 1894 г. СПб. 1896.
- ОАК за 1895 г. СПб. 1897.
- ОАК за 1912 г. СПб. 1916.
- ОАК за 1913–1915 годы. СПб. 1918.
- Петербургский и др. – Петербургский И.М., Дивлишов А.В., Охотина Т.Н., Се-
дышев О.В. Степановский могильник // Поволжье и сопредельные территории в сред-
ние века. М. 2002.
- Петровский В.А. Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древ-
ности Таврики (Сборник материалов по церковной археологии). Киев. 2002.
- Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. М. 1958.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. МИА. № 142. М. 1967.
- Плетнева С.А. Древности черных клобуков. САИ. Вып. Е1-19. М. 1973.
- Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М. 1981.
- Плетнева С.А. Глиняный ритон из Корчева и бронзовая личина из Тмутаракани // СА. № 1. 1987.
- Плетнева С.А. На славянско-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М. 1989.

- Плетнева С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону. М. 1990.
- Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». Воронеж. 1996.
- Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань. 1996.
- Пшеничнюк А.Х. Курганы средневековых кочевников на Южном Урале // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа. 1984.
- Пьянков А.В. Отчет о раскопках девяти курганов у г. Абинска Краснодарского края в 1986 г. Краснодар // Архив ИА РАН. Р-1. № 11616. 1987.
- Пьянков А.В. Отчет о раскопках курганов в урочище Циплиевский кут в Абинском районе Краснодарского края в 1988 г. Краснодар // Архив ИА РАН. Р-1. № 13448, 13451. 1989.
- Пьянков А.В. Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар. 1993.
- Пьянков А.В. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея. Вып. 3. Абинск. 2000.
- Пьянков А.В. Раннесредневековый могильник у п. Ленинский Путь // Третья кубанская археологическая конференция. Краснодар – Анапа. 2001.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Воинский комплекс 25 из Молдовановского могильника (Раскопки 1989 г.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир. 2004.
- Рашев Рашо. Конникът в старобългарското изкуство // Археология. Книга 2-3. София. 1984.
- Родина – Журнал «Родина». № 3–4. М. 1997.
- Ростунов В.В. Отчет о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе СО АССР в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11371. 1983.
- Руденко К.А. Могильник на острове «Песчаный» // ТА. № 1–2 (4–5). 1999.
- Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // ТА. № 1–2 (6–7). 2000а.
- Руденко К.А. Датировка находок «аскизского круга» в Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань. 2000б.
- Рунич А.П. Катакомбы Рим-горы // СА. № 2. 1970.
- Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. № 3. 1976.
- Савенко С.Н. 1 Конские захоронения на могильнике X–XII вв. н.э. Кольцо-Гора // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе. 1983.
- Савенко С.Н. Раскопки Мартан-Чуйского 1-го могильника в 1980 году // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный. 1985.
- Савенко С.Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе. 1986.
- Савенко С.Н. К проблеме участия угро-финнов в этнокультурных взаимодействиях населения Предкавказья в эпоху раннего средневековья // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. ТД. Кисловодск. 1994.

Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тыс. н.э.) // СЭ. № 1. 1977.

Савинов Д.Г. О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы – Москва. 1998.

Салов А.И. Материалы для археологической карты Анапского района // КСИА. Вып. 159. 1979.

Самоковасов Д.Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. М. 1916.

Сарапулкин В.А. Отчет о раскопках грунтового могильника у с. Мандрово Валуйского района Белгородской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №. 24763. 2002.

Саханев В.В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–12 гг. // ИАК. Вып. 56. Петроград. 1914.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. М. 1982.

Седов В.В. Изборск – протогород. М. 2002.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) // МИА. Вып. 65. М. 1959.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М. 1981.

Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Археология: Древняя Русь. Быт и культура. М. 1997а.

Седова М.В. Суздаль в X–XV веках. М. 1997б.

Семыкин Ю.А., Чёрная металлургия и металлообработка Волжской Булгарии (раннеболгарский и домонгольский периоды) // Автореферат дисс. на соиск. учёной степени кандидата исторических наук. М. 1997.

Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // МАК. Вып. II. М. 1889.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. Вып. 78. М. 1960.

Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб. 1909.

Смирнова М.Е. Отчет об охранных раскопках грунтового могильника Черепаново (Зеленоградский район Калининградской области) в 2003 г. М. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24766. 2004.

Сокровища Приобья – Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард – СПб. 2003.

Сорокин С.С. Железные изделия Саркела – Белой Вежи // МИА. № 75. М.-Л. 1959.

Сосранов Р.С. Захоронения коней на Змейском могильнике как показатель дружинной организации аланского общества в X–XII вв. // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе. 1986.

Степи Евразии. – Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М. 1981

Стрельченко М.Л. Вооружение адыгейских племен в X–XV веках (по материалам Убинского могильника) // Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Вып. I. Краснодар. 1960.

Сунгатов Ф.А. Отчет о раскопках в 2001 г. Каранаевского курганного могильника в Мечетлинском районе Республики Башкортостан. Уфа // Архив ИА РАН. (на оформлении). 2002.

Сунгатов Ф.А. Научный отчет о раскопках в 2003 г. Каранаевского могильника в Мечетлинском районе Республики Башкортостан. Уфа // Архив ИА РАН. Р-1. № 24767, 24768. 2004.

Тарабанов В.А. Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография. Традиции и современность. Ленинград. 1983.

Тарабанов В.А. Вооружение и снаряжение всадника VIII–X вв. в могильниках Казазово 1 и 2 // Первая Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар. 1989.

Тарабанов В.А. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдавановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989–90 годах. Ейск. 1992.

Тарабанов В.А. Кремационные погребения VIII–X вв. на территории Краснодарского края и их этническая принадлежность // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. ТД. Кисловодск. 1994.

Тарабанов В.А. Ингумационное погребение в Молдавановском кремационном могильнике (по раскопкам 1989 г.) // Древности Кубани. Материалы семинара, посвященного 85-летию Никиты Владимировича Анфимова. Краснодар. 1997.

Терехова и др. – Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачёва М.М. Очерки по истории железообработки в Восточной Европе. М. 1997.

Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата. 1987.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. 8. М. 1900.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. 1966.

Федотов Г.Я. Звонкая песнь металла. М. 1990.

Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. № 2. 1987.

Фидаров Р.Ф. Отчет по раскопкам Змейского могильника в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13721–13722. 1982.

Фидаров Р.Ф. Отчет о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе РСФСР в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17838, 17839. 1994.

Фидаров Р.Ф. Отчет о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе РСФСР в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18994, 18995. 1995.

Фидаров Р.Ф. Отчет о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе РСФСР в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24764. 2002.

Фидаров Р.Ф. Отчет о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе РСФСР-Алания в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24768, 24769. 2003.

Финно-угры – Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. 1987.

Флеров В.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М. 1984.

Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М. 2000.

Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII веков. СПб. 2001.

Фонякова Н.А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII-IX вв. // СА. № 3. 1986.

Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. № 2. 1976.

Хасиев С.А. О некоторых древних чеченских оберегах (к вопросу о пережитках первобытных культов у вайнахов) // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный. 1969.

Хорошев А.С. Седло начала XIII в. из Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 18. Материалы научной конференции. Новгород. 2004.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Реконструкция конского убранства древних тюрок Центрального Тянь-Шаня // РА. № 3. 1999.

Хузин Ф.Ш. Снаряжение всадника и верхового коня // Культура Биляра. М. 1985.

Хузин Ф.Ш. Древняя Казань в X - начале XIII в. (по материалам археологических исследований 1994-1998 гг.) // Археологическое изучение болгарских городов. Казань. 1999.

Швецов М.Л. Богатое кочевническое погребение из Донбасса // Археология. № 47. Київ. 1974.

Шестопалова Э.Ю. Отчет о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе РСФСР в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16813. 1995.

Шиготарова Т.Г. Типология наносных султанчиков (по материалам средневековых памятников Алтая) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск. 2000.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. № 60. М.-Л. 1959.

Шишов А.В. Отчет о раскопках некрополя у с. Южная Озереевка Новороссийского р-на Краснодарского края в 1995 г. Новороссийск // Архив ИА РАН. Р-1. № 19477-19481. 1996.

Шнайдитейн Е.В. Нашествие монголов и кочевники Нижнего Поволжья в XIII-XIV вв. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста. 1987.

Шнейдер Г.А. Основы художественной обработки металла. Минск. 1986.

Antanavičius J. Balno kilpos Lietuvoje X-XIV a. // Lietuvos TSR Mokslu akademijos darbai, A serija. №1. Vilnius. 1976.

Dąbrowska E. Kurhany Rassawskie // Archeologia. T. VIII 1956. Leszyt 1. Warszawa - Wrocław. 1958.

Furusiyya. - Furusiyya. Ed. By D.Alexander. Vol.II. Riyadh. 1996.

The Ancient Hungarians - The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Budapest. 1996.

Zakharow A., Arendt W. Studia Levedica. Archeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX th. Budapest. 1935.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	- Археологические открытия. Москва
ВАА	- Вопросы археологии Адыгеи. Москва
ГИМ	- Государственный исторический музей
ГМВ	- Государственный музей Востока
ГЭ	- Государственный Эрмитаж
ИА РАН	- Институт археологии Российской академии наук
ИАК	- Известия Императорской археологической комиссии
ИИМК	- Институт истории материальной культуры
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва
МАДИСО	- Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК	- Материалы по археологии Кавказа
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград
МИСК	- Материалы по истории Ставропольского края
НГИАМЗ	- Новороссийский государственный историко-археологический музей-заповедник
ОАК	- Отчёт Императорской археологической комиссии
РА	- Российская археология. Москва
СА	- Советская археология. Москва
САИ	- Свод археологических источников
СГЭ	- Сообщения Государственного Эрмитажа
СМАА	- Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп
СЭ	- Советская этнография. Москва
ТА	- Татарская археология. Казань
ТД	- Тезисы докладов
ЭО	- Этнографическое обозрение. Москва

ИЛЛЮСТРАЦИИ

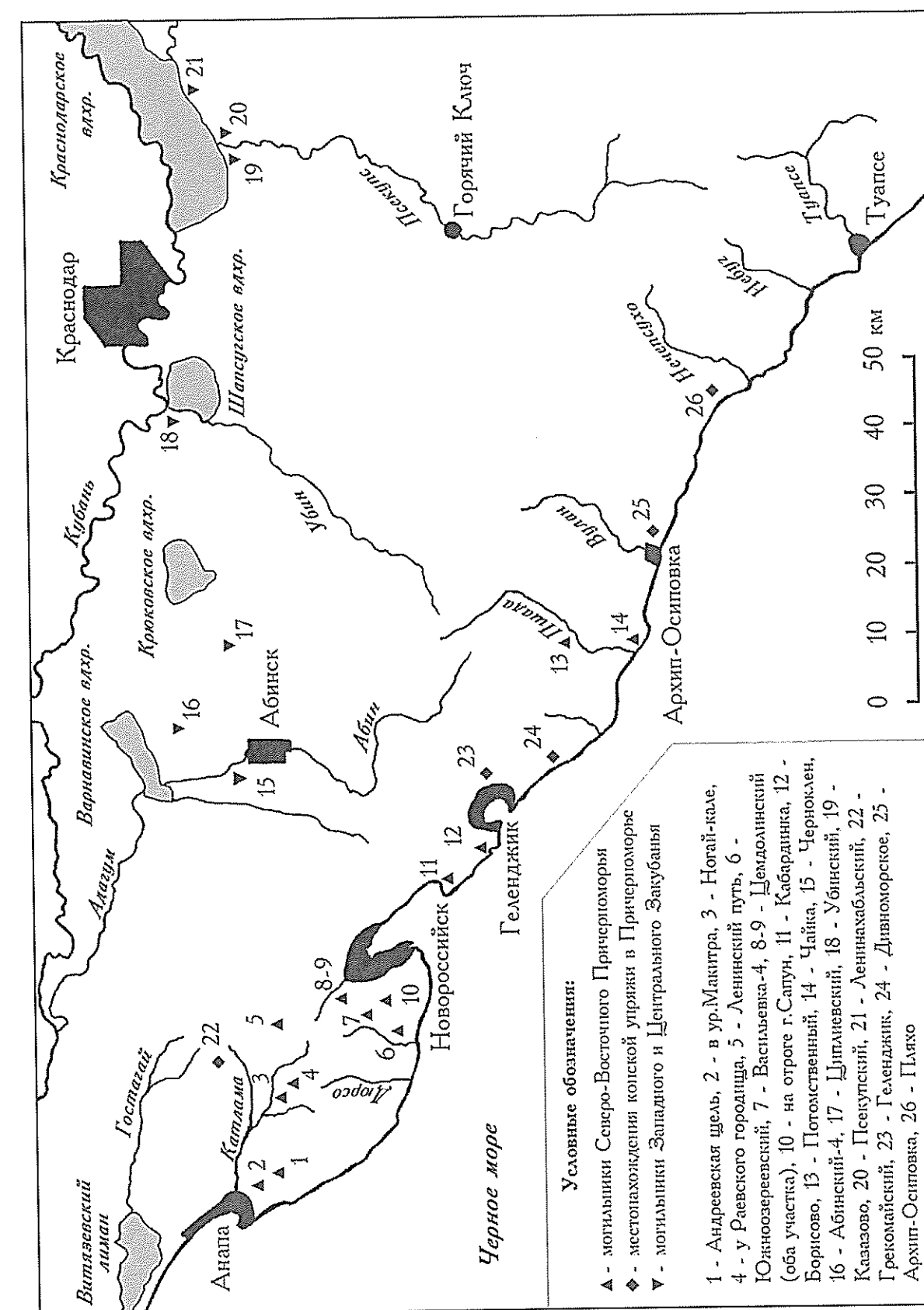

Рис. 1. Находки предметов конского снаряжения X-XIII веков на Северо-Западном Кавказе.

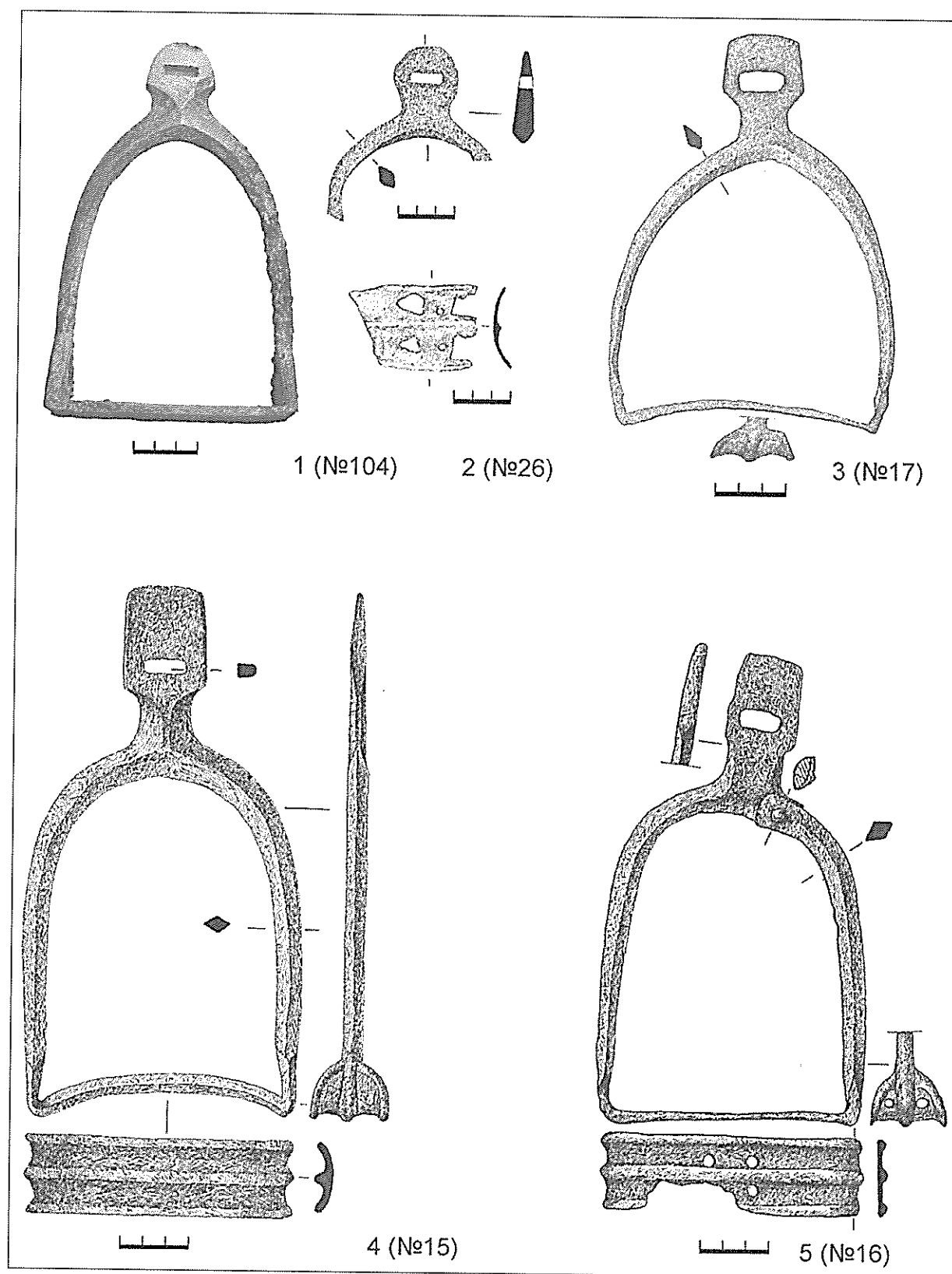

Рис. 2. Стремения типов IA-1 (3-5) и IA-2 (1-2):
1 – случайные находки из Грекомайского; 2 – могильник Южноозереевский; 3-5 – могильник у пос. Ленинский путь.

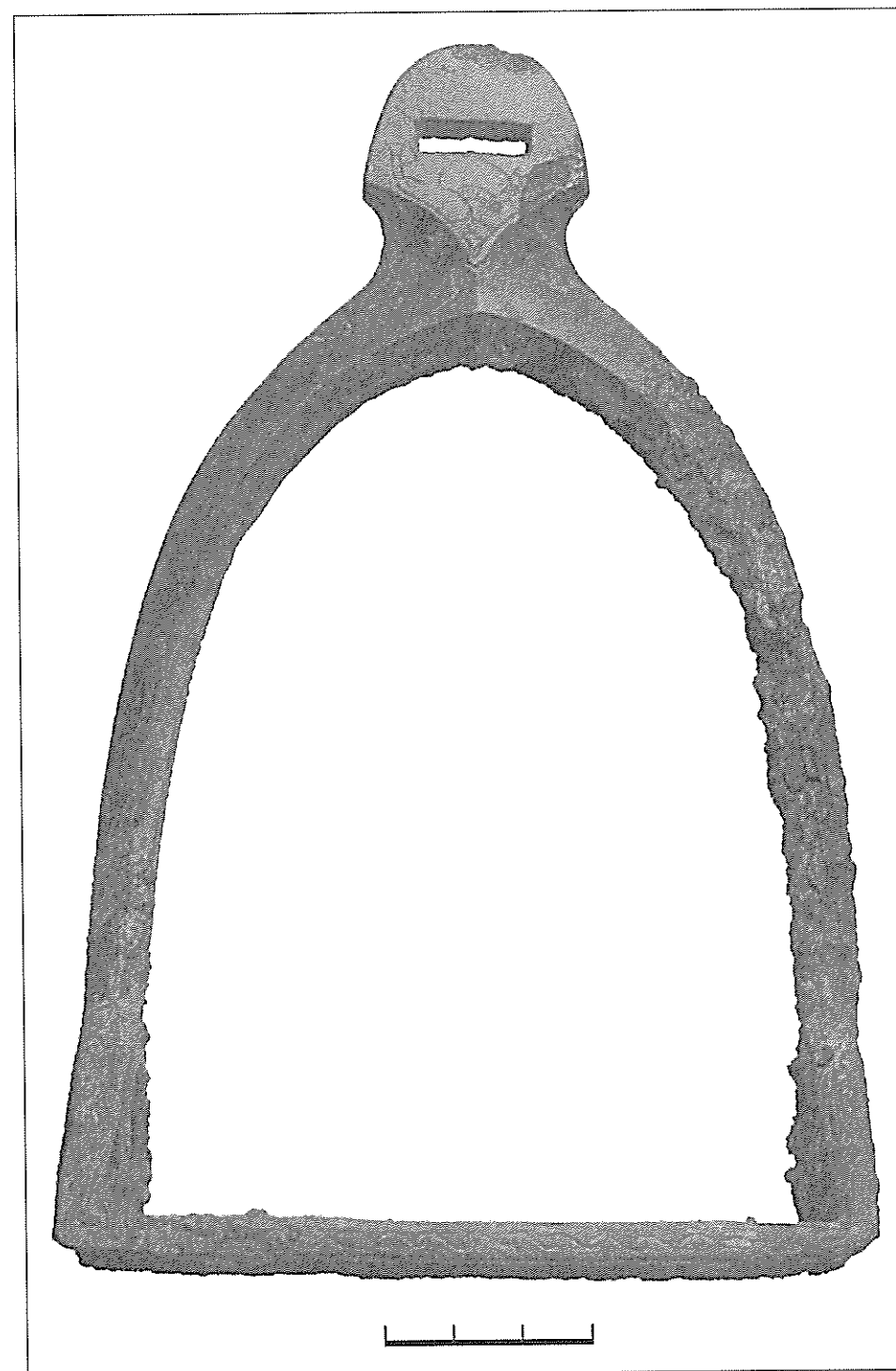

Рис. 3. Общий вид стремени типа IA-2 с декором: случайная находка у хутора Грекомайский (№ 104 каталога). Реставрация А.П. Тюпаева.

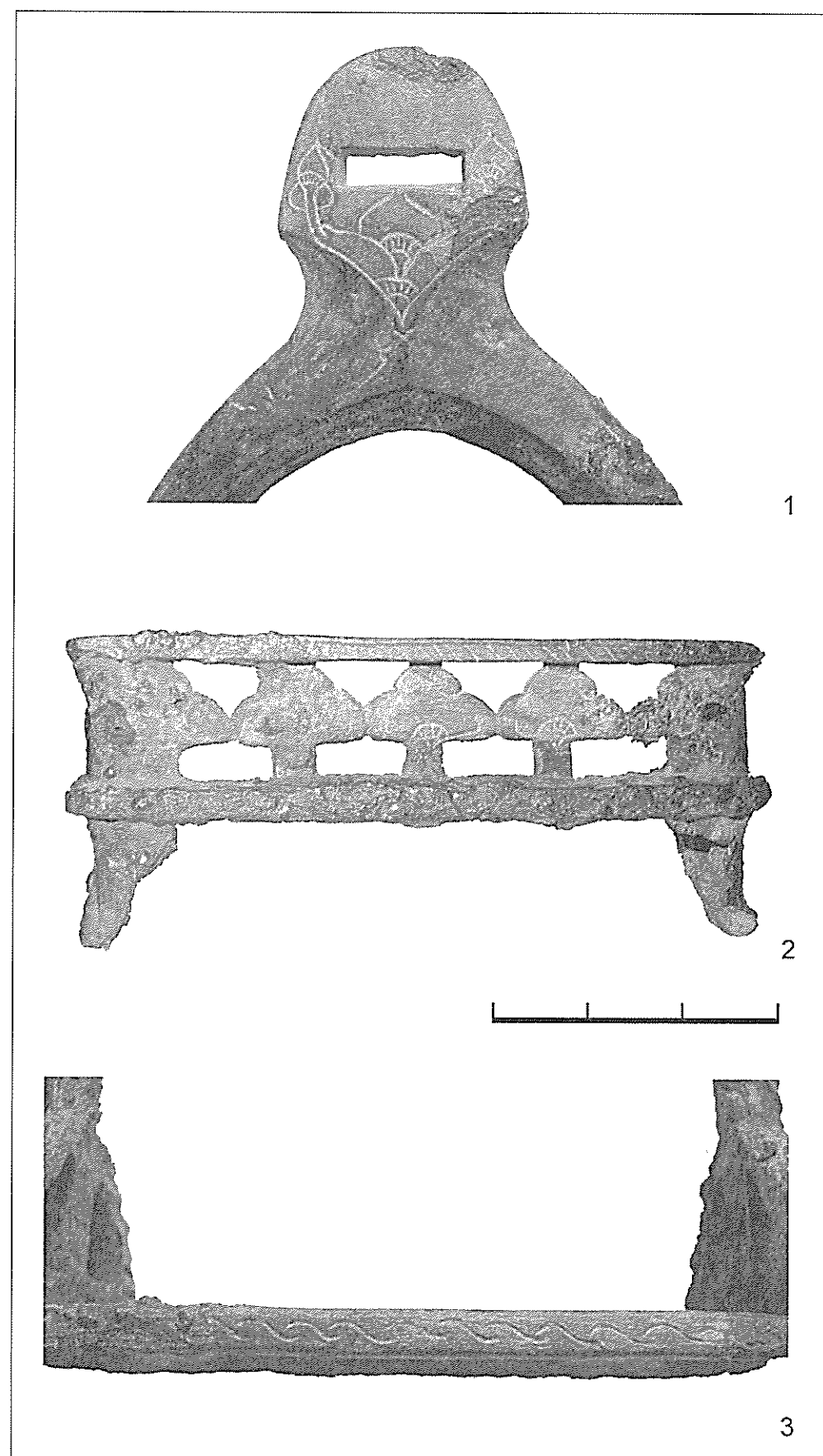

Рис. 4. Гравированный узор на стремях из Грекомайского:
1 – вверху дужки; 2 – снизу на подножке; 3 – на боковой грани подножки.

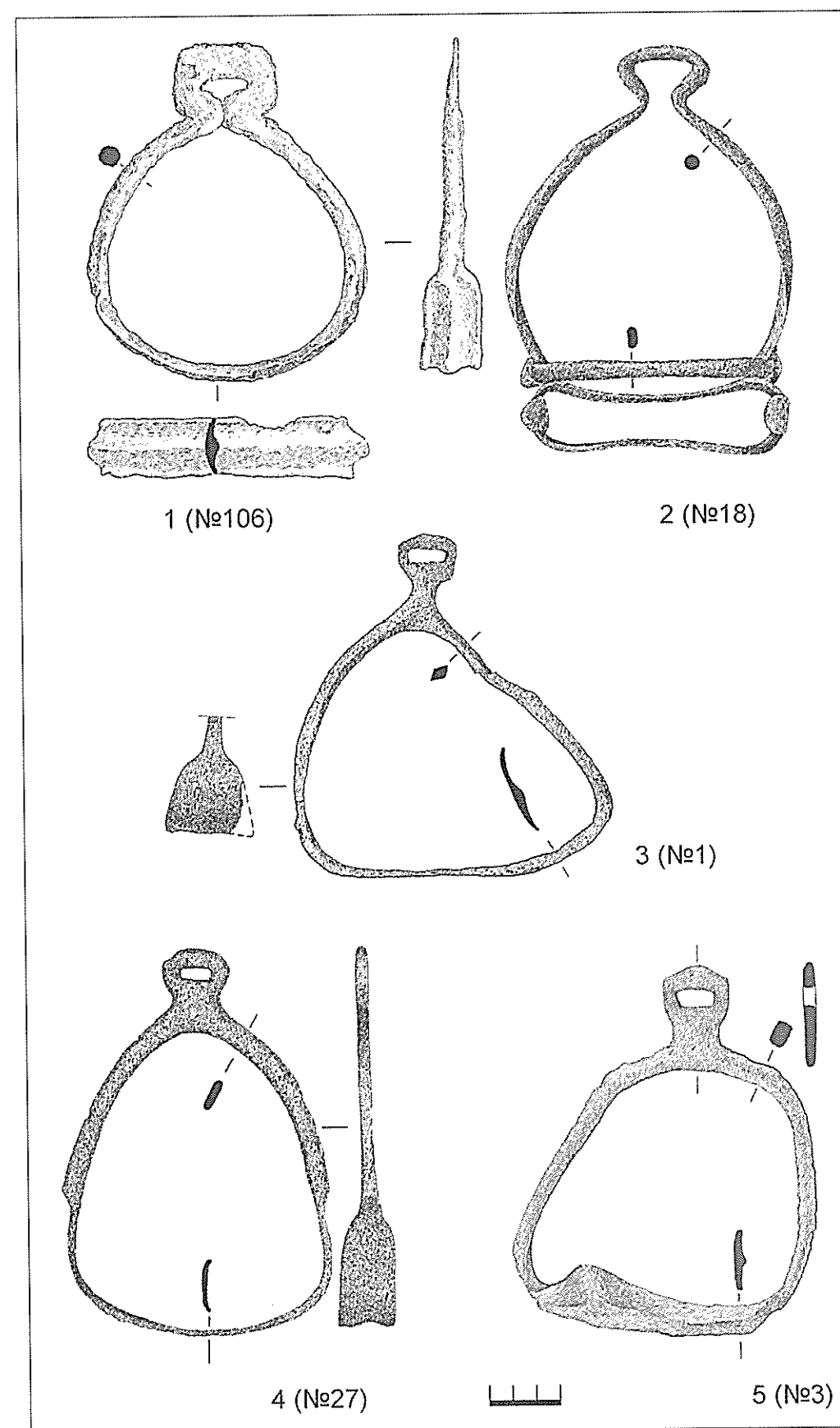

Рис. 5. Стремения типов IA-3 (4-5), IB-1 (3), II-1 (2) и II-2 (1):
1 – разрушенное погребение в Геленджике; 2 – могильник у пос. Ленинский путь; 3, 5 – могильник Андреевская щель; 4 – могильник Южноозеревский.

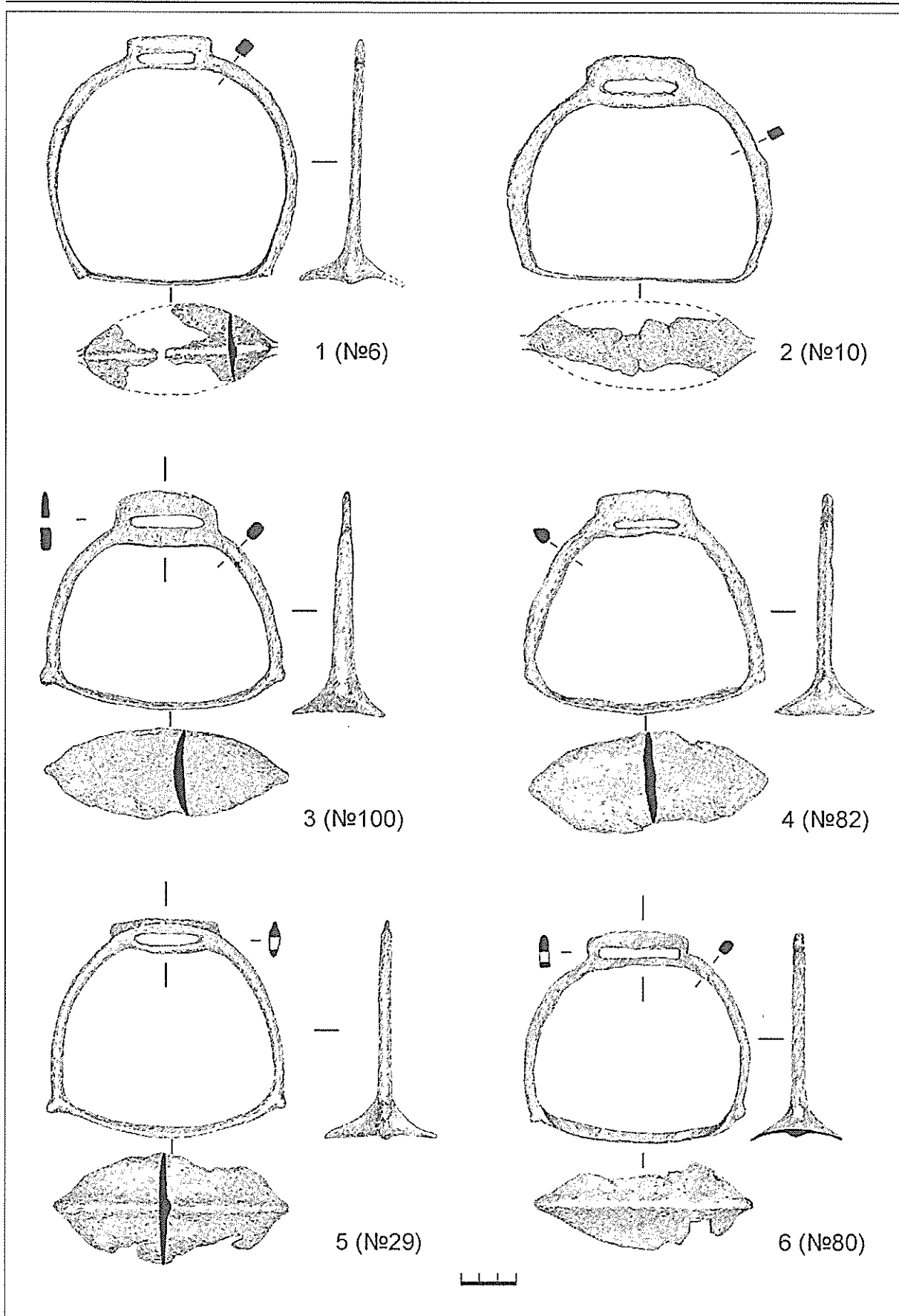

Рис. 6. Стремена типов III-1 (4-6) и III-2 (1-2):
1 – могильник Андреевская щель; 2 – курган 5 (?) в ур. Макитра; 3 – случайная находка у а. Пляхо;
4 – курган 1, погребение коня 1 могильника Чайка; 5 – курган 1 могильника Васильевка; 6 – курган
25 могильника Сапун.

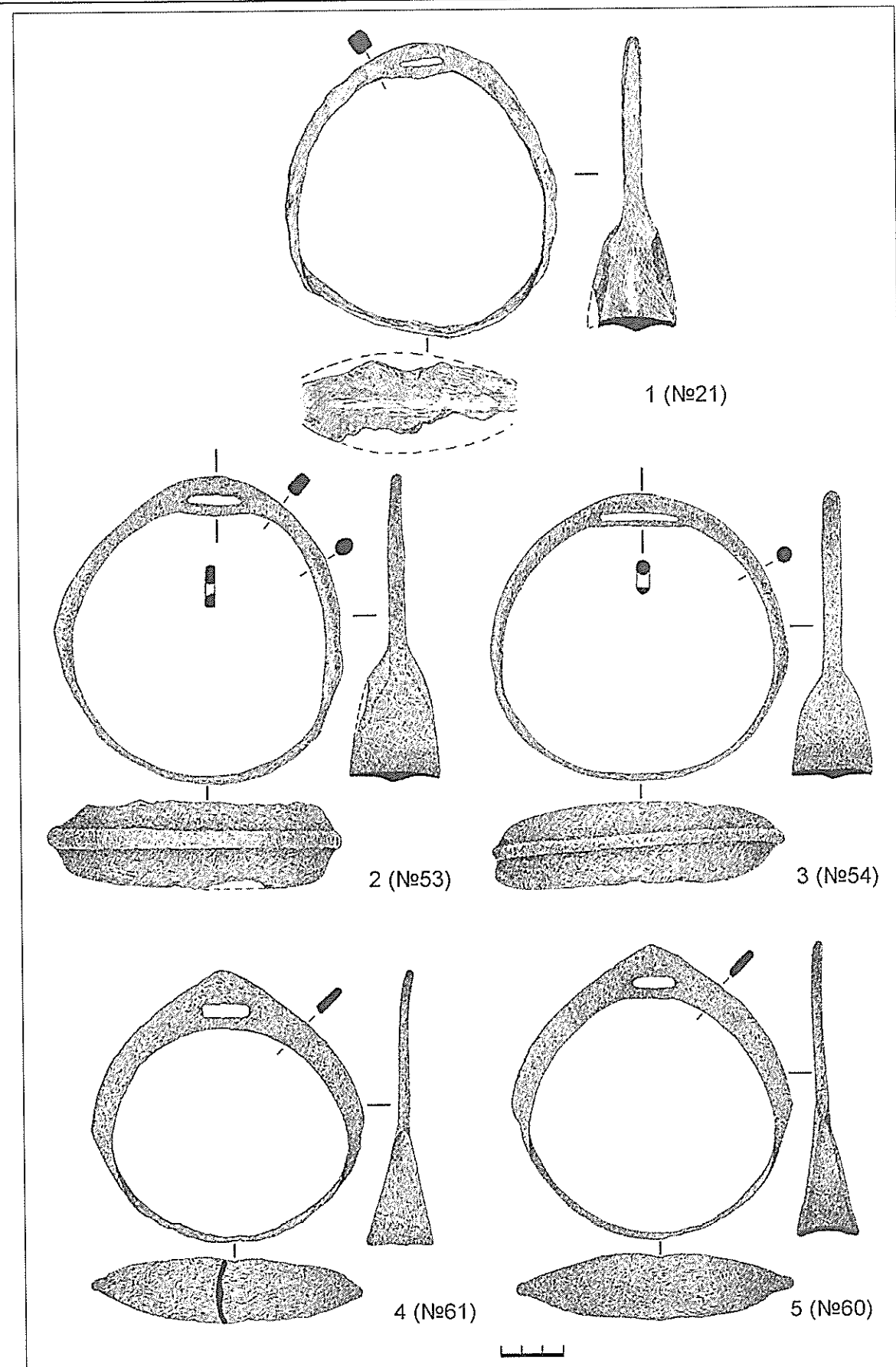

Рис. 7. Стремена типов IV-1 (1-3), и IV-2а (4-5):
1 – погребение коня 1 могильника Южноозереевский; 2, 3 – цемдолинский курган 3; 4, 5 –
цемдолинский курган 9.

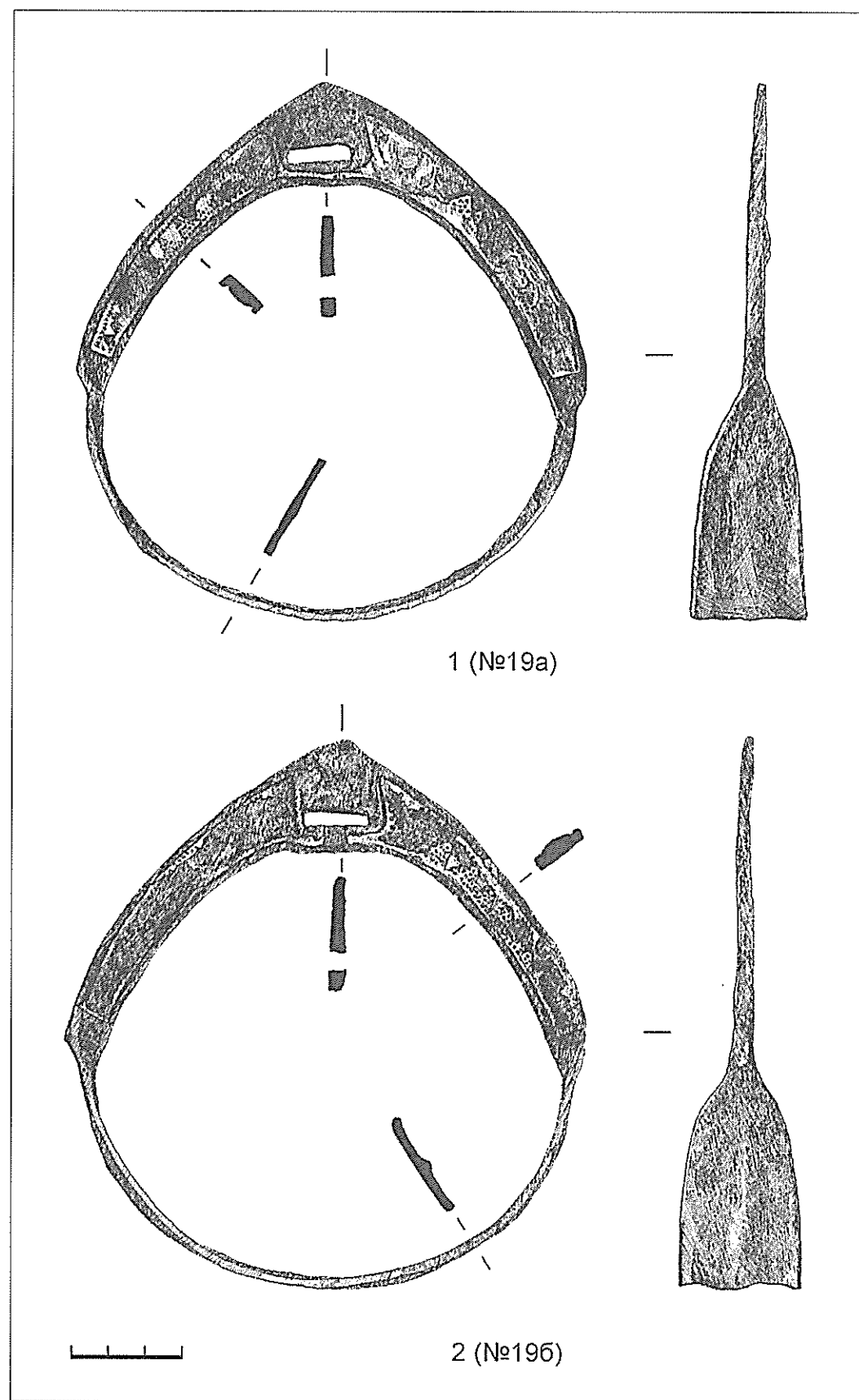

Рис. 8. Парные стремяна типа IV-2a с декором плакировкой и чеканкой на лицевой стороне дужек: случайная находка на могильнике у пос. Ленинский путь.

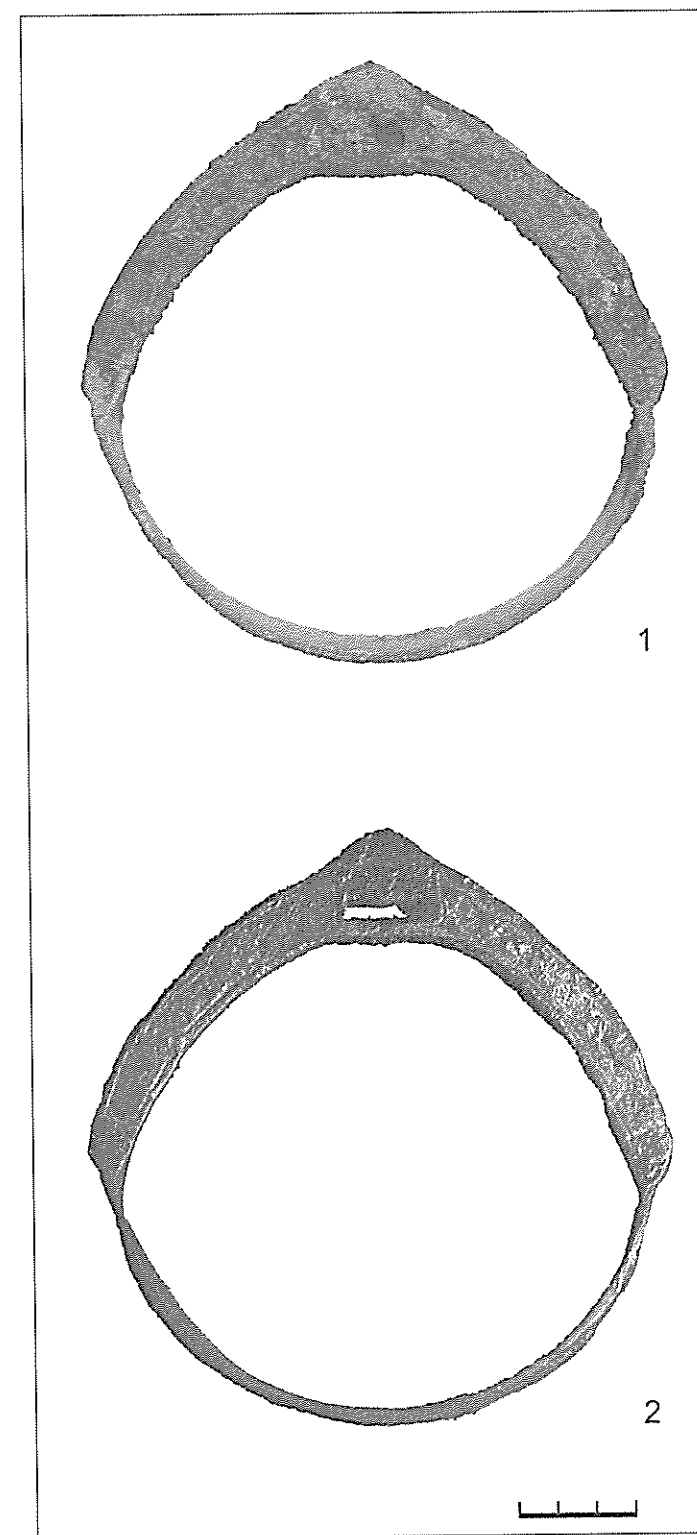

Рис. 9. Стремя типа IA-2 с декором:
1 – вид до реставрации; 2 – вид после реставрации.
Случайная находка на могильнике у пос. Ленинский путь (№ 196 каталога).
Реставрация А.В. Григорьева.

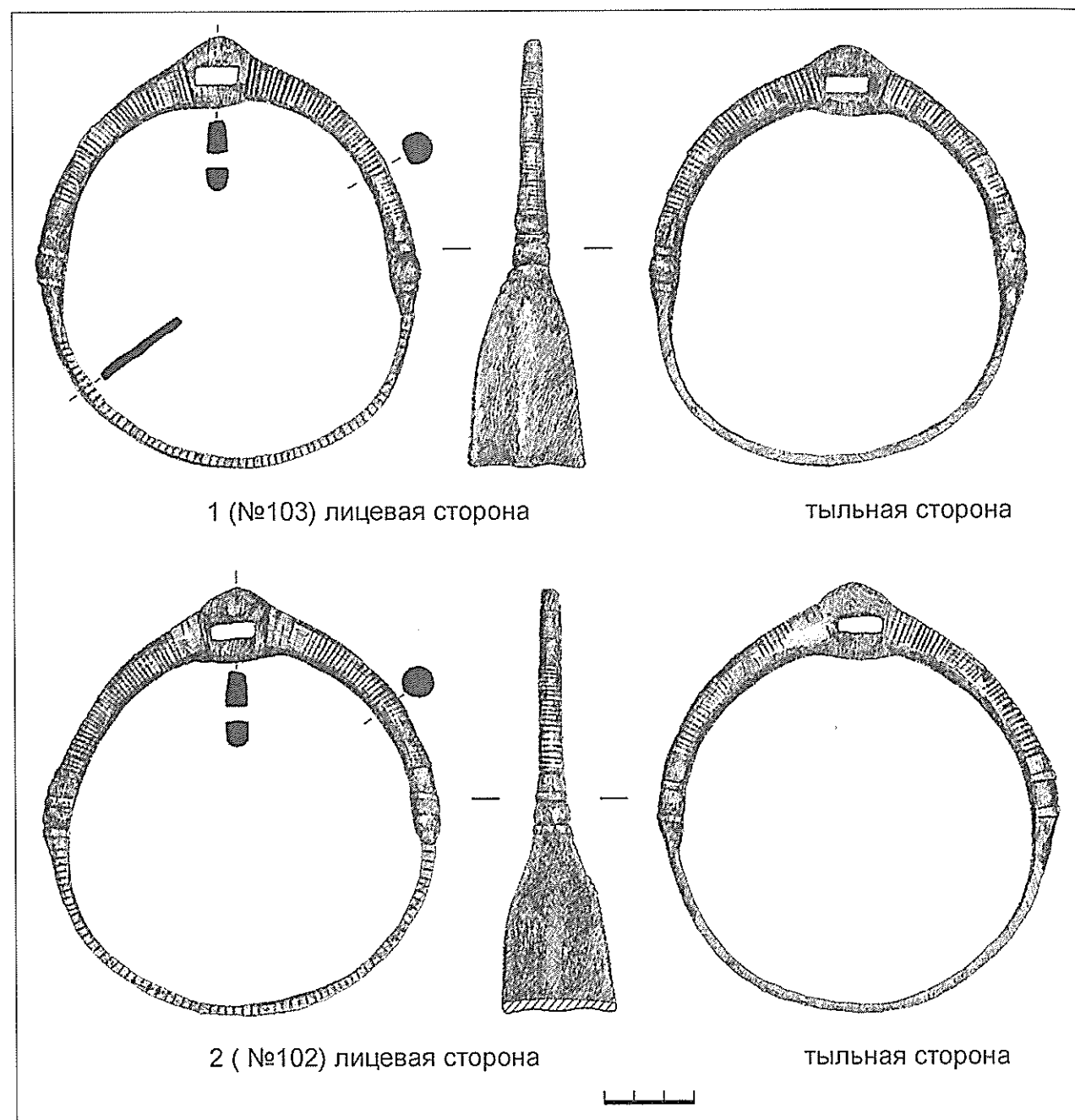

Рис. 10. Парные стремяна IV-26 с декором и инкрустацией: случайная находка из Грекомайского.

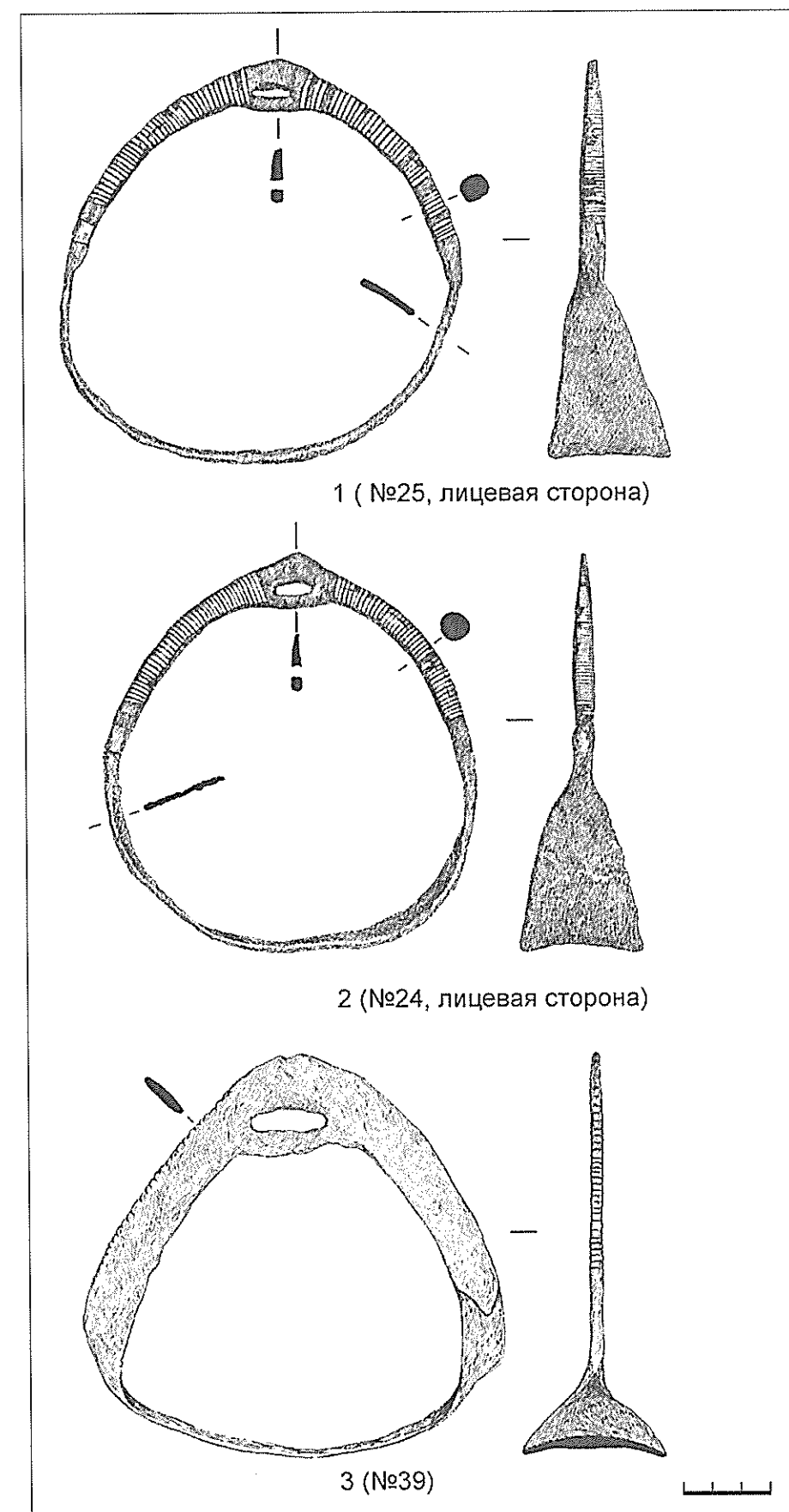

Рис. 11. Стремяна с декором: 1, 2 – типа IV-26 с инкрустацией (погребение коня 3 могильника Южноозереевский); 3 – типа IV-3 с зарубками (цемдолинское погребение 18).

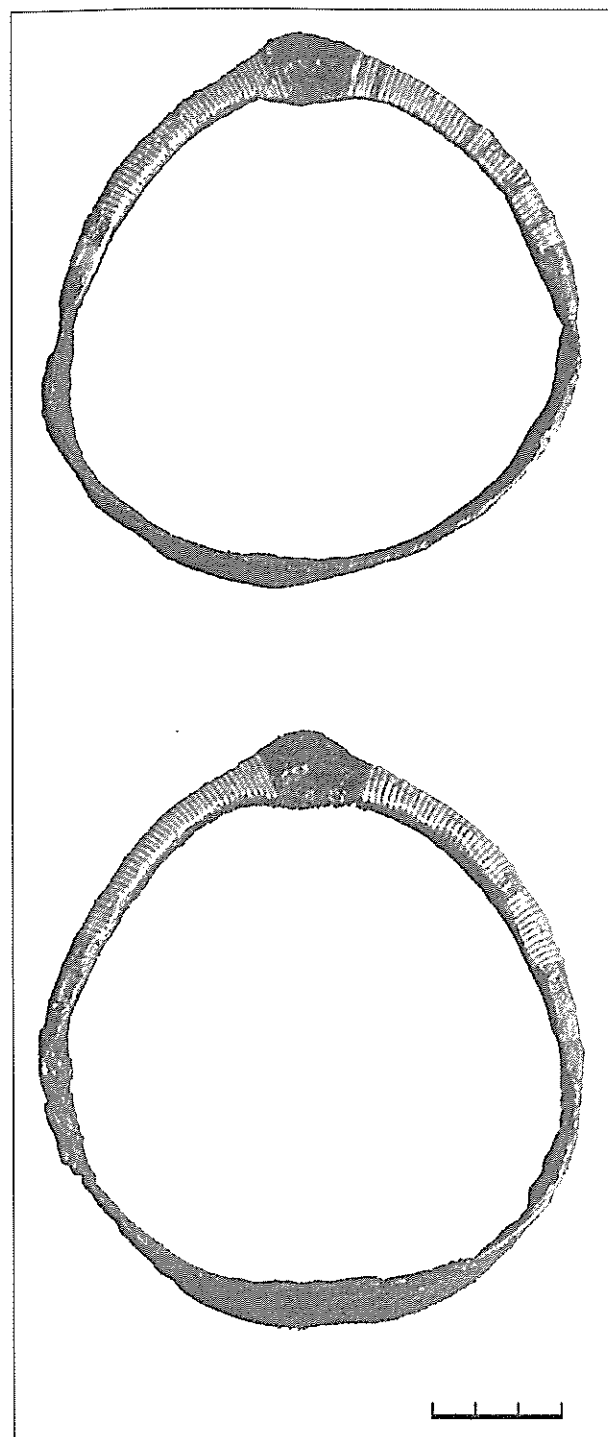

Рис. 12. Парные стремена типа IV-26 с насечкой-инкрустацией из погребения коня 3 могильника Южноозереевский (№ 24 и № 25 каталога).

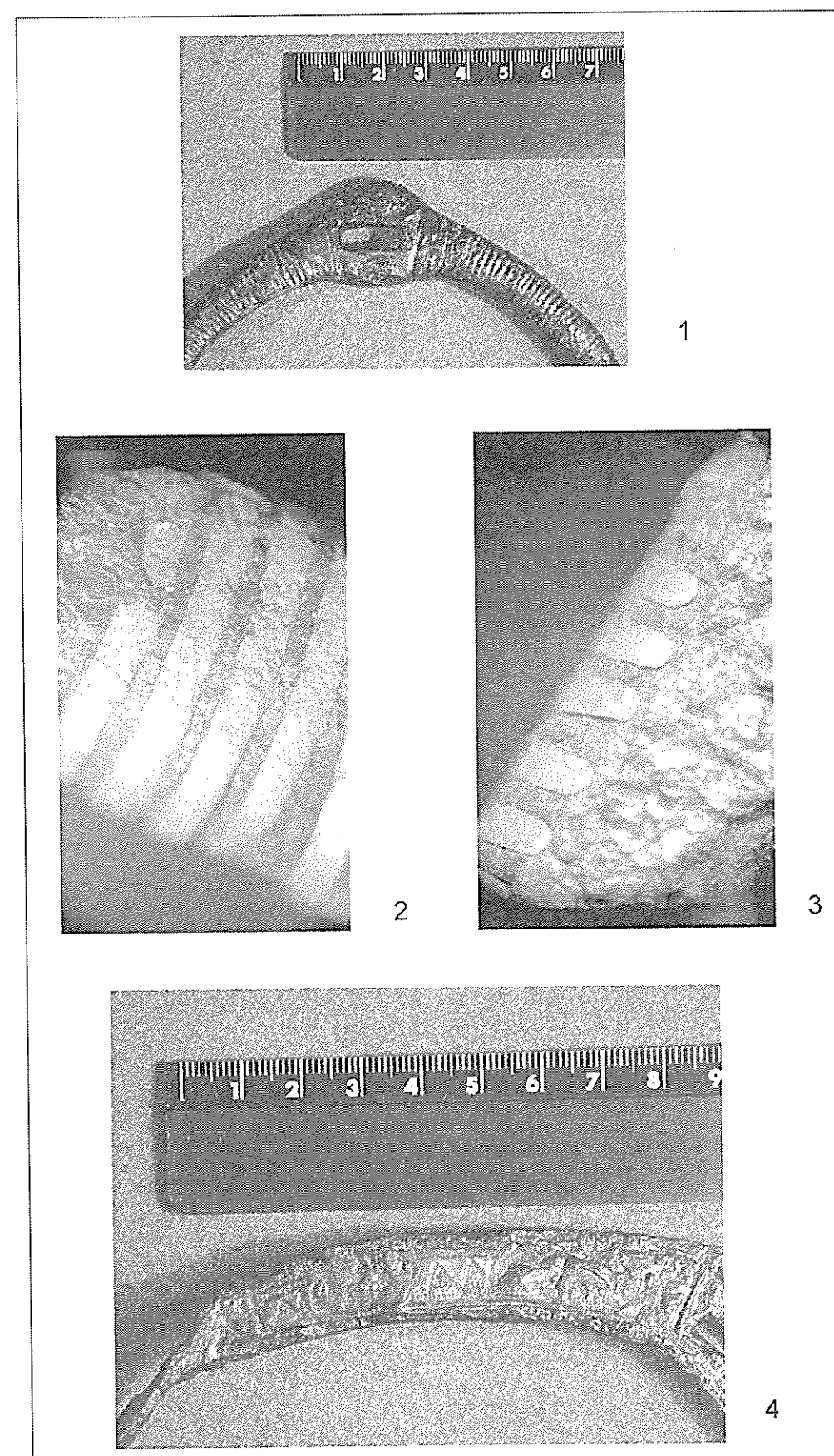

Рис. 13. Фрагменты декорированных стремей:
1 – стремя из Грекомайского с насечкой; 2, 3 – стремена из Южной Озереевки с насечкой (макросъемка);
4 – стремя из могильника у пос. Ленинский путь с плакировкой и чеканкой.

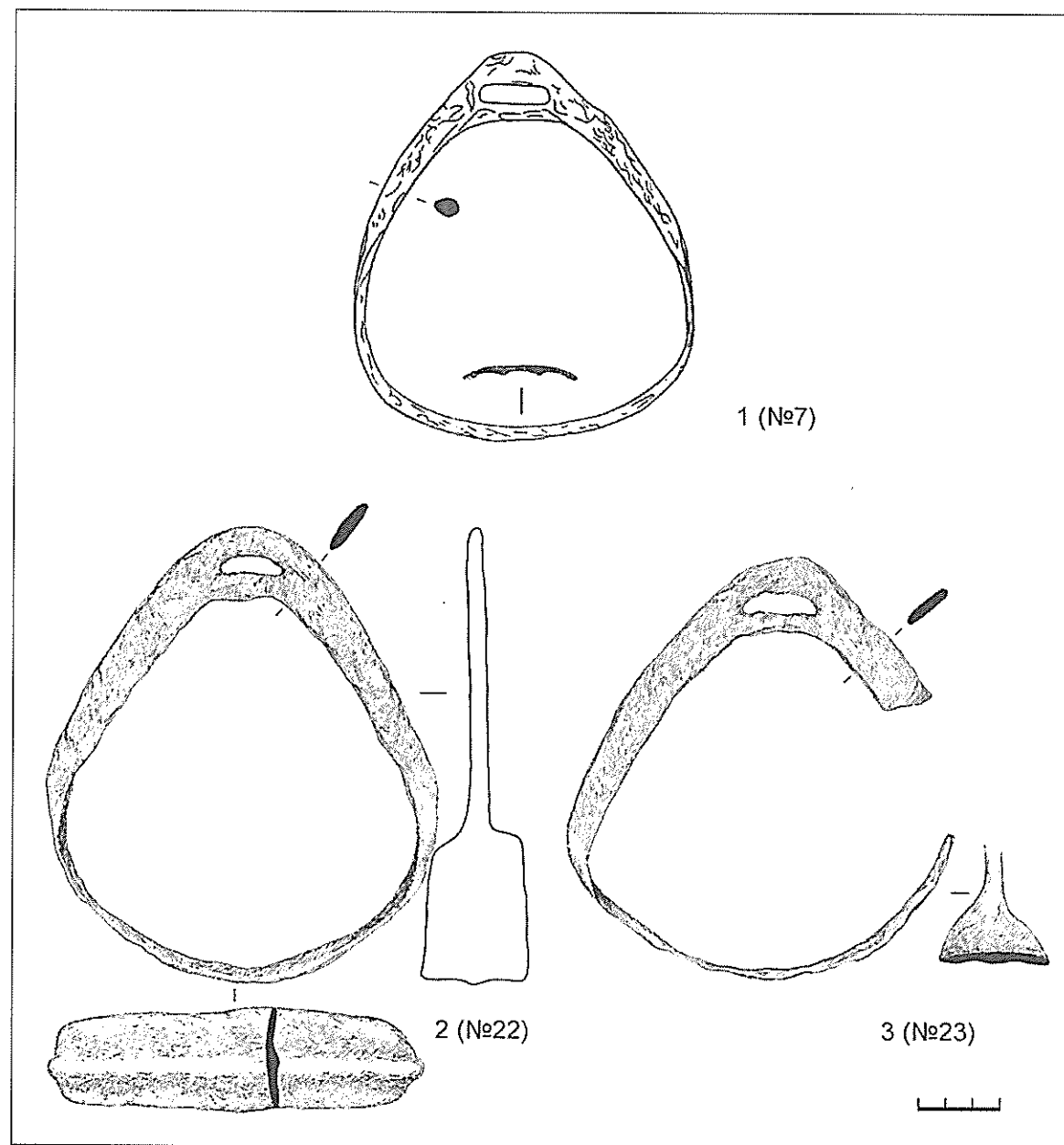

Рис. 14. Стремена типов IV-3:
1 – погребение 5 могильника Андреевская щель; 2, 3 – погребение коня 2 могильника Южноозереевский.

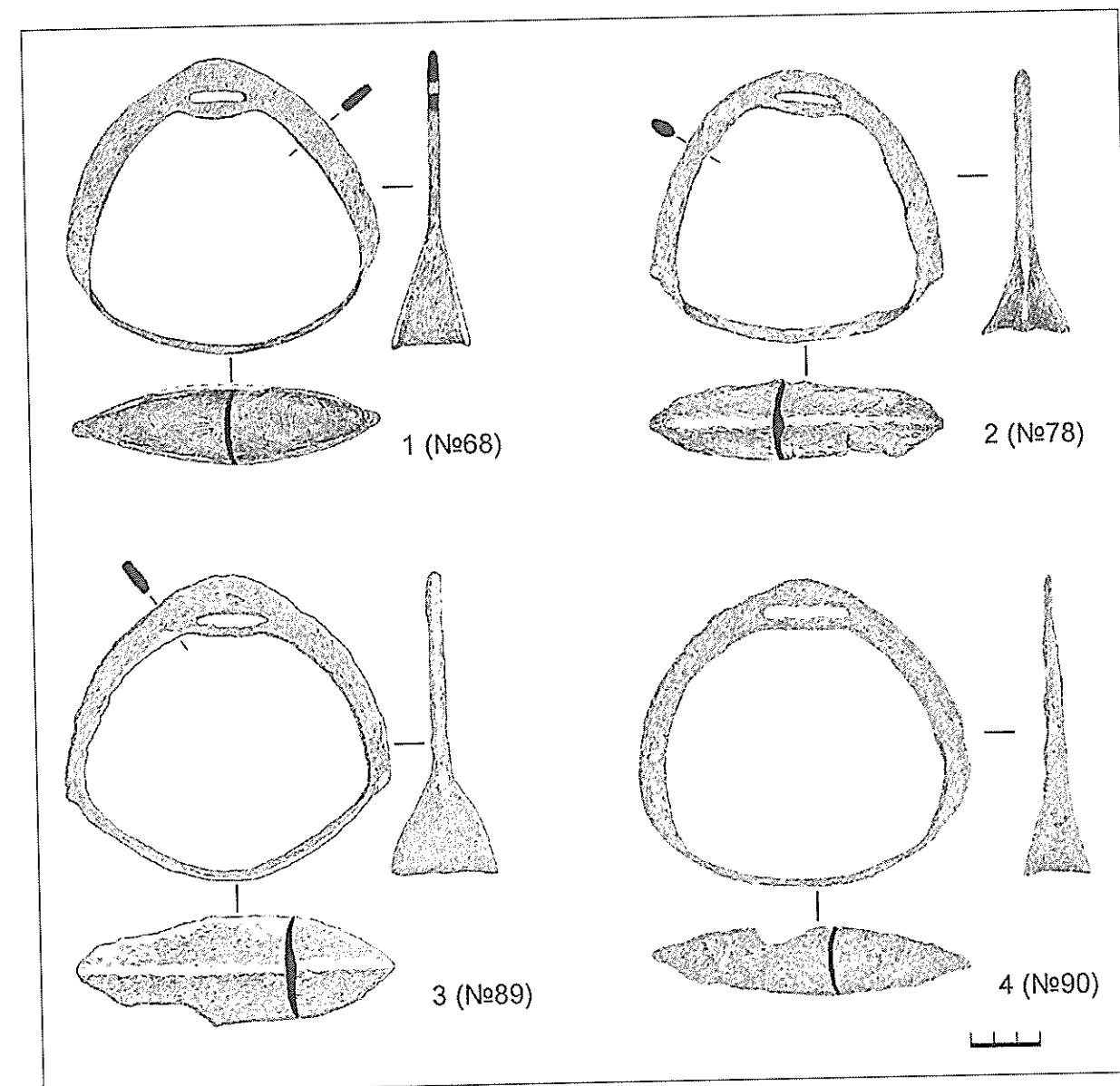

Рис. 15. Стремена типа IV-3:
1 – курган 5 могильника Сапун; 2 – курган 22 могильника Сапун; 3, 4 – погребение 8 могильника Потомственный.

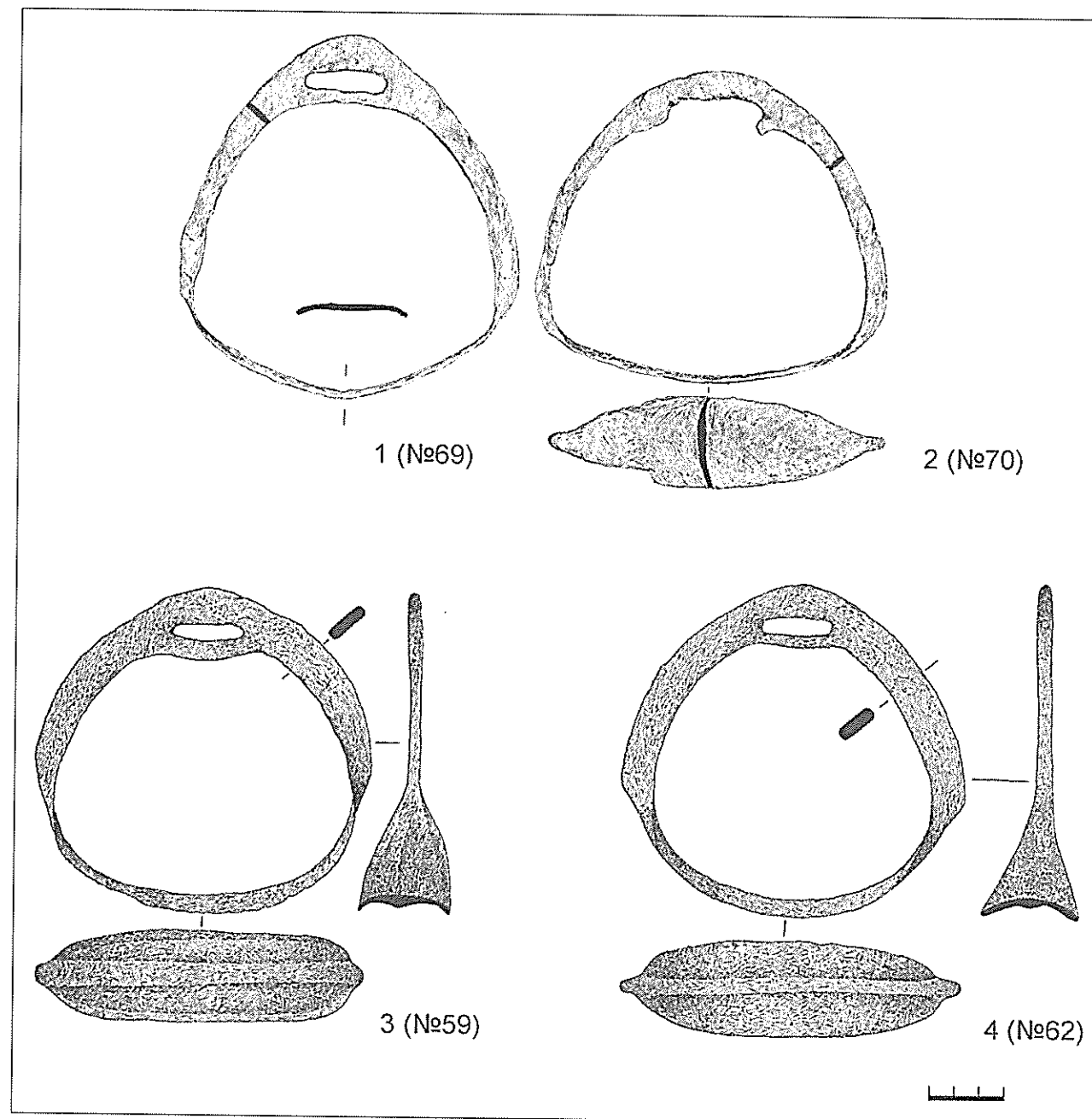

Рис. 16. Стремена типа IV-3:

1, 2 – курган 12 могильника Сапун; 3 – цемдолинский курган 6; 4 – цемдолинский курган 14.

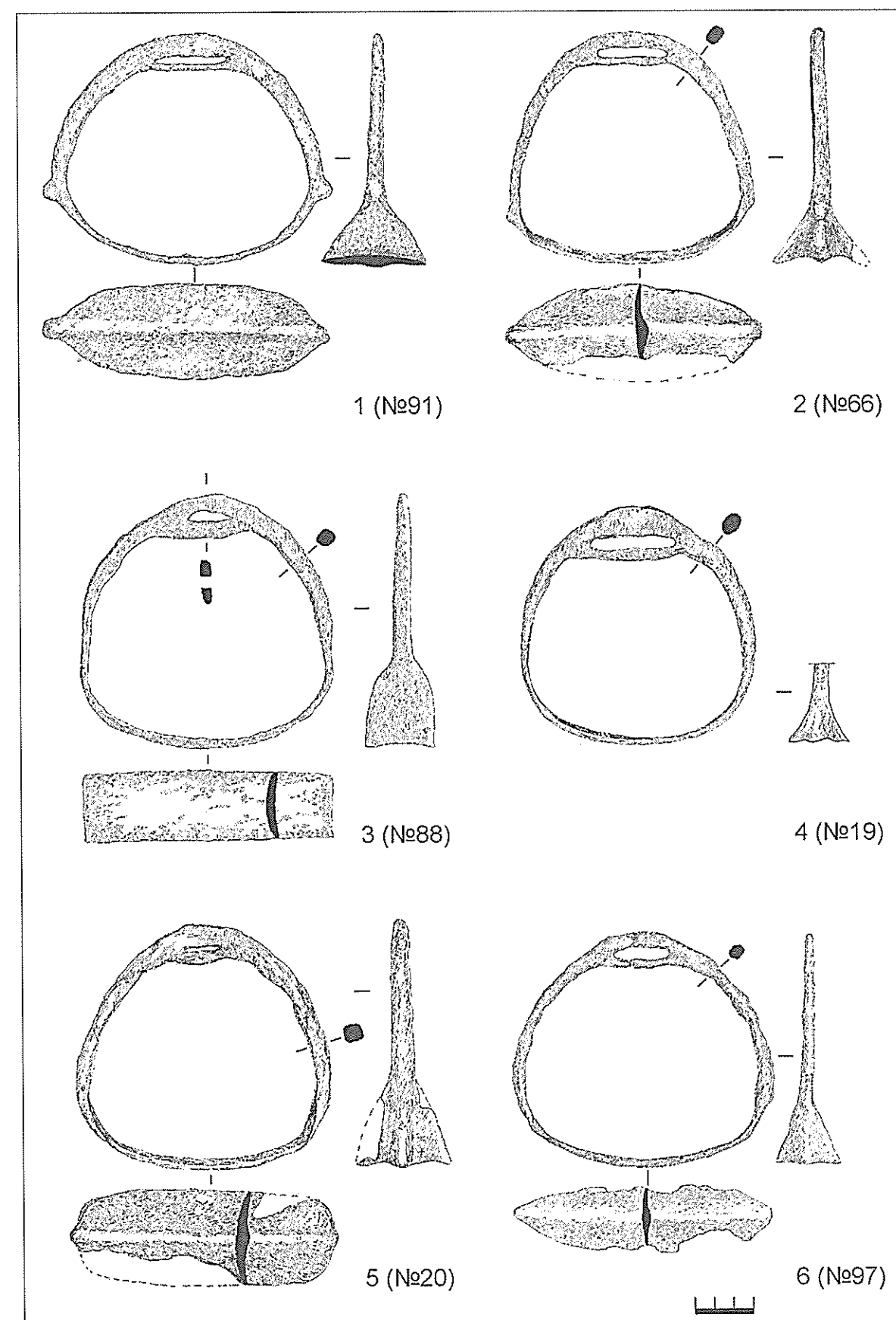

Рис. 17. Стремена типа IV-4:

1 – погребение 10 могильника Потомственный; 2 – погребение коня 2 кургана 4 могильника Сапун; 3 – погребение 1 могильника Потомственный; 4 – курган 4 могильника у пос. Ленинский Путь; 5 – погребение коня 1 могильника Южноозеревский; 6 – погребение 2 в Архип-Осиповке.

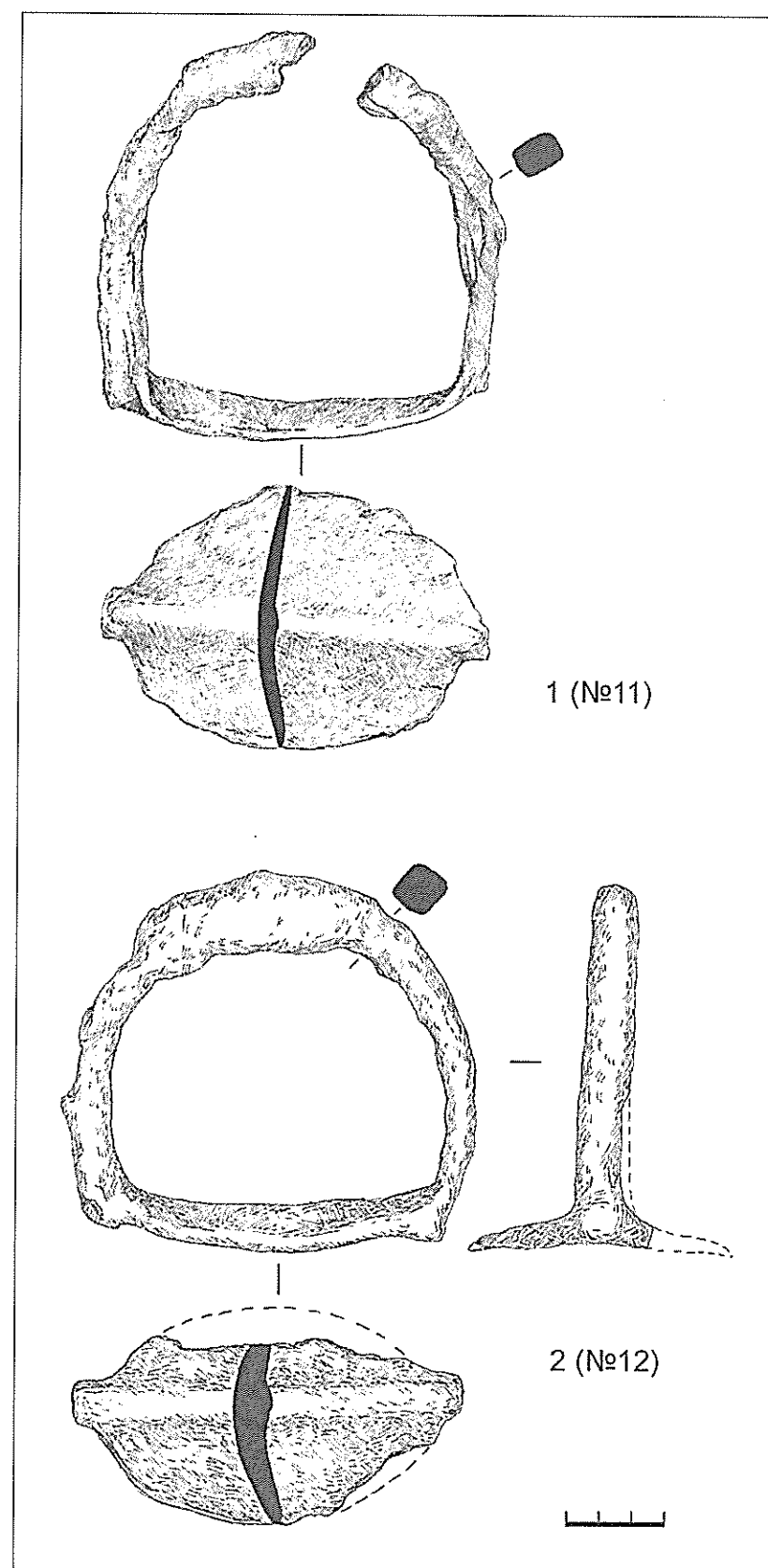

Рис. 18. Стремена типа IV-5:
парные стремени типа IV-5 из кургана 1 могильника у Раевского городища.

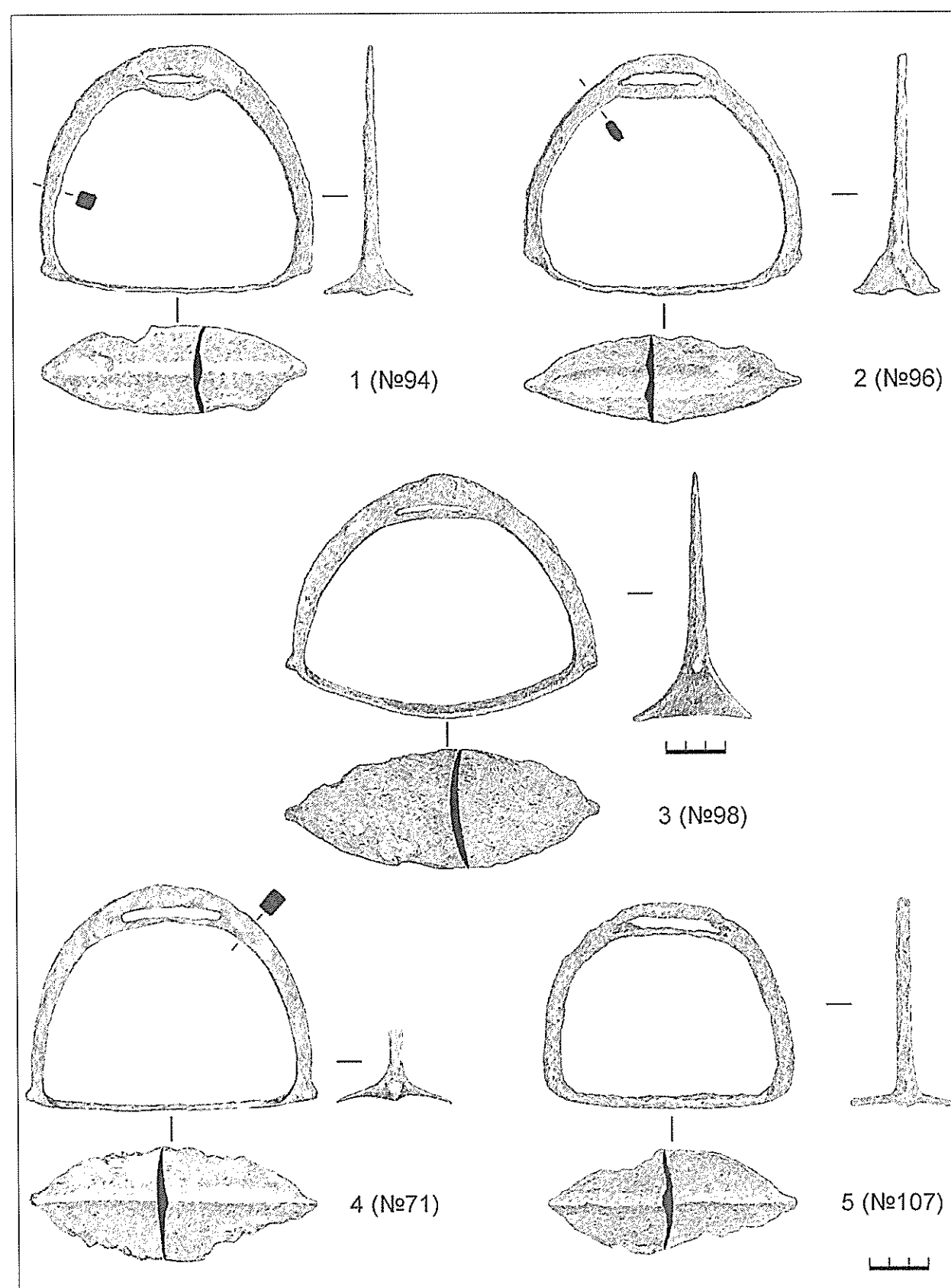

Рис. 19. Стремена типа IV-5:
1 – погребение 1 в Архип-Осиповке; 2 – погребение 2 там же; погребение коня 2 кургана 4 могильника Сапун; 3 – случайная находка у а. Пляхо; 4 – курган 14 могильника Сапун; 5 – случайная находка в Дивноморском.

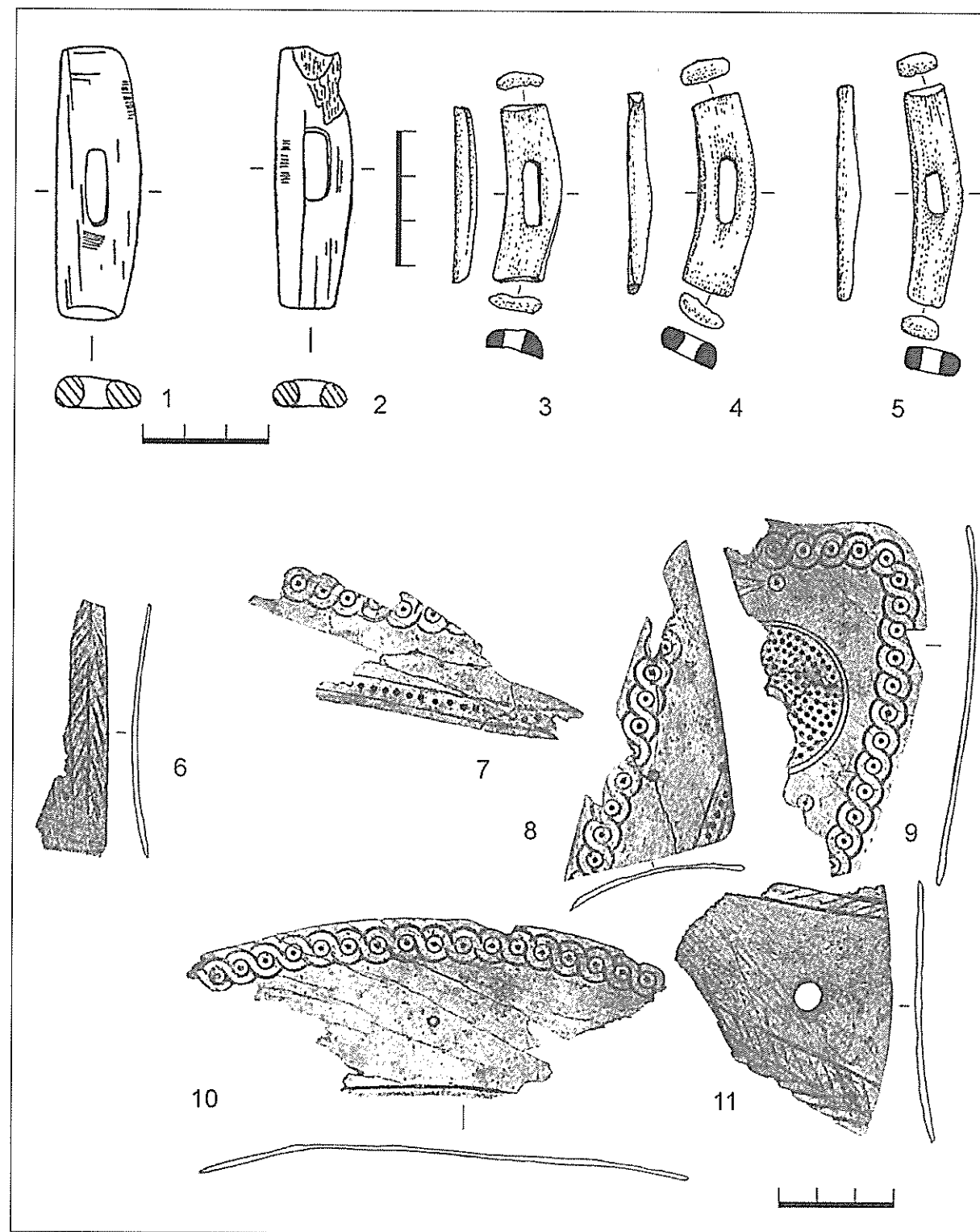

Рис. 20. Костяные цурки-застежки (1-5) и гравированные обкладки седла (6-11):
1, 2 – погребение 5 в Андреевской Щели; 3-5 – пемдолинский курган 3; 6-11 – курган 5 в ур. Макитра.

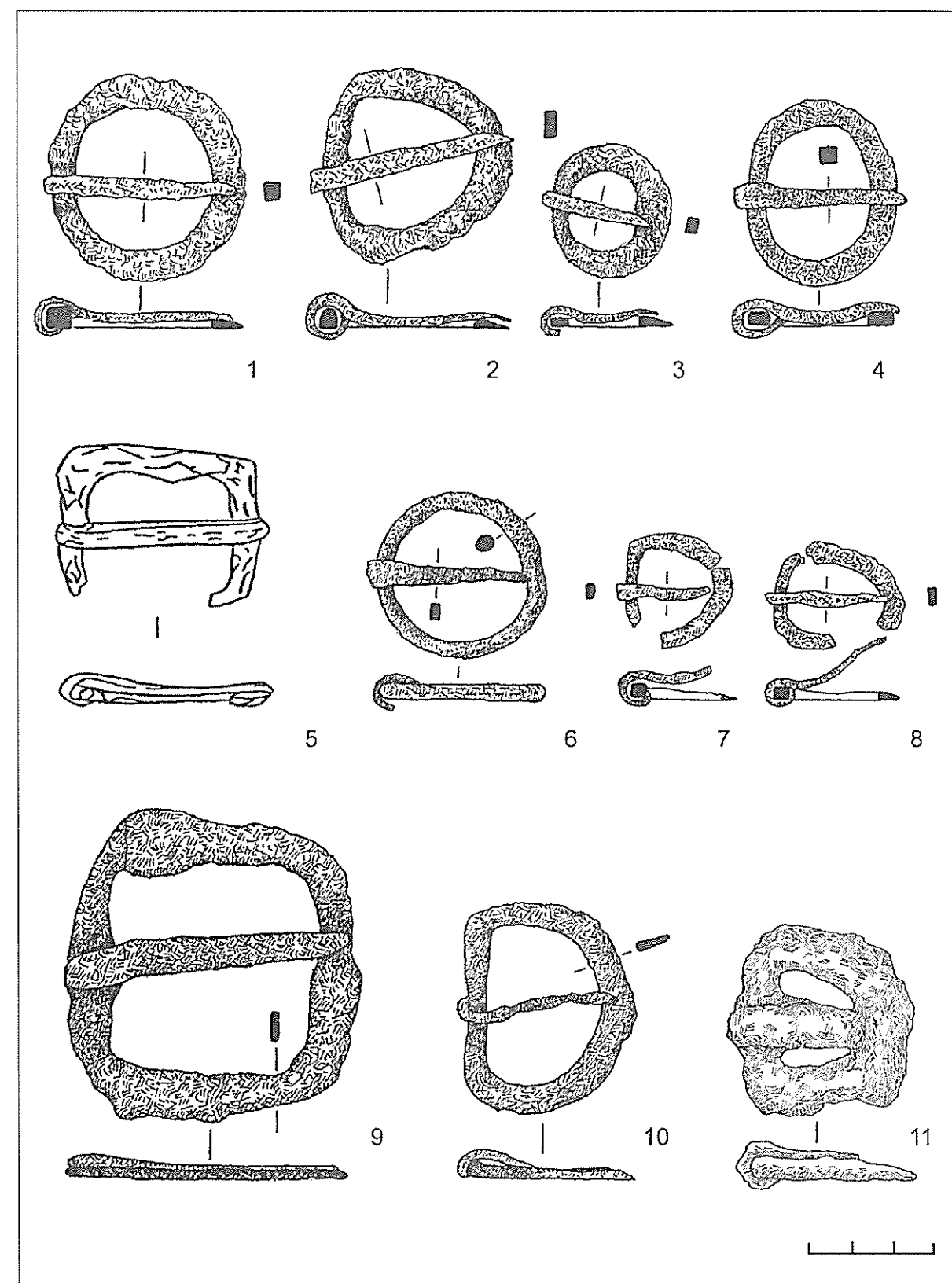

Рис. 21. Железные сбруйные пряжки:
1-3, 7, 8 – пемдолинский курган 4, погребение коня 2; 4 – пемдолинский курган 3; 5 – погребение 5
могильника Андреевская щель; 6 – пемдолинский курган 9; 7 – погребение 1 (?) кургана 2 у Ногай-кале;
8 – пемдолинский курган 14; 9 – курган 1, погребение коня 2 могильника Чайка.

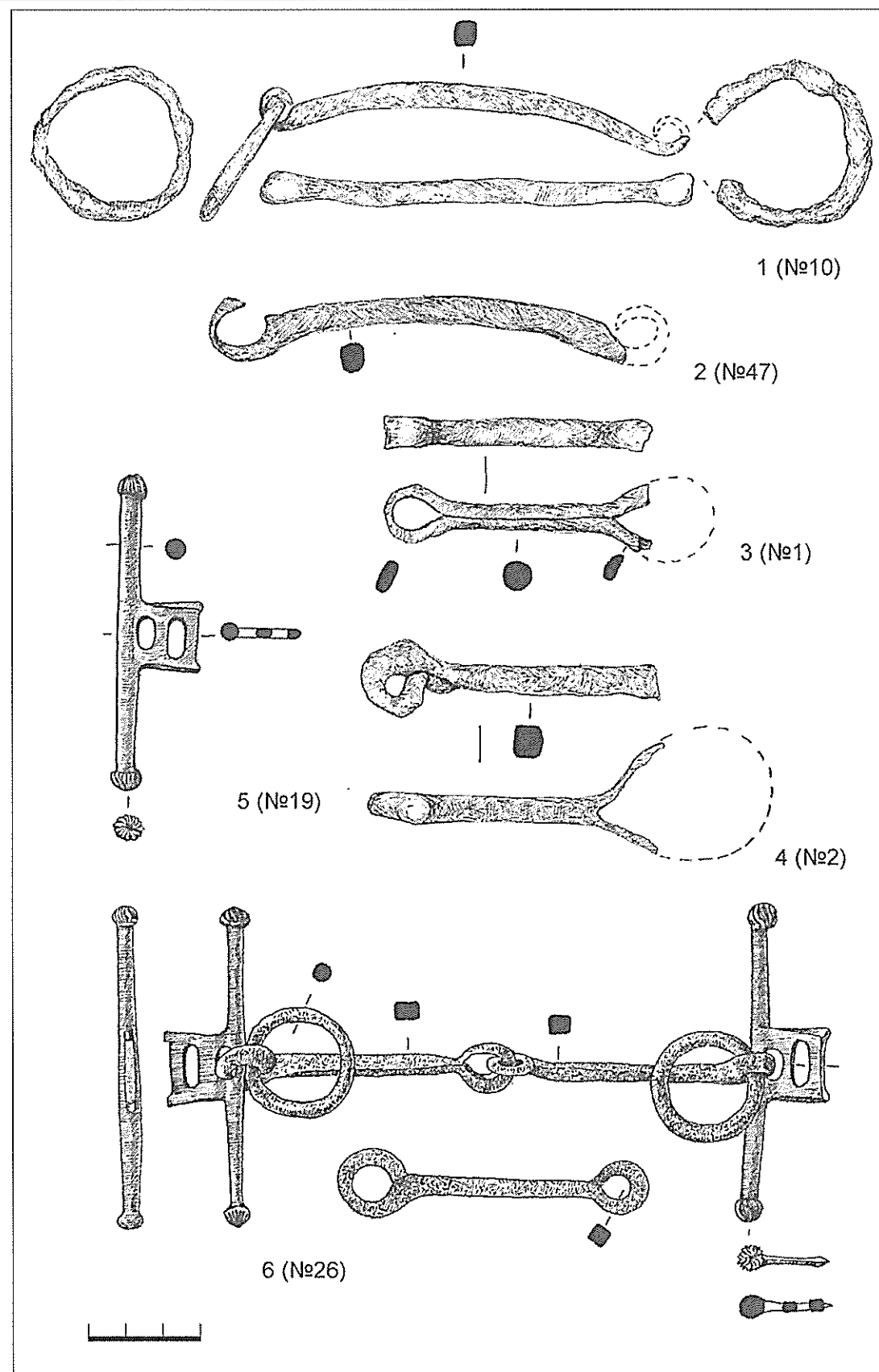

Рис. 22. Удила:

1-2 одноставные однокольчатые типа А I-1 (1 – погребение коня 1 могильник Южноозеревский; 2 – случайная находка в Грекомайском); 3, 4 – двуставные однокольчатые типа В I-1 (могильник Андреевская щель); 5, 6 – двуставные однокольчатые типа В I-2а с бронзовыми псалями (5 – цемдолинское погребение 33, 6 – цемдолинский курган 14).

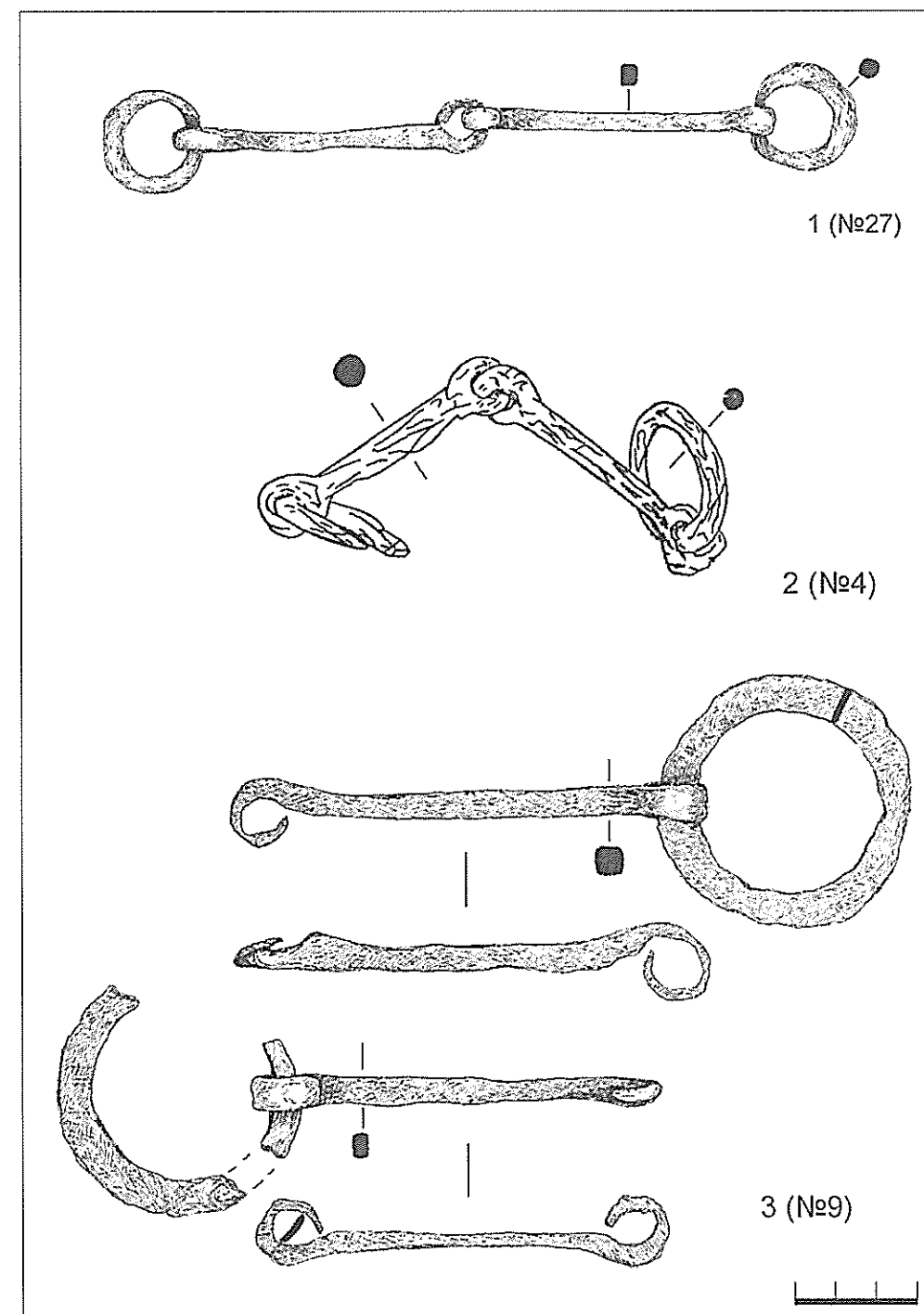

Рис. 23. Двуставные однокольчатые удила типа В I-26:

1 – погребение коня 1 кургана 4 могильника Сапун; 2 – погребение 5 могильника Андреевская щель; 3 – курган 4 могильника у пос. Ленинский путь.

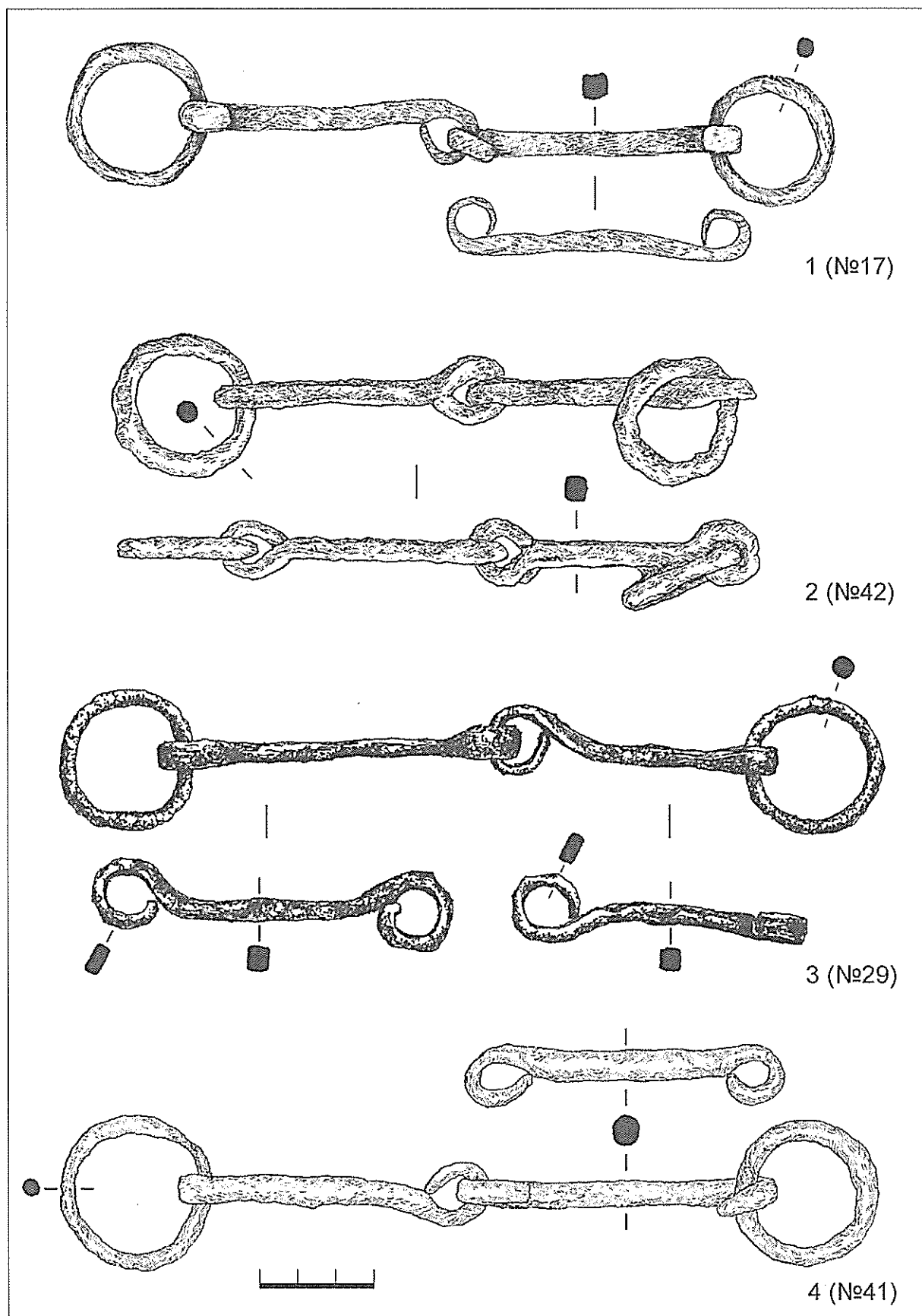

Рис. 24. Двусоставные однокольчатые удила типа Б I-26:
1 – цемдолинское погребение 18; 2 – погребение 10 могильника Потомственный; 3 – курган 5 могильника Сапун (с бронзовыми кольцами); 4 – погребение 8 могильника Потомственный.

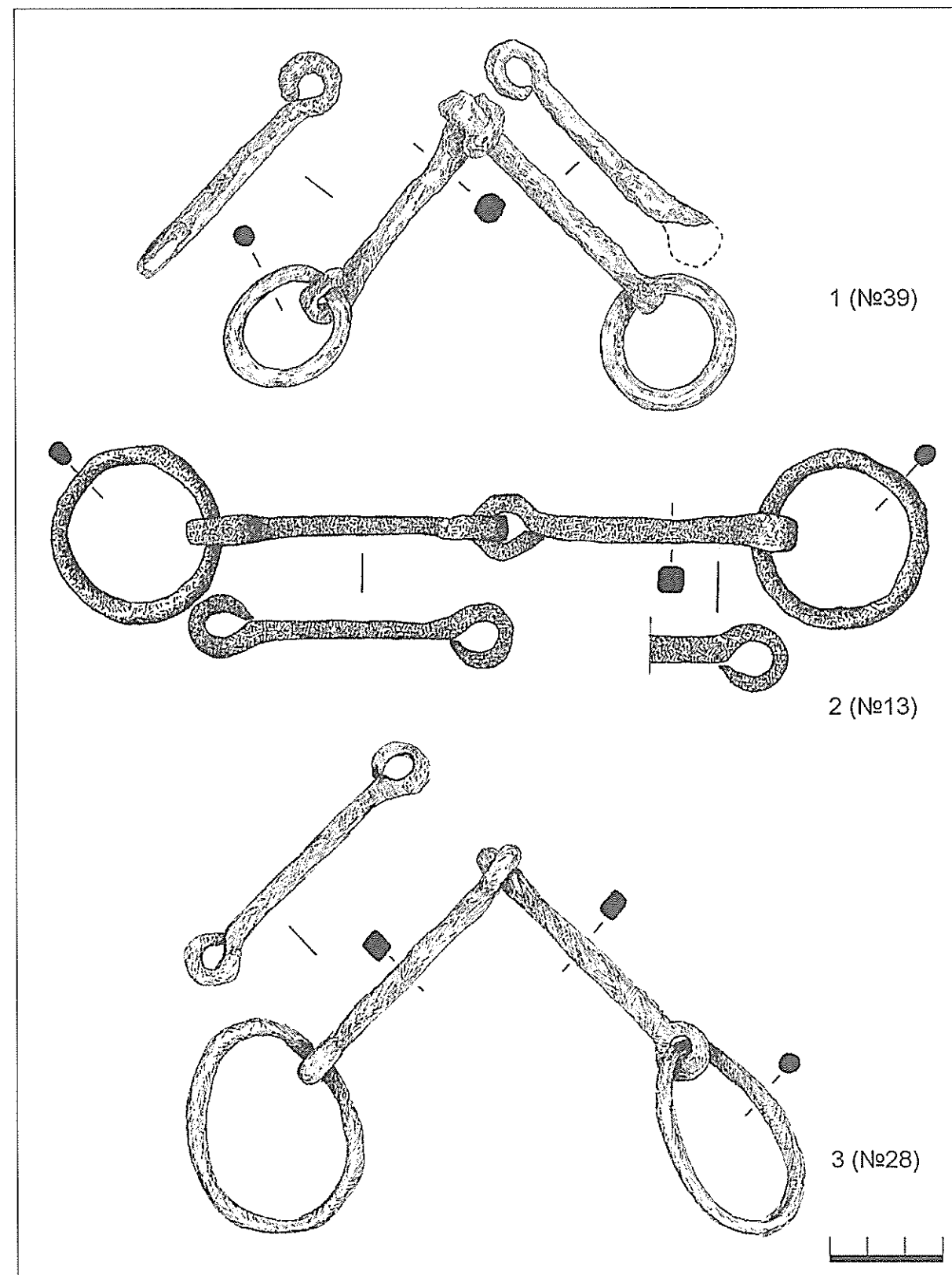

Рис. 25. Двусоставные однокольчатые удила типа Б I-26:
1 – погребение 1 могильника Потомственный (с бронзовыми кольцами); 2 – курган 5 могильника Васильевка; 3 – погребение коня 2 кургана 4 могильника Сапун.

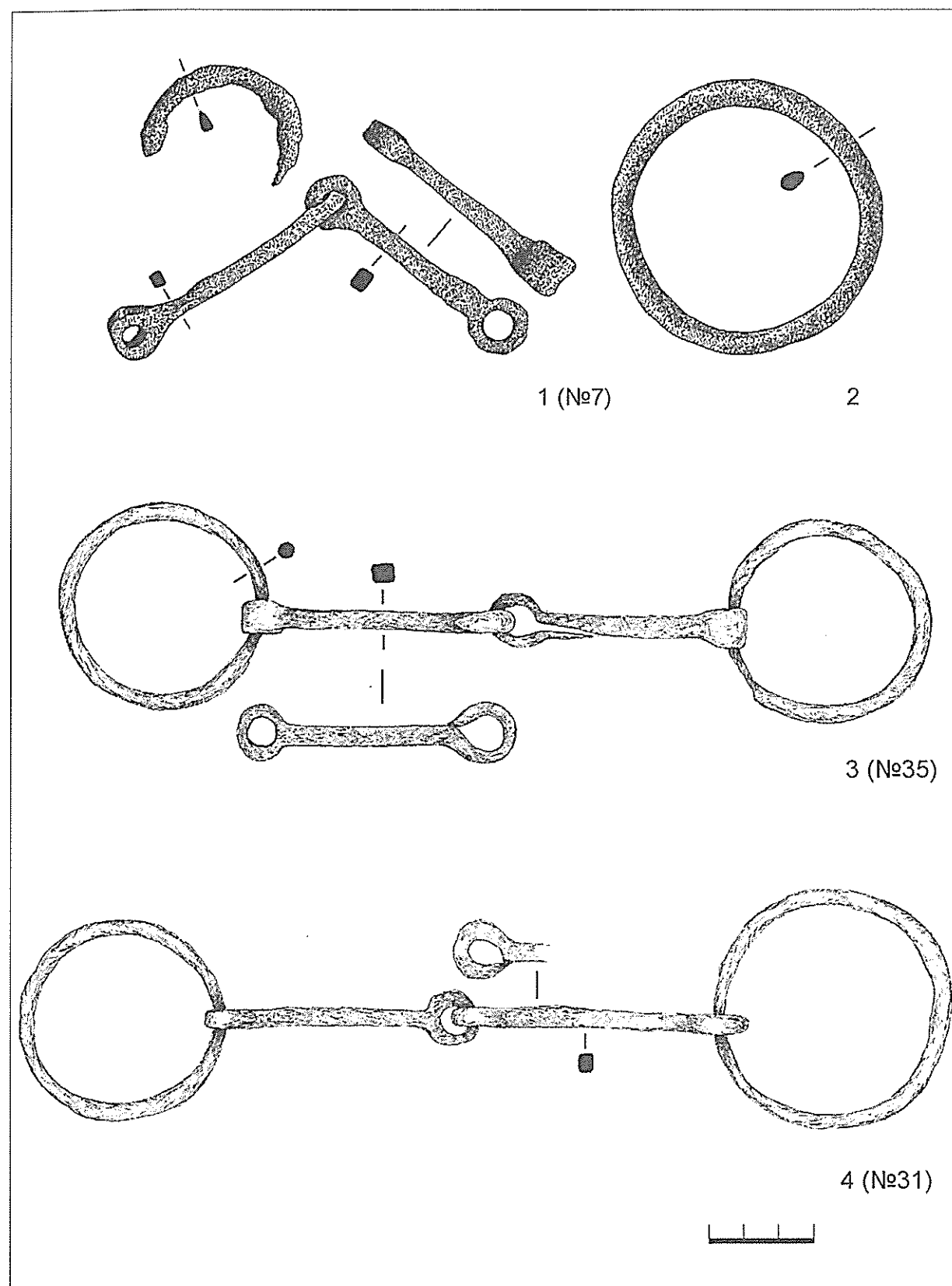

Рис. 26. Двусоставные однокольчатые удила типа Б I-26:
1, 2 – погребение 1 (?) кургана 2 у Ногай-кале; 3 – курган 25 могильника Сапун; 4 – курган 14 там же.

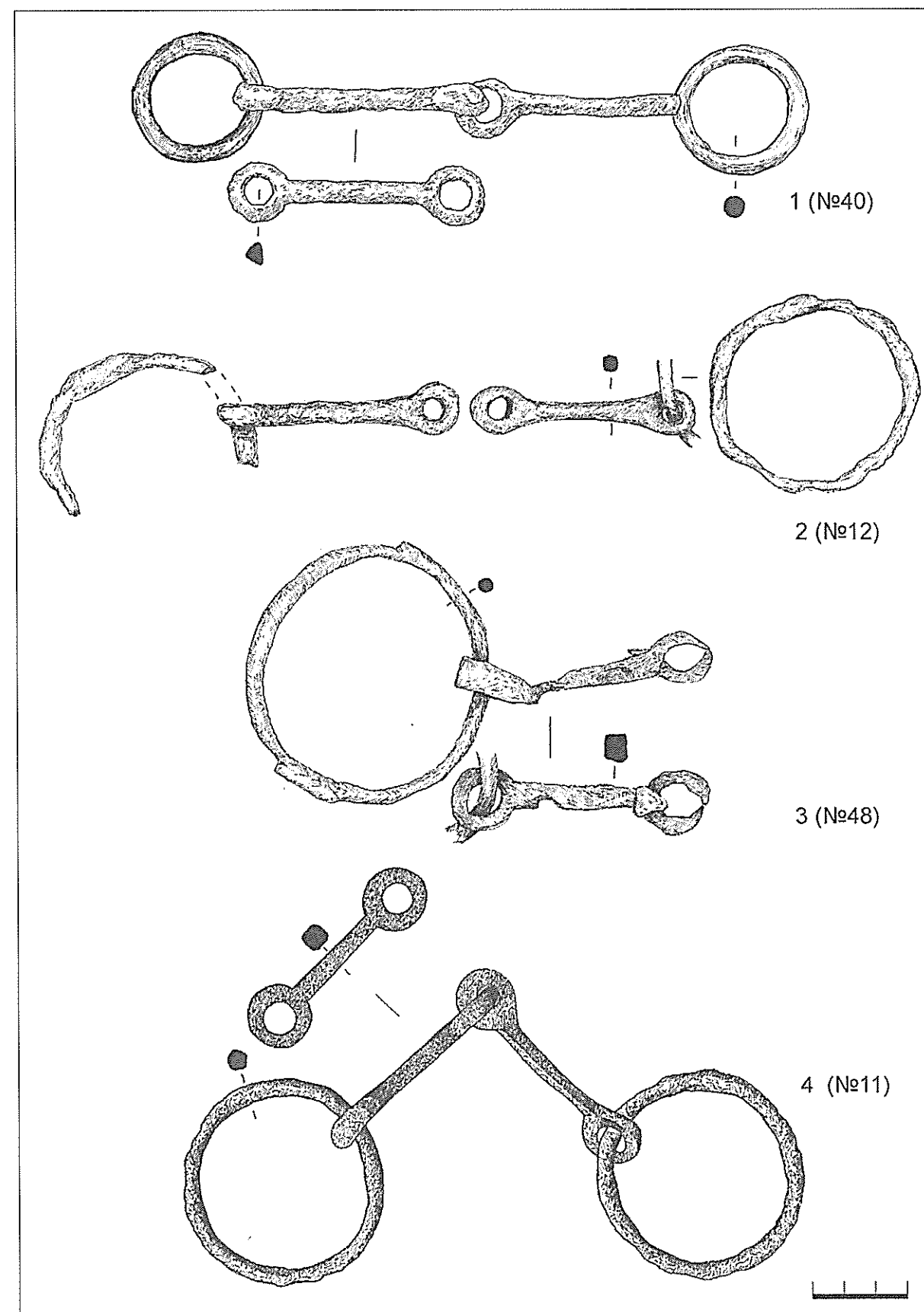

Рис. 27. Двусоставные однокольчатые удила типа Б I-26 (соединено-кольчатые):
1 – погребение 6 могильника Потомственный (с бронзовыми кольцами); 2 – погребение коня 3 могильника Южноозереевский; 3 – случайная находка из Грекомайского; 4 – погребение коня 2 могильника Южноозереевский.

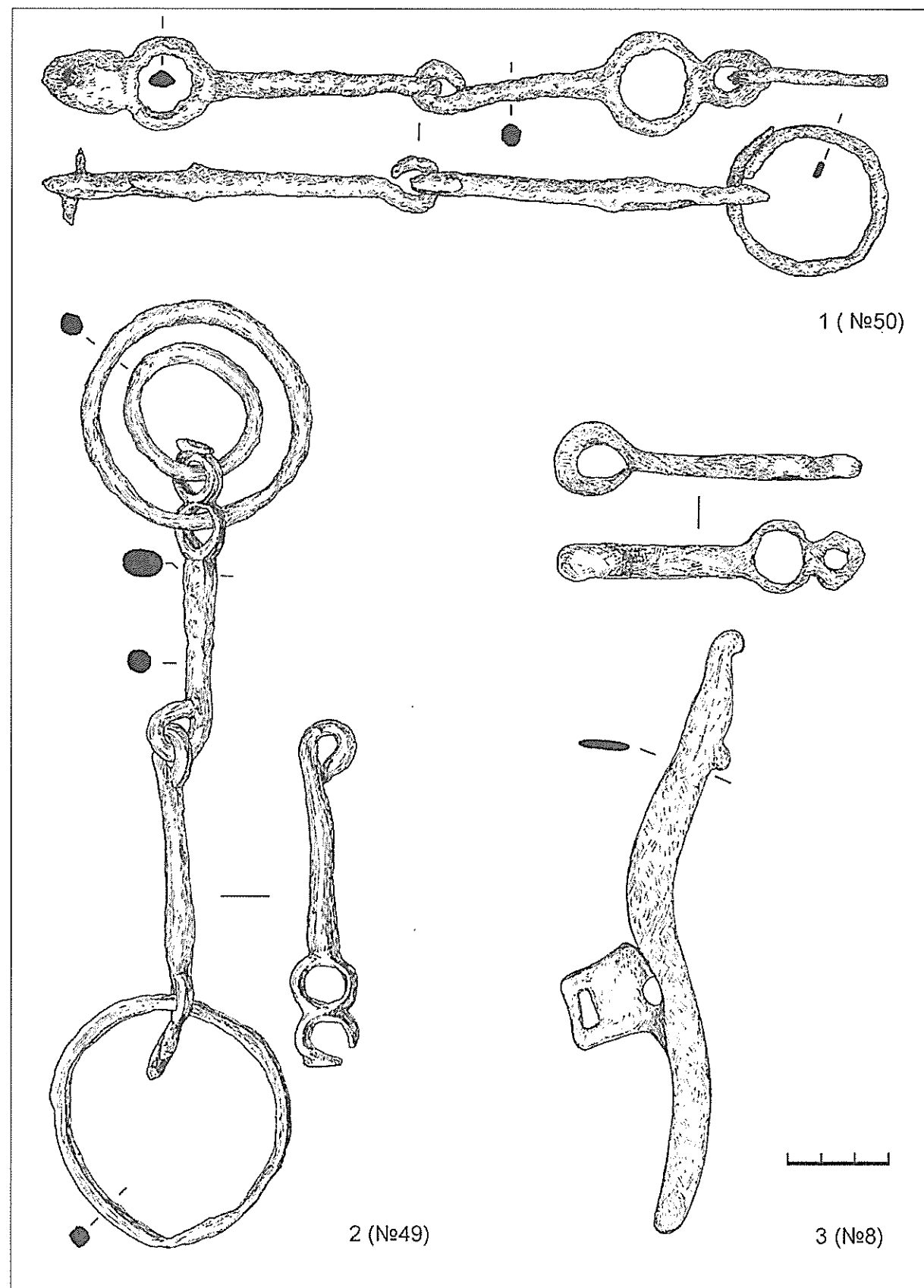

Рис. 28. Двусоставные двукольчатые удила:
1 – типа Б II-1 разр. погребение в Архип-Осиповке; 2 – типа Б II-2 разр. погребение в Геленджике; 3 – типа Б II-3 случайная находка на могильнике у пос. Ленинский путь.

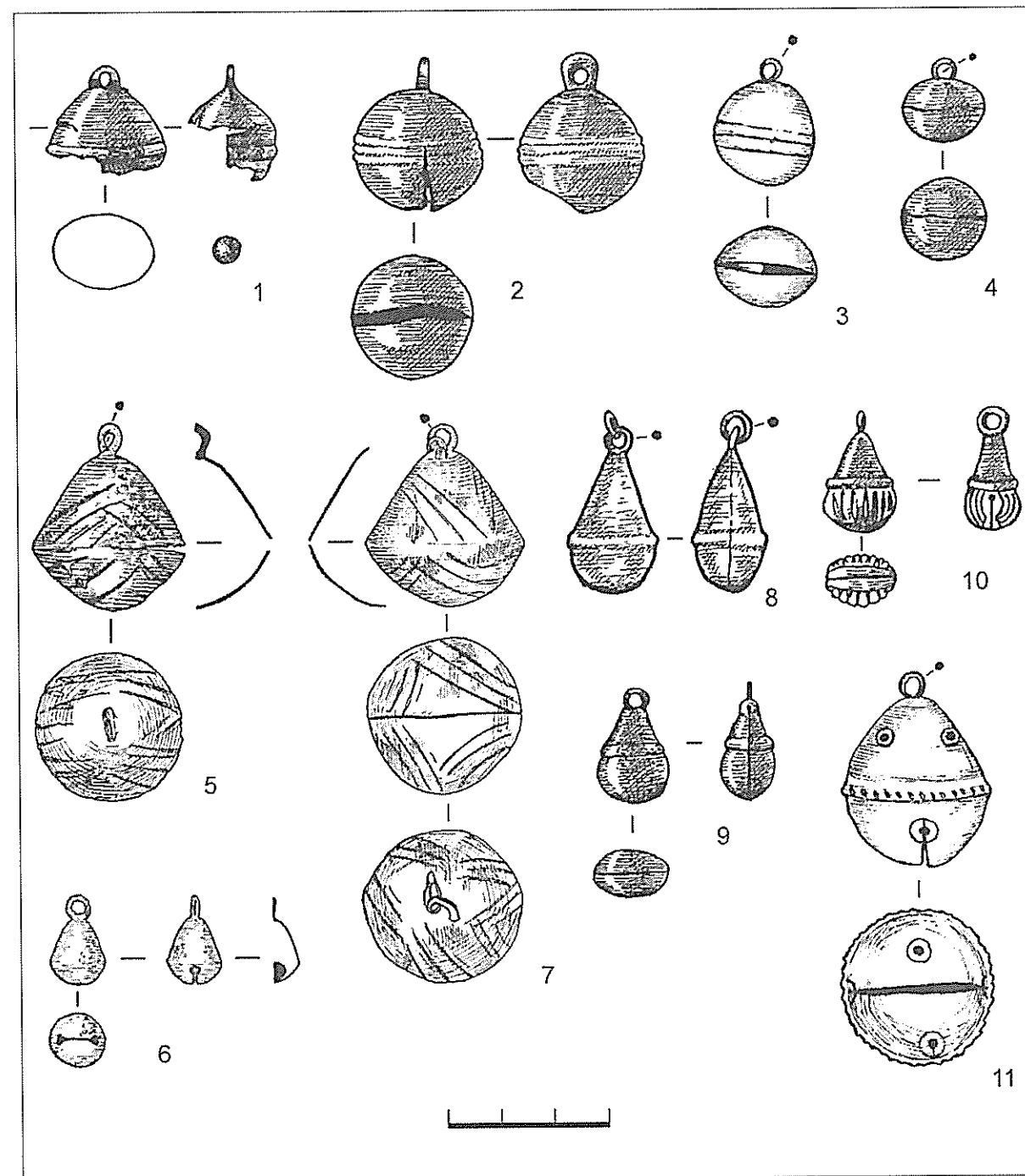

Рис. 29. Бубенчики из могильников Северо-Восточного Причерноморья. 1-4 – шаровидные; 5-10 – сферо-конические; 11 – сферо-эллипсоидный:
1 – курган 1 у Раевского городища; 2 – цемдолинское погребение 29; 3 – курган 25 могильника Сапун; 4 – цемдолинское погребение 18; 5-7 – погребение 1 могильника Потомственный; 8 – цемдолинский погребение коня 1 кургана 4; 9-10 – погребение 5 могильника Андреевская щель; 11 – погребение коня 1 кургана 4 могильника Сапун.

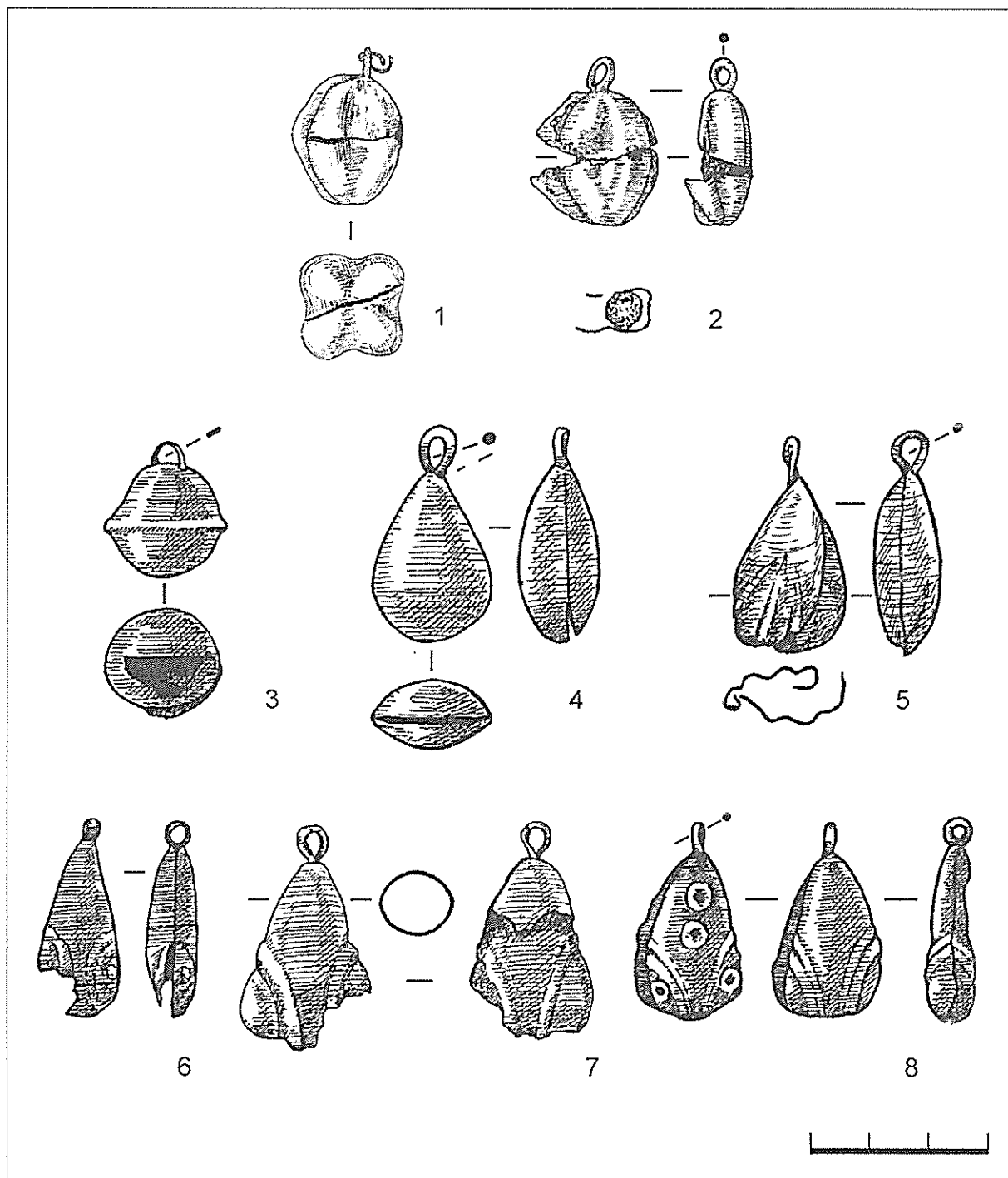

Рис. 30. Бубенчики из могильников Северо-Восточного Причерноморья: 1-2 – овалыно-желобчатые (погребение 1 Потомственного); 3 – желудевидный (цемдолинское погребение 16), 4-5 – каплевидные (4 – цемдолинское погребение 33, 5 – погребение коня 1 цемдолинского кургана 4); 6-8 – грушевидные (6 – цемдолинский курган 14, 7 – цемдолинский курган 3, 8 – цемдолинское погребение 31).

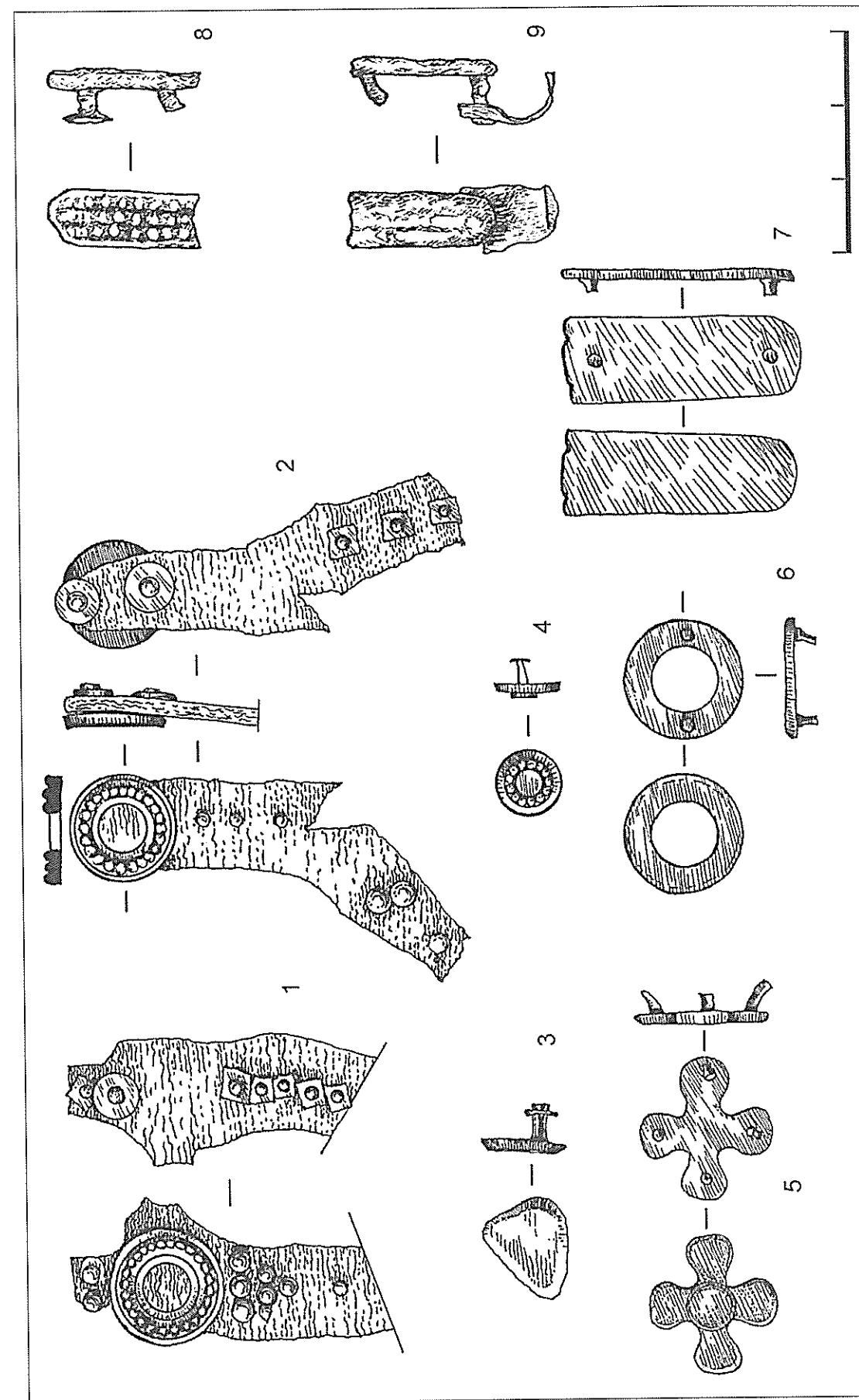

Рис. 31. Литые бронзовые накладки на ремни сбруи I раздела: 1, 2 – цемдолинский курган 14; 3 – погребение коня 1 цемдолинского кургана 4; 4, 5, 7 – погребение 5 в Андреевской Щели; 6 – цемдолинское погребение 33; 8, 9 – погребение 1 в Потомственном.

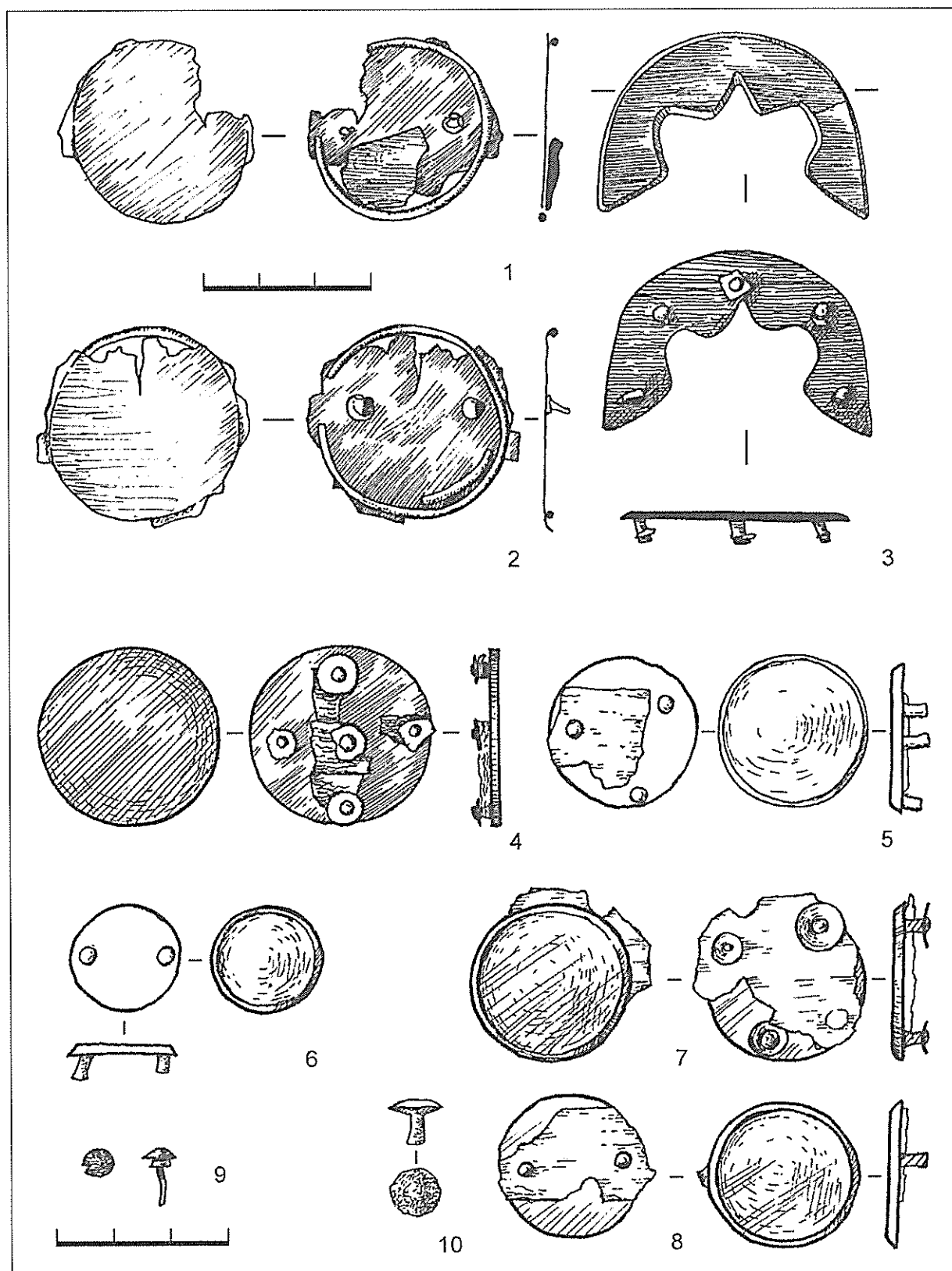

Рис. 32. Литые бляшки I (2-9) и II (1) разделов:
1-3 – погребение коня 3 в Южной Озереевке; 4 – цемдолинское погребение 33; 5-8 – погребение коня 1 цемдолинского кургана 4; 9 – цемдолинское погребение 18; 10 – железная заклепка из погребения коня 2 цемдолинского кургана 4.

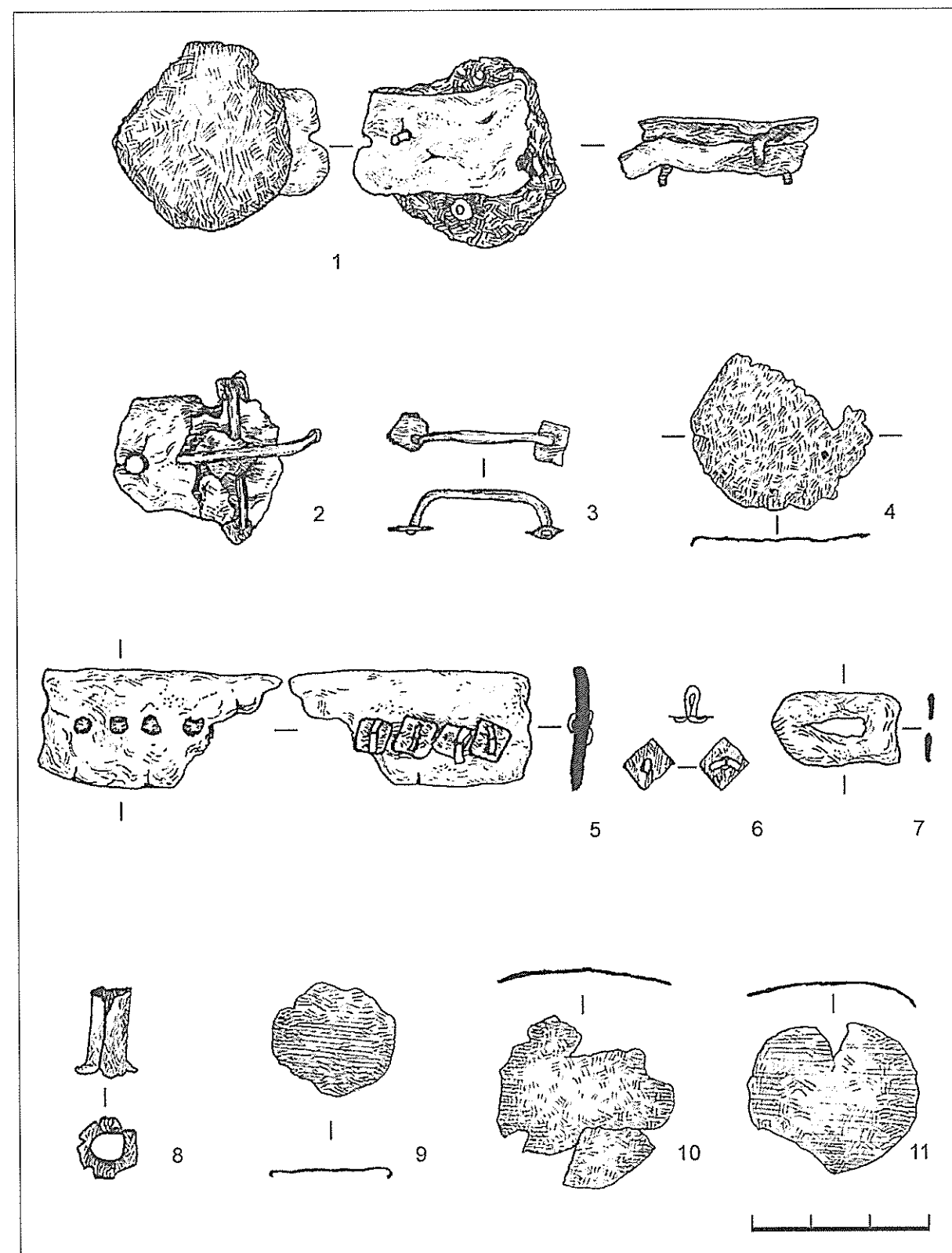

Рис. 33. Литые бляшки II раздела и остатки ремней с деталями их крепления (1-6, 9-11), латунная трубочка (8), конец ремня с прорезью (7):
1-8 – погребение коня 2 кургана 1 могильник Чайка; 9-11 – погребение 2 на территории санатория в Архип-Осиповке.

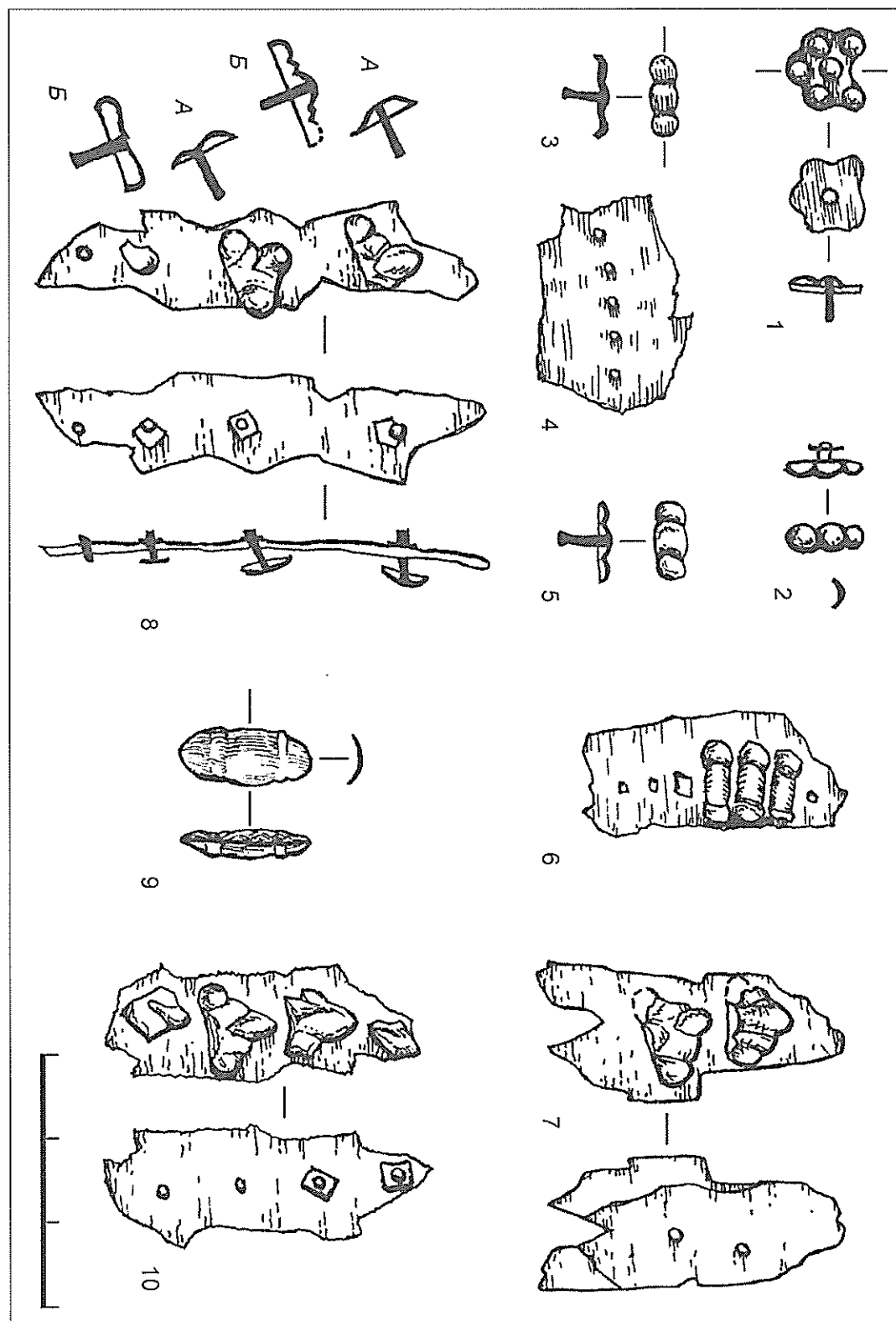

Рис. 34. Штампованные бляшки III раздела и остатки ремней с такими бляшками:
1 – цемдолинское погребение 33; 2 – цемдолинский курган 14; 3, 4 – цемдолинский курган 3; 5, 6, 10 – погребение коня 2 цемдолинского кургана 4; 7, 8 – погребение коня 1 цемдолинского кургана 4; 9 – погребение коня 2 кургана 1 могильника Чайка. А – вертикальное, Б – горизонтальное сечение бляшек.

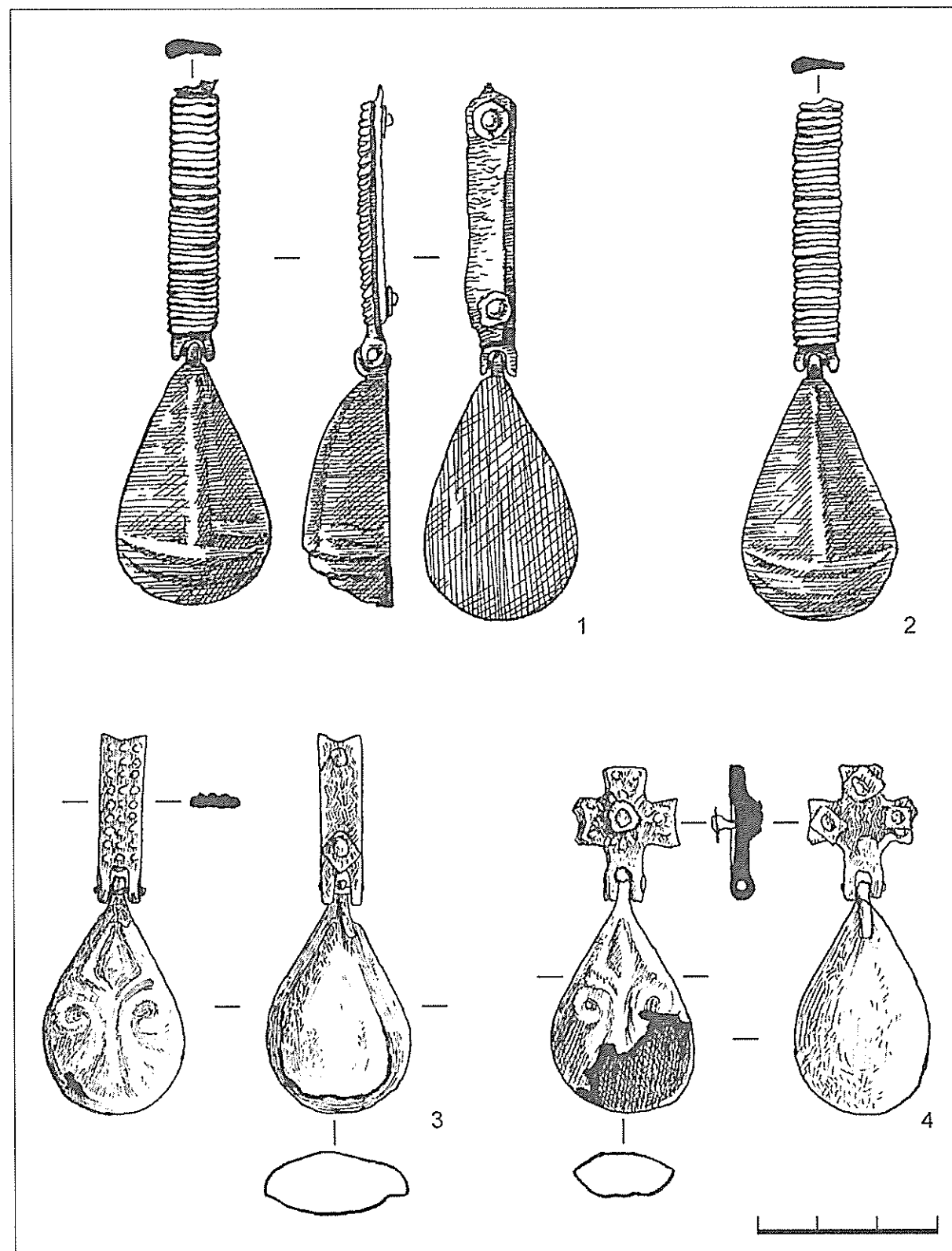

Рис. 35. Двусоставные украшения с решами:
1, 2 – цемдолинский курган 14; 3, 4 – погребение 1 могильника Потомственный.

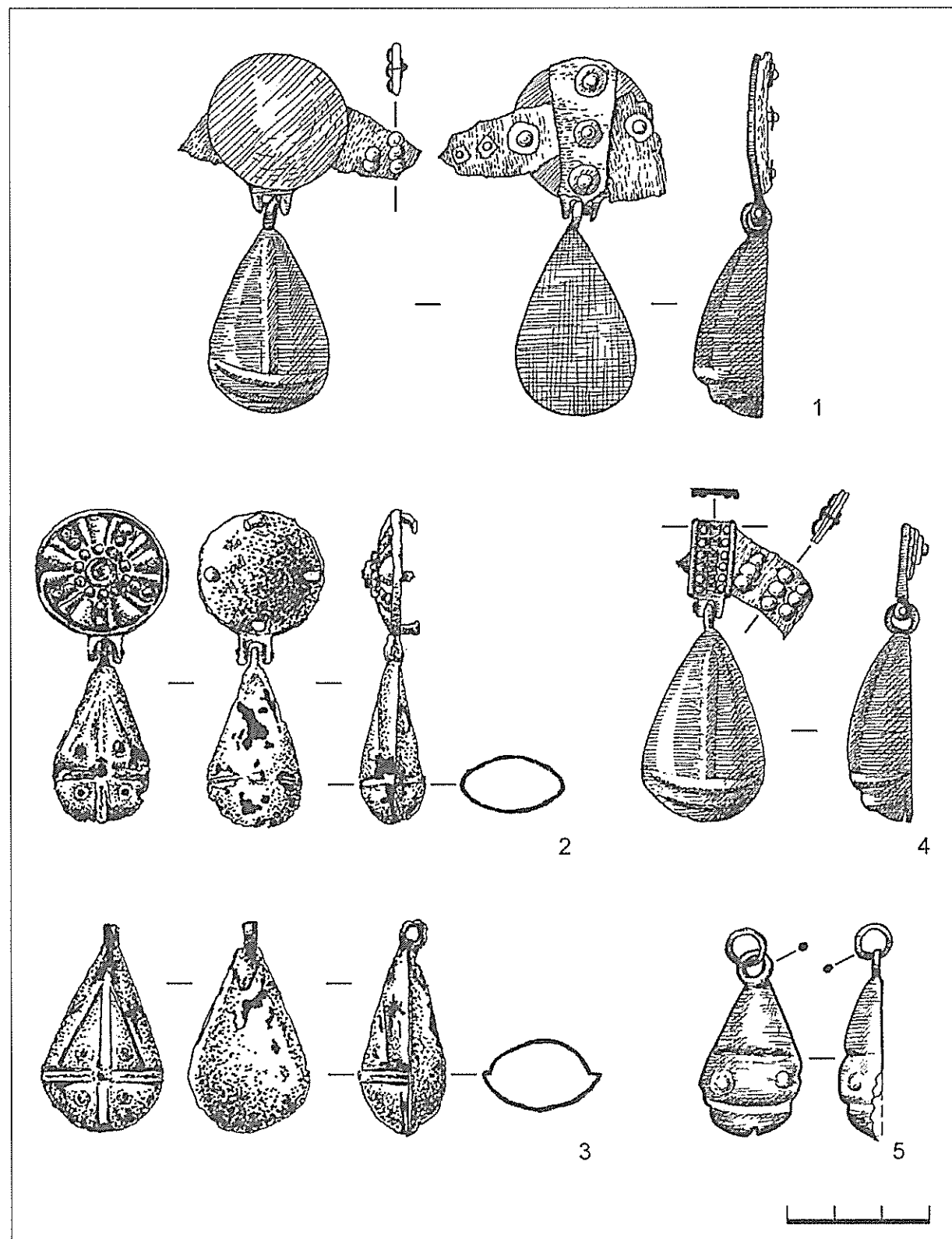

Рис. 36. Двусоставные украшения с решами и их детали:

1, 4 – цемдолинский курган 14; 2, 3 – курган 5 могильника Сапун; 5 – погребение коня 1 цемдолинского кургана 4.

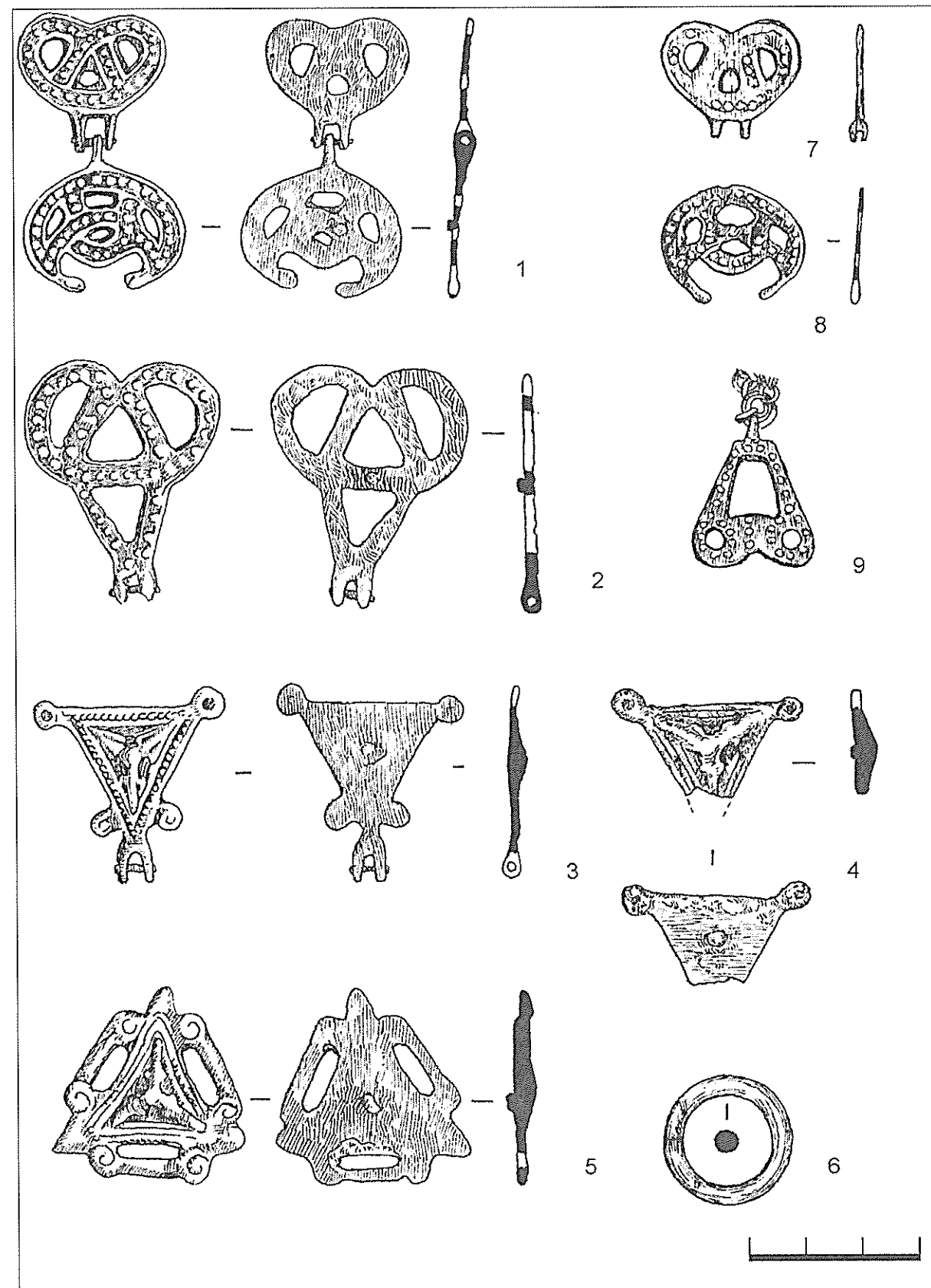

Рис. 37. Двусоставные украшения и их детали (1-4, 7, 8) привеска-подражание им (9), тройник-распределитель (5) и бронзовое кольцо (6):

1-6 – погребение 1 в Потомственном; 7 – погребение 8 кургана 21 могильника Сапун; 8-9 – урновое погребение кургана 1 могильника Чайка.

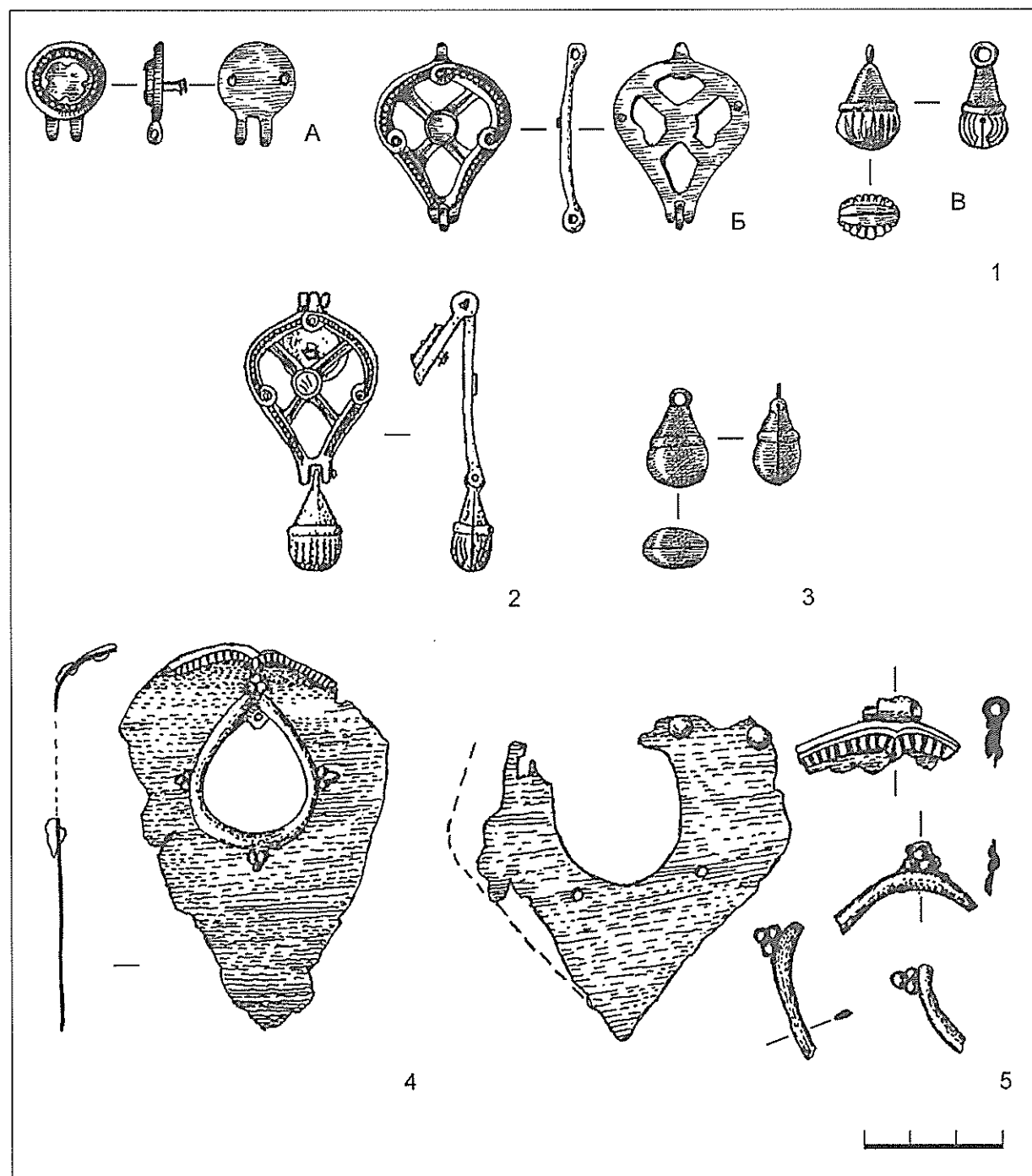

Рис. 38. Сбруйные украшения из могильника Андреевская щель:

1 – детали составного украшения с решмой (а, б – литые бляхи, в – тисненый бубенчик); 2 – украшение в целом виде; 3 – бубенчик составного украшения; 4, 5 – кованые бляхи и детали их декора.

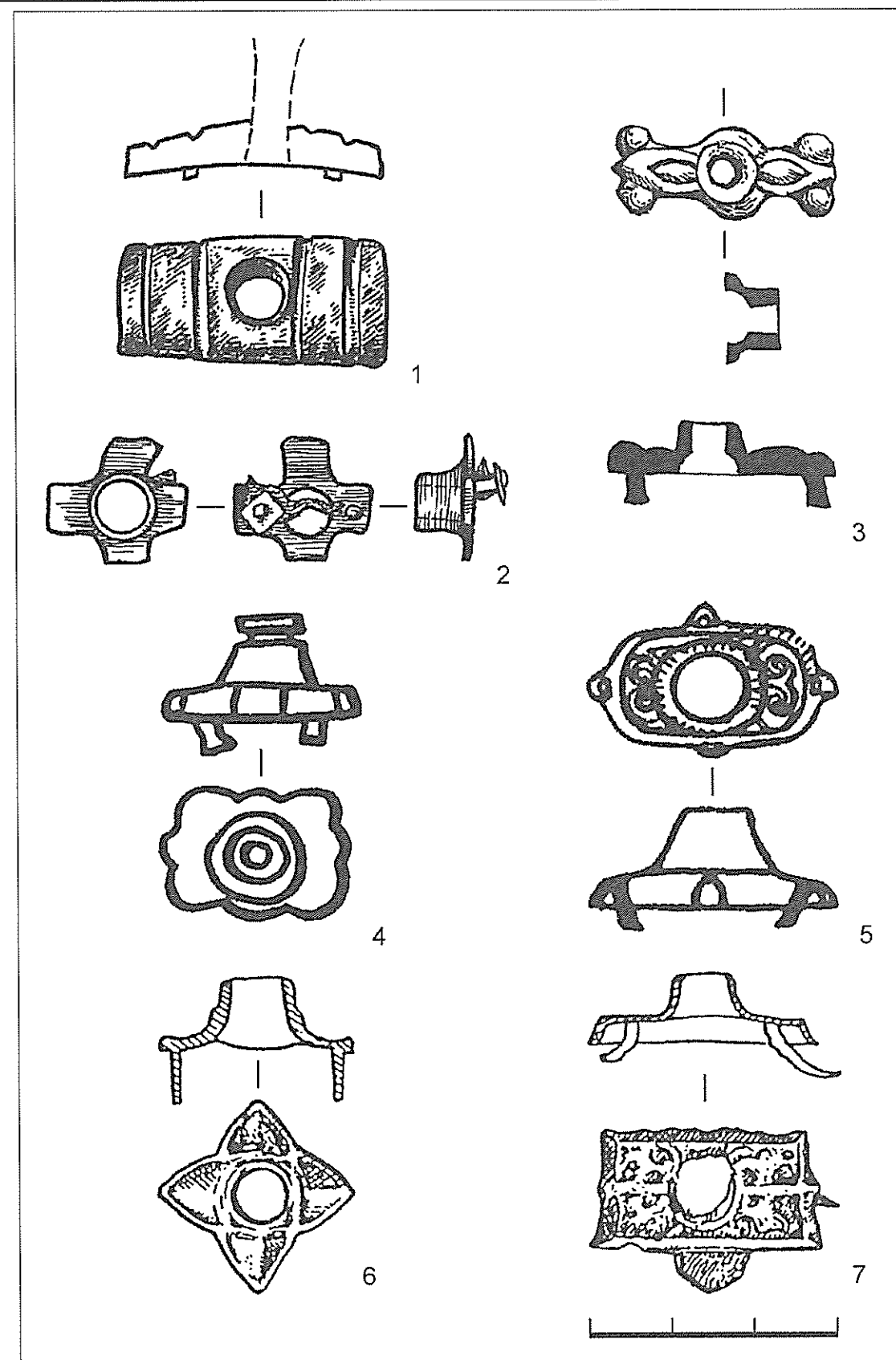

Рис. 39. Накладки для наносных султанчиков:

1–3 – из Северо-Восточного Причерноморья; 4–7 – из южносибирских и алтайских могильников (без масштаба).

1 – тип А1-1 (сапунский курган 19); 2 – тип В1-1 (цемдолинское погребение 33); 3 – тип АII-1 (погребение коня 2 цемдолинского кургана 4); 4 – курган 12 могильника Шанчиг; 5 – курган 15 могильника Карашат I; 6 – курган 6 могильника Гилево IX; 7 – курган 2 могильника Гилево XII.

Рис. 40. Начельники:
(1, 2) и сбруйная бляха (3) из слоя раскопки могильника Андреевская щель.
Мель, бронза.

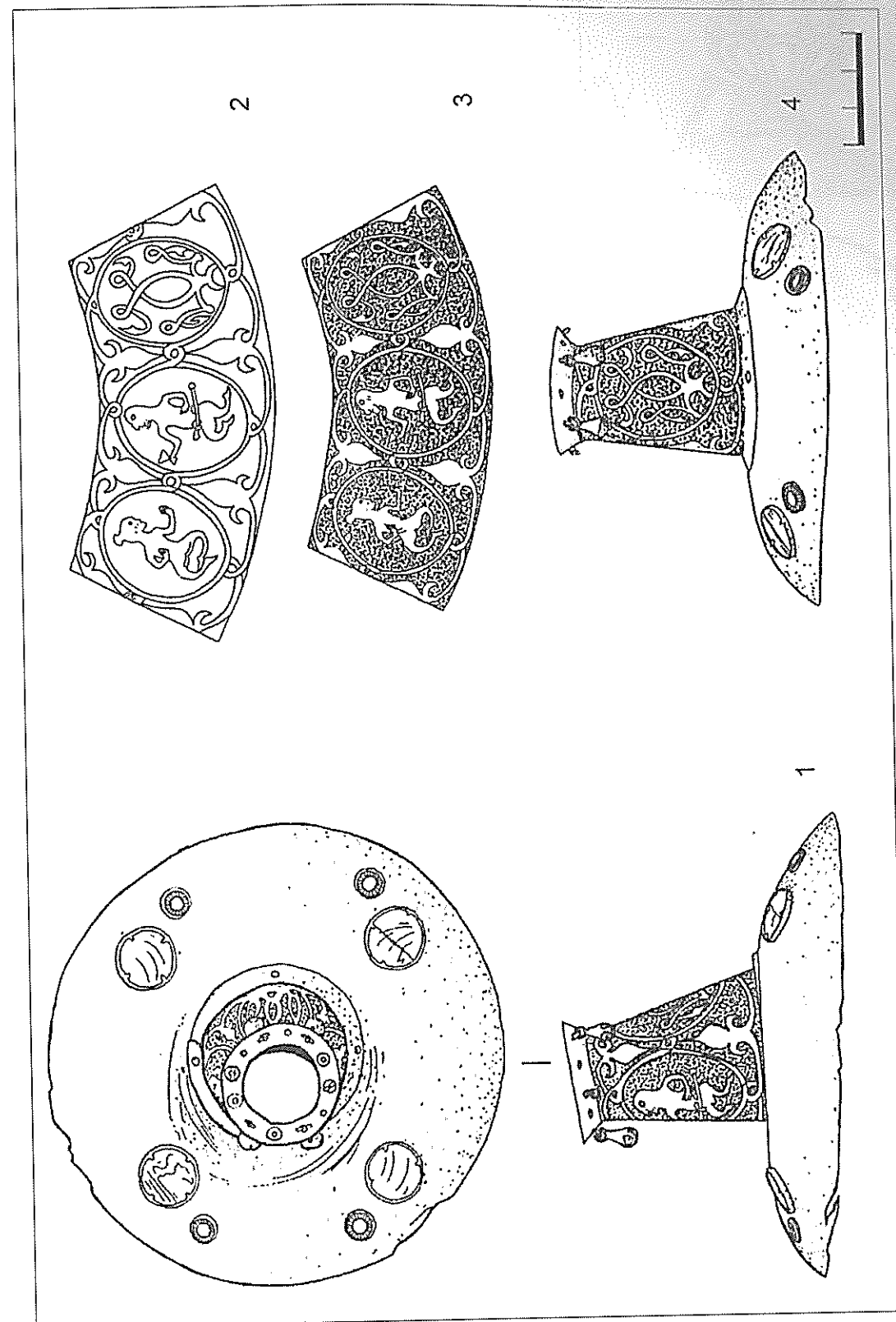
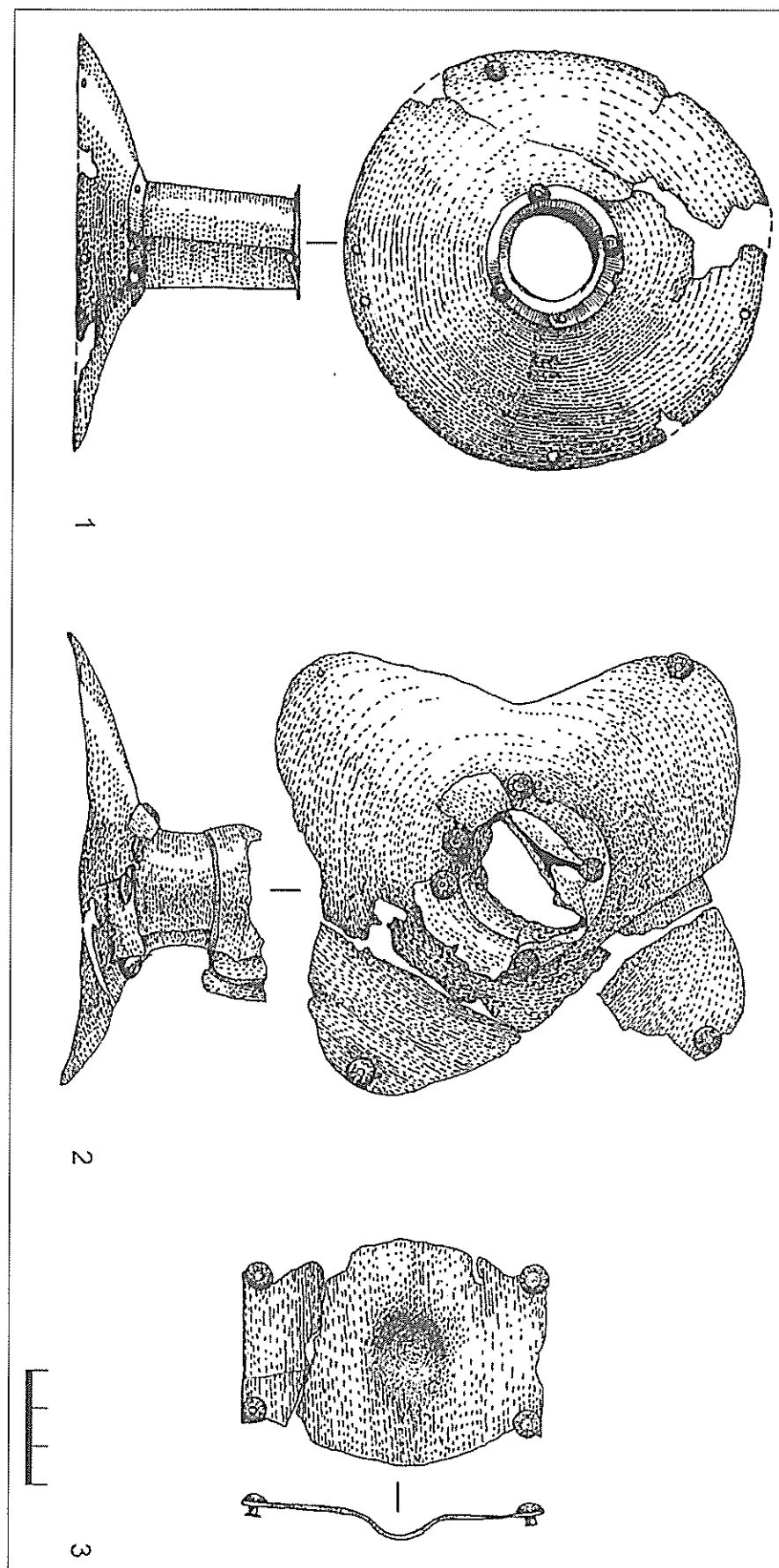

Рис. 41. Начельник из погребения 5 могильника Андреевская щель:
1, 4 – начельник в разных проекциях; 2, 3 – развертка изображения на втулке (2 – с уточнениями Г. Король по оригиналу). Мель, бронза, позолота.
Рисунки автора раскопок А.М. Новичихина.

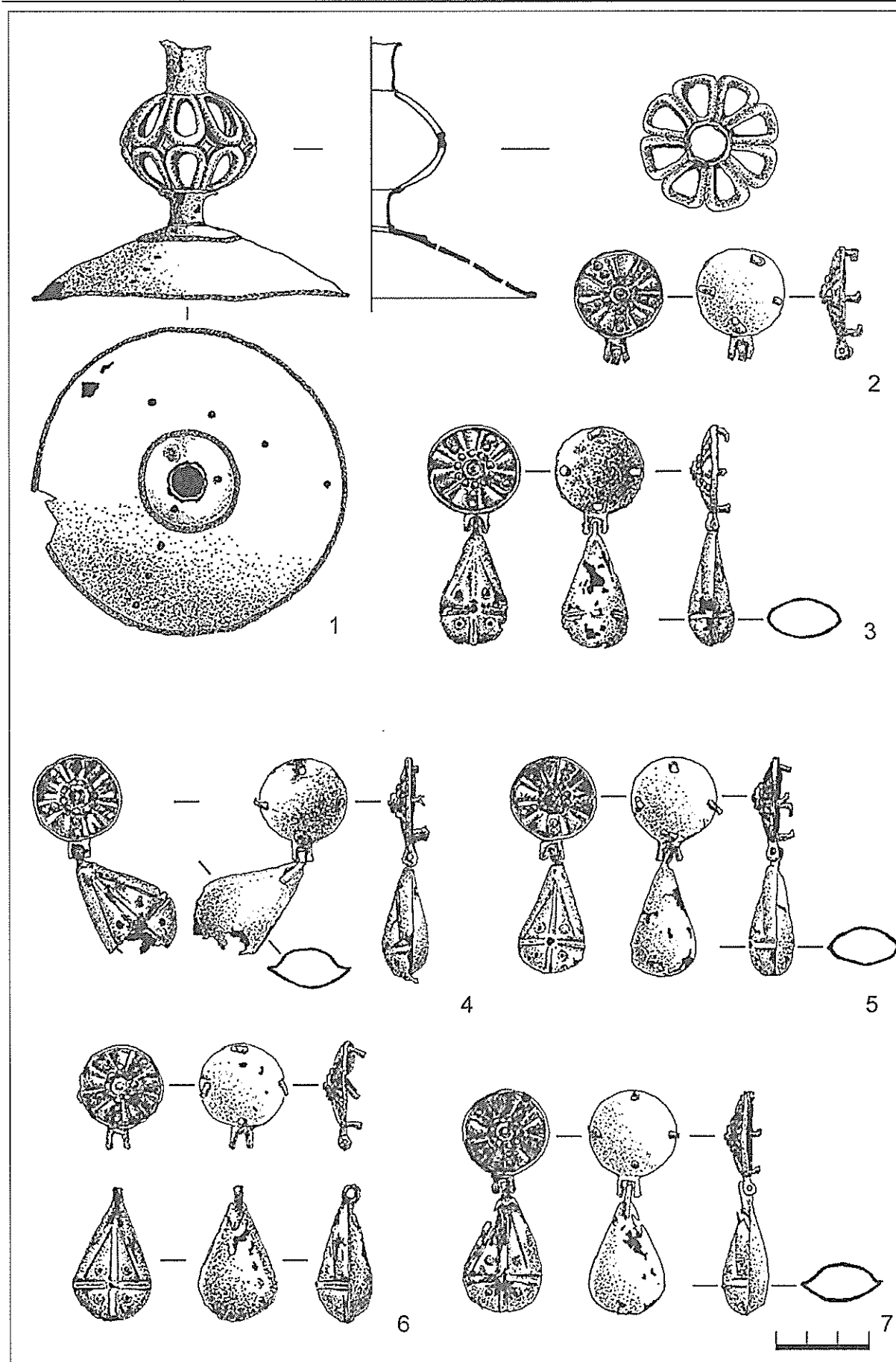

Рис. 42. Украшения оголовья из кургана 5 Сапунского могильника:
1 – начельник и его детали; 2 – 3 – составные украшения с решмами. Медь, бронза, позолота.

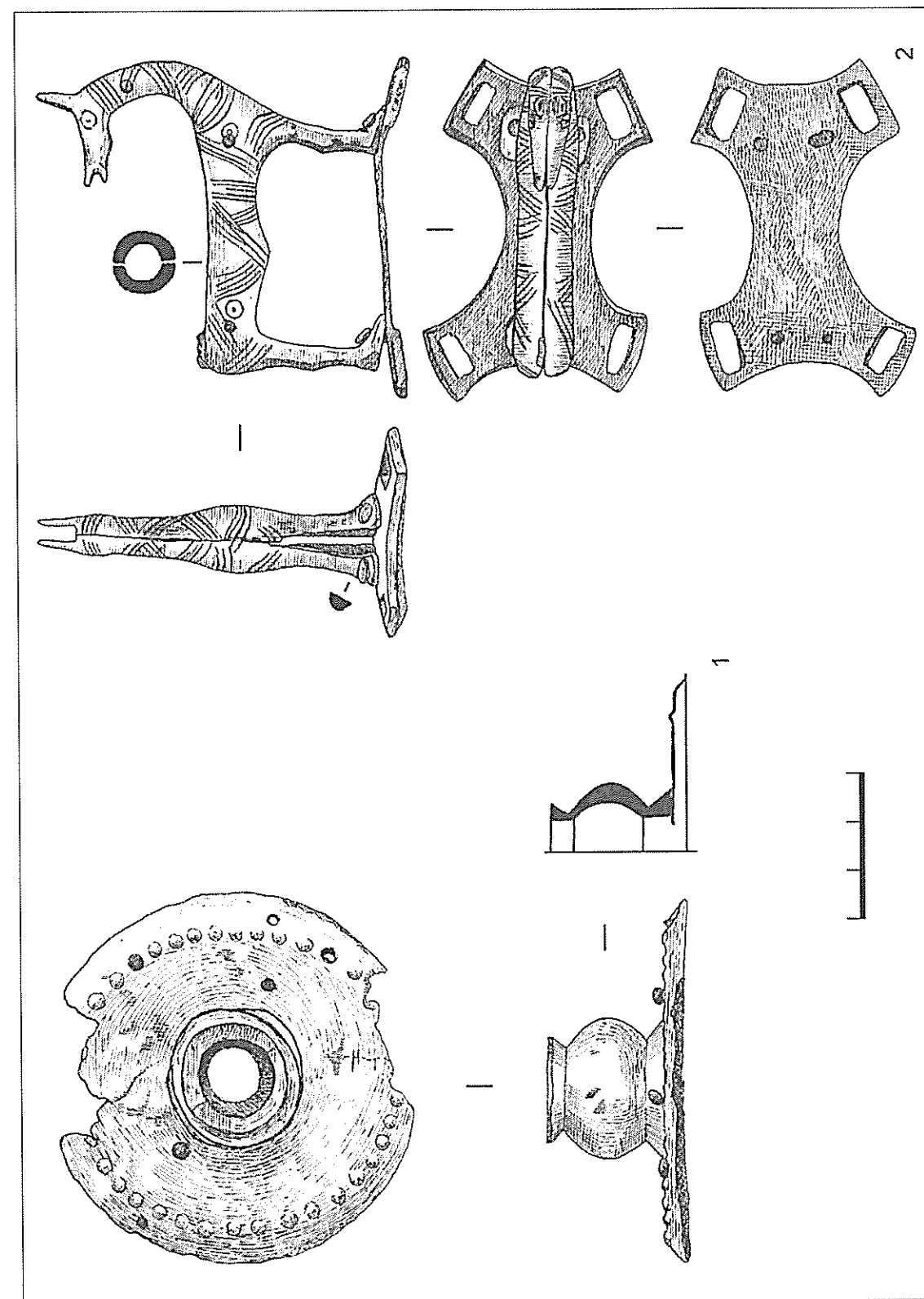

Рис. 43. Украшения упряжки из погребения 1 могильника Потомственный:
1 – начельник, 2 – фигурка лани. Медь, бронза, позолота.

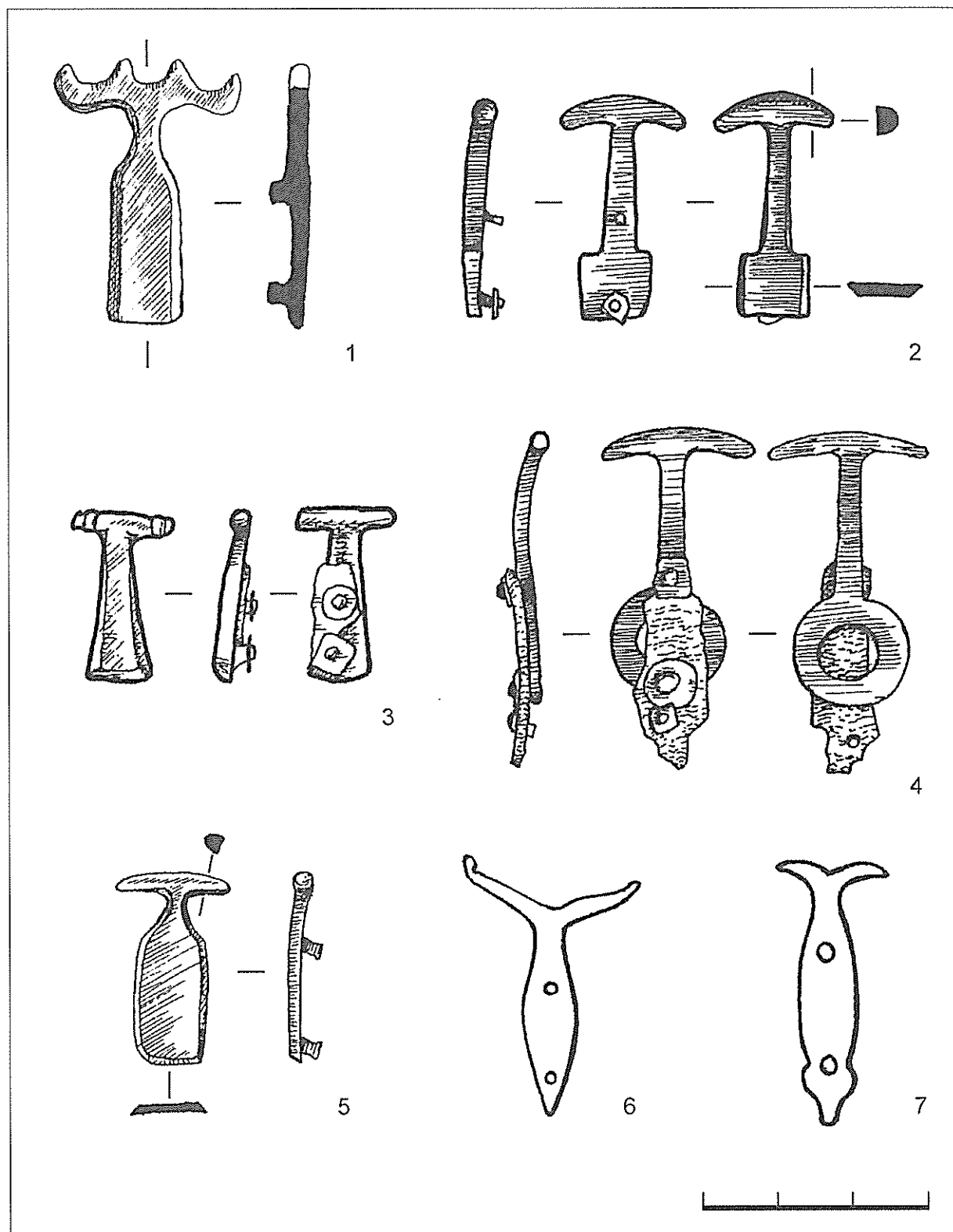

Рис. 44. Накладки-застежки:

1-5 – из могильников Северо-Восточного Причерноморья; 6-7 – из аскизских памятников (без масштаба).
1 – тип BI-3 (погребение 1 Потомственного); 2 – тип BI-4 (цемдолинское погребение 33); 3 – тип BI-1 (погребение коня 1 цемдолинского кургана 4); 4 – тип BII-1 (цемдолинский курган 14); 5 – тип BI-2 (цемдолинский курган 3).

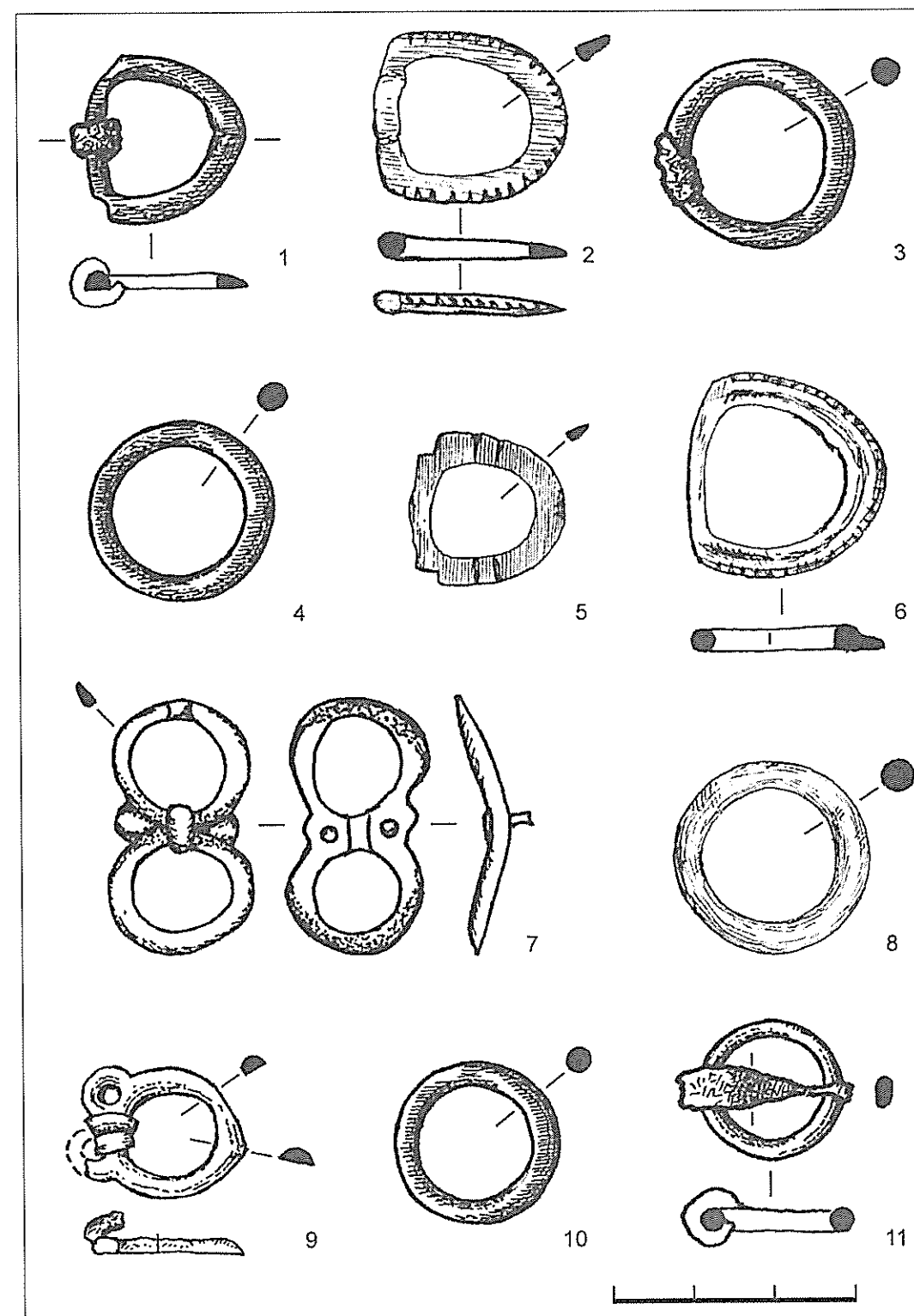

Рис. 45. Уздечные пряжки и сбруйные кольца из бронзы:

1, 4, 10 – цемдолинское погребение 14; 2 – погребение коня 1 кургана 4 1 могильника Сапун;
3, 11 – цемдолинское погребение 18; 5 – погребение коня 1 курган 1 могильника Чайка;
6 – курган 22 могильника Сапун; 7 – погребение 5 в Андреевской Щели; 8 – погребение коня 2 кургана 1 могильника Чайка; 9 – погребение коня 2 цемдолинского кургана 4.

Рис. 46. Распространение ажурно-рамчатых ременных украшений причерноморско-кавказской группы.

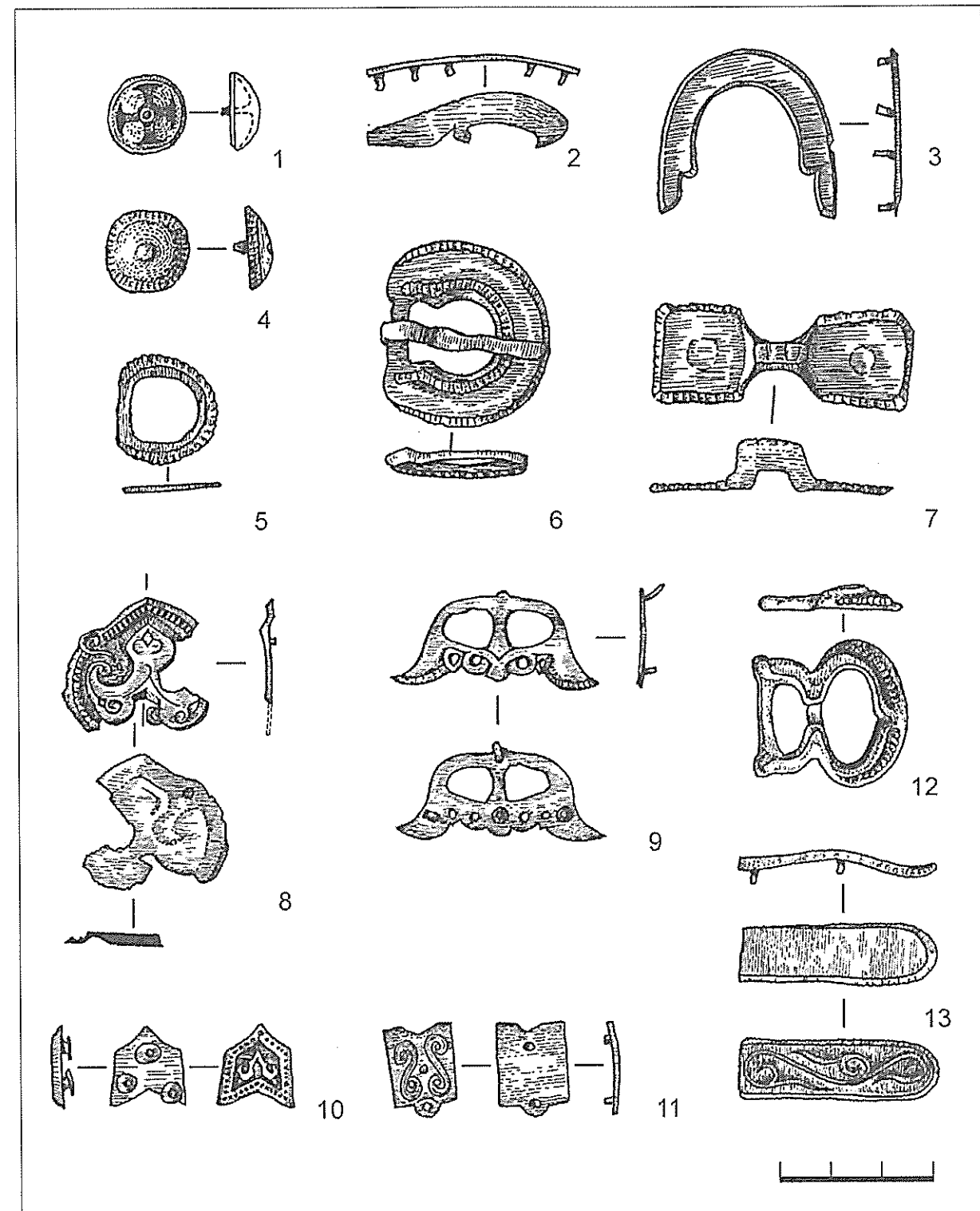
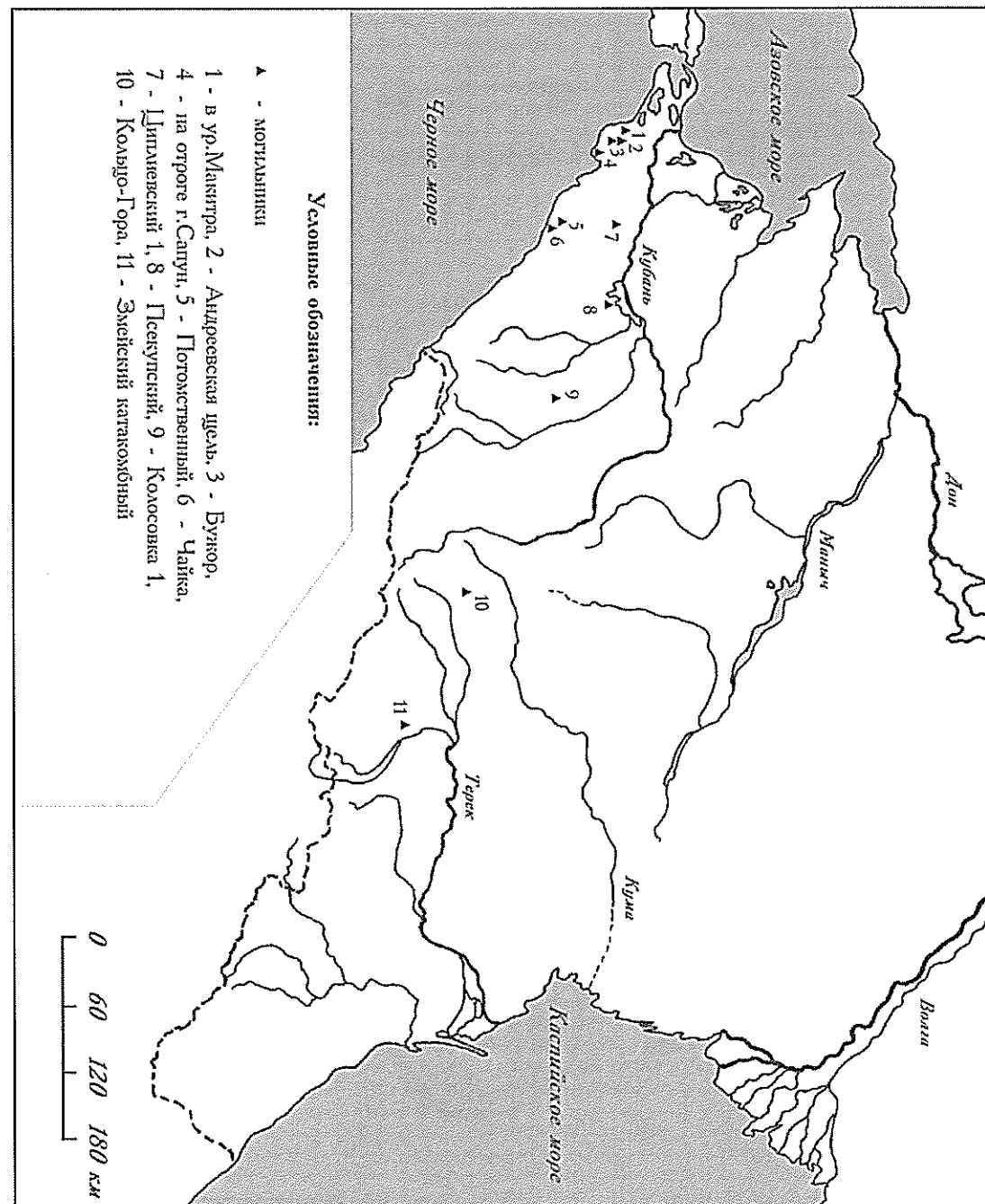

Рис. 47. Ременная гарнитура X-XI вв.:

1-7 - из Ленинахальского могильника в Закубанье (7 - колчанная петля); 8-11 - из слоя распашки могильника Андреевская щель и 12-13 - из слоя распашки могильника Южноозеревский в Северо-Восточном Причерноморье.

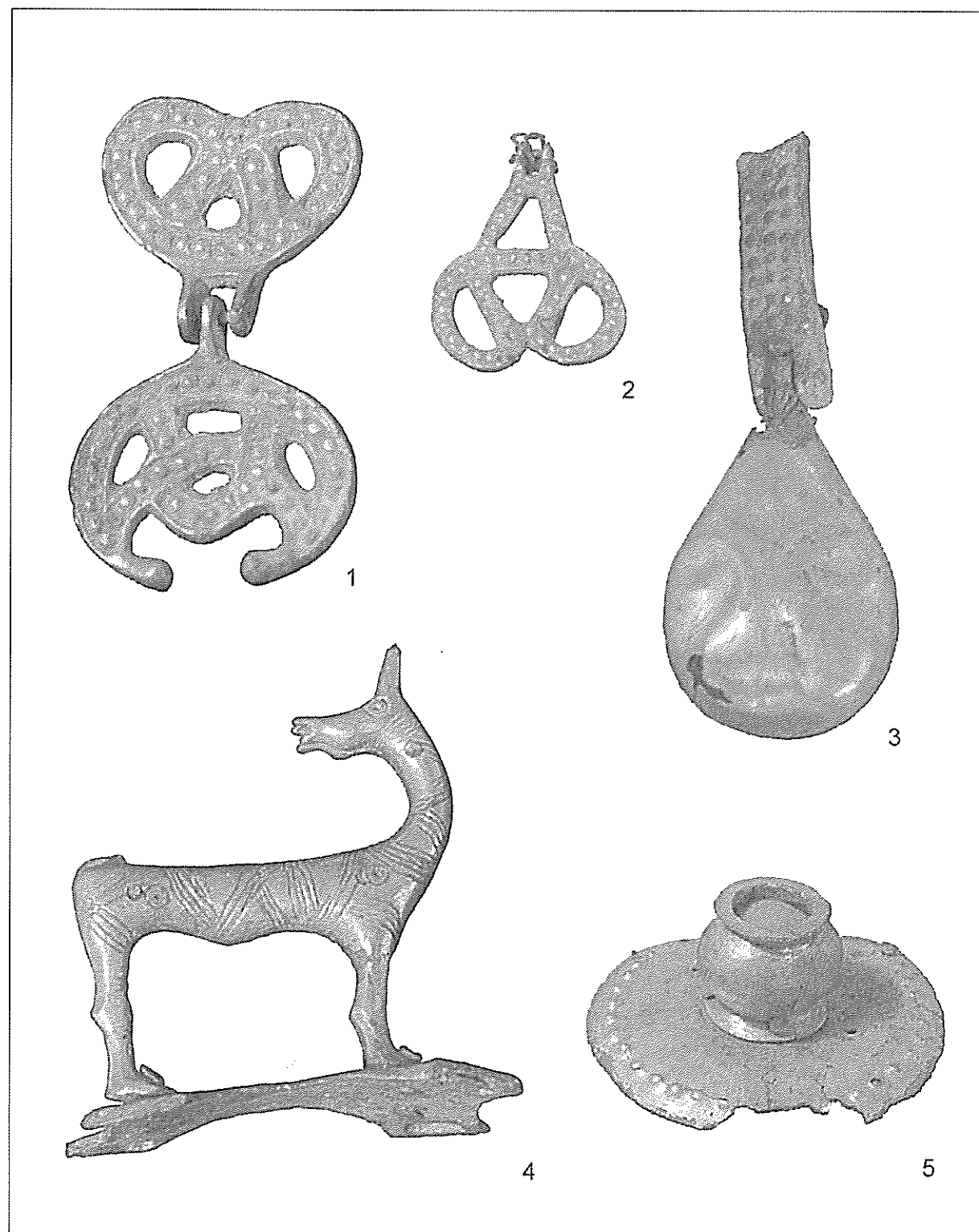

Рис. 48. Украшения конской упряжи из погребения 1 могильника Потомственный. Медь, бронза, позолота. Литье, ковка, чеканка, гравировка, тиснение.

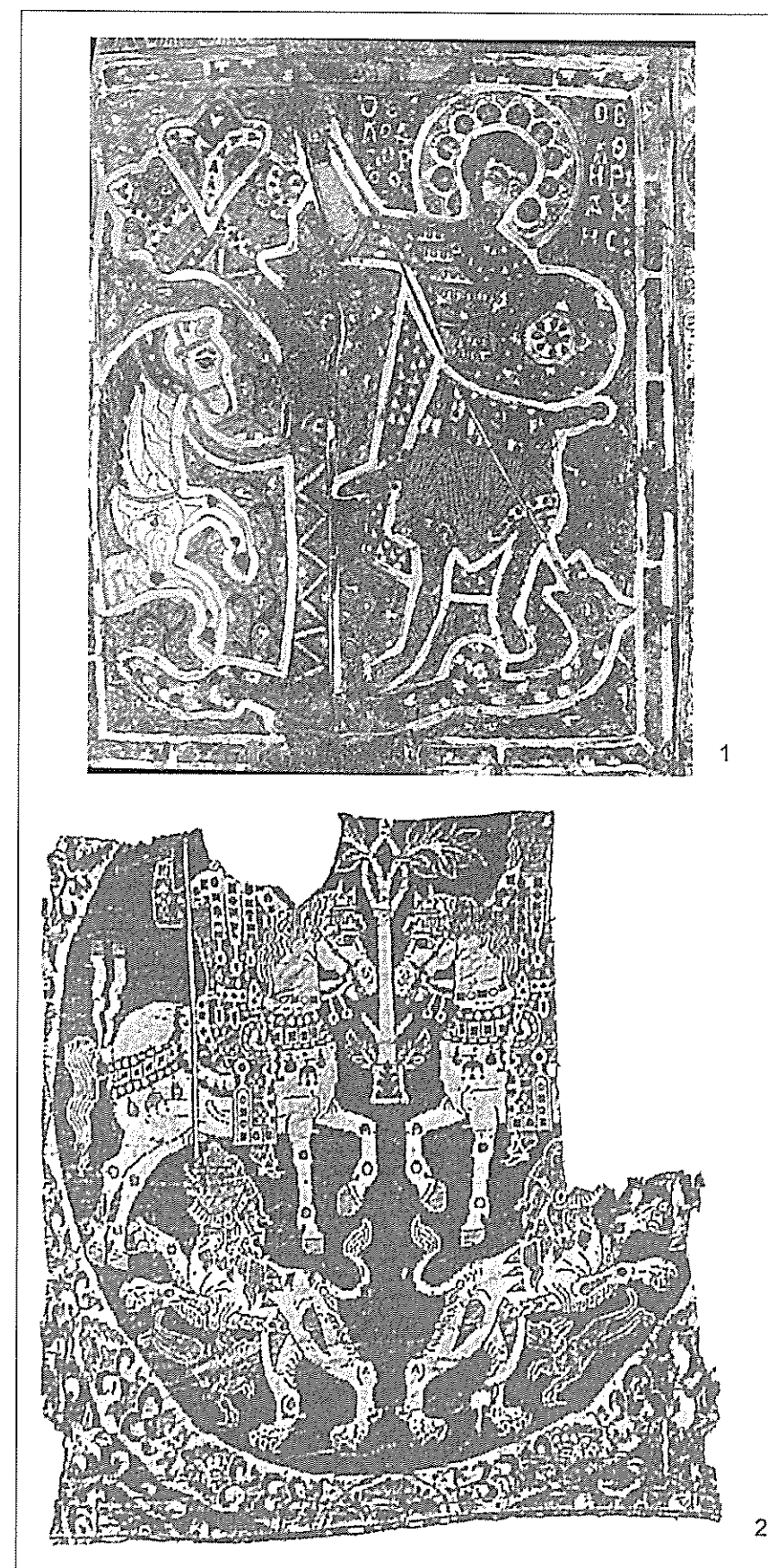

Рис. 49. Изображения лунниц и других подвесок в уборе коня на византийских изделиях: 1 – икона "Феодор Драконоборец", выполненная эмалью; 2 – фрагмент ткани из Мозака со сценой охоты императора (по А.Грабару, 2000).

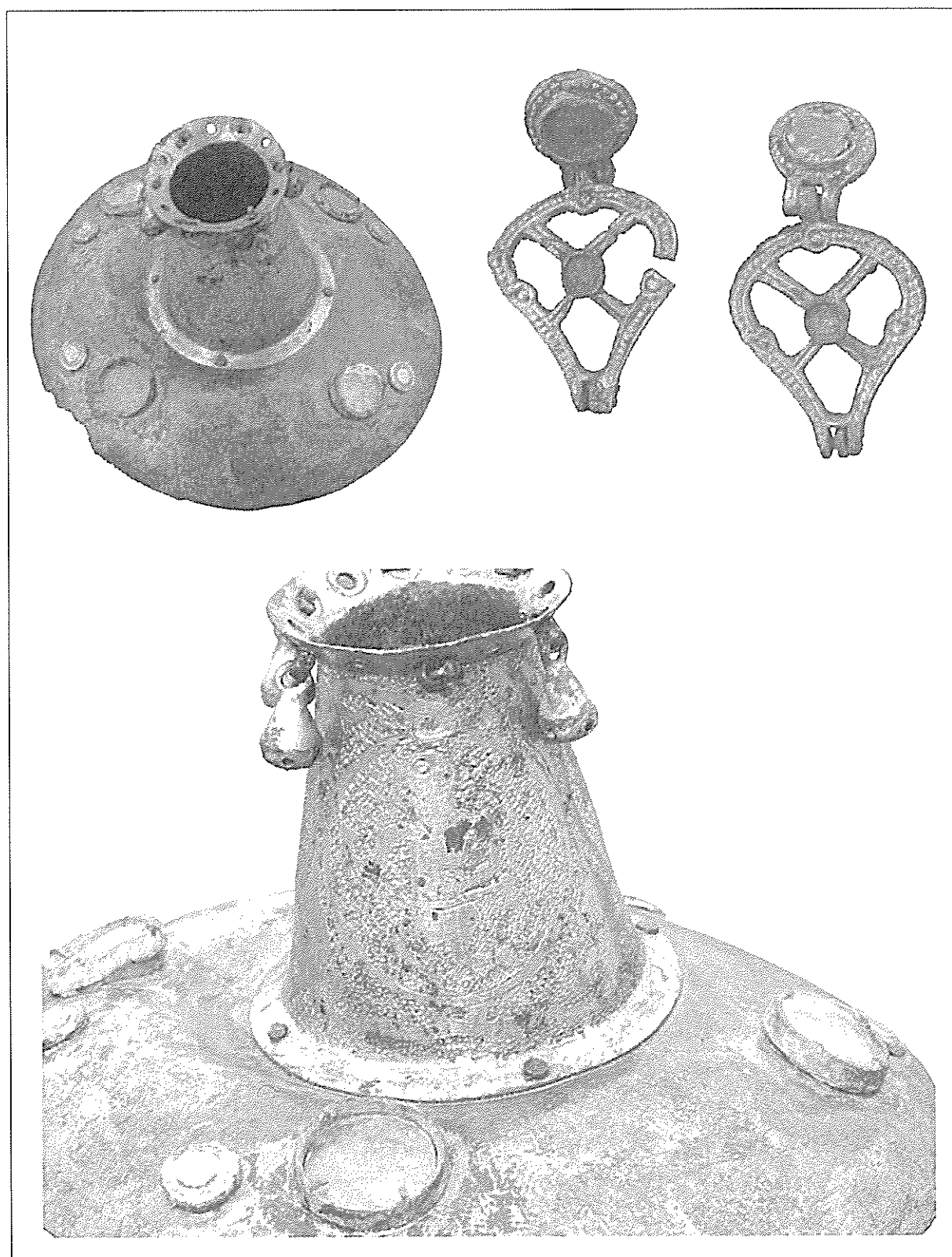

Рис. 50. Элементы парадного оголовья из погребения 5 могильника Андреевская щель:
1 – составные украшения с решмами; 2, 3 – начельник.
Медь, бронза, позолота, стеклянные вставки.

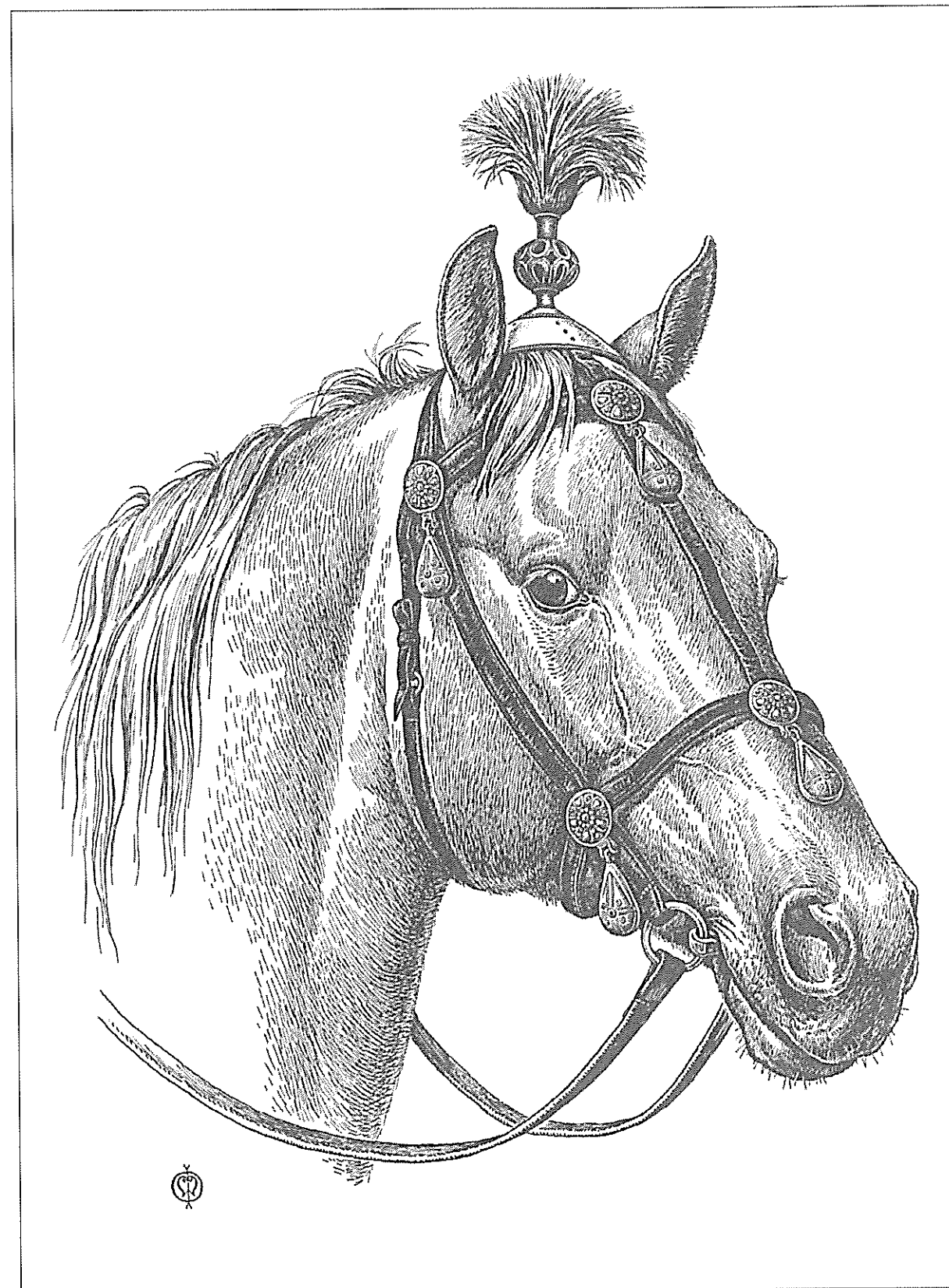

Рис. 51. Реконструкция украшенной уздечки из кургана 5 могильника на г. Сапун.
В реконструкции использованы только те предметы, которые входили в археологический комплекс.
Автор реконструкции О.В. Федоров.

Рис. 52. Погребение коня в полном уборе в кургане 14 Цемдолинского могильника (по Дмитриеву, 1998).

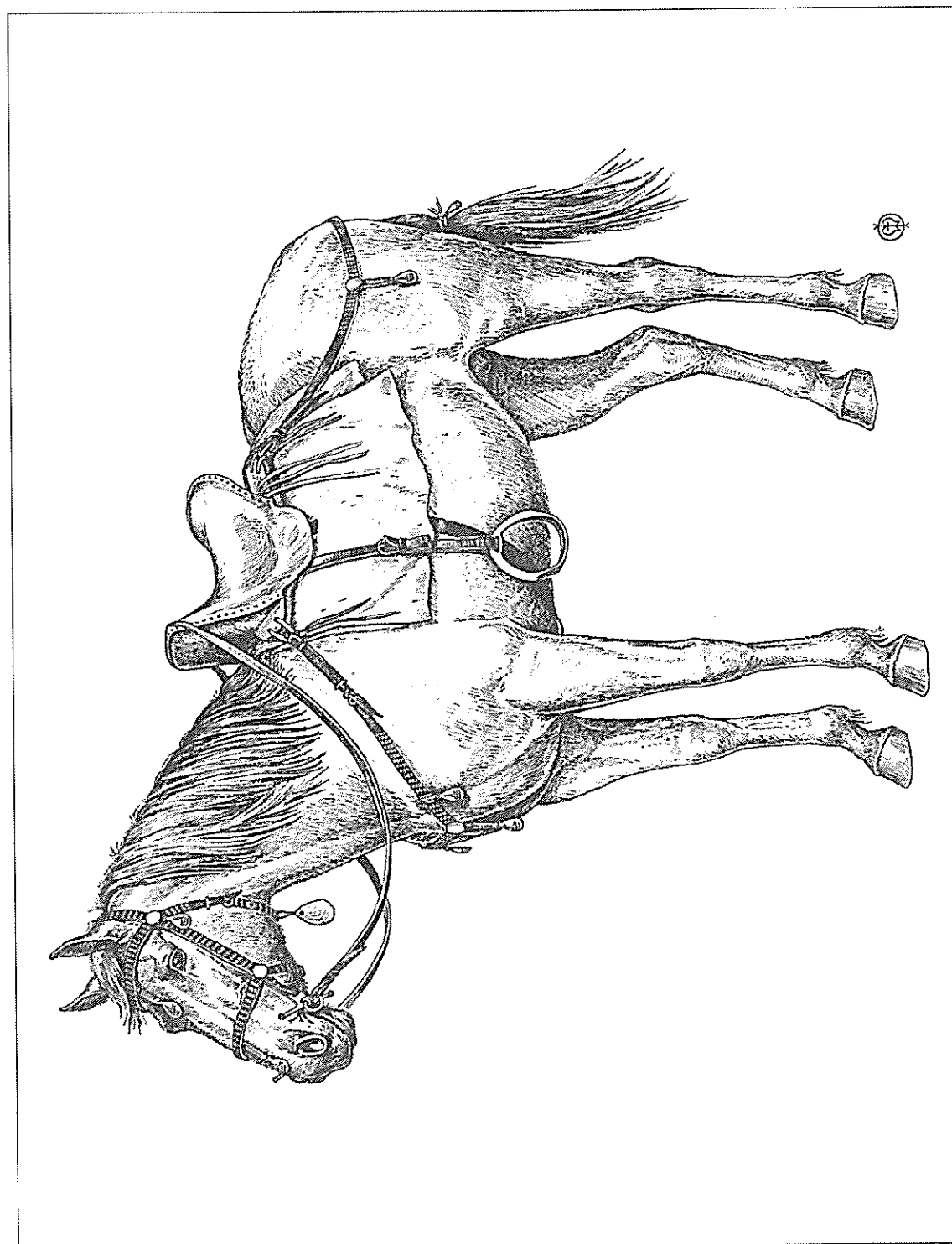

Рис. 53. Реконструкция убора коня из цемдолинского кургана 14. Автор реконструкции О.В. Федоров.

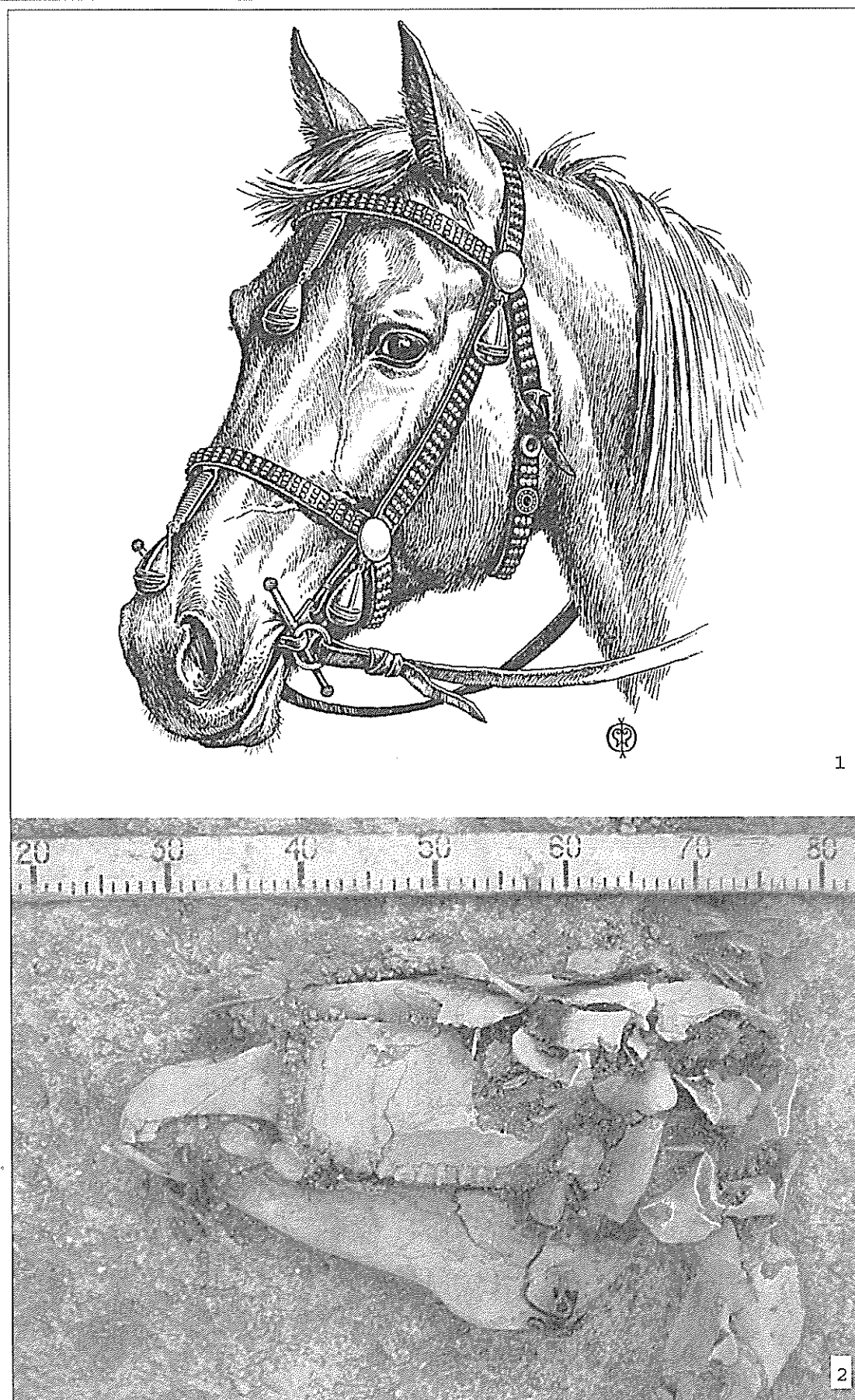

Рис. 54. Фотография остатков уздечки в погребении коня кургана 14 Цемдолинского могильника и ее реконструкция.
Автор реконструкции Олег Федоров.

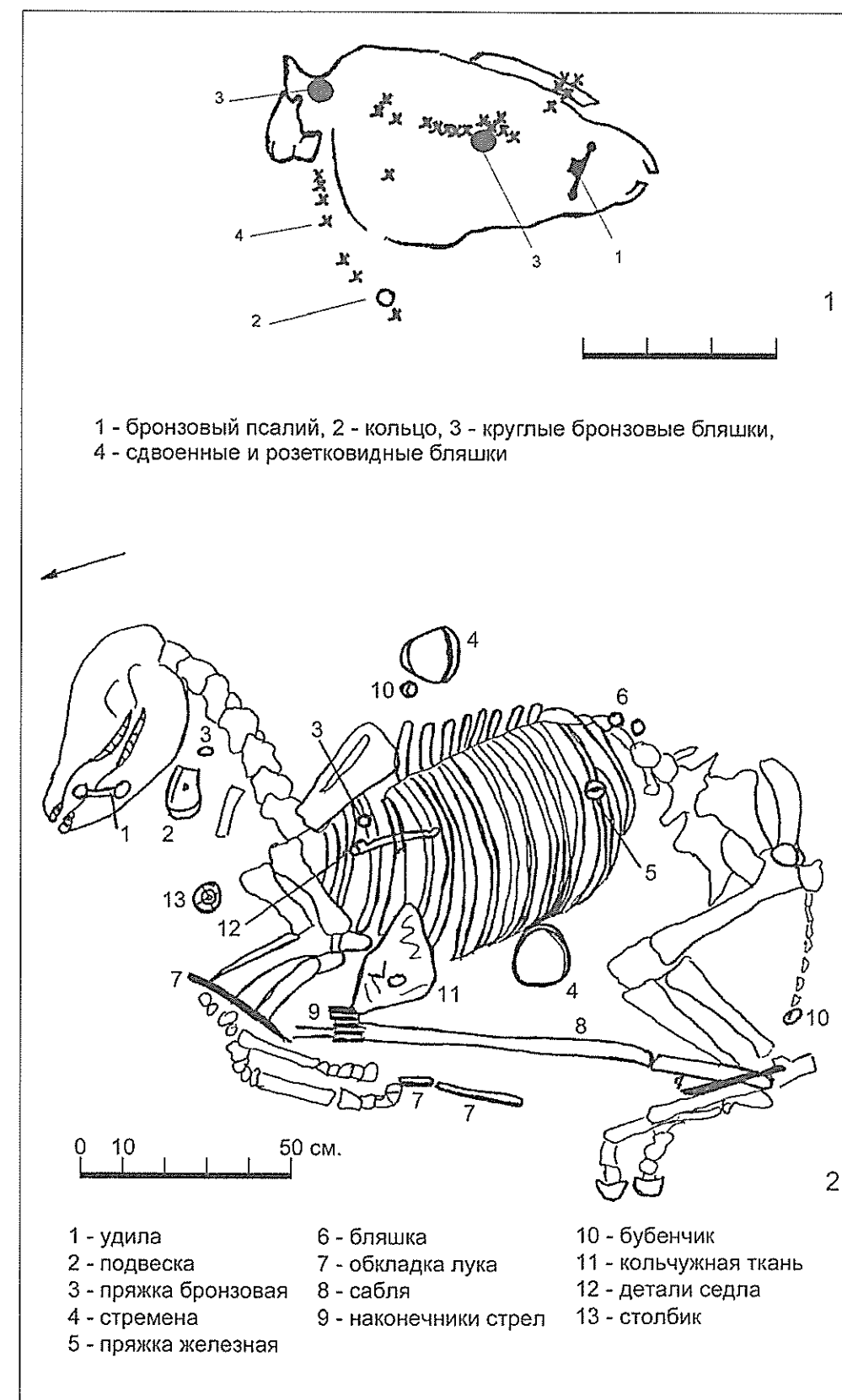

Рис. 55. Планы погребений:
1 - план остатков уздечки в цемдолинском погребении 33 (по Армарчук, Малышеву, 1997); 2 - план погребения коня 1 кургана 4 могильника Сапун (по Дмитриеву, 19856).

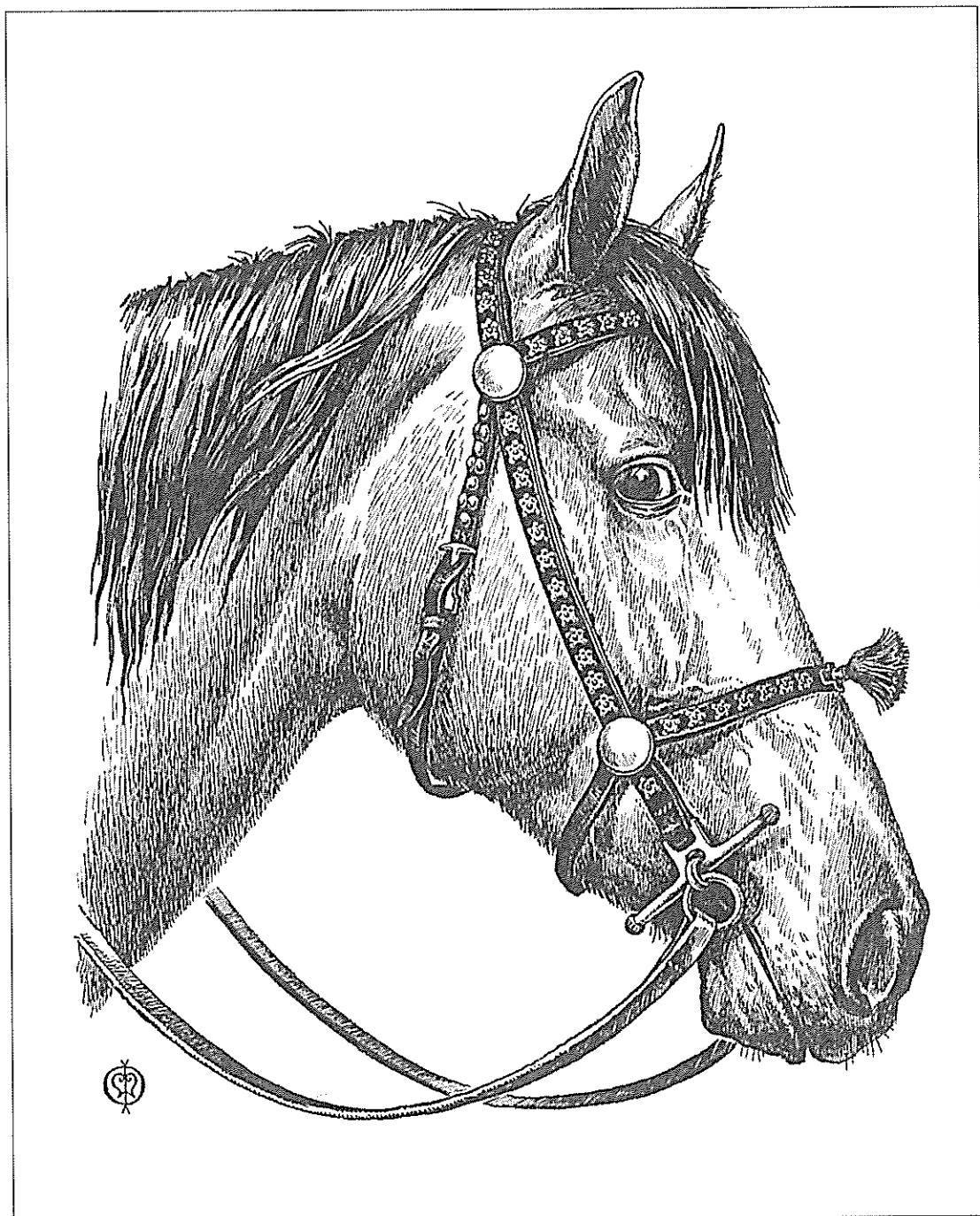

Рис. 56. Реконструкция украшенной уздечки из погребения 33 могильника Цемдолинский. В реконструкции использованы только те предметы, которые входили в археологический комплекс. Автор реконструкции О.В. Федоров.

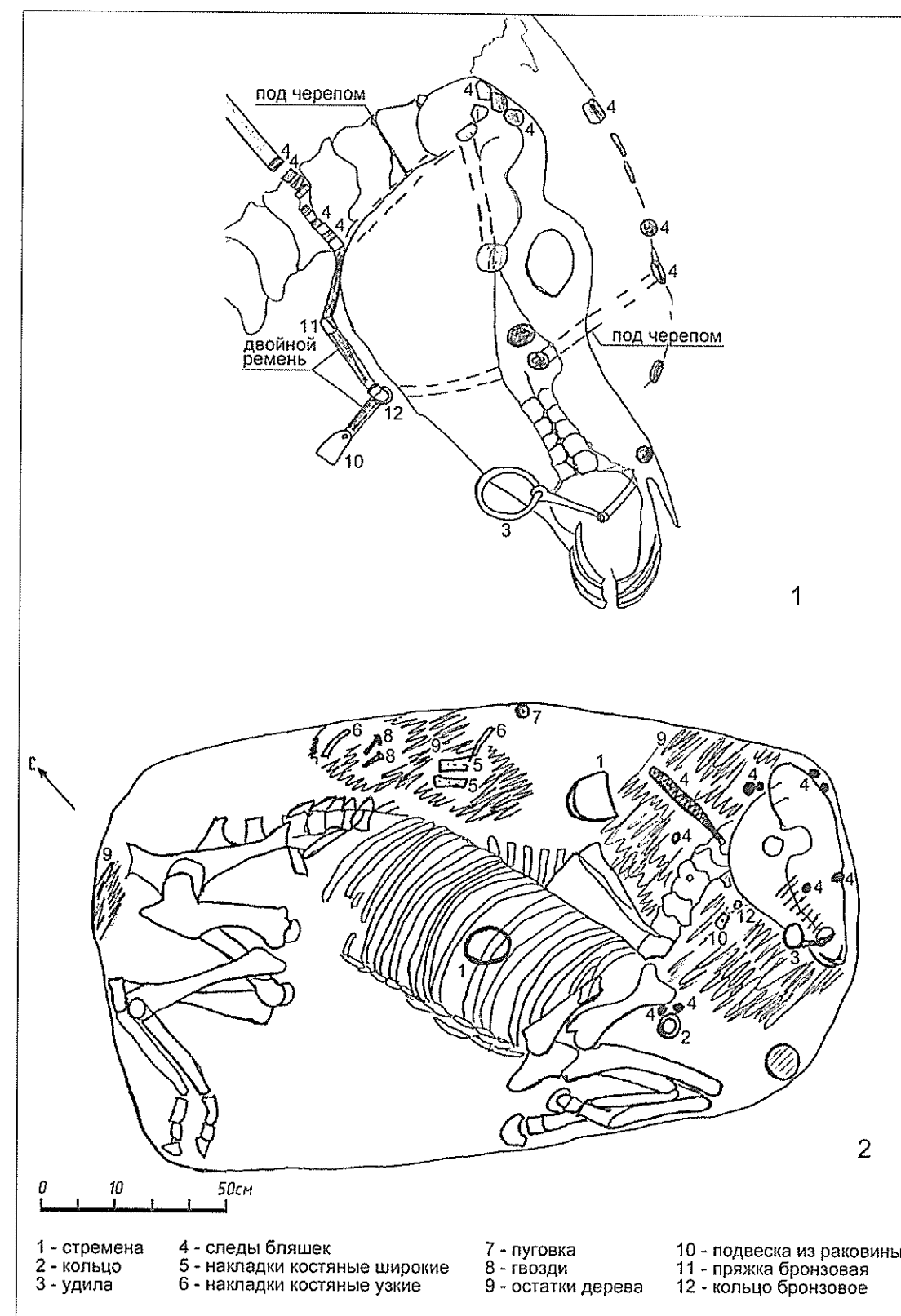

Рис. 57. План погребения коня в кургане 1 могильника у Раевского городища (по А.В. Дмитриеву, 1985а):
1 - план остатков уздечки; 2 - общий план погребения.

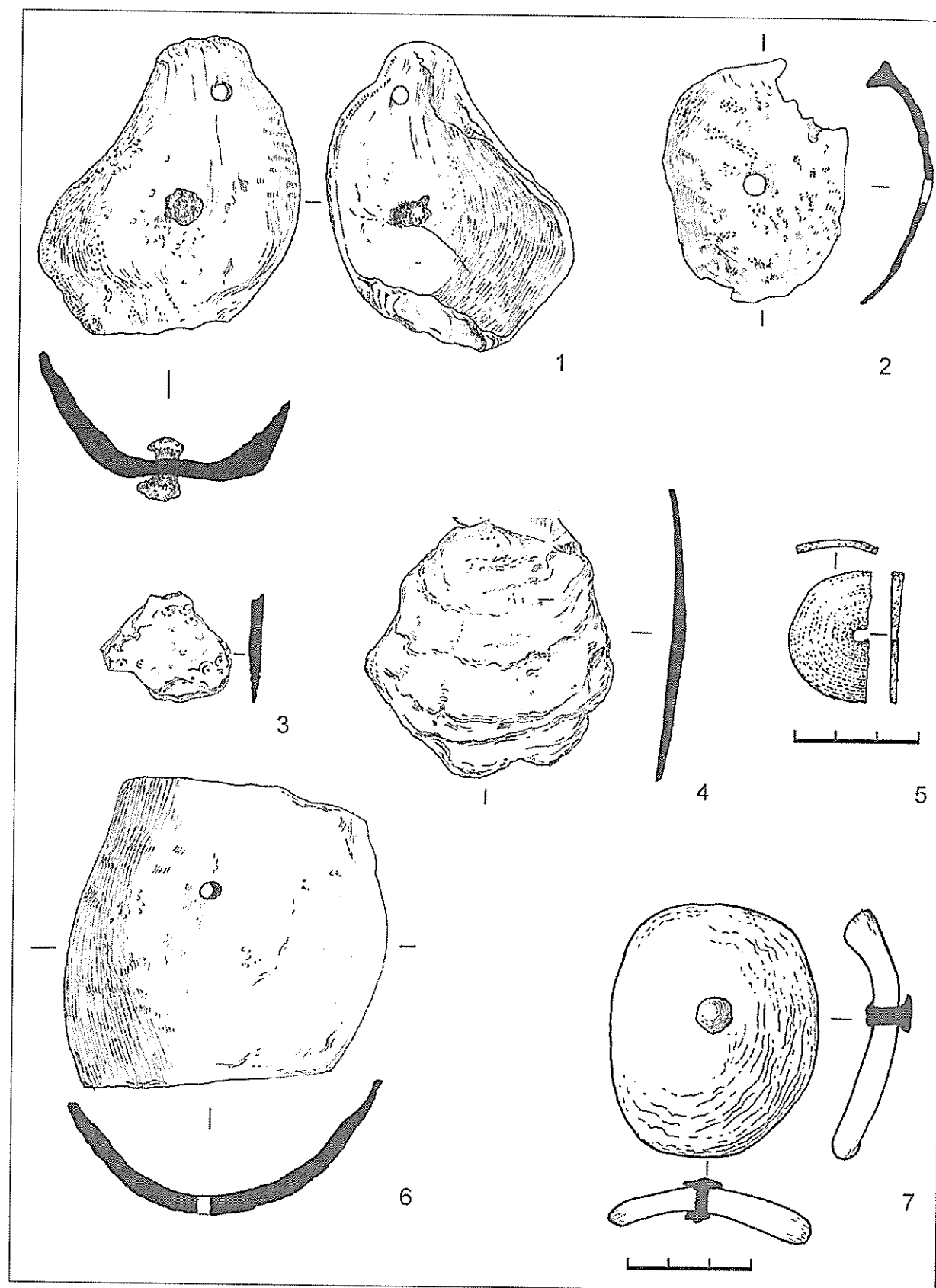

Рис. 58. Привески-раковины из конских погребений:
1 – погребение коня 1 кургана 1 могильника Чайка; 2 – погребение коня 2 кургана 1 там же; 3, 4 – погребение 1 могильника Потомственный; 5 – цемдолинский курган 9; 6 – погребение 1 в Архип-Осиповке; 7 – погребение коня 2 цемдолинского кургана 4.

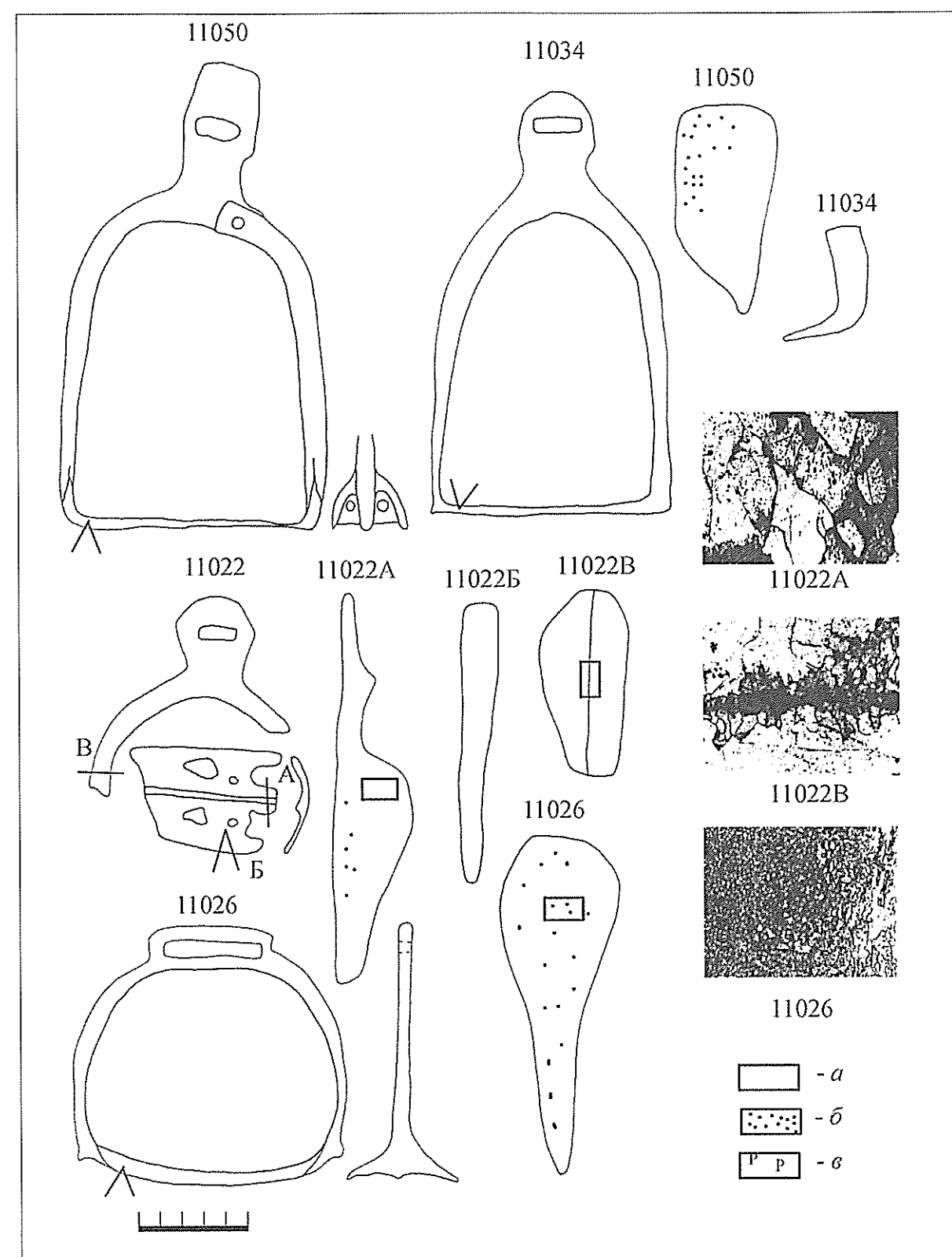

Рис. 59. Стремена отделов I и III, технологические схемы их изготовления и фотографии микроструктур.
Условные обозначения: а – железо, б – сталь, в – фосфористое железо. На схемах прямоугольниками показаны места фотографирования. Увеличение 150х. Травлено ниталем.

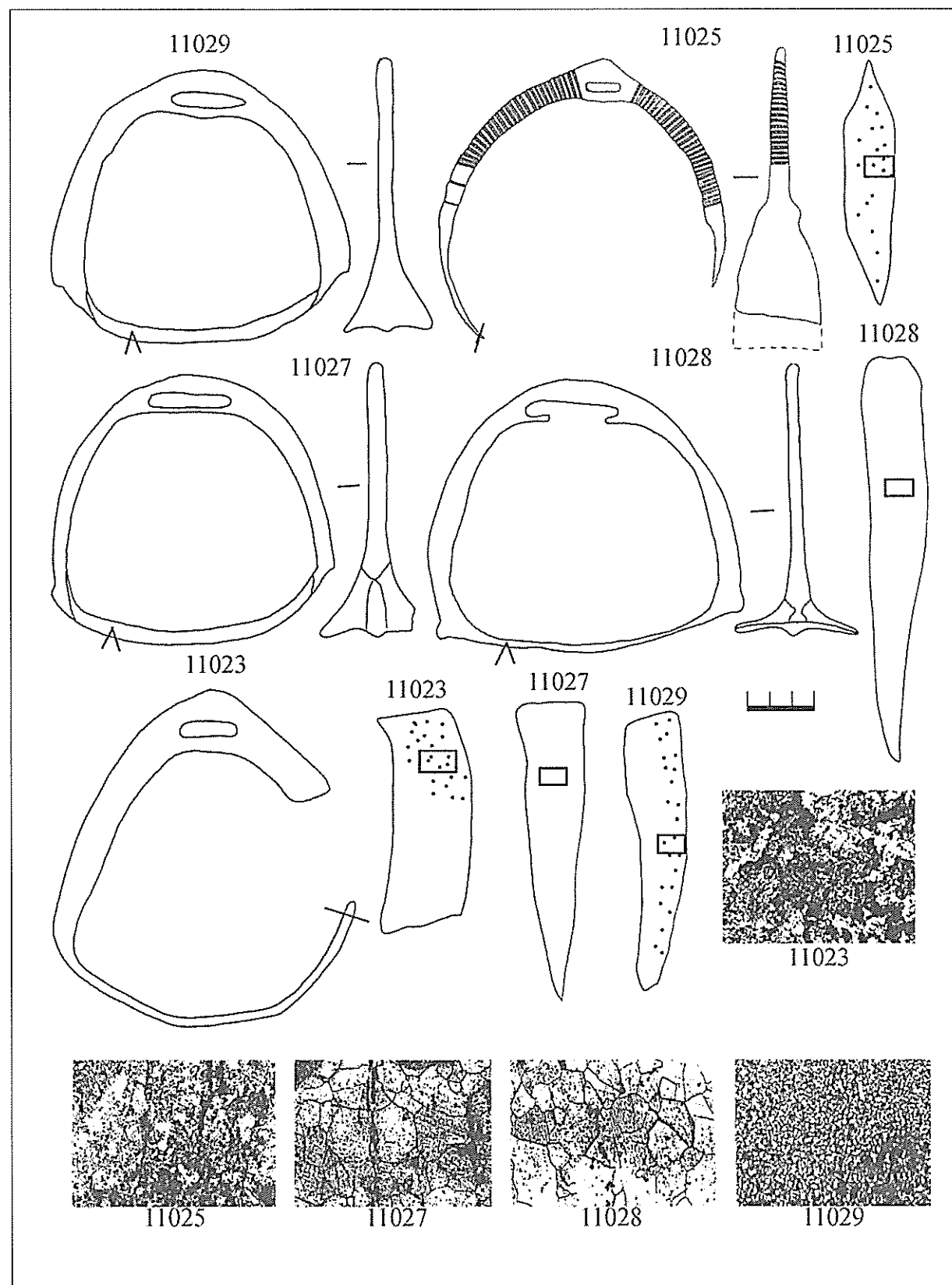

Рис. 60. Стремена отдела IV, технологические схемы их изготовления и фотографии микроструктур.
Условные обозначения см. на рис. 1. Увеличение ан. 11025, 11027, 11028, 11029 – 150х, 11023 – 450х.
Травлено ниталем.

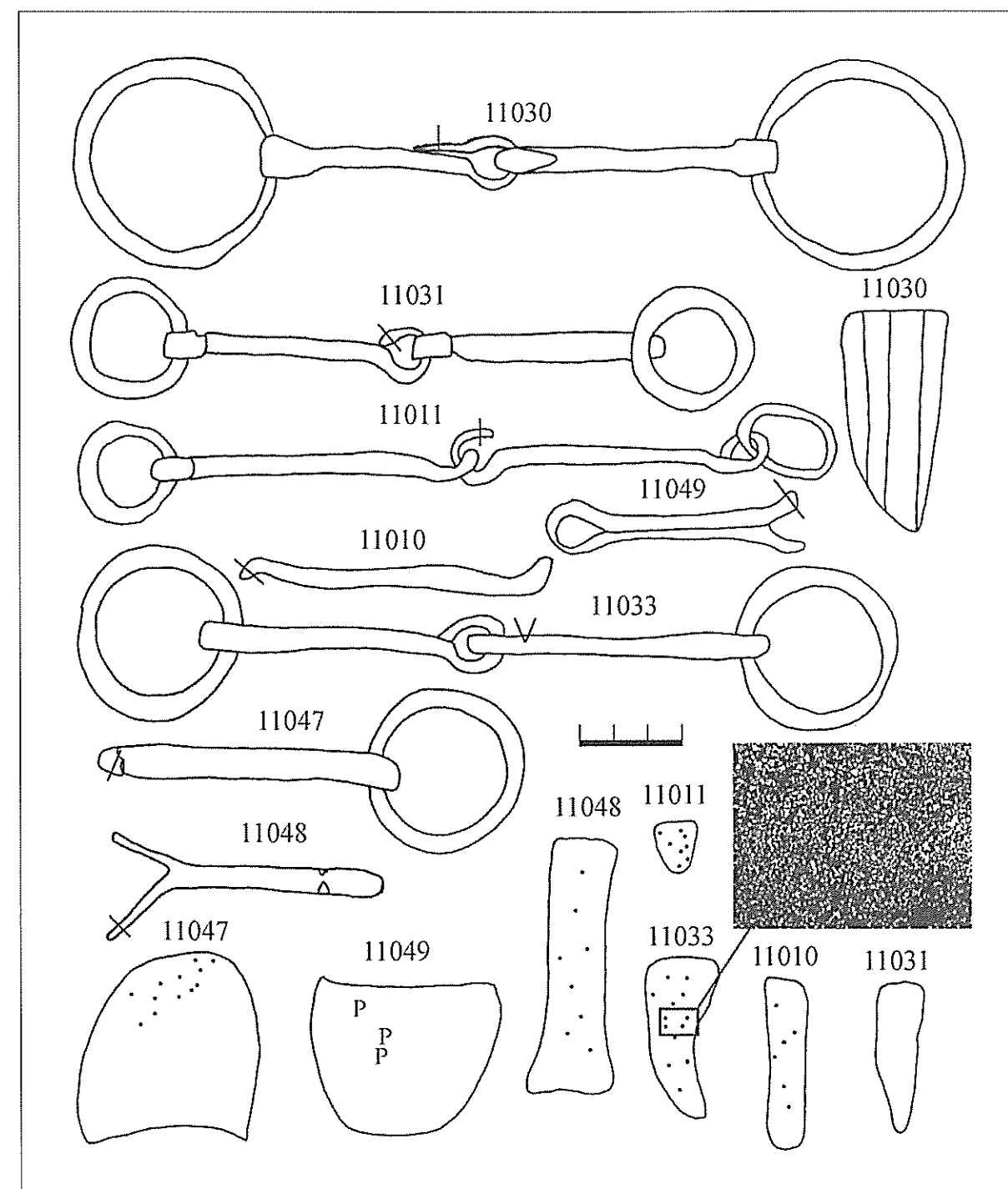

Рис. 61. Удила, технологические схемы изготовления и фотография микроструктуры.
Увеличение 150х. Травлено ниталем.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Краткий историографический обзор. Методы исследования 3

ГЛАВА 1

Характеристика источников, вопросы хронологии 7

    Источники 7

    Могильники 8

    Вопросы хронологии 11

ГЛАВА 2

Изделия из черного металла 14

    Стремена 14

    Седла 36

    Сбруйные пряжки 38

    Костяные цурки 39

    Удила 40

ГЛАВА 3

Изделия из цветных металлов и сплавов 57

    Бубенчики 58

    Ременная сбруйная гарнитура 62

    Бляхи и бляшки 62

    Составные украшения с подвесками-решмами 72

    Наносники для султанчиков 78

    Начельники 81

    Распределители 86

    Накладки-застежки 88

    Уздечные пряжки 90

    Сбруйные кольца 92

ГЛАВА 4

Конский убор 94

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 107

ПРИЛОЖЕНИЯ 110

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 151

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 163

ИЛЛЮСТРАЦИИ 164

Армарчук Екатерина Александровна
Конская упряжь из могильников
Северо-Восточного Причерноморья X–X III веков .

Научное издание

Редактор Н.Г.Кожушкова
Корректор Н.Г.Копылова
Верстка : С.В.Кожушков

Техническое редактирование, макетирование и издание ООО «ТАУС»

Подписано в печать 20.10.2006
Формат 60х90 1/8
Усл печ л. 28,4 Уч.-изд л. 31,1
Тираж 300 экз .

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм Ульянова, 19

Армарчук Екатерина Александровна - кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Российской академии наук. Занимается изучением истории и материальной культуры Северо-Восточного Причерноморья X-XIII вв. и средневековой археологией кочевников. По этой тематике ею написан ряд статей, в том числе историографический очерк "Степь Копьеносных Наездников - взгляд из XX века" для журнала "Татарская археология" (№ 1-2, 2000). Является одним из авторов тома "Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века" обобщающей серии "Археология" (М., 2003).

Книга о конской упряжи - первая монография автора, подводящая итог изучению одного из видов всаднического снаряжения в эпоху дружинных культур и раннегосударственных образований.

